Є 72/178
Т. 1

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

И

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Н. А. ЛЕЙКИНА.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА.

1) Апраксинцы.—2) Кусокъ хлѣба.—3) Ямская въ будни и въ праздникъ.—4) Крестины въ Ямской.—5) Похороны.—6) Сивая борода за галстукомъ.—7) Театроманія.—8) Критика.—9) Дружественная Лотерея.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1871.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

И

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Н. А. ЛЕЙКИНА.

8140-34 ИД

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА.

1) Апраксинцы.—2) Кусокъ хлѣба.—3) Ямская въ будни и въ праздникъ.—4) Крестины въ Ямской.—5) Похороны.—6) Сивая борода за галстукомъ.—7) Театроманія.—8) Критика.—9) Дружественная Лотерея.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И.ЛЕНИНА

6087-0

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1871.

Типографія А. Каспари. (Разъѣзжая ул. д. № 23).

2007084329

БИБЛІОТЕКА

АПРАКСИНЦЫ.

СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ.

I.

То торговое мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ еще и понынѣ процвѣтаютъ слова: *сначить*, *клево*, *керый*, *вершать* и тому подобные термины изъ языка россійскихъ офеней, издавна называется „Апраксинымъ дворомъ“ или „Апраксинымъ“.

Кто изъ васъ, петербургскіе читатели, не знаетъ этого злачнаго мѣста? Кто изъ васъ не имѣлъ нужды прогуливаться по лабиринту его сбивчивыхъ линій и проходовъ?

Захочетъ-ли воспитанникъ пріобрѣсть себѣ подержанный учебникъ, понадобится-ли кому подобрать къ замку ключъ, къ чайнику крышку, пожелаетъ-ли какой-нибудь любитель старыхъ книгъ пріобрѣсть „Письмовникъ“ Курганова и тому подобное старье— всѣ бѣгутъ на Апраксинъ. Ѣдетъ мужикъ въ деревню—обновы закупаетъ на Апраксиномъ; понадобилось экономной барынѣ матеріи на платье, стали на кринолинъ, или чего-бы то ни вздумалось—деньги въ карманъ, и—на Апраксинъ. Хочетъ-ли обмундироваться солдатъ, вышедшій въ офицеры—и онъ себѣ найдетъ тамъ нужное; захотѣлось-ли промотавшемуся мастеровому усладить свою жизнь извѣстною спиртуозною жидкостью—тащитъ

какой ни на есть скарбъ, продаетъ на толкучкѣ и пропиваетъ вырученныя деньги. Низшій классъ увѣряетъ, что безъ Апраксина онъ и существовать не можетъ, а библіофилы и библіоманы отъ него просто въ восторгѣ; нерѣдко слышишь разсказы, что они пріобрѣли тамъ такія сокровища въ видѣ книгъ, которыя потомъ цѣпили на вѣсъ золота. Исполосуйте вы Апраксинъ вдоль и поперегъ — чего-чего вы тамъ не увидите, что тамъ не продается и что не покупается! Нѣкоторые тамошніе остряки говорятъ, что „на Апраксинъ что хошь принеси, все купятъ; отца съ матерью—и того купятъ". И въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь хорошенько, чего-чего тамъ нѣтъ! Мужское и женское платье всѣхъ модъ, начиная чуть-ли не отъ Екатерины II; книги, портреты, золоченыя рамы, солдатскія пуговицы, пироги съ семгой, шелковыя ткани, посуда, кислыя щи... ну все, все, кромѣ вина и водки. Да и то есть: выдьте только изъ лабиринта закоулковъ и вы увидите на дворѣ краснаго цвѣта фтигелекъ, гдѣ помѣщается погребокъ, трактиръ и полицейское управленіе.

Говорятъ, что владѣтелю Апраксинъ такъ выгоденъ, что онъ не промѣняетъ его ни на какіе золотые пріиски, да и не мудрено вѣрить, ежели принять въ соображеніе цѣны на лавки. За наемъ лавки, построенной на трехъ или четырехъ квадратныхъ аршинахъ земли, платятъ по шестисотъ рублей въ годъ, а иногда и болѣе; прибавьте ко всѣмъ этимъ удобствамъ то, что ни одна страховая контора ни за какіе проценты не беретъ на страхъ товаръ (*), и удовольствіе торговцамъ лѣтомъ стоять на сквозномъ вѣтрѣ, а зимою мерзнуть на дватцати-пяти-градусномъ морозѣ.

Но читателю можетъ-быть покажется страннымъ, отчего тор-

(*) До пожара 28 мая 1862 г. страховыя конторы принимали на страхъ товары только въ лицевыхъ каменныхъ флигеляхъ.

товцы, во избѣжаніе этихъ неудобствъ, не сговорятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, не выпросятъ у правительства мѣста и не построятъ болѣе удобныхъ и теплыхъ лавокъ. На это мы васъ попросимъ поговорить съ любымъ апраксинцемъ. Вотъ что онъ вамъ на это отвѣтитъ:

— Помилуйте, какъ можно-съ! Здѣсь мѣсто насиженное. Переселись-ка куда-нибудь, такъ покупателя-то и въ глаза не увидишь,—съ голоду помрешь.

— Пустяки! отвѣтите вы на это:—пусть соединятся болѣе сильные торговцы, къ нимъ присоединятся маленькіе торговцы и образуется нѣчто цѣлое, отдѣльный рынокъ; да и владѣлецъ-то увидя, что его мѣстомъ не дорожатъ, сбавитъ цѣны найма лавокъ.

— Что вы, зачѣмъ ему сбавлять! Да сойди-ка кто съ мѣста, такъ на его мѣсто десятки найдутся. Развѣ мало здѣс прикащиковъ, которые желаютъ сами торговать! Они и теперь то шнырятъ да нюхаютъ, не сдается-ли гдѣ лавка; по тысячі рублей выходу даютъ, сами на наемъ надбавляютъ, только-бы лавка досталась. Нѣтъ, ужъ здѣсь мѣсто насиженное! У нас есть такіе люди, которые выстроятъ на землѣ владѣльца лавки платятъ ему поземельные и отдаютъ въ наймы отъ себя. Капиталы наживаютъ,—вотъ какъ выгодно!

Всѣхъ торгующихъ на Апраксиномъ можно раздѣлить н три касты: на патриціевъ, плебеевъ и пролетаріевъ. Къ числ первыхъ относятся хозяева, ко вторымъ—молодцы, то-есть при кащики, и наконецъ къ третьимъ—продающіе и перекупающ разный хламъ и ветошь, а иногда занимающіеся, какъ выра жаются молодцы, „карманною выгрузкою“. Люди эти не имѣют осѣдлости, цѣлый день шныряютъ по линіямъ и обращаются к проходящимъ съ слѣдующими вопросами: „Не продаете-ли чег Кавалеръ! кажи, что несешь? Почемъ голенищи?“

Патриціи, то-есть хозяева—вольныя птицы; они пользуются всѣми удобствами жизни, но плебеи-молодцы — въ совершенной зависимости отъ хозяевъ; занятые круглый годъ, лѣтомъ съ восьми часовъ утра и до девяти вечера, а зимою съ девяти утра до пяти, они совершенно не имѣютъ воли и не смѣютъ сдѣлать шагу безъ спроса хозяина, не смѣютъ провести ни одной идеи, и по понятію хозяевъ, суть ничто иное, какъ машины или ломовыя лошади. Пролетаріи въ дѣлѣ свободы гораздо счастливѣе ихъ; по крайней мѣрѣ тѣ могутъ сказать: „я самъ себѣ господинъ".

Кромѣ трехъ дней въ году, на Апраксиномъ круглый годъ производится торговля. Эти завѣтные три дня: первый день Пасхи, Троица и Рождество. Только въ эти дни вы можете увидать запертыя лавки и затянутыя веревкой линіи.

Впрочемъ, кромѣ этихъ трехъ дней, есть еще дни, когда апраксинцы торгуютъ только до обѣда, то-есть только до двѣнадцати часовъ, а именно: въ *прощеное* воскресенье, на масляной и въ Фомино воскресенье,—первое послѣ Пасхи, когда учиняется разсчетъ прикащиковъ съ хозяевами.

Аптекарскіе прикащики, фельдшера въ больницахъ, наконецъ извозчики, лакеи, горничныя—и тѣ чередуются между собою и гуляютъ въ праздники; мы не говоримъ уже о мастеровыхъ и поденьщикахъ. Въ воскресенье, послѣ шести-дневнаго труда, всѣ отдыхаютъ, всѣ стараются выдвинуть этотъ день изъ колеи другихъ дней и отличить его хоть какими-нибудь прихотями и удовольствіями, но бѣдные апраксинскіе молодцы не испытываютъ этого удовольствія: они не знаютъ наслажденіе воскреснаго отдыха послѣ шести-дневнаго труда. Они не могутъ сказать, что, отдохнувъ въ воскресенье, принимаются въ понедѣльникъ за дѣло съ новыми силами.

Почти всѣ апраксинцы живутъ въ Московской части и Апрак-

синомъ переулкѣ; очень немногіе въ другихъ частяхъ города. Подите вы въ девятомъ часу утра по Чернышеву переулку—и вы встрѣтите сотни бѣгущихъ къ мѣсту торжища молодцовъ, размахивающихъ руками и надѣляющихъ толчками прохожихъ. Когда вамъ, любезный читатель, случится проходить по Чернышеву переулку, то, завидя бѣгущихъ молодцовъ, сходите съ тротуара: иначе они надѣлятъ васъ такими толчками, что вы невольно уступите имъ мѣсто.

Вторая половина декабря. Девятый часъ утра. На улицѣ еще очень сѣро, что-то такое между ночью и днемъ. Зѣвая, ѣдутъ на промыселъ извозчики и изрѣдка перекидываются между собою словцомъ. „Вишь утро-то какое морозное!“ замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, ударяя озябнувшей рукой въ желтой рукавицѣ по облучку. Понуря головы, тихо выступаютъ ихъ лошади; заиндевѣвшія морды ихъ кажутся какъ-бы обросшими сѣдыми бородами. На дворѣ до двадцати градусовъ морозу. Почти изъ каждой трубы струится дымъ; отъ холоду онъ не разсѣевается въ воздухѣ, а какимъ-то облакомъ ложится надъ домами. Дѣло близко къ празднику—Рождество на дворѣ; къ этому дню въ Петербургъ привозится огромное количество съѣстныхъ припасовъ. Вотъ и теперь тащатся розвальни съ гусями, индѣйками, курами; вонъ изъ-подъ рогожи выглядываетъ окаменѣлая отъ морозу голова барана. У сливочныхъ и зеленныхъ лавокъ выставили уже елки; черезъ четыре дня эти елки внесутся въ теплыя комнаты, украсятся конфектами и уставятся зажженными свѣчами. Всѣ радуются приближающемуся празднику, даже и молодцы: и у нихъ этотъ день будетъ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку. „Вотъ, думаютъ они, выступая къ мѣсту торжища:—пройдемъ еще четыре раза взадъ и впередъ по этой дорожкѣ—и праздникъ наступитъ.“ Смотрите, какъ спѣшатъ они, идя по Чернышеву переулку, какъ размахиваютъ руками! Воротники ихъ

подпоясанныхъ кушаками шубъ успѣли уже покрыться инеемъ. Впереди всѣхъ выступаетъ въ енотовой шубѣ и котиковой фуражкѣ бородатый старшій молодецъ; въ карманѣ у него ключи отъ лавки. Въ его походкѣ есть нѣчто важное, отдѣльное, непохожее на походку другихъ молодцовъ; даже и физіономія его какая-то хозяйская. Смотрите, у него на примѣтѣ, непремѣнно, есть лавка; послѣ Пасхи онъ возьметъ разсчетъ у хозяина и будетъ самъ хозяйствовать. Сзади его выступаютъ младшіе молодцы въ бараньихъ, лисьихъ и заячьихъ шубахъ. „Смотри, карандашъ потерялъ!“ поддразниваетъ одинъ изъ нихъ попавшагося имъ на дорогѣ школьника. „Отчего это у него колѣнки протерты?“ спрашиваетъ другой. Школьникъ отпускаетъ нѣсколько ругательствъ и идетъ далѣе. За молодцами бѣгутъ съ какими-то мѣшками три мальчика. Одинъ оторвалъ отъ водосточной трубы сосульку: ему очень хочется швырнуть ею въ пробѣгающую мимо собаку, но онъ боится зоркаго молодца, — оттреплетъ на мѣстѣ преступленія. Вотъ уже они и на мѣстѣ, подходятъ къ лавкѣ, крестятся, сторожа снимаютъ шапки, кланяются; вездѣ щелкаютъ запоры, звенятъ ключи.

Декабрь мѣсяцъ, а въ особенности за нѣсколько дней до праздника—время торговое, *боевое*, какъ выражаются апраксинцы, покупатель все денежный: кто идетъ купить себѣ обновку къ празднику, кто подарки для прислуги, а кто и самъ несетъ продать какое-нибудь лѣтнее платье, чтобъ было бы съ чѣмъ встрѣтить праздникъ. И это тоже не безвыгодно для апраксинцевъ; обыкновенно вещи эти пріобрѣтаются за безцѣнокъ. Еще денька два-три — и по Апраксину запестрѣютъ цвѣтные околышки фуражекъ. Чиновники получатъ награды и бросятся покупать себѣ и своимъ дорогимъ половинамъ обновы. Тогда только припасай торговцы ситцу, сапоговъ, башмаковъ и тому подобныхъ вещей,

безъ чего не можетъ обойтись ни одна проза жизни. Въ это время чиновники бываютъ чрезвычайно любезны.

— Ну что, какъ торгуете? спрашиваютъ они молодца, платя ему за товаръ новенькими кредитными билетами.

— Ничего-съ, теперь хорошо. Новенькіе... съ молоточка! замѣчаетъ тотъ, принимая бумажки.

— Подъ номеръ! сейчасъ только получилъ,—и чиновникъ съ важностью ударяетъ по тощей пачкѣ бумажекъ.

Въ эту минуту онъ счастливъ; онъ испытываетъ въ рукѣ пріятную тяжесть въ видѣ двадцати, тридцати рублей. Вы, господа богачи, вы не поймете его счастія!

Вотъ теперь, только-что отворили лавку, не успѣли еще мальчики и половъ вымести, какъ уже и покупатели зашныряли по рядамъ. Первой покупательницей была какая-то старуха въ истасканномъ салопѣ и изломанной шляпкѣ. Шляпка эта потому только могла носить такое наименованіе, что была надѣта на голову. Старуха желала прикупить по образчику аршинъ ситцу.

— Ну, для почину *старопլендія* ввалилась! проговорилъ одинъ молодецъ.—*Отначь!* крикнулъ онъ другому молодцу, которому старуха показала образчикъ. И молодецъ отначилъ, то-есть отказалъ старухѣ. Та не поняла этого техническаго выраженія и поплелась далѣе.

Вотъ уже и одиннадцатый часъ. Молодцы послали мальчика въ трактиръ заварить чай. На Апраксиномъ пьютъ чай по четыре и по пяти разъ въ день, а у тароватыхъ хозяевъ и болѣе. Въ какое угодно время пройдите вы по рядамъ—навѣрно увидите молодцовъ, пьющихъ чай. Пьютъ обыкновенно въ прикуску или, какъ называютъ туземцы, *съ угрызеніемъ*. На Апраксиномъ есть легенда про одного скупаго хозяина, который поилъ молодцовъ чаемъ, и изъ экономіи, чтобъ они не съѣдали слишкомъ много сахару, не давалъ имъ его въ руки, а привѣшивалъ на нит-

кѣ къ потолку. Когда они пили, то, желая усладиться, могли подходить и лизать этотъ кусокъ.

Но какъ ни грѣлись молодцы чаемъ, а согрѣться не могли: русскій морозъ взялъ свое. Вотъ стоятъ они на порогахъ, отъ холода постукиваютъ ногами, помахиваютъ руками и громко зазываютъ покупателей, перечисляя всѣ имѣющіеся у нихъ товары.

По ряду идетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка изъ моднаго магазина, подобрать *подъ* образчикъ кусокъ лентъ.

— Пожалуйте, здѣсь покупали! говоритъ довольно красивый молодецъ, занятый закручиваніемъ лѣваго уса.—Иванъ, что ротъ-то разинулъ? Пусти пройти старушку! остритъ онъ.

Дѣвушка опускаетъ глазки и проходитъ.

— Славная *штучка!* замѣчаетъ усатый молодецъ.

— Готовое платье, сертуки, жилетки модныя, фуражки, шапки бобровыя! Здѣсь покупали, купецъ!—слова эти относятся къ одѣтому въ тулупъ мужику. Услыша такое лестное для себя наименованіе и имѣя нужду въ покупкѣ, онъ нейдетъ далѣе, а заходитъ въ лавку.

Вообще, зазывая покупателя мужика, его именуютъ купцомъ солдата—кавалеромъ, мастероваго—хозяиномъ, деревенскую бабу—теткой, молоденькую горничную—умницей; всѣхъ же имѣющихъ счастіе носить шляпку—сударыней, а офицеровъ и даже чиновниковъ, ежели на фуражкѣ ихъ красуется кокарда—вашимъ благородіемъ; когда же эти личности зайдутъ въ лавку и купятъ чего-нибудь не торговавшись, то, прощаясь съ ними, ихъ навѣрное назовутъ вашимъ превосходительствомъ.

Но войдемте, читатель, въ какую-нибудь лавку. Вотъ вывѣска гласитъ, что это лавка купца Калистрата Берендѣева; на ней изображены съ одной стороны сапогъ, съ другой башмакъ, и посрединѣ надпись: „продажа сит. ват. сап. баш. и

другихъ суровскихъ товаровъ". У входа на порогѣ стоитъ огромная корзина съ ватой и двое мальчишекъ, съ ногъ до головы замаранные ею, отчего они кажутся какъ-бы сейчасъ обсыпанными снѣгомъ. У прилавка стоитъ баба въ ситцевомъ, на заячьемъ мѣху, шугаѣ. Молодецъ отмѣриваетъ ей на деревянный аршинъ калинкоръ; желѣзный аршинъ лежитъ поодаль.

— Да ты бы, косатикъ, на желѣзный мѣрилъ.

— Да нешто тебѣ не все равно, тетка? На этотъ мѣрить-то способнѣе. Вишь тотъ такъ накалился морозомъ, что его и въ руки не возьмешь.

— Да уважь меня, миленькій!

— Чего уважать-то, тетка! Ужъ такую цѣну беремъ. На желѣзный будетъ дороже стоить.

— Да ужъ мѣрій, мѣрій, что съ тобой! Мнѣ-бы еще вотъ ситчику на рубашку для паренька нужно.

— Изволь, есть, что ни на есть важнецъ! Манеръ хорошій... Генеральша вчера для сыновей брала.

— Мнѣ-бы, знаешь, эдакой манерецъ: собачками, али вавилонцами.

— Да нынче такихъ не носятъ, все травками. Вотъ возьми, — лихой манеръ! И краска прочная: въ трехъ щелокахъ стирай, не слиняетъ.

На стулѣ сидитъ дама въ капорѣ и примѣриваетъ калоши; она изрыла цѣлый ворохъ обуви, но ничто ей не нравится.

— Малы мнѣ эти калоши, говоритъ она.

— Помилуйте! возражаетъ ей на это молодецъ, для большей учтивости какъ-то проглатывая слова: — разносятся, только до первой сырости. А то не угодно-ли вотъ эти примѣрить? Всего за каблуки и застежки полтина дороже.

— Велики! отвѣчаетъ дама, чуть не брося калоши.

— Извѣстно, кожа новая; носить будете — обтянется, сядетъ, да и носить свободнѣе.

Но какъ ни увѣрялъ молодецъ, что велики, такъ сядутъ, а малы, такъ разносятся,—дама не купила ничего, а надѣвъ свои старыя сандаліи, вышла изъ лавки.

— Вишь, шлюха, нарыла сколько! прошепталъ молодецъ, принимаясь убирать товаръ, и послѣ крикнулъ: — съ собой-ли деньги-то?

— Что что ты сказалъ, мерзавецъ? Повтори! завопила дама. — Ахъ скотина! ахъ ты мужикъ, невѣжа! Да знаешь-ли, кому это ты сказалъ? Я чиновница! У моего мужа двадцать подчиненныхъ... Да ежели я ему на тебя, мерзавца, пожалуюсь, такъ онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ. Въ тюрьмѣ сгніешь. Дай мнѣ сейчасъ номеръ отъ твоей лавки!

— У насъ такихъ не водится.

— Не водится... грабители! Все равно, я знаю твою лавку. Я тебѣ покажу, мерзавецъ!

— А ну-ка покажи! крикнулъ кто-то съ порога, но разгнѣванная дама уже не слыхала этихъ словъ и вошла въ лавку напротивъ.

Вонъ въ лавкѣ готоваго платья купца Харламова нѣтъ ни одного покупателя. Молодцы — кто пьетъ чай, а кто грѣется, помахивая руками и выбивая ногами мелкую дробь. Холодно. Морозъ такъ и кусаетъ носы; даже лавочный котъ озябъ, стоитъ и трясетъ лапкой. Звонко, какъ валдайскіе колокольчики, кричатъ мальчишки на порогѣ, зазывая покупателей.

— *Самъ* идетъ! крикнулъ одинъ изъ мальчиковъ, завидя хозяина.

Эти слова произвели магическое дѣйствіе: одинъ прикащикъ чуть не захлебнулся чаемъ и только къ счастію, что отдѣлался обжогомъ. Всѣ бросились за прилавокъ и выстроились какъ сол-

даты передъ командиромъ, а обжогшійся молодецъ снялъ съ полки кусокъ матеріи и, неизвѣстно для какой цѣли, началъ его раскатывать. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени въ лавку вошла толстая фигура *самого*, то-есть хозяина, въ енотовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и въ котиковой фуражкѣ.

Вошедши въ лавку, Харламовъ помолился образу, вынулъ клѣтчатый синій платокъ, освободилъ имъ свою бороду отъ сосулекъ и вытеръ свою клюкву, то-есть, виноватъ!—носъ. Клюквою прозвали этотъ носъ апраксинцы за его красносизый цвѣтъ; собственно же онъ ничего не имѣлъ общаго съ клюквой, а скорѣе походилъ на кусокъ дикаго мяса. Вытерши свой носъ, Харламовъ вышелъ на порогъ поглаживать свой животъ.

— Степану Иванычу! привѣтствовалъ его купецъ Блюдечкинъ съ порога своей лавки.

— Ивану Григорьичу почтеніе!.. отвѣчалъ Харламовъ, не приподнимая фуражки, и повернувшись, снова вошелъ въ лавку.

— Продавали сегодня? спросилъ онъ молодцовъ.

— По-малости, отвѣчали тѣ: — два тулупа, сертукъ да брюки...

— Только даромъ хлѣбъ ѣдите! Никакого знакомства съ покупателемъ завести не можете. Только одно на умѣ, какъ-бы брюхо набить!—И онъ началъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Ну, разлаялся!... сердитъ. Вѣрно *сама* водки не дала,—замѣтилъ молодецъ.

— Здравствуйте, господа! извините, здравствуйте! проговорилъ скороговоркой вбѣжавшій въ лавку Блюдечкинъ.

Блюдечкинъ былъ совершенная противоположность Харламову: тоненькая, невысокая фигура съ клинистою рыженькою бородкою и плутоватыми сѣренькими глазками. Фигуркѣ этой было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Она обладала двумя торговыми заведеніями

на Апраксиномъ, имѣла до десятка лавокъ, которыя отдавала въ наемъ, пользовалась у торговцевъ неограниченнымъ кредитомъ и слыла за богача. Разговаривая, Блюдечкинъ вмѣшивалъ двѣ поговорки: „извините“ и „не обидьтесь.“

— Степанъ Иванычъ здѣсь?

— Наверху-съ.

Блюдечкинъ подошелъ къ лѣстницѣ.

— Купецъ Харламовъ! извини, не обидься: нутро пополоскать хочешь? Извини, больно холодно.

— Пожалуй; да у меня въ лавкѣ есть чай.

— Ничего, въ теплѣ побалуемся. Ну сходи, купецъ!

Заскрипѣла лѣстница и Харламовъ сошелъ внизъ.

— Я съ Иваномъ Григорьичемъ въ трактиръ пойду. Кто меня спроситъ, такъ дошлите парнишку, — сказалъ онъ молодцамъ.

Это полосканіе брюха и баловство въ теплѣ очень не любятъ сожительницы апраксинцевъ. „То и дѣло, говорятъ онѣ, — что брюхо полощатъ. Напьются вѣдь дома чаю, въ лавку идучи, — такъ нѣтъ: только пришли въ лавку, — въ трактиръ! Выходятъ изъ трактира, попадается пріятель — снова въ трактиръ. Дѣло-ли какое обдѣлать — въ трактиръ. Разъ по десяти сходятъ. Да это-бы еще ничего, коли однимъ чаемъ полоскаются, а то винища налопаются!“

— Ну что, купецъ, какъ торжишь, наживаешь? спросилъ Иванъ Григорьичъ Степана Иваныча, когда они шли полоскать нутро.

— Какое наживаемъ! Хоть бы на хлѣбъ-то выручить Молодцы, бѣсъ ихъ знаетъ, только стоятъ да глазами хлопаютъ. Ужъ я-ли имъ не говорю: ежели, говорю, покупатель маломальски цѣну даетъ подходящую — не отпускай изъ лавки, отдай; такъ нѣтъ, выпуститъ, а послѣ и оретъ: „хорошо, извольте, пожалуйте!“ Ну, извѣстно дѣло, на кого нападешь: на чиновни-

ка,—такъ тотъ ни за что не вернется. А все почему? Потому что головы не тѣмъ заняты.

Степанъ Иванычъ вздохнулъ.

— И не говори, купецъ! И у меня тоже, хоть и свои... Двое племянниковъ, а все одно ничего, хоть ты имъ колъ на головѣ теши: такъ это никакого чувства нѣтъ. Имъ все одно, купилъ-ли покупатель, такъ-ли, извини, ушелъ — все одно. Думаешь отказать — жалко: племянники. А что толку? Извѣстно, хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ... А все родня.

И два пріятеля приблизились къ подъѣзду съ вывѣской, на которой были изображены чайникъ, чашки, графинъ съ красной жидкостью и двѣ рюмки. Внизу гласила надпись: „въ ходъ въ завѣденіе".

Но читатель можетъ быть думаетъ, что Иванъ Григорьевичъ и Степанъ Иванычъ въ самомъ дѣлѣ торгуютъ плохо? Нисколько. Это время для торговли одно изъ лучшихъ въ году; а что они жалуются на нее, такъ это единственно по обыкновенію, по привычкѣ. Ужъ такъ устроенъ апраксинецъ, что посади ты его хоть по уши въ золото, онъ и тогда скажетъ, что мало. Есть даже такіе люди, которые недовольны никѣмъ и ничѣмъ. Вотъ вамъ для примѣра Черноносовъ.

Вотъ онъ въ хорьковой шубѣ и истасканной фуражкѣ стоитъ за прилавкомъ посреди своихъ трехъ мальчишекъ и мѣритъ для какой-то дамы тесемку. Черноносовъ изъ экономіи не держитъ прикащика; да врядъ-ли бы кто и пошелъ къ нему служить,—развѣ кто годъ безъ мѣста проболтался или только сейчасъ въ Петербургъ пріѣхалъ; да и тотъ спроситъ объ немъ у сосѣднихъ молодцовъ, а тѣ охарактеризуютъ его, подобно Собакевичу, краткой, но рѣзкой біографіей: „Кто Черноносовъ! — Собака". Послѣ этого отвѣта кого же заберетъ охота служить у такого хозяина!

Взгляните на его физіономію: мина проставившаго на карту все свое состояніе; прищуренные глаза, стиснутыя губы и синій, небритый подбородокъ и щеки. На головѣ его надѣта котиковая фуражка. Человѣкъ этотъ не безъ странностей: онъ прожилъ два года въ Ригѣ, почему-то вообразилъ, что онъ нѣмецъ, и началъ ломать русскій языкъ.

— Двадцать аршина! говоритъ онъ покупательницѣ.—Убирайте коробка и давайте бумажка немножко, — обращается онъ къ мальчикамъ.

Черноносовъ въ жизнь свою ничѣмъ не былъ доволенъ, не смотря на то, что обладаетъ хорошимъ капиталомъ и имѣлъ счастіе три раза связать себя узами гименея. Жены ему попадались красивыя и съ красивыми прилагательными. Двѣ пали жертвою его характера.

На Апраксиномъ издавна существуетъ слѣдующее обыкновеніе: за нѣсколько дней до праздниковъ Пасхи и Рождества молодцы ходятъ къ *конторщикамъ*, то-есть къ такимъ людямъ, у которыхъ хозяинъ ихъ покупаетъ товары, и сбираютъ съ нихъ контрибуцію, прося „*на ложу*“ въ театръ. Кто даетъ пять цѣлковыхъ, кто десять, а иногда и болѣе; ежели не деньгами, то молодцы берутъ вещами, какъ-то: фулярами, полотняными платками, фуфайками и пр. Обыкновенно деньги эти дѣлятся и въ праздникъ проматываются во всевозможныхъ родахъ.

Такъ и теперь: только Степанъ Иванычъ скрылся изъ виду,— одинъ изъ молодцовъ его выскочилъ изъ-за прилавка и отправился за контрибуціей.

— Смотри, у Карла Иваныча попроси побольше; что онъ всякій праздникъ только красненькой отдѣлывается! Скажи, мы де васъ никогда не обѣгаемъ, все, что понадобится изъ товару — за всѣмъ къ вамъ бѣжимъ. Поди, у него нынѣшній годъ тысячъ на восемь купили.

Такъ научали молодцы своего депутата.

Вотъ уже и первый часъ. По ряду пробѣжалъ, покрикивая козлинымъ голосомъ, рыжебородый саечникъ, — кормитель молодцовъ. Кромѣ саекъ, у него есть варенье, отзывающее икрой и миногами, и миноги, отзывающія вареньемъ. Наскоро закусили у него молодцы Степана Иваныча и саечникъ отправился далѣе. Его остановилъ хозяйскій сынокъ.

— Сергѣю Иванычу! И саечникъ почтительно ему раскланялся.

— Двѣ сайки: одну съ икрой, другую съ вареньемъ! скомандовалъ хозяйскій сынокъ.

Съ быстротою оператора, отнимающаго членъ, разрѣзалъ кормитель сайки и *сдѣлалъ ихъ*, то-есть вложилъ въ нихъ икры и варенья.

— Чего-бы еще у тебя съѣсть? Есть маханина на тараканьемъ жиру?

Саечникъ плюетъ.

— Спросите-ка его, какъ онъ въ карманѣ рябчика сгноилъ, — замѣчаетъ молодецъ.

— Какъ ты, Иванъ, рябчика въ карманѣ сгноилъ? спрашиваетъ купчикъ и улыбается.

— А ты что, сволочь, научаешь! И саечникъ идетъ далѣе.

— Красный, человѣкъ опасный! кричитъ ему вслѣдъ молодецъ.

Купчикъ очень доволенъ, что подразнилъ саечника, постукиваетъ ногами и кусаетъ промерзшую сайку.

Скоро четыре часа. Быстро смеркается. Хозяева уже успѣли разъ пять сходить въ трактиръ, пришли въ лавку и считаютъ выручку. Кончили. Стоятъ на порогахъ и смотрятъ, не запретсяли кто, чтобы послѣдовать ихъ примѣру. Но вотъ брякнулъ

гдѣ-то запоръ, и всѣ бросились *запирать* лавки. Черезъ четверть часа весь Апраксинъ запертъ и стаи торговцевъ бѣгутъ домой. Вотъ они на Чернышевомъ мосту. Навстрѣчу имъ попадается дѣвушка. Одинъ изъ молодцовъ безцеремонно хватаетъ ее за талію. „Дуракъ, мерзавецъ, оставь!“ кричитъ она, отбиваясь. Молодецъ оставляетъ ее, но другой хватаетъ снова. Снова крики и отбиванье. Бѣда въ это время повстрѣчаться съ молодцами прекрасному полу!

Двадцать-четвертое декабря. Завтра Рождество. По Апраксину замелькали кокарды: чиновники пускаютъ въ ходъ наградныя депозитки. Въ игрушечныхъ лавкахъ толпы; только успѣвай хозяева огребать деньги. Морозъ вѣрно рѣшился дать знать себя: двадцать-пять градусовъ. Апраксинцы то и дѣло наклоняютъ головы внизъ, чтобъ не отморозить лица и не получить къ празднику приличныхъ украшеній въ видѣ красносизыхъ лепехъ на щекахъ. Но какъ ни нагибались молодцы, стараясь, чтобъ кровь прилила къ лицу, какъ ни натирали щекъ и носовъ — морозъ сдѣлалъ свое и все-таки украсилъ нѣкоторыя физіономіи.

— Братцы, смотрите-ка: Петруха-то надо мной смѣялся, что я носъ отморозилъ, а у самого уши побѣлѣли. Съ обновкой поздравляю! Какъ хочешь, братъ, а завтра *литки* (*) съ тебя!— говоритъ толстый, съ отмороженнымъ и разбухшимъ какъ луковица носомъ молодецъ.—Ништо тебѣ – не смѣйся!

Испуганный Петруха, имѣвшій претензію нравиться прекрасной половинѣ рода человѣческаго, съ испуга начинаетъ тереть уши.

— Не три, не три! Шкура слѣзетъ! Наклонись лучше, наклонись!

(*) То-есть угощеніе.

Онъ такъ усердно наклоняется, что голова его почти касается ногъ. Товарищи начинаютъ тузить его въ шею.

На подогрѣйнѣ мачьчики, присланные заварить чай, грѣютъ у плиты окоченѣвшія руки и ведутъ между собой разговоръ:

— Вамъ по многу-ли хозяинъ на праздникъ даетъ?

— О Пасхѣ по четвертаку далъ.

— А намъ такъ по полтинѣ. Да это что! Я къ дядѣ пойду, хоть двугривенный дастъ.

— А что ты себѣ купишь?

— Зеркало да пряниковъ.

— А мнѣ такъ куфаркѣ гривенникъ дать нужно: все ругается... Я ужъ обѣщалъ.

— Ты куда пойдешь завтра?

— Да мнѣ некуда,—у меня никого нѣтъ.

— Пойдемъ къ моему дядѣ; у него пирога поѣдимъ; онъ тамъ кофеемъ напоитъ. Ты приходи къ намъ на дворъ, я ужъ увижу, а послѣ на чугунку пойдемъ, *посмотримъ* какъ машина свиститъ.

— Ладно.

— Ну, что тутъ растолковались, ступайте! И безъ васъ тѣсно! кричитъ на ихъ подогрѣйщикъ.—За уши бы васъ, канальевъ! Цѣлый часъ стоятъ.

Жмутся мальчики и выходятъ на морозъ, который послѣ тепла еще сильнѣе ихъ обхватываетъ.

Молодцы сговариваются, гдѣ имъ завтра встрѣтиться.

— Около четырехъ часовъ приходите въ Баварію: знаешь, на углу Гороховой?

— Какъ не знать!

— Михайла будетъ, Щукинъ, Петра галкинской и всѣ наши. Возьмемъ отдѣльную комнату, заложимъ тамъ, а послѣ и махнемъ...

Онъ не договариваетъ, слова его замираютъ на устахъ: изъ-за угла показался хозяинъ.

— Иванъ Харитонычъ, вы куда завтра къ заутрени? спрашиваетъ онъ сосѣда.

— Сегодня ко всеношной къ Исакію схожу, пѣвчихъ послушать; да ктому же и жена у меня къ заутрени ходить не можетъ.

— Мы такъ завсегда въ этотъ день къ себѣ, къ Іоанну Предтечѣ ходимъ. Двадцать лѣтъ кряду тамъ о Рождествѣ каждую заутреню стою.

— Софроновъ меня къ себѣ сегодня звалъ: у него на дому всеношная. „Приходи, говоритъ, моихъ-то послушать." У него молодцы поютъ.

— На Сѣнной были?

— Вчера еще...

— Почемъ покупали?

— Говядину по восьми съ половиной. Молодцамъ цѣлаго борова купилъ. Гуси дешевы.

— Съ меня такъ сегодня поутру по девяти слупили. А гусей почемъ покупали?

— Рубль шесть гривенъ пара.

— Съ меня по гривеннику лишняго взяли.

Смеркается. Афанасій Панкратьичъ Лыковъ позвалъ своего сына Яшу наверхъ и дѣлаетъ ему приказанія:

— Бѣги и повѣсти всѣмъ нашимъ, чтобъ къ утрени собрались ровно въ часъ.

Лыковъ раскольникъ, начальникъ своей секты. За начитанность его выбрали въ наставники и духовники. Въ его собственномъ домѣ устроена большая моленная, гдѣ совершается служба. Люди его секты имѣютъ туда свободный доступъ.

Быстро побѣжалъ Яша по лабиринту закоулковъ Апраксина. Забѣжалъ къ четыремъ братьямъ Опаленинымъ.

— Что у васъ подручниковъ-то (*) много? Своихъ не брать?

— Возьмите лучше: нынче всѣ соберутся, такъ и не хватитъ.

Отъ Опалениныхъ Яша побѣжалъ къ Блюдечкину, который былъ тоже въ ихъ вѣрѣ, къ Коромыслову, къ Херовымъ, оттуда сбѣгалъ на *Кавказъ* (**), съ Кавказа на развалъ, и уже когда совершенно смеркалось, прибѣжалъ въ лавку.

Радостно побѣжали молодцы домой: завтра одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку, не измѣрятъ своими ногами торную дорожку.

— Вы много-ли на ложу набрали? спрашиваютъ харламовскіе молодцы птицынскихъ.

— Сто двадцать.

— А мы сто пятьдесятъ.

„Мы больше набрали, думаютъ харламовскіе: — по двѣнадцати съ небольшимъ на брата придется“,—разсчитываютъ они и мечтаютъ о завтрашнемъ кутежѣ.

II.

Насталъ давно ожидаемый праздникъ Рождества. Рано, еще до звона къ заутрени, возсталъ отъ сна Степанъ Ивановичъ Харламовъ и перебудилъ всѣхъ въ домѣ, начиная съ жены и до мальчика. Зѣвая, поднимаются съ постели молодцы, одѣваются и на-скоро молятся на образъ, освѣщенный лампадою. Трудно

(*) Подручниками называются у раскольниковъ коврики, къ которымъ они прикладываются лбомъ во время земныхъ поклоновъ.

(**) Кавказомъ на Апраксиномъ называлась до пожара та линія, которая шла отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

вставать въ три часа, а особенно зимою: какая-то лихорадочная дрожь обхватываетъ все тѣло, и дорого-бы далъ въ это время человѣкъ, чтобы его оставили въ покоѣ, но что дѣлать,—обычай старины!

Какъ ни жалко разставаться съ теплою постелью, но вскорѣ весь домъ былъ на ногахъ. Вотъ на колокольнѣ Іоанна Предтечи раздался первый ударъ колокола; всѣ въ домѣ перекрестились и начали сбираться къ заутрени.

Вскорѣ домъ Степана Иваныча опустѣлъ: остались въ домѣ только хозяйка да кухарка. Онѣ занялись стряпней: обмазали окорокъ ржаной мукой, посадили его въ печь, замѣсили тѣсто для пироговъ и принялись ощипывать дичь.

Но вотъ и заутреня кончилась, богомольцы пришли изъ церкви; слышны разговоры о басѣ дьякона, о пропускѣ дьячкомъ такого-то псалма въ каѳизмѣ, о количествѣ народу въ церкви и проч. Степанъ Иванычъ, всегда съ пасмурнымъ лицомъ и ничѣмъ недовольный, сегодня въ духѣ; заложа руки за спину, ходитъ онъ по залѣ, то-есть по чистой комнатѣ, и вполголоса напѣваетъ „Христосъ рождается, славите.“ Въ залу входятъ молодцы, группируются передъ образомъ и начинаютъ пѣть львовскую „Дѣва днесь.“ Окончивъ стихъ, они хоромъ поздравляютъ хозяина съ праздникомъ. Степанъ Иванычъ доволенъ, на лицѣ его сіяетъ улыбка. Онъ идетъ въ спальню и выноситъ оттуда пять синенькихъ.

— Вотъ вамъ на гулянку, говоритъ онъ: — напьетесь кофею, такъ кто хочетъ, можетъ идти со двора.

Это „кто хочетъ“ было совершенно лишнее. Посудите сами, читатель, кто послѣ шестимѣсячнаго заключенія не захочетъ погулять и навѣстить своихъ знакомыхъ и родныхъ?

Изъ залы молодцы сходили въ кухню, поздравили съ праздникомъ хозяйку и отправились въ молодцовую.

Давъ *на праздникъ* молодцамъ, хозяинъ захотѣлъ усладить и судьбу мальчиковъ.

— Ѳедька! Мишутка! крикнулъ онъ, входя въ кухню. Мальчики встали въ струнку.

— Вотъ вамъ на праздникъ, проговорилъ онъ, давая имъ по два двугривенныхъ.—А гдѣ Васька?

— Да онъ въ лавочку убѣжалъ. Матрена Ильинишна его послали.

— Ну ладно, вотъ передайте ему. Да хозяйка вамъ подаритъ по рубашкѣ. Чтожъ словно пни стоите? Благодарите!

— Благодаримъ покорно! проговорили мальчики и бросились къ рукѣ хозяина.

— Не нужно мнѣ вашихъ лизаній, отвѣчалъ онъ, впрочемъ, не отнимая руки.—Старайтесь. Чтожъ, скоро-ли самоваръ-то?— обратился онъ къ женѣ, которая суетилась около печи.

— Сейчасъ, Степанъ Ивановичъ, пообождите; вотъ уже кажется закипѣлъ. Сейчасъ. Федоръ, подавай на столъ.

Черезъ четверть часа въ залѣ на столѣ пыхтѣлъ самоваръ, горѣли двѣ свѣчи. Матрена Ильинишна разливала чай; у стола сидѣли двѣ хозяйскія дочери-погодки, лѣтъ шестнадцати, и маленькій сынъ. Степанъ Иванычъ важно прихлебывалъ чай съ блюдечка и велъ разговоръ съ молодцами, которые сидѣли на стульяхъ около стѣны и пили кофей. Въ этотъ день молодцы пьютъ чай и кофей съ хозяиномъ.

— Чтожъ, торговали еще не такъ худо передъ праздникомъ, говоритъ хозяинъ.—По началу я думалъ, что и этого не будетъ. Все-таки, ежели сравнить съ прежними годами, то никакого подобія нѣтъ; бывало, народъ валомъ валитъ.

— Это точно-съ, Степанъ Иванычъ, ежели сравнить лѣтъ пятокъ назадъ, то и подобія нѣтъ-съ, — поддакиваетъ старшій молодецъ.—Теперича примѣромъ хоть-бы тулупъ....

Прихлебываетъ кофей.

— Извѣстно, тулупы насъ поддержали, робко вмѣшивается въ разговоръ другой молодецъ:—хошь бы у Птицына: тулуповъ не было, у насъ запасъ... Ну, извѣстно, время морозное... деревенскій человѣкъ въ деревню ѣдетъ... Ну, и торговали. Тулупъ ужъ такая вещь...

— Тоже въ маленькой лавкѣ ситцами хорошо торговали, потому что Ермакъ-съ *) отличается; такой ситецъ выпускаетъ, что хошь-бы имъ Лизаветѣ Степановнѣ носить-съ: узоръ подходящій, и все эдакое...

— Какъ же-съ, Ермакъ теперича ни Цынделю, ни Царевѣ не уступитъ. Тоже вотъ третьеводнясь Карлъ Богданычъ пришелъ въ лавку, иностранные ситцы предлагалъ,—я докладывалъ вамъ. Раскинулъ я это передъ нимъ Ермака, такъ Карлъ Богданычъ долго на манеръ любовался.

Но какъ ни пріятенъ былъ разговоръ съ хозяиномъ, молодцы душевно желали удалиться; имъ было какъ-то неловко. Одинъ за другимъ поставили они на столъ опрокинутыя кверху дномъ чашки и поблагодарили хозяина.

— Пейте еще.

Молодцы отказались.

— Мы пойдемъ, Степанъ Иванычъ...

— Ступайте, гуляйте; только раньше домой приходите. Да *не кераться!* **)

Живо начали въ молодцовой выдвигаться изъ-подъ кроватей сундуки; растворился шкафъ и выпустилъ на свѣтъ божій праздничныя одежды молодцовъ. Живо закипѣла работа: кто

*) Ермаковъ, московскій ситцевый фабрикантъ.

**) Не пьянствовать.

чиститъ сертукъ, кто натираетъ шляпу, кто передъ зеркаломъ повязываетъ галстукъ—подарокъ конторщика.

— Ты куда, Вася? спрашиваетъ Никандръ, повязывая себѣ галстукъ.

— Къ теткѣ схожу сперва, да потомъ къ Петру Семенычу Рылову: онъ мнѣ сродни приходится.

— А послѣ?

— Послѣ въ Палкинъ; приходите, братцы. Веселѣе будетъ.

— Нѣтъ, мы въ Баварію.

— Рыло поскоблить надо! говоритъ одинъ изъ молодцовъ, обладающій прапорщицкими усами, и третъ себя по подбородку.

— И мнѣ нужно; зайдемъ вмѣстѣ и подовьемся. На уголъ пойдемъ: тутъ лихая цирульня. О Троицѣ меня такъ завили, что недѣлю завивка стояла; эдакими вавилонами на вискахъ и баранами на затылкѣ.

— Ужъ нашелъ цырульню!—*яманистая!* *)

— Вася! дай мнѣ галстучка надѣть: у тебя два.

— А нешто тебѣ Карлъ Богданычъ не далъ?

— Нѣтъ; я у него фуфайку байковую вымаклачилъ.

— Да вѣдь ты его истаскаешь, виномъ зальешь?

— Не залью, лѣшій!

— Да право, жалко...

— Ну дай, я тебѣ двѣ бутылки пива поставлю.

— Ну, пожалуй, бери.

И мѣна совершилась. Вскорѣ молодцовая опустѣла. Обитатели ея разбѣжались.

Черезъ полчаса Никандра и Петра, завитые какъ крымскіе бараны, стояли у подъѣзда парикмахерской и нанимали извозчика,

— Да куда же, купцы, прикажете?

*) Дрянная.

— Петра, куда поѣдемъ?

— Да что тутъ разговаривать! Валяй куда глаза глядятъ.

— Ну что, до трехъ часовъ много-ли возьмешь?

— Три рублика, господа купцы, безъ лишняго...

— Ну, Петра, чтожъ, растопимъ что-ли? Идетъ пополамъ? Ужъ все, значитъ, такъ и будемъ вмѣстѣ ѣздить.

— Валяй!

Молодцы поѣхали.

— Куда же, купцы? спросилъ извощикъ.

— Да прямо!

— Нѣтъ, погоди, перво заѣдемъ въ погребокъ. Постой направо!

— Петра, глянь-ко: никакъ наши ѣдутъ!

— И то ѣдутъ!

Онъ свистнулъ, махнулъ рукой и указалъ на погребъ. Молодцы соединились и пошли подъ вывѣску виноградной кисти.

Часа четыре ѣздили, не имѣющіе въ Петербургѣ ни роду, ни племени, Никандръ и Петръ, во много мѣстъ заѣзжали они, много перепили разной хмѣльной дряни, а все еще не пьяны, только навеселѣ.

— Куда-же?

— Пошелъ въ Тулу, ко Владимерской. Покажемъ!

Ежели кто желаетъ видѣть въ этотъ день молодцовъ во всемъ ихъ разгулѣ, отправляйтесь въ слѣдующіе трактиры и гостинницы: въ Баварію, въ Палермо за Пассажемъ, въ Палкинъ и въ Тулу. Эти заведенія потому предпочитаются молодцами, что ихъ не посѣщаютъ хозяева.

И такъ, читатель, послѣдуемте за Петромъ и Никандромъ въ гостинницу Тулу.

— Я думаю, ужъ наши здѣсь? сказалъ Петръ, входя въ корридоръ.

— Здѣсь, здѣсь, пожалуйте! отвѣтилъ не то съ глупою, не то лукавою улыбкою корридорный, узнавшій птицу по полету.

— А ты почемъ знаешь?

— Извѣстно, господа купцы.

— Эка братъ, Петра, намъ честь: всѣ знаютъ апраксинцевъ. Куда же идти?

— Пожалуйте.

И лакей указалъ на дверь.

Оттуда слышались звуки разбитаго фортепьяно, пѣніе, крики „ура" и даже какой-то вой. Двери распахнулись и они очутились въ довольно обширной комнатѣ. На диванѣ и на стульяхъ лежало и сидѣло до пятнадцати молодцовъ; нѣкоторые, тяготясь одеждою, сняли сертуки, а нѣкоторые, тяготясь собственною своею тяжестью, лежали въ углу на шубахъ. Какой-то господинъ, смахивающій физіономіею на цыгана, игралъ на фортепьяно какую-то польку. Два стола были уставлены бутылками, штофами и закусками.

— Здравствуйте, братцы, съ пальцемъ девять! закричалъ вошедшій Петръ и принялся откалывать трепака.

— Съ огурцомъ пятнадцать! отвѣчала вся компанія и заорала „браво" и „bis", глядя на пляшущаго Петра.

— Стой, стой!—И изъ-за стола поднялся Васька, тотъ самый Васька, который далъ Никандру галстукъ.

— Музыкантъ, стой! Варгань камаринскаго! А ты, Петька, ко мнѣ на грудь! Я тебя обниму и мы спляшемъ.

Послѣдовали объятія.

— Стой! задушилъ, собачій сынъ! кричалъ Петръ.

— Ну, теперь выпьемъ!

— Ладно.

Музыкантъ заигралъ камаринскую, и Вася и Петя принялись выдѣлывать такія па, которыя доступны единственно только подгулявшему человѣку. Кончивъ плясать, они снова выпили.

— Ну, братцы, я пилъ ваше, теперь выпейте моего! сказалъ Петръ.—Дюжину пива! скомандовалъ онъ.

Принесли пиво и началось провозглашеніе многолѣтія каждому изъ присутствующихъ.

— Полноте, братцы, что такъ зря горлы-то драть? Споемте-ка что-нибудь дѣльное, пѣсню какую-нибудь, — подалъ кто-то совѣтъ.

— Это дѣло! Что такъ горлы-то драть? Вѣдь еще не очень пьяны. Выпьемъ по рюмочкѣ и начнемъ. „Вдоль по улицѣ" всѣ знаютъ?

— Всѣ.

— Ну и будемъ пѣть. Батюшки, Мишка-то какъ накерался! Гляньте-ка!

— До безобразія! А вотъ что: взять да и вымазать ему рожу жженою пробкой.

— Лихо! за дѣло!—не сандалься раньше времени! Эва! еще только пятый часъ!

Дѣльная мысль была одобрена всѣми и тотчасъ же приведена въ исполненіе.

— Ну, теперь попоемте!

— Никандръ, ты на пѣсни-то лихъ,—запѣвай!

— Да безъ гитары-то неспособно. Ну да все равно, слушайте. Вотъ какую лучше споемъ:

«Звенитъ звонокъ и тройка мчится
Вдоль по дорожкѣ столбовой...»

Хоръ какъ-то плохо клеился; двое пьяныхъ, полулежавшихъ на диванѣ, страшно мычали и сбивали съ толку.

— Не хотите-ли, господа купцы, у насъ есть дѣвушки? Отлично подтянутъ!—предложилъ номерной.

— Дѣвочки? Тащи сюда!

— Постой, постой! А почемъ онѣ ходятъ?

— Да ежели только попѣть, такъ изъ угощенія, да что милость будетъ.

— Тащи трехъ!

— Мало!

— Ну, штукъ пять. Слышь, половой, и пляшутъ онѣ?

— Всякія колѣна выдѣлываютъ.

— Браво! заоралъ кто-то изъ лежащихъ на диванѣ.—Номерной, спасибо! Поди сюда... руку!... Ну, поцѣлуй меня.

Половой съ лукавой усмѣшкой поцѣловалъ гостя.

Вскорѣ явились дѣвушки и помогли молодцамъ справиться съ пѣснями и опустошить бутылки. Лакей имѣлъ вѣрный разсчетъ: больше народу, — больше пить будутъ. Онъ не ошибся: снова потребовалась дюжина пива, снова заигралъ господинъ, смахивающій на цыгана, и составился кадриль. Дѣвушки очень мило подергивали юбками и выдѣлывали замысловатыя па. Онѣ были очень нецеремонны, такъ что одна изъ нихъ подошла къ столу и замѣтила, что все пиво вытекло изъ бутылокъ,—долить надо.

— Дюжину! закричалъ Вася и поцѣловалъ въ щеку надоумившую его дѣвушку.

Та не обратила на это никакого вниманія. Начался второй кадриль. Подъ конецъ кто-то подставилъ одной парѣ ногу. Пара упала. „Мала куча!“ закричалъ Вася и бросился на нихъ съ своею дамою; примѣру его послѣдовали и другіе танцующіе. Дамы визжали, кавалеры ревѣли, и всѣ были довольны.

Никандръ и Петръ, давшіе другъ другу слово быть вездѣ вмѣстѣ, вышли изъ гостинницы въ семь часовъ. „Куда же теперь?“ спросили они другъ друга.

— Погуляемъ, братъ: вѣдь ужъ теперь до масляной со двора не допросишься, сказалъ Петръ. —Постой, я знаю одно мѣсто, — поѣдемъ. Извозчикъ! въ Среднюю Мѣщанскую!..

Они сѣли и поѣхали.

Долго ждалъ Степанъ Иванычъ своихъ молодцовъ, да и не дождался,—легъ спать. Только-только часамъ къ шести утра собралась вся братія. Раньше всѣхъ, часа въ три, прибыли Петръ и Никандръ. Вошедши въ молодцовую, они заспорили о томъ, кто кого везъ; Никандръ увѣрялъ, что онъ везъ Петра, а Петръ удержалъ это право за собою.

— Ты посмотри, нешто я пьянъ?.. говорилъ, покачиваясь, Петръ:—по одной половицѣ пройду.

Проснувшіеся мальчики насилу уложили ихъ спать.

Часа въ четыре великодушный дворникъ принесъ на раменахъ своихъ Ваську и передалъ на руки мальчикамъ.

И угомонились молодцы, на долго угомонились, вплоть до масляной, до *прощенаго* воскресенья. Вотъ они спятъ и тяжело дышатъ, шевеля во рту высохшимъ отъ внутренняго жара языкомъ. Много перепили они вина и пива, много потратили денегъ; дня два проходятъ они какъ угорѣлые и будутъ опохмѣляться.

Трудно было проснуться на другой день молодцамъ, когда въ семь часовъ утра въ ихъ дверь постучалась кухарка. Эту операцію она должна была повторить раза три. Первые проснулись мальчики и принялись за чищенье хозяйскихъ и молодцовскихъ сапоговъ. На нихъ же лежала обязанность растолкать молодцовъ. Труднѣе всѣхъ было подняться Василію; голова его была какъ-будто налита свинцомъ. Онъ взглянулъ на себя въ зеркало и ужаснулся: на лбу у него красовалась синяя шишка Онъ кой-какъ прикрылъ ее волосами. Галстукъ, что вчера онъ далъ Никандру, былъ весь залитъ виномъ. Петръ проснулся, сходилъ въ кухню и выпилъ цѣлый ковшъ воды.

— Самое лучшее дѣло теперь—опохмѣлиться, сказалъ онъ.

Черезъ полчаса въ комнату, обитаемую молодцами, вошелъ

хозяинъ и произнесъ имъ рѣчь, испещренную словами: сволочь, пьяницы, гуляки, шельмы и пр.

Молодцы молча слушали и таращили глаза, стараясь сдѣлать нхъ не пьяными.

— Ну, теперь ступайте въ лавку; да смотрите, по дорогѣ не заходить, не опохмѣляться. Лучше ужо дома я самъ водки куплю. Слышите!...

Прошелъ первый день Рождества и покатилась снова своею обыденною колеею жизнь апраксинскихъ прикащиковъ; только и живутъ воспоминаніями...

— А что, Вася, какъ это ты себѣ въ первый день праздника лобъ подбилъ?

— И не говори, братъ, и самъ не знаю какъ. Два изъяна: лобъ подбилъ и Никандра галстукъ испортилъ — виномъ залилъ.

На святкахъ еще ничего, весело: можно разъ въ театръ сходить — сговорившись человѣкъ восемь, взять ложу въ складчину; къ хозяину придутъ гости—можно нарядиться: въ вывороченную кверху мѣхомъ шубу, женщиной — въ сарафанѣ кухарки и въ особаго рода костюмъ старика: рваный халатъ съ подушкой на спинѣ, изображающей горбъ, въ одной рукѣ кочерга, въ другой сковорода, и въ эдакомъ видѣ поплясать подъ гитару.

Многимъ покажется страннымъ такое заточеніе молодцовъ. Поговорите съ хозяевами,—вотъ что они вамъ на это скажутъ.

— Помилуйте, какъ же это возможно дать молодцу волю; развѣ вонъ тамъ въ гостиномъ заведено, такъ до тѣхъ намъ и дѣла нѣтъ. Нешто молодецъ можетъ жить на волѣ? Ему острастка нужна. Дай-ко ему волю—такъ онъ и ночевать дома не будетъ, *воздахтаршу* (*) заведетъ, пьянствовать начнетъ, такъ ему жа-

(*) Любовницу.

лованья-то годоваго и на мѣсяцъ не хватитъ; ну, и будетъ въ хозяйскую выручку заглядывать. Оно конечно, онъ и теперь руку запускаетъ, да по-малости; а тогда другое дѣло. Нѣтъ, ужъ это отцами нашими установлено, такъ и мы продолжать будемъ.

Хозяйскіе же сынки проводятъ святки весело. Бываютъ въ театрѣ, ходятъ въ гости съ родителями, маскируются и ѣздятъ на вечера.

Обыкновенно это устраивается слѣдующимъ образомъ: сговариваются нѣсколько человѣкъ ѣхать *ряжеными*, нанимаютъ карету и берутъ въ костюмерныхъ на прокатъ костюмы. Самые употребительнѣйшіе костюмы это *шпанка*—испанскій или тирольскій костюмъ, *полька*—польскій, *гамлетка*—черный бархатный со стеклярусомъ, *лемана*—пьеро, гусарскій и еще костюмъ, почему-то называемый *несчастнымъ нѣмцомъ:* фракъ и брюки въ заплатахъ, рваные сапоги, мятая шляпа, высокій галстукъ съ полисонами до половины ушей и огромнаго размѣра лорнетка.

Ряженые не разбираютъ, на сколько костюмы ихъ національны. Иногда бываетъ такъ, что въ нихъ смѣшаны двѣ національности: какой-нибудь испанецъ—съ головы испанецъ, а съ ногъ полякъ, гамлетъ расхаживаетъ въ ботфортахъ со шпорами и на гусарѣ бархатная шапка съ страусовыми перьями, разумѣется не настоящими.

Часовъ въ девять вечера замаскированные садятся въ карету и ѣдутъ *по свѣту*, то-есть заходятъ туда, гдѣ въ окнахъ видѣнъ свѣтъ и у подъѣзда стоятъ экипажи, или узнавъ напередъ, что у того-то будутъ гости, разумѣется только въ купеческія семейства. У купцовъ всегда открыты двери для ряженыхъ.

Вошли въ залу. Ходятъ по комнатамъ, здороваются съ хозяевами и называютъ знакомыхъ гостей по именамъ. Дѣвицы шу-

шукаются, думая, нѣтъ-ли между ряжеными предмета, который ими интересуется.

— Ну ряженые, станцуйте, станцуйте, говоритъ хозяинъ или хозяйка.

Начинается кадриль. *Несчастный нѣмецъ* ломается, лорнируя гостей, испанецъ трясетъ перомъ на шляпѣ, гусаръ брякаетъ шпорами и гамлетъ въ пятой фигурѣ дѣлаетъ соло русскимъ трепакомъ. Кончили танцовать. Ряженыхъ зовутъ въ другую комнату отдохнуть, снять маски, покурить и *прохладиться*, то-есть выпить хереску или мадерки.

— Кто это, вы не знаете? спрашиваютъ другъ друга гости.

— Не знаю, не знаю. Одинъ какъ-будто бы Пѣтушковъ,— въ нашемъ ряду торгуетъ, а другихъ не знаю.

— Одного гишпанца я знаю: Петра Ѳедорова племянникъ...

— Нѣтъ, черный-то какъ отличился, въ присядку началъ плясать... Люблю я, кто эдакія колѣна откалываетъ!..

Ряженые станцовали польку и прощаются.

— Что же вы такъ скоро, куда торопиться? повеселите насъ...

— Нельзя-съ, намъ нужно еще на нѣсколько вечеровъ ѣхать.

Начинается прощаніе. Какой-нибудь гусаръ остановится передъ хорошенькой дѣвушкой, броситъ на нее нѣсколько жгучихъ взглядовъ и уѣдетъ.

Это «*онъ*», думаетъ дѣвушка и на сердцѣ у ней сдѣлается весело, весело.

Иногда эти маскированія устраиваются молодыми людьми по наущенію родителей, съ цѣлію посмотрѣть невѣсту и житье-бытье ея семейства.

Второй день Рождества. Погода прекраснѣйшая, восемь градусовъ морозу. У Іоанна Предтечи кончилась обѣдня; изъ церкви выходитъ народъ. Первыми вышли юноши, хозяйскіе сынки. Они

вышли раньше для того, чтобъ полюбоваться на прекрасный полъ. Вотъ стоятъ юные апраксинцы на паперти, эфектно потряхиваютъ бобровые воротники своихъ лапчатыхъ шинелей,—замѣтьте, непремѣнно шинелей. Это принадлежность каждаго порядочнаго апраксинца-хозяйскаго сынка, который *женихается;* безъ шинели на собольихъ лапкахъ онъ такъ же немыслимъ, какъ и апраксинскій женихъ безъ брильянтоваго перстня. Это аристократія Апраксина. Эти Вани и Сани очень мило танцуютъ польку и краснорѣчиво молчатъ въ кадриляхъ на свадьбахъ. Смотрите, какъ мило снимаютъ они свои новыя, циммермановскія и чуркинскія шляпы и кланяются проходящимъ знакомымъ: и тѣни нѣтъ того поклона, который отвѣшиваютъ они покупателямъ, стоя на порогахъ своихъ лавокъ.

Вотъ вышли молодые Курицыны. На самомъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, глянцовый циммерманъ на головѣ и брильянтовый перстень на рукѣ. На самой бѣлая шляпка съ перомъ и лисій, крытый гранатнымъ бархатомъ салопъ,—замѣтьте, непремѣнно гранатнымъ бархатомъ: Курицынъ ни за что бы не женился на ней, ежели бы она не принесла въ приданое салопъ крытый бархатомъ, не смотря на то, что за ней было пять тысячъ деньгами; ему раньше нравились очень многія дѣвицы и по деньгамъ были подходящія, да за ними были атласные салопы, а не бархатные,—ну, и расходилось дѣло.

Вотъ семейство Перепалова. Впереди идутъ двѣ дочери,—непремѣнно невѣсты въ этомъ мясоѣдѣ; отецъ рѣшилъ, что нужно отыскать жениха, а на Апраксиномъ ихъ хоть прудъ пруди. Онѣ потупляютъ глазки и проходятъ мимо шеренги молодежи, которая пожираетъ ихъ взглядомъ. „Выгодныя невѣсты! Кому-то достанутся?“ За дѣвицами слѣдуютъ ихъ родители.

— Шапя, пойдемъ! говоритъ тятенька.

Изъ шеренги молодежи отдѣляется Шаня Перепаловъ и примыкаетъ къ шествующимъ.

На паперти появился въ бобровой шапкѣ и шинели на распашку, изъ-подъ которой виднѣются лиловые брюки, Бобовинъ, замѣчательный тѣмъ, что когда онъ жилъ у хозяина и торговалъ на отчетѣ, то всю выручку клалъ къ себѣ въ карманъ и чуть не пустилъ по міру своего благодѣтеля. Теперь онъ имѣетъ двѣ лавки и холостъ. Прошлаго года ему предлагали невѣсту и десять тысячъ,—показалось мало. „Людямъ даютъ и по двадцати; чтожъ, нешто мы рыломъ не вышли? Не лѣвой ногой носъ утираемъ!“ подумалъ онъ и сталъ ждать, не набѣжитъ-ли невѣста съ двадцатью тысячами.

Народъ ужъ почти весь вышелъ изъ церкви, ползутъ только старухи съ ридикюлями. „Не на кого смотрѣть,“ подумала шеренга молодежи и стала расходиться, а между-тѣмъ изъ церкви вышла аристократка Апраксина, недосягаемая богиня многихъ страждущихъ сердецъ, вдова Верхолетова. Три года какъ она вдовствуетъ, и уже получила до тридцати предложеній рукъ и сердецъ, но отказала всѣмъ своимъ обожателямъ; она чувствуетъ непреодолимую симпатію къ офицерамъ и рѣшилась до тѣхъ поръ вдовствовать, пока какой-нибудь владѣтель сабли и эполетъ не предложитъ ей руку и сердце. Она не посмотритъ, что онъ бѣденъ, что у него, по выраженію апраксинцевъ, „въ одномъ карманѣ смеркается, въ другомъ заря занимается,“ и соединитъ съ нимъ свою судьбу. Быть можетъ она и достигнетъ своей цѣли, тронетъ какое-нибудь сердце, бьющееся подъ военнымъ мундиромъ. Она имѣетъ тысячъ сорокъ капиталу и лавку, въ которой торгуетъ молодецъ,—а это для любви вещь не маловажная.

Ежели, читатель, вы желаете снова увидѣть эти личности, съ которыми вы сейчасъ познакомились, то часа въ два пожалуйте на Невскій: онѣ разъ пять пройдутъ по солнечной сторо-

нѣ; вечеромъ онѣ будутъ въ Александринскомъ театрѣ. Къ чести апраксинцевъ нужно сказать, что они очень любятъ театръ, а на святкахъ и на масляной такъ онъ положительно только ими и занятъ.

III.

Въ столовой купца Черноносова, — того самаго Черноносова, который изъ экономіи не имѣетъ прикащика, а торгуетъ съ тремя мальчиками — часы пробили пять. Еще все въ домѣ покоится сномъ. Спитъ Черноносовъ въ спальнѣ рядомъ съ своей третьей подругой жизни, спитъ въ кухнѣ кухарка на остывшей плитѣ, спятъ и мальчики въ своей конурѣ... именно конурѣ: пространство въ четыре квадратныхъ аршина, отгороженное отъ кухни, иначе и назвать нельзя. Въ конурѣ этой стоитъ кровать—общее ложе трехъ мальчиковъ съ замасляннымъ тюфякомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ блина гоголевскаго Петрушки, и съ тремя подушками, набитыми чѣмъ-то до чрезвычайности твердымъ.

Крѣпко спятъ мальчики и снятся имъ дивные сны, такіе сны, что хоть бы и не просыпаться, не ворочаться къ жалкой дѣйствительности. Снятся имъ родныя села, родныя избы, видятъ они своихъ отцовъ, матерей, знакомыя поля, лѣса—и все, все, что такъ дорого ихъ сердцу и отъ чего они такъ рано оторваны и брошены между незнакомыми людьми, отъ которыхъ они не слышатъ и ласковаго слова.

Въ самомъ дѣлѣ, жалкое положеніе апраксинскаго мальчика.

Лѣтъ тринадцати, а иногда и раньше, научившись у мѣстнаго дьячка кой-какъ читать и писать, отрываются они отъ семействъ и везутся въ Петербургъ въ ученье; разумѣется, дѣло не обходится безъ слезъ со стороны родителей и дѣтей. Привезя

мальчика въ Петербургъ, отецъ или родственникъ, чтобы не проѣдаться и не тратиться, старается какъ можно скорѣе отдать его въ ученье, часто даже не освѣдомившись о характерѣ, честности или положеніи хозяина, которому ввѣряетъ своего сына или родственника въ полное распоряженіе на четыре и на пять лѣтъ; дѣлаетъ ему наставленія, чтобъ онъ уважалъ, во всемъ слушался и любилъ хозяина,—и уѣзжаетъ. И вотъ мальчикъ, брошенный въ чужое семейство, привыкшій въ ласкамъ матери, поступаетъ въ полное распоряженіе хозяина. Хорошо, ежели его сразу допустятъ къ торговлѣ; но есть такіе хозяева, которые оставляютъ новичковъ на полгода, а иногда и болѣе, дома, употребляя ихъ для домашнихъ работъ: нарубить дровъ, принести воды, сбѣгать въ лавочку, убирать комнаты, чистить посуду и сапоги, надѣляя ихъ за малѣйшую неисправность треухами, подзатыльниками, тасками, выволочками и прочими удовольствіями. Но не думайте, чтобы все это дѣлалось хозяевами просто такъ. Это они дѣлаютъ по убѣжденію; они сами начали свое торговое поприще съ треуховъ и потому думаютъ, что безъ побоевъ мальчикъ не въ состояніи постигнуть всѣхъ тайнъ науки торговли. Отъ кого только не достается бѣдному мальчику: бьетъ хозяинъ, бьютъ прикащики, бьетъ кухарка, ругаетъ дворникъ; развѣ, иногда, хозяйка сжалится, скажетъ ласковое слово; зато какъ дорого это ласковое слово!.. Наконецъ мальчика берутъ въ лавку; но и здѣсь далеко до торговли: вся его обязанность состоитъ — стоять на порогѣ, выкрикивать названіе товаровъ и даже подъ-часъ, по приказанію прикащиковъ, хватать за руки покупателей. А придетъ домой— опять тоже чищенье сапоговъ и посуды и бѣготня въ кабакъ, тайкомъ отъ хозяина, ежели молодцамъ захочется выпить. Почитать что-нибудь, пописать, хоть бы письмо въ деревню, мальчикамъ некогда; изъ этого и вытекаетъ ихъ безграмотность, когда они сдѣлаются прикащиками. Въ продолженіи пятилѣтняго на-

хожденія въ наукѣ, они, иногда, ни разу не брались ни за книгу ни за перо; очень естественно, что въ продолженіи этого времени, они забудутъ всѣ тѣ ограниченныя познанія въ грамотности, которыя лѣтъ пять тому назадъ вложилъ въ ихъ головы дьячекъ или какой-нибудь учитель изъ отставныхъ семинаристовъ.

Вотъ прошло четыре года, какъ мальчикъ въ наукѣ; всѣми силами старается онъ угодить хозяину, изгибается передъ покупателями, кланяется, божится, — но тщетно: отъ хозяина никакого поощренія. „Выживи свои года и тогда сдѣлаешься прикащикомъ.“ И вотъ его отъ природы мягкій характеръ начинаетъ портиться: онъ по примѣру прикащиковъ ругаетъ при каждомъ возможномъ случаѣ хозяина; вмѣстѣ со страхомъ онъ уже питаетъ къ нему ненависть; видя, что другіе крадутъ, начинаетъ и онъ утаивать забытые на прилавкѣ гривенники и двугривенные, отыскиваетъ гдѣ-нибудь подъ половицей или подъ плинтусомъ щель и прячетъ ихъ туда, чтобы при первомъ возможномъ случаѣ промотать ихъ. Но вотъ, наконецъ, заживаетъ онъ опредѣленные года, хозяинъ призываетъ его къ себѣ, объявляетъ ему объ окончаніи курса и даруетъ степень прикащика. „Теперь я тебѣ жалованья не могу опредѣлить, говоритъ онъ ему: —посмотрю, чего стоить будешь, то и положу; я тебя не обижу.“ По окончаніи года оказывается, что онъ стоилъ рублей восемь въ мѣсяцъ. Но не такъ плохъ молодецъ, онъ уже насмотрѣлся, какъ то дѣлаютъ болѣе опытные прикащики, оцѣнилъ себя гораздо дороже и кралъ изъ хозяйской выручки рублей по десяти въ мѣсяцъ.

Часы въ столовой показывали четверть шестаго, когда въ кухнѣ постучался водовозъ.

— Кто тутъ? спросила его проснувшаяся кухарка, однако не поднимаясь съ плиты.

— Я. Отвори, Степановна: воду несу!

— Экъ его объ эту пору проняло? ворчала она, зѣвая, и встала съ своего ложа.—Погоди, только свѣчу зажгу: вишь, темь какая.

Она зажгла свѣчу и, какъ спала, во всемъ утреннемъ неглиже, отворила водовозу дверь. Быстро ворвался въ отворенную дверь холодный воздухъ и въ видѣ пара заклубился по комнатѣ.

— Что это съ этой поры тащишься! проговорила она, придерживая на груди рубашку и прикрывая свои прелести:—уходи скорѣй, да запирай дверь плотнѣе; окоченѣла совсѣмъ.

— Ничего, жиру поубавится: вишь, лопнуть хочешь, — любезничалъ водовозъ.

— Ну, ну, ругатель, проходи что-ли!

— Охо-хо-хо! зазѣвала она вслухъ. „Пора и мальчишкамъ вставать,“ подумала она и закричала: — Мишутка, Ванюшка, Федоръ! вставайте.

Но это было напрасно; мальчики встали только тогда, когда она принялась ихъ расталкивать. Перекрестившись нѣсколько разъ на образъ, висѣвшій надъ кроватью, они вышли изъ своей конуры и, зѣвая, сѣли на скамейку. Холодно имъ со сна и больно глядѣть на свѣтъ пылающей свѣчи.

— Ванюшка! чего остолбенѣлъ-то, что глаза выпучилъ? — принимайся за дѣло! обратилась кухарка къ самому меньшому изъ нихъ.—Чисти хозяйскіе сапоги; да еще вотъ ножи вычистить надо, вчера послѣ ужина грязные остались.

— Сейчасъ.

И мальчикъ принялся за дѣло.

— А ты чтожъ, Мишутка?

— Погоди, успѣешь!

— Чего успѣешь! Вотъ хозяинъ встанетъ, не будетъ все готово, такъ онъ тѣ задастъ!

Ѳедору, какъ старшему, она ничего не сказала. Ему было уже восемнадцать лѣтъ, онъ пользовался ея расположеніемъ и у

нихъ подъ-часъ разыгрывалась извѣстная сцена, гдѣ онъ изображалъ Іосифа-прекраснаго, а она жену Пентефрія. Онъ только поставилъ самоваръ и не прикоснулся ни къ какой работѣ.

Половина восьмаго. Въ кухню вошелъ Черноносовъ, какъ и всегда, съ самой пасмурной и недовольной физіономіей. На немъ было какое-то подобіе халата. Онъ пришелъ за горячей водой для бритья.

— Налей вода немножки! проговорилъ онъ, по обыкновенію, ломая языкъ, и подалъ Ѳедору оловянную кружку.

Вотъ уже и четверть девятаго. Время идти въ лавку. Поспѣшно допиваютъ мальчики свой чай изъ глиняныхъ кружекъ.

— А что, пареньки, не здѣсь-ли живетъ купецъ Михаило Иванычъ Черноносовъ? спрашиваетъ входящій мужичокъ въ валенкахъ и въ лисьей шубѣ.

— Ахъ, дядюшка Герасимъ! вскрикиваетъ Ванюшка и бросается на встрѣчу къ пришедшему.

— Здравствуй! говоритъ тотъ, цѣлуя его:—мать, отецъ тебѣ кланяются... Вотъ тебѣ посылка отъ нихъ; письмо тамотко есть.

— Здоровы-ли тятенька, маменька? спрашиваетъ Ванюшка, принимая небольшой пестрядинный тючекъ.

— Здоровы. Отецъ по осени въ Питеръ сбирается.

Двое другихъ мальчиковъ и кухарка были нѣмыми зрителями этой сцены; но сцена эта тотчасъ же была прервана: въ кухню вошелъ Черноносовъ. Онъ былъ во всѣхъ своихъ доспѣхахъ, въ хорьковой шубѣ и котиковой фуражкѣ.

— Маршъ въ лавку! скомандовалъ онъ.

Мальчики засуетились. Ванюшкинъ дядя отвѣсилъ Черноносову поклонъ; тотъ не обратилъ никакого вниманія.

— Что стоишь-то? Кладить тамъ на кроватъ, ужо посмотришь. Въ лавку пора. Скорѣй немножки!

И брови его нахмурились еще больше прежняго.

— Пиши письмо къ матери; я зайду черезъ недѣлю,—оказія будетъ, проговорилъ Герасимъ уходящему племяннику.—А должно-быть крутъ у васъ хозяинъ-то? обратился онъ къ кухаркѣ, когда они остались вдвоемъ.

— И не говори! отвѣчала та, обрадовавшись, что можно выругать хозяина:—аспидъ, а не человѣкъ.

— То-то я вижу... Ну, прощенья просимъ!

Весь день продумалъ бѣдный Ванюшка о посылкѣ и о письмѣ. Ему очень хотѣлось узнать, какіе гостинцы прислали ему отецъ и мать и что они пишутъ. Радостно побѣжалъ онъ домой; полу-пудовая тяжесть — мѣшокъ съ шолкомъ, который онъ несъ домой для разматыванья, казалась ему самою легонькою ношею. Онъ ужъ бы давно добѣжалъ до дому, ежели бы не обыкновеніе идти за хозяиномъ; а Черноносовъ въ этотъ день, какъ на зло, шелъ тише обыкновеннаго. Прибѣжавъ домой, Ванюшка тотчасъ же бросился къ посылкѣ и принялся распарывать пестрядину. Гостинцами были: сушеная малина, сдобныя лепешки и двѣ холстинныя рубашки. Но вотъ наконецъ и письмо. Онъ схватываетъ его, сламываетъ хлѣбный мякишъ, которымъ оно было запечатано, и начинаетъ читать. Смотрите, какъ углубился онъ въ чтеніе, какъ блестятъ его глаза, какая улыбка удовольствія мелькаетъ на губахъ, а между-тѣмъ въ письмѣ, кромѣ поклоновъ отъ родителей и родни, съ поименованіемъ ихъ по имени и отчеству, ничего не написано. Въ концѣ письма сказано: „отпиши намъ о себѣ, любезный сыночекъ Ванюшка, какъ ты живешь и любитъ-ли тебя хозяинъ“. Онъ свертываетъ письмо и хочетъ тотчасъ же писать о себѣ, но вотъ бѣда,—гдѣ взять перо и чернилъ? Долго думаетъ онъ и наконецъ рѣшается попросить у хозяйки.

— Александра Ивановна, робко говоритъ онъ вошедшей въ кухню хозяйкѣ: — дайте мнѣ чернилъ, перышка и бумажки.

— На что тебѣ?

— Письмо въ деревню писать надо.

— Ну погоди, я спрошу у Михайла Иваныча.

Она ушла изъ кухни. Ванюшка сталъ ожидать письменныхъ принадлежностей, но онъ жестоко ошибся: вмѣсто Александры Ивановны въ кухню выбѣжалъ самъ Черноносовъ и накинулся на него.

— Какой тебѣ бумажки нужно? зачѣмъ?

— Письмо въ деревню писать надо, чуть слышно проговорилъ мальчикъ.

— Что за глупости,—успѣешь! За дѣло приниматься нужно. Чѣмъ у тебя твоя голова занята? Разматывай шолкъ теперь; завтра напишешь.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Бѣдный Ванюшка такъ и не писалъ письма ни сегодня, ни завтра: онъ уже не смѣлъ больше просить чернилъ и пера; когда же пришелъ за письмомъ дядя Герасимъ, то Ванюшка настрочилъ нѣсколько словъ карандашомъ и велѣлъ словесно передать, что всѣмъ кланяется.

Прошли святки съ ихъ гаданьемъ и переряживаньемъ, прошло и Крещенье. Апраксинцы уже не гуляютъ болѣе на Невскомъ, а перенесли свою резиденцію на Дворцовую набережную. Наступило то время, когда всѣ женихающіеся апраксинцы помышляютъ о соединеніи себя узами Гименея. Только и слышишь, что тотъ-то женится на такой-то и беретъ столько-то, такой-то выдаетъ дочь за такого-то и даетъ столько-то. Апраксинецъ, какой бы онъ ни былъ, хоть „лыкомъ шитый“, по мѣстному выраженію, хоть торгующій на развалѣ ржавыми пуговицами и битой посудой, и то не женится на невѣстѣ-бевприданницѣ, и поэтому ту-

земныя невѣсты безъ прилагательнаго навѣрное останутся въ дѣвицахъ. По мнѣнію апраксинцевъ, бракъ есть дѣло коммерческое, и потому-то именно оно дѣлается, какъ и всѣ биржевыя дѣла, чрезъ маклеровъ, то-есть свахъ, которыя имѣютъ невѣстъ на всѣ руки. Въ послѣднее время, впрочемъ, на Апраксиномъ завелась слѣдующая мода: хозяева начали выдавать своихъ дочерей за своихъ прикащиковъ. Ежели смотрѣть на это съ критической точки зрѣнія, то это очень практично: прикащикъ, знающій хорошо дѣло, котораго отецъ невѣсты знаетъ нѣсколько лѣтъ и приглядѣлся къ его характеру, можетъ быть гораздо лучшимъ мужемъ, чѣмъ какой-нибудь сосватанный свахою хозяйскій сынокъ, торгующій изъ-подъ отцовской палки. Прикащикъ, котораго отецъ невѣсты поставитъ на ноги и сниметъ для него лавку, будетъ способнѣе прокормить семейство. Какъ-бы ни были ограничены средства апраксинца, онъ непремѣнно сдѣлаетъ болѣе или менѣе парадную свадьбу, хотя бы на это ему пришлось употребить болѣе половины своего состоянія, День свадьбы обыкновенно празднуется у кухмистера, гдѣ бываетъ обѣденный столъ и послѣ танцы, нерѣдко часовъ до шести утра. Случается такъ: ежели женихъ не умѣетъ танцовать, то нарочно учится для этого, чтобы пройтись нѣсколько кадрилей.

Вотъ какъ обыкновенно устраиваются браки:

Лишь только женихъ найдетъ себѣ подходящую невѣсту и сойдется въ приданомъ по росписи, принесенной ему свахой, тотчасъ же проситъ у отца невѣсты назначить день послѣднихъ смотринъ. День назначается и женихъ, въ сопровожденіи родственниковъ, является въ домъ будущаго тестя, который и встрѣчаетъ ихъ. Нѣтъ ничего глупѣе этой сцены. Всѣ садятся; начинается разговоръ о погодѣ, о церквахъ и незамѣтно сворачивается на торговлю. Здѣсь женихъ крѣпись: онъ долженъ высказать все свое знаніе дѣла. Вскорѣ является невѣста, робко

потупляетъ взоръ, раскланивается и садится; за нею слѣдомъ идутъ мать и сваха. Минутъ съ десять все-еще длится разговоръ; наконецъ женихъ встаетъ съ мѣста и шепчетъ отцу невѣсты: „мнѣ нужно съ вами кой о чемъ переговорить". „Пожалуйте, пожалуйте!" отвѣчаетъ тотъ, и они уходятъ въ другую комнату. Здѣсь женихъ объявляетъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ пришелъ въ домъ, и спрашиваетъ, все-ли то есть за невѣстой, что означено въ росписи. Тесть согласенъ, ударяетъ по рукѣ будущаго зятя, лобызаетъ его, выводитъ его передъ лицо невѣсты и объявляетъ женихомъ. Всѣ молятся Богу, причемъ мать невѣсты и вся женская родня считаютъ за нужное прослезиться. Является бутылка хересу, присутствующіе пьютъ и поздравляютъ *съ начатіемъ дѣла.* Жениха тоже принуждаютъ выпить: онъ беретъ рюмку, прикасается къ ней губами и снова ставитъ на подносъ. Великій искусъ для пьющаго человѣка! Но было-бы верхомъ невѣжества, ежели-бы онъ выпилъ всю рюмку: тогда онъ проигралъ-бы во мнѣніи родни по-крайней-мѣрѣ процентовъ на двадцать пять. Подаютъ чай. Женихъ садится рядомъ съ невѣстой, и здѣсь-то слѣдуетъ преглупѣйшая сцена, едва-ли не глупѣе сцены встрѣчи. Женихъ всѣми силами старается быть любезнымъ, хочетъ сказать что-нибудь дѣльное, но какъ ни осматриваетъ потолокъ и печку въ комнатѣ, ища въ нихъ вдохновенія, все-таки остается нѣмъ какъ рыба; а невѣстѣ самой начать разговоръ неприлично,—сочтется выскочкой: ей еще съ малолѣтства натолковали, что она должна быть скромною и больше молчать. Наконецъ женихъ откашливается и спрашиваетъ:

— Я вамъ нравлюсь?

— Да... отвѣчаетъ невѣста.

— И вы мнѣ тоже нравитесь. Погодите, мы съ вами лихо заживемъ!

Снова слѣдуетъ молчаніе, и будущіе супруги снова начинаютъ

созерцать—одинъ потолокъ и печку, а другая свое платье. Присутствующіе выводятъ ихъ изъ замѣшательства и продолжаютъ прерванный разговоръ о торговлѣ.

На другой день отецъ невѣсты выходитъ въ лавку, потираетъ, стоя на порогѣ, свое брюшко и объявляетъ сосѣдямъ, что выдаетъ дочь замужъ, выражаясь слѣдущимъ образомъ: „А вѣдь мы вчера *дочку-то*, *Богу помолились*, *по рукамъ ударили*, *пропили*!“—„За кого?“—„За Семена Брюхина.“—„Ну, поздравляю! Славный парень!“

И черезъ часъ весь Апраксинъ знаетъ о вчерашнемъ происшествіи. Съ этихъ поръ женихъ начинаетъ ходить къ невѣстѣ каждый день вплоть до самой свадьбы.

Нашъ знакомецъ Степанъ Иванычъ Харламовъ тоже выдаетъ свою дочь замужъ. Женихъ, Николай Михалычъ Бирюковъ, мужчина лѣтъ двадцати-двухъ, но уже покутившій на своемъ вѣку,—женихъ очень выгодный, изъ *современныхъ*, то, что на Апраксиномъ называютъ *мазикомъ*, съ галантерейными манерами, носитъ усы и ходитъ во фракѣ, отчего онъ очень нравится невѣстѣ. Отецъ его торгуетъ желѣзомъ и очень богатый человѣкъ. Черезъ недѣлю назначена свадьба, заказаны билеты и нанята у Сорочихи (*) парадная золотая карета четверней и съ двумя лакеями. У Семена Иваныча каждый день вечеринка; женихъ является съ пріятелями и начинаются танцы. У невѣсты гостятъ всѣ ея подруги и помогаютъ дошивать приданое.

Вотъ и сегодня пріѣхалъ женихъ съ пріятелями, привезъ для дѣвицъ конфектъ и сдѣлалъ сюрпризъ—нанялъ тапера. Всѣ безотчетно веселы; смѣхъ, говоръ, старики играютъ въ горку... „Веселая свадьба!“ говорятъ гости. Оттанцовали кадриль и молодежь отправилась „затянуться,“ кто въявь, а кому это удоволь-

(*) Сорочиха, содержательница извозчичьихъ каретъ.

ствіе запрещено, тотъ и тайкомъ. Пріятели уже порядочно *заложили за галстукъ*, даже и женихъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина и заѣдаетъ кофеинкой и пфефермéнтами.

— Смотри, не ѣшь этихъ мятныхъ лепешекъ: сейчасъ подумаютъ, что заѣдалъ,—даетъ совѣтъ Миша, пріятель его.— Отъ меня тятенька какъ услышитъ, что мятой пахнетъ, такъ и начинаетъ коситься; сейчасъ догадается.

— Ничего, отвѣчаетъ женихъ:—въ разговорѣ какъ-нибудь упомяну, что животъ болитъ.

— Когда же мы съ тобой покутимъ въ послѣдній разъ? спрашиваетъ Ѳедя, тоже мазъ, съ кучею брелоковъ на часовой цѣпочкѣ.

— Въ воскресенье, братцы, въ воскресенье, отвѣчаетъ женихъ:—вечеромъ нельзя, здѣсь быть надо; а мы съ утра закатимся, часовъ эдакъ съ десяти.

— Браво, и послѣ выспаться успѣемъ! Знаешь, братъ, я больше съ лихачемъ Николашкой ни за что не буду ѣздить. Лихую онъ штуку со мной удралъ. Ѣздилъ я съ нимъ на Петровскій, дѣвочка со мной была; послѣ, знаешь, на обратномъ пути отвезъ ее, да и поѣхалъ домой. Я никогда у нашихъ воротъ не останавливаюсь, всегда на углу, не доѣзжая нашего дома. Вышелъ изъ саней, да и подаю ему пять рублей. Проситъ на чай. Далъ рубль,—мало. Сколько-же, говорю, тебѣ нужно? „Пять рублей, говоритъ, само по себѣ, да красненькую на чай дайте.“ Что ты, говорю, съ ума сошелъ?—да и иду отъ него прочь, а онъ меня окликиваетъ: „Василій Родіонычъ! пожалуйте, говоритъ, на пять словъ.“ Что тебѣ? спрашиваю. „Дайте, говоритъ, на чай, а то безпремѣнно тятенькѣ вашему скажу, что вы со мной ѣздите, да и про дамочку вашу ему разскажу.“ Это про Маньку-то. Просто вскипѣлъ я: ахъ ты, говорю, подлецъ эдакой, карманна выгрузка! А онъ мнѣ; „не ругайтесь

говоритъ, а дайте красненькую, а то ей-Богу тятенькѣ вашему про все разскажу; я вѣдь его, говоритъ, хорошо знаю.“ Бился-бился я,—отдалъ деньги. Что, думаю, ежели вдругъ отцу разскажетъ? Бѣда. Вотъ какая сволочь!

Вся компанія захохотала.

— Послѣ я уже вспомнилъ, что онъ со мной ѣздимши, все меня выпытывалъ: гдѣ мы торгуемъ да гдѣ живемъ. Это онъ подвохъ дѣлалъ.

— Ахъ, братцы, какъ-бы мнѣ съ моей Катюшкой развязаться? Ну, ежели что задумаетъ? шепчетъ женихъ, наклонясь къ своимъ пріятелямъ. — Три сотенныя бы далъ, только бы отстала.

— Погоди, обдѣлаемъ, все будетъ *на мази.*

— Нѣтъ, братъ, табакъ-дѣло! отвѣчаетъ женихъ, затягивается папиросой и трясетъ своей завитой головой.

Поздно уѣхалъ женихъ съ пріятелями, и дѣвицы, вытащивъ въ залу нѣсколько перинъ, начали укладываться спать. Что визгу, что шуму, что замѣчаній про кавалеровъ, обдумыванія нарядовъ къ свадебному балу! Долго, долго не могли онѣ уснуть, но проспали за то на другой день часу до перваго.

Пришло воскресенье. Въ одной изъ гостинницъ свершился прощальный кутежъ. Николай Михайлычъ Бирюковъ провожалъ свою холостую жизнь. Много было выпито разнаго вина, и пріятели жениха напились или, по ихъ выраженію, *насандалились* до положенія ризъ, да и у самого жениха съузились глаза и плохо ворочался языкъ. Кой-какъ съ помощію лакеевъ добрели они до нумеровъ и изъ объятій Бахуса перешли въ объятія Морфея. Женихъ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру и уснулъ сномъ праведника, но помня, что ему сегодня надо быть у невѣсты, предварительно далъ приказаніе разбудить себя въ шесть часовъ и приготовить побольше зельтерской воды и лимонадъ-газесу. Съ тру-

домъ растолкалъ номерной лакей жениха и его пріятелей. Многіе взглянули на себя въ зеркало и сами не узнали своихъ физіономій: чужія лица, да и только! Какъ ни умывались они холодной водой, какъ ни отдувались зельтерской водой и лимонадомъ, но все-еще были далеко не трезвы. „Опохмѣлиться-бы важно!“ замѣтилъ кто-то; но женихъ объявилъ на отрѣзъ, что больше ни синя пороха не будетъ, а кто только одну рюмку выпьетъ, того онъ не возьметъ къ невѣстѣ.

Но это еще не все, читатели, это не послѣдній кутежъ: настоящее безобразіе будетъ впереди.

У апраксинцевъ, да и вообще у купечества средней руки, существуетъ дикій обычай,—за день или дня за два до свадьбы ѣздить огромной компаніей въ баню. Это-бы еще ничего, пускай себѣ моются; но мытье это происходитъ среди страшнаго пьянства и оргіи, да и не у однихъ мужчинъ, а даже у женщинъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ къ жениху Бирюкову собрались всѣ его пріятели, отправились въ Туляковы бани, гдѣ и взяли большой парадный номеръ, который нарочно устроенъ для подобныхъ случаевъ. Что тамъ было и каковы были по выходѣ изъ бани пріѣхавшіе омывать свою грѣшную плоть, можно судить по тому, что по пріѣздѣ два мальчика Бирюкова внесли въ баню большую корзину съ разнымъ виномъ, и по выходѣ не вынесли ни одной бутылки; да еще прибавьте къ этому поддаваніе виномъ на раскаленную каменку. Двое пріятелей жениха напились даже до совершеннаго безчувствія. Ихъ пробовали отливать водой, терли имъ уши, но ничего не помогло. Кой-какъ напялили на нихъ рубахи, окутали въ шубы и повезли домой.

Тоже почти было и у женщинъ. Невѣста въ сопровожденіи своихъ подругъ, свахи, замужнихъ родственницъ и женской прислуги, отправилась въ ту-же баню, съ тою только разницею, что днемъ. И здѣсь не обошлось безъ вина: обычай требуетъ, чтобъ

въ этотъ день пили вино и поддавали имъ на каменку. На Руси говорятъ, что ежели баба выпьетъ на грошъ, то накричитъ на рубль, и это чистѣйшая правда. Запѣли, закричали, завизжали моющіяся и даже составили кадриль подъ пѣсни, съ акомпаниментомъ ударовъ въ тазы. Ежели, читатель, вамъ когда-нибудь случится увидѣть на улицѣ двѣ-три кареты, нагруженныя женщинами и везомыя лошадьми, гривы и сбруя которыхъ украшены цвѣтными лентами,—знайте, это непремѣнно ѣдетъ изъ бани невѣста въ сопровожденіи своихъ безобразницъ-родственницъ. Безстыдство и цинизмъ этихъ бабъ превосходитъ иногда всякія границы. Онѣ доходятъ до того, что не только-что поютъ на всю улицу пѣсни, но даже, высовываясь изъ оконъ каретъ, задѣваютъ и ругаютъ прохожихъ и нерѣдко бросаютъ въ нихъ вѣниками и порожними бутылками. Въ это время бѣдная невѣста и ея подруги, сгарая отъ стыда, укутываются въ платки, стараясь не быть замѣченными прохожими.

На другой день былъ дѣвишникъ. Еще до пріѣзда Бирюкова, къ невѣстѣ пріѣхалъ Вася, его шаферъ, и дружка жениха, тотъ самый Вася, котораго надулъ лихачъ на десять цѣлковыхъ. Онъ привезъ ларецъ; между платочками, перчатками, духами и мыломъ, румянами и бѣлилами, тамъ были и цѣнныя вещи: золотые часы съ брошкой, браслетъ брильянтовый и такія-же шпильки. Вскорѣ пріѣхалъ женихъ; онъ былъ что-то разстроенъ; посидѣвъ немного съ невѣстой, онъ пошелъ покурить въ молодцовую и мигнулъ своему шаферу Васѣ, чтобъ тотъ слѣдовалъ за нимъ. У Степана Иваныча въ залѣ не курили. Онъ не былъ раскольникомъ, но и не терпѣлъ табачнаго дыма.

— Дѣло, братъ, *яманъ*, Вася!

— А что?

— Да съ Катюшкой сообразить не могу.

— Что же?

— Была у меня сегодня въ лавкѣ. Давалъ ей три сотни, не беретъ. Даже совѣстно: при молодцахъ плюнула и ушла. Что, ежели она къ отцу явится?

— Табакъ, братъ, дѣло, истинно яманъ-сортъ!—И Вася щелкнулъ языкомъ.—Что-же ей, мало, что-ли?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. „Ни копѣйки, говоритъ, не возьму; да вы, говоритъ, и не бойтесь, что я свадьбу вашу разстраивать стану; я, говоритъ, и стыда на себя не возьму; я, говоритъ, васъ ненавижу теперь.“ Что, Вася, нѣтъ-ли тутъ какого подвоху? Смотри, чтобъ въ чемъ въ другомъ не наегорила?

— Маргафонъ, братъ, ты, и больше ничего. Крестись обѣими руками: извѣстно, чиновничья кровь заговорила. Тятенька въ судѣ строчилой служилъ: на грошъ амуниціи, на рубль амбиціи! Что она, въ церковь что-ли придетъ? Гришуху поставимъ у двери, да и не пустимъ ее.

Женихъ немного повеселѣлъ. Въ молодцовую вошелъ Степанъ Иванычъ.

— Николай Михайлычъ, подь-ка сюда; мнѣ съ тобой потолковать нужно.

Онъ привелъ его въ комнату, гдѣ стояло приданое невѣсты. Комната эта походила на мебельную лавку; она была вся заставлена стульями, комодомъ, туалетомъ, шкафами, диванами и прочей мебелью.

— Считай.

И Степанъ Иванычъ вынулъ изъ боковаго кармана пачку пятипроцентныхъ билетовъ.

— Десять тысячъ. Вѣрно? спросилъ онъ, когда Бирюковъ сосчиталъ билеты.

— Вѣрно-съ.

— Теперича давай ихъ сюда. Видишь, я кладу въ комодъ, въ верхній ящикъ.

Женихъ не хотѣлъ быть одинъ свидѣтелемъ всего этого и позвалъ своего отца. Въ присутствіи ихъ были положены деньги въ верхній ящикъ комода. Женихъ самъ заперъ его и ключъ положилъ въ карманъ.

— Ну, теперь сдѣлалъ все на чистоту. Обнимемся, сватъ.

И Степанъ Иванычъ обнялъ сперва свата, потомъ жениха. Вообще въ этотъ день женихъ не бываетъ долго у невѣсты и потому Николай Михайлычъ часу въ одиннадцатомъ ушелъ домой. Невѣста разобрала свой ларецъ и одѣлила дѣвицъ, которыя не ночевали эту ночь у нея и уѣхали съ своими родными домой.

Въ субботу, наканунѣ дня свадьбы, къ жениху отправляли приданое. За приданымъ пріѣхалъ дружка. Съ нимъ было человѣкъ тридцать носильщиковъ,—всѣ въ синихъ кафтанахъ. У невѣсты ихъ угощали водкой и подарили по платку.

— Ну, дай Богъ здоровья Николаю Михайловичу; вишь какъ онъ почитаетъ свою невѣсту, говорила сваха.—Народу-то, народу-то что за приданымъ пригналъ. Со всѣмъ парадомъ понесутъ!

Дружка подошелъ къ комоду, отворилъ верхній ящикъ, вынулъ оттуда деньги и, сосчитавъ ихъ, положилъ себѣ въ карманъ.

Носильщики начали выносить мебель на дворъ. Дѣло дошло до перины. Подруги невѣсты сѣли на нее и не давали выносить. Началась церемонія выкупа перины.

— Отдайте, дѣвицы, говорилъ стоящій передъ ними дружка.— Я вамъ въ ножки поклонюсь!

— Экъ съ чѣмъ подъѣхали! кричали ему дѣвицы.

— Дешево даешь, домой не донесешь! замѣтила сваха.

— Чего-же вы хотите?

— Выкупу!...

— Ну, вотъ вамъ, проговорилъ дружка и вынулъ десятирублевую бумажку.

— Дешево цѣните! закричали дѣвицы. — Не отдадимъ и запѣли.

Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны...

— Прибавляй, полно сквалыжничать-то! Вѣдь это перина, безъ нея никакъ ужъ не обойдешься, вещь самая нужная! говорила сваха.

Дѣвицы засмѣялись. Дружка далъ еще пятнадцать рублей.

— Мало, мало! кричали дѣвицы и снова запѣли туже пѣсню.

— Много-ли-же вамъ надо? спросилъ дружка.

— Давайте еще столько-же, тогда и отдадимъ.

— Ну, хорошо, дамъ, только мнѣ по поцѣлую отъ каждой.

— Ну, давайте!

Дружка далъ еще 25 рублей. Дѣвицы встали съ перины, запѣли пѣсню, въ которой говорилось, что „друженька хорошенькій, пригоженькій, на друженькѣ шапка во сто рублей, шуба въ тысячу“ и дали ему обѣщанное, то-есть поцѣловали его.

— Ну, Василій Родіонычъ, теперь отправимся, только вотъ дорожку смочить надо, чтобъ не пылило. Ужъ по порядку такъ слѣдуетъ, говорила дружкѣ сваха.

Появилось вино. Дружка выпилъ восемь рюмокъ,—почти каждая дѣвица требовала, чтобъ онъ пилъ за ея здоровье.

— Ну, теперь ужъ пора ѣхать, отпустите меня, дѣвицы, проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

Глаза его уже порядочно съузились. Прощаясь съ нимъ, мать невѣсты подарила ему матеріи на сюртукъ.

— Ну, прощайте!

— Стой, стой, родной! Посошокъ на дорожку выпить надо.

Выпили посошокъ. Дѣвицы начали выносить на дворъ перину и подушки и укладывать ихъ въ карету.

Дружка надѣлъ шубу. Она была вся въ бантахъ изъ цвѣтныхъ лентъ. Въ то время какъ совершался выкупъ перины, дѣвицы успѣли украсить ими шубу.

Въ карету между подушекъ и перины сѣли дружка и сваха.

— Ну съ Богомъ! Трогайте! кричали имъ съ крыльца.

Карета поѣхала.

— Отворяйте ворота!

— Не отворимъ, выкупъ давайте! говорили стоящіе у воротъ: дворникъ, водовозъ и кучеръ Харламова.

Начался снова торгъ. За десять цѣлковыхъ ворота отворили и потянулась процессія. Впередъ несли кровать, ее несли шесть человѣкъ, далѣе комодъ, шкафъ и другую мебель. Шествіе замыкала карета съ периной, подушками, свахой и дружкой.

Сваха сидѣла съ образомъ въ рукахъ и шептала какія-то слова, могущія, по ея мнѣнію, принесть счастіе въ домъ жениха.

— Чье это приданое несутъ? спрашивали любопытные прохожіе у носильщиковъ.

— Харламовой,—за купца Бирюкова отдаютъ ее, съ важностію отвѣчаютъ носильщики и идутъ далѣе.

IV.

Но вотъ насталъ день свадьбы. Не стану описывать сборы въ церковь со стороны жениха и невѣсты, но скажу, что вѣнчаніе было очень парадное. Церковь была въ полномъ освѣщеніи и на клиросѣ пѣли невскіе пѣвчіе. Подъ конецъ апостола дьяконъ такъ хватилъ „а жена да боится своего мужа“, что даже невѣста вздрогнула, а мужчины одобрительно переглянулись и подумали: „вишь какая сила!“

Теперь отправимтесь, читатели, на обѣдъ и на балъ въ квартиру кухмистера.

Новобрачные еще не пріѣзжали изъ церкви. Въ залѣ и въ смежной съ нею комнатѣ накрыты обѣденные столы *покоемъ*. Они украшены фруктами, конфектами на горкѣ и полинялыми цвѣтами въ вазахъ. Ежели вы прослѣдите внимательно вина и напитки, которыми уставленъ столъ въ залѣ, то на одномъ концѣ его увидите бутылки съ металлическими украшеніями на горлышкахъ и ярлыками съ болѣе высшими цѣнами, чѣмъ на другомъ концѣ. Здѣсь сядутъ почетные гости. На столѣ же въ другой комнатѣ вина разставлены гораздо рѣже; ихъ замѣняетъ пиво и графины водки. Гости уже начинаютъ съѣзжаться. Кавалеры приглаживаютъ передъ зеркаломъ свои прически, дамы отряхиваютъ платья и входятъ въ залу. Сначала всѣ какъ-то дичатся другъ друга. Вотъ одинъ фертикъ, съ закрученными усиками и съ буклями на вискахъ въ видѣ сосисокъ, прохаживается по залѣ. Стоячіе воротнички его рубашки такъ и упираютъ въ подбородокъ; стараясь, чтобы ихъ не измять, онъ ворочается всѣмъ тѣломъ. Немало также его стѣсненію способствуетъ шляпа. Онъ совершенно не можетъ придумать, что ему съ ней дѣлать; то прижметъ къ правой колѣнкѣ, то къ лѣвой, то къ груди, стараясь при этомъ выказать свой брильянтовый перстень, надѣтый сверхъ бѣлой перчатки на указательный палецъ правой руки.

Въ залу входятъ тятенька, маменька и двое чадъ ихъ: дочь, пухленькая, краснощекая дѣвушка лѣтъ шестнадцати въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ, и сынъ лѣтъ девятнадцати, въ сюртукѣ и цвѣтномъ галстукѣ;—физіономія, напоминающая господина, котораго обыкновенно пишутъ на цирюльныхъ вывѣскахъ: тѣ же усы, та же прическа. Тятенька ихъ въ длиннополомъ сюртукѣ и дутыхъ сапогахъ. Изъ-подъ его клинистой бороды

виднѣются двѣ медали, одна на красной, другая на голубой лентахъ. Маменька, съ повязанной косынкою на головѣ, въ длинныхъ брильянтовыхъ серьгахъ и съ брюшкомъ довольно почтеннаго размѣра.

Молодой человѣкъ съ перстнемъ на указательномъ пальцѣ все еще прогуливается и думаетъ: „Пора и о дамѣ позаботиться, а то послѣ обѣда не успѣешь носа утереть, какъ и расхватаютъ ихъ. Вотъ важная штучка: пойду и попрошу ее на кадриль.“ Онъ предварительно топнулъ ногою, какъ застоявшаяся лошадь, поправилъ галстукъ и, нагнувъ немного голову, какъ будто кого-нибудь сбирался боднуть, подошелъ къ знакомой уже намъ дѣвицѣ въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ.

— Позвольте васъ анжировать на первую кадриль,—началъ онъ, расшаркиваясь.

Дѣвушка зардѣлась ярче своего платья, опустила глазки и прошептала:

— Извольте.

— А на ланце?

— Я не танцую.

Кавалеръ, очень довольный собою, отошелъ въ сторону.

— Что, Паша? Хе-хе-хе!.. Вотъ и завербовала одного молодца,—шутитъ съ нею тятенька.—Главное дѣло починъ есть,—а починъ дороже денегъ. Хе-хе-хе!

— Ахъ, папенька, оставьте?

— Оставьте! а небось самой любо. А ты чтожъ себѣ дѣвушку не ищешь? обратился онъ къ сыну.—Хошь, я тебѣ найду?

— Нѣтъ, тятенька, не извольте безпокоиться; я лучше ужо, по-малости въ горку, сыграю...

Въ углу на столѣ поставлена закуска съ цѣлою батареею штофовъ, графиновъ и бутылокъ. Поодаль стоятъ двое гостей въ сибиркахъ. Они разговариваютъ, но разговоръ ихъ какъ-то

не клеится; головы ихъ то и дѣло поворачиваются къ закускѣ. Подобно магниту, притягивающему желѣзо, столъ съ бутылками и штофами такъ и притягиваетъ ихъ. Нѣсколько времени они борятся съ притягательной силой, наконецъ она беретъ верхъ, и они подходятъ къ столу.

— Выпьемте, Иванъ Иванычъ, говоритъ одинъ:—вѣдь еще долго дожидаться, и наливаетъ двѣ рюмки.

Офиціанту, стоящему поодаль, такая несвоевременная выпивка очень не нравится. Онъ начинаетъ коситься.

— Ты на вѣнчанье-то не поѣхалъ?

— Не поѣхалъ. Чего я тамъ не видалъ?

— Обыкновенно... И я вотъ тоже не поѣхалъ. Да и лучше оно, по-крайности мы здѣсь рюмку, другую выпьемъ, говоритъ Иванъ Иванычъ, выпивъ рюмку водки, и тыкаетъ вилкой въ селедку.

Увидя это, офиціантъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ нимъ.

— Ужъ вы хоть селедку-то не портьте. Закусывайте вонъ сыромъ, а то какой вы видъ теперь изъ нея сдѣлали, замѣчаетъ онъ.

— Чтожъ, развѣ мы не гости?...

— Кто говоритъ, что вы не гости, да на все чередъ знать надо. Смотрите, развѣ кто пьетъ теперь....

— Ну, ничего, поправишь, замѣчаютъ гости и отходятъ въ сторону.

Комнаты все болѣе и болѣе наполняются гостями. Кажется, вся каста патриціевъ-хозяевъ собралась здѣсь, начиная съ лицевой аристократической линіи и до тряпичнаго ряда. Музыканты строятъ свои инструменты.

Въ залу вбѣгаетъ Миша, шаферъ жениха; въ петлицѣ его фрака красуется розанъ.

— Михайло Родіонычъ! Михайло Родіонычъ! пищитъ ему

одна гостья: — вы замѣтили, чья свѣчка больше обгорѣла: жениха, или невѣстина?

— Невѣстина, невѣстина! впопыхахъ отвѣчаетъ шаферъ и стремится далѣе.

— Бѣдняжечка! раньше женишка умретъ! продолжаетъ гостья и отходитъ въ сторону.

Но вотъ офиціантъ махнулъ салфеткой музыкантамъ и раздались звуки какого-то марша. „Пріѣхали, пріхали!“ послышался шопотъ, и въ залу въ сопровожденіи гостей вошли новобрачные. Живо бросилась мужская половина рода человѣческаго къ закускѣ и въ нѣсколько минутъ опустошила столъ. Нѣкоторыя женщины удалились въ отдѣльную комнату и тоже пропустили по маленькой очищенной. Черезъ четверть часа всѣ уже сидѣли за столомъ. На самой серединѣ, передъ вазою съ цвѣтами, на которой изображены сатиръ и нимфа, сидятъ новобрачные; по правую и по лѣвую сторону—ихъ родители; далѣе дьяконъ, тотъ самый дьяконъ, который такъ удивилъ своимъ голосомъ въ церкви, родственники и почетные гости, между которыми два офицера въ парадной формѣ и полицейскій чиновникъ. Офицеры эти приглашены самимъ кухмистеромъ. У одного конца сидитъ цѣлый рядъ дѣвицъ и напротивъ ихъ кавалеры. Въ комнатѣ, смежной съ залою, помѣстились третье-степенные гости— молодцы Бирюкова и Харламова и всѣ любящіе выпить и вмѣстѣ съ тѣмъ боящіеся общественнаго мнѣнія.

Бокалы налиты шампанскимъ. „За здоровье новобрачныхъ!“ прокричалъ офиціантъ, музыканты заиграли тушъ и гости забили вилками въ тарелки и рюмки.

— Горько! проговорилъ кто-то изъ родственниковъ невѣсты.

— И мнѣ горько! отозвался другой:—подсластите!

Новобрачные посмотрѣли другъ на друга.

— Миколай! чтожъ, поцѣлуй жену-то! проговорилъ Бирюковъ, толкнувъ подъ бокъ сына.

И они поцѣловались. Ярко зардѣлась новобрачная, исполнивъ требованіе родственниковъ и только-что сѣла, какъ снова послышалось „горько.“ Церемонія повторилась. Что дѣлать, обычай старины! Попробуй-ка его не исполнить, такъ апраксинскія сплетницы всѣ кости перемоютъ!

Разговоръ становился все живѣе и живѣе. Какой-то гость разсказывалъ дьякону про одну свою покупательницу игуменью, которая забирала у него въ лавкѣ духовъ, помады, бѣлилъ, гребенокъ и прочихъ вещей на триста рублей въ годъ. „Для всего монастыря бывало наберетъ, и все товаръ самый лучшій; не торгуясь и деньги отдаетъ.“

— Это вы про Булаховскій монастырь говорите?

— Да.

— Э, батенька, да куда же имъ и деньги-то дѣвать! Народъ все богатый: по буднямъ въ шелковыхъ платьяхъ ходятъ, да еще кринолины поддѣнутъ. Ну-ка, пройдемтесь по рюмочкѣ.

— Извольте, отецъ дьяконъ!

— За ваше здоровье, Анна Максимовна! говоритъ одинъ изъ шеренги кавалеровъ, помѣщающихся передъ дѣвицами, и выпиваетъ рюмку мадеры.

— Эка важность! смотрите, выпилъ и облизывается! Я такъ, Анна Максимовна, за ваше здоровье лучше жаркого съ сахаромъ съѣмъ—перебиваетъ другой и дѣйствительно сыплетъ въ тарелку сахаръ.

— Я такъ за здоровье дѣвицъ съѣлъ бы съ дегтемъ, еже-ли бы онъ здѣсь былъ, снова говоритъ первый кавалеръ.

— А я такъ бы рюмку скипидару выпилъ.

— Выпейте! мы сейчасъ скажемъ официанту, чтобъ онъ принесъ вамъ, жеманно отвѣчаютъ дѣвицы.

— Ахъ, мальчикъ, мальчикъ! смотри, на тебя тятенька глядитъ, уши выдеретъ!—И кавалеръ, желавшій съѣсть за здоровье дѣвицъ жаркого съ дегтемъ, сбиваетъ прическу изъявившему желаніе выпитъ скипидару.

— Ну, не балуйся! оставь! говоритъ кавалеръ, вытаскивая изъ кармана гребенку и причесываясь.—Я, Надежда Степановна, васъ сегодня видѣлъ-съ, вы мимо нашей лавки изволили проходить!

— Полно врать, пойдутъ-ли они по вашему ряду! Вѣдь онъ въ проходномъ ряду пылью торгуетъ. Эту лавку ему тятенька на отчетъ далъ, больше ему не довѣряетъ; на полкѣ только и товару, что пыль, аршинъ, ножницы да котъ голодный.

Всѣ эти разговоры велись собственно для того, чтобъ занять дѣвицъ; по мнѣнію апраксинскихъ моншеровъ, въ этихъ-то выходкахъ и заключается свѣтскость молодаго человѣка. Все это называется „смѣшить дѣвицъ.“

Шеренга дѣвицъ, кажется, рѣшилась ничего не ѣстъ: онѣ не прикасаются ни къ одному блюду, а то и дѣло пьютъ медъ, который разливаютъ имъ въ стаканы услужливые кавалеры.

— Маша, ты видишь, какіе миленькіе офицерики сидятъ... Просто душки!... шепчетъ одна изъ дѣвицъ на ухо своей подругѣ.

— Херувимы!... Ты оставь для нихъ двѣ кадрили; я оставлю.

— У меня одна только и есть свободная. Первую я обѣщала Хвостикову, и ежели меня попроситъ офицеръ, я откажу Хвостикову,—отвѣчаетъ дѣвица и, сжавъ губы сердечкомъ, смотритъ на офицеровъ.

А вотъ и аристократъ Апраксина—Носковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, съ претензіею на джентльменство. Онъ считается первымъ франтомъ и ловеласомъ; всѣ мужья, обладающіе хорошенькими женами, видятъ въ немъ чуть-ли не вра-

га. Вотъ и теперь онъ присоединился къ какой-то дамочкѣ и напѣваетъ ей любезности. Дамочка ни жива, ни мертва: она видитъ за другимъ концомъ стола своего мужа, устремившаго на нее такой взглядъ, который можетъ поспорить со взглядомъ какого угодно ревниваго испанца. Отецъ Носкова славный человѣкъ, разъ пять дѣлалъ съ кредиторами сдѣлку, теперь купилъ домъ, расширилъ торговлю и отдыхаетъ на лаврахъ въ объятіяхъ какой-то Фрины чухонскаго происхожденія, которая и живетъ на его иждивеніи.

Выпили уже нѣсколько тостовъ; офиціантъ успѣлъ проврагься, прокричалъ здоровье дядюшки Степаниды Ивановны и тетушки Ивана Андреевича. Съ каждымъ тостомъ били въ тарелки все сильнѣе и сильнѣе и уже кричали ура; а одинъ гость вошелъ въ такое восторженное состояніе, что схватилъ двѣ тарелки и бросилъ ихъ на полъ. Вдругъ кто-то ругнулъ Бирюкова-отца и шатаясь вышелъ изъ-за стола. Шафера бросились за нимъ; оказалось, что это какой-то родственникъ новобрачнаго, обидѣвшійся, что не пили за его здоровье.

Обѣдъ приближался къ концу. Молодое поколѣніе начало кидаться хлѣбными шариками: такъ и бомбардируютъ другъ друга. Одинъ шарикъ попалъ прямо въ носъ полицейскаго чиновника; тотъ покосился, а у кинувшаго просто душа въ пятки ушла: хоть и на пиру, а все-же начальство. Мода киданія другъ въ друга хлѣбными шариками, бывшая прежде въ высшемъ кругу, перешла къ апраксинцамъ и существуетъ тамъ и понынѣ.

Шафера поминутно подходятъ къ гостямъ и наливаютъ ихъ рюмки виномъ. У Миши, шафера новобрачнаго, глаза уже значительно посоловѣли. Онъ пьетъ съ каждымъ понемногу. Офиціантъ провозгласилъ тостъ за здоровье шаферовъ и начались снова крики „ура“ и звонъ въ тарелки и стаканы; кажется, ударъ немного покрѣпче—и они разлетѣлись бы въ дребезги.

Шафера переходятъ изъ объятій въ объятія и всѣми силами стараются сохранить неприкосновенными розы, красующіяся въ петлицахъ ихъ фраковъ, которыя много терпятъ отъ этихъ объятій. „Шаферовъ качать, шаферовъ качать!" кричали нѣкоторые, но были отклонены отъ этого менѣе восторженными. Одинъ гость хотѣлъ было вскочить на столъ, но былъ удержанъ за фалды. Слово „горько" то и дѣло слышалось въ разныхъ концахъ стола, но новобрачные уже не исполняли болѣе требованій пирующихъ.

Послѣдній тостъ былъ „за здоровье всѣхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ". Снова ура, и снова звонъ посуды. Юноша, желавшій выпить рюмку скипидару, къ немалому удовольствію дѣвицъ выпилъ полрюмки уксусу; сосѣдъ его, изъявившій желаніе за здоровье Анны Максимовны съѣсть жаркого съ дегтемъ, нарочно уронилъ подъ столъ вилку, полѣзъ ее поднимать и поцѣловалъ у этой дѣвицы руку. Та такъ и зардѣлась... отъ удовольствія или отъ стыда—Богъ ее вѣдаетъ.

За столомъ въ другой комнатѣ было просто безобразіе; слышался какой-то несвязный говоръ, всѣ говорили вдругъ и никто не слушалъ. Одинъ гость до того упился, что легъ ту костьми; его тяжело дышавшее тѣло официанты вынесли на лѣстницу. Харламовскіе молодцы, забывшись, что кругомъ ихъ сидятъ посторонніе люди, начали изливать свои души передъ бирюковскими и, какъ водится, ругали хозяина.

Конецъ обѣда. Понесли бланманже. Знакомый намъ въ началѣ разсказа Блюдечкинъ, тянувшій во время обѣда очищенную и не дотрогивавшійся до другихъ винъ, началъ потчивать своего сына Павлю мадеркою. Блюдечкинъ посадилъ своего сына рядомъ съ собою, съ цѣлью, чтобъ онъ въ сообществѣ товарищей не выпилъ лишняго; но Павля былъ не такъ простъ: онъ разсчиталъ, что лучше послѣ выпьетъ, отказался отъ „мадерки"

и не сталъ пить при тятенькѣ. Офицеры были очень довольны, что попали на свадьбу; они попили, поѣли, попляшутъ до упаду и будутъ первыми кавалерами. Апраксинскія дамы, матери семействъ, пересудили все и вся, отъ башмака и до прически, и наконецъ замолчали.

— Не взыщите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! сказали старики Бирюковъ и Харламовъ и встали съ мѣста.

Примѣру ихъ послѣдовали всѣ гости и толпою отправились благодарить „за-хлѣбъ, за-соль“.

Послѣ обѣда тотчасъ-же составились партіи въ преферансъ и горку. Полицейскій чиновникъ, дьяконъ и четыре почетные гостя сѣли за зеленое поле, сначала по маленькой, пятачекъ темная. Нѣмцы-конторщики, у которыхъ Харламовъ покупаетъ товары, сгруппировались и тоже составили преферанчикъ. Это нужные люди для хозяина, потому около нихъ то и дѣло хлопаютъ пробки вдовы Клико. Блюдечкинъ поминутно шныряетъ между гостей; очищенная произвела надъ нимъ благотворное дѣйствіе: онъ то и дѣло пощипываетъ бородку, не обращаетъ вниманія на грѣховное быліе и, не заботясь о законѣ, помѣстился какъ-разъ подъ самую сигару Карла Иваныча Лукса.

— Извините, Карла Иванычъ, не обидьтесь, вотъ и я какъ Павлю женить буду, такой-же пиръ задамъ. Ужъ и то, не обидьтесь, шубу въ пятьсотъ рублей сшилъ: пусть, думаю, женихается.

Въ этотъ разъ онъ еще чаще пересыпалъ свою рѣчь поговорками: „извините“ и „не обидьтесь“.

Въ ожиданіи танцевъ, покамѣстъ въ залѣ уберутъ столы и полотеры натрутъ полъ, кавалеры собрались покурить.

Вотъ сидятъ два апраксинца. Это шикари, какъ называютъ ихъ туземцы. У одного фракъ, не въ примѣръ прочимъ, на подкладкѣ пунцоваго глясе, а другой въ голубомъ поджилетникѣ. Думалъ-ли французъ Шикаръ, что далеко-далеко

сѣверѣ, на Апраксиномъ, имя его войдетъ въ употребленіе и на долго останется!

Прислушаемтесь къ ихъ разговору.

— Что ты третьяго дня не былъ въ маскарадѣ? Я былъ.

— Полно врать-то! Неужто отче отпустилъ?

— Ха-ха-ха! Да, дожидайся, держи карманъ!.. Я, братъ, нынче и безъ спросу куда хочу, туда лечу: у меня такая механика подведена. Онъ часовъ въ одиннадцать завалился на боковую, а я по грязной лѣстницѣ и далъ тягу; молодца у дверей спать положилъ: какъ постучусь, такъ чтобы скорѣй отворилъ. Въ пять часовъ воротился, да чуть на него не наткнулся. Минутъ пять—и пропалъ-бы я: онъ ужъ былъ вставши и къ заутрени собирался.

— Расначилъ-бы (*) онъ тебя, ежели-бы увидалъ!

— Еще-бы!.. Ты съ кѣмъ первую кадриль танцуешь?

— Съ Черноносовой.

— Развѣ они здѣсь?

— Здѣсь, братъ... Муженекъ-то Михайло Иванычъ непремѣнно хотѣлъ сѣсть съ нею рядомъ; это, знаешь, изъ ревности, чтобъ никто съ ней не разговаривалъ, да ужъ шаферъ ему сказалъ: „Потрудитесь, говоритъ, Михайло Иванычъ, къ мужчинамъ сѣсть: здѣсь дамы сядутъ.“ Весь обѣдъ на нее смотрѣлъ. Ужъ будетъ-же ей завтра гонка!

— А что?

— Да вѣдь онъ такой аспидъ, что хуже цѣпной собаки: двухъ женъ загрызъ, это третья.

— А вотъ и бабошникъ! Смотри, ужъ клюкнулъ; при отцѣ за столомъ ничего не пилъ...

— Какой бабошникъ?

(*) Разругалъ.

— Павля Блюдечкинъ. Его бабошникомъ зовутъ у насъ въ рынкѣ. Отецъ думаетъ, что онъ еще ребенокъ, а у него одна штучка на вздержкѣ (*) есть. Мнѣ Сомилкова молодецъ сказывалъ: шляпку для нея къ Рождеству у него купилъ. Вотъ теперь и гляди. А монахомъ прикидывается!

— Ну, господа, кто хочетъ прохладиться, пожалуйте! вскричалъ вбѣжавшій въ комнату шаферъ.

Въ рукахъ его были двѣ бутылки мадеры. Официантъ несъ сзади рюмки.

— Ну, начинайте, за мое здоровье!

Слова эти не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; его такъ и осадили со всѣхъ сторонъ.

— Чтожъ, братъ Ваня, выпьемъ! обратился одинъ изъ шикарей къ своему товарищу.

— Да неловко: сейчасъ танцовать будемъ; я ужъ и то за обѣдомъ пилъ. Лучше подъ конецъ вечера кернемъ.

— Да ну, не разговаривай,—за компанію! За компанію жидъ удавился и монахъ женился!

Противъ такихъ доводовъ товарищъ уже не противорѣчилъ.

— Ну давай! проговорилъ онъ и выпилъ рюмку.

Въ залѣ грянула музыка и танцоры принялись надѣвать перчатки. Балъ открылся польскимъ. Въ первой парѣ шли новобрачные, сзади шли Харламовъ и Бирюковъ съ женами; они такъ развеселились, что захотѣли пройтись подъ музыку. Сожительница Харламова долго было не соглашалась на это, не хотѣла на старости лѣтъ брать грѣхъ на душу, да мужъ стащилъ съ мѣста. Кончился польскій и раздался ритурнель кадрили. Звуки барабана и тромбона такъ и наводняли залу. Кавалеры пригласили дамъ и начали разстанавливаться. Фертикъ, съ ко-

(*) На содержаніи.

торымъ мы познакомились еще до обѣда, подбѣжалъ къ дѣвицѣ, ангажированной имъ, какъ мы видѣли, на починѣ, и повелъ ее на другой конецъ залы. Маменька ея, какъ утка, переваливаясь съ ноги на ногу, поплелась за нею и сѣла сзади. Дѣвицѣ очень непріятно, что тутъ сидитъ мать.

— Маменька, не сидите тутъ, уйдите! шепнула она ей.

— Полно, Пашенька, что я тебѣ дѣлаю! Я вѣдь не мѣшаю.

— Уйдите, маменька, прошу васъ; вы меня при кавалерѣ просто съ ногъ срѣжете; у васъ завсегда поетъ въ животѣ, а теперь вы пообѣдали, такъ будетъ пѣть еще больше.

— Полно! что ты, дура, говоришь... Безстыдница эдакая! обидѣлась мать и не ушла съ мѣста.

— Намъ начинать-съ, обратился къ дѣвицѣ кавалеръ и подалъ ей руку.

Первая фигура кончилась.

— Вы съ жениховой или съ невѣстиной стороны? спросилъ кавалеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Съ жениховой.

— А я такъ съ невѣстиной. Въ жениху сродни приходитесь?

— Нѣтъ-съ... мой папенька съ ихнимъ тятенькой дѣла имѣютъ.

— Хм... Теперь еще прохладно, а ужо будетъ очень жарко. Намъ начинать-съ.

— Вы гдѣ изволите на квартерѣ стоять? обратился онъ къ ней послѣ третьей фигуры.

— Подъ Невскимъ.

— Вѣрно вашъ папенька хлѣбомъ торгуютъ?

— Да-съ.

— Вы куда въ церковь ходите?

— А вамъ на что знать?

— Такъ-съ...

— Въ Смольный.

— Въ слѣдующее воскресенье я буду тамъ у обѣдни... Вы гдѣ стоите?

— Я бываю съ папенькой и маменькой.

— А какъ васъ зовутъ-съ?

— Не знаю... я позабыла.

— Чтоже, скажите!

— Да право не знаю!—И дѣвица улыбнулась первый разъ во все время разговора.

— Намъ начинать-съ.

Антрактъ между третьей и четвертой фигурой прошелъ въ молчаніи. Кавалеръ снова спросилъ, какъ ее зовутъ, но получивъ отвѣтъ „не знаю,“ замолчалъ и началъ глядѣть на люстру, какъ-бы ища тамъ вдохновенія для бальнаго разговора. Вдругъ дама его покраснѣла: ея чуткое ухо услыхало, что въ животѣ у маменьки начался концертъ. Какое-то подобіе флейты такъ и выдѣлывало трель, но вдругъ оборвалось и разразилось контробаснымъ воемъ. Къ счастію, въ это время загремѣлъ барабанъ и кавалеръ былъ лишенъ возможности слышать окончаніе симфоніи.

Въ пятой фигурѣ извѣстный уже намъ шикарь во фракѣ на пунцовой подкладкѣ, танцовавшій съ Черноносовой, сдѣлалъ какое-то особенное соло, понравившееся многимъ. Двое офицеровъ, танцовавшіе vis-á-vis, захотѣли отличиться и въ концѣ кадрили усложнили шенъ и ввели въ него самыя разнообразныя фигуры. Дѣвицы, танцовавшія съ ними, были на верху блаженства.

И на апраксинскихъ женъ и дочерей, какъ и на прочихъ смертныхъ прекрасной половины рода человѣческаго, шпоры и эполеты наводятъ самое пріятное впечатлѣніе и играютъ не послѣднюю роль.

Балъ былъ въ самомъ разгарѣ. Незнакомые мужчипы познакомились и уже пили другъ съ другомъ за компанію; брудершафтъ еще неизвѣстенъ апраксинцамъ. Двухъ упившихся до зѣла гостей харламовскіе молодцы повезли домой. Хотѣли было танцовать мазурку, да только нашлись три умѣющія пары и ограничились полькой-трамблянъ. Офицеры отличились въ легкихъ танцахъ: двое ихъ отплясывало за десятерыхъ; только-что посадятъ дамъ на мѣсто, бѣгутъ къ другимъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Аннѣ Максимовнѣ и помчался съ нею по залѣ. Та такъ и млѣетъ; она чувствуетъ его руку на своей таліи и слышитъ на своей щекѣ его сладостное дыханіе, пропитанное винными парами и кріоновскимъ табакомъ. „Славно танцуетъ!“ подумалъ онъ и попросилъ ее на четвертую кадриль. Бирюковъ подошелъ къ офицерамъ, благодарилъ ихъ за неутомимость въ танцахъ и предложилъ роспить бутылочку „холодненькаго“. За бутылкой шампанскаго офицеры вывели заключеніе, что почти всѣ дѣвицы очень хорошенькія и большинство изъ нихъ танцуетъ отлично.

И въ самомъ дѣлѣ, читатель, дочери апраксинцевъ въ хореографическомъ искуствѣ довольно сильны, и это немудрено: прогрессъ проникъ и къ нимъ, и большинство изъ нихъ играютъ на фортепьяно. Почти въ каждомъ семействѣ, разумѣется не въ раскольничьемъ, есть фортепьяно; подруги сбираются вмѣстѣ, играютъ и танцуютъ. До чувствительныхъ романовъ и стихотвореній онѣ также охотницы; у нѣкоторыхъ даже есть альбомы, куда ихъ подруги и знакомые моншеры вклеиваютъ стишки. Многіе думаютъ, что мода эта уже отжила, но напротивъ, она и понынѣ существуетъ у апраксинскихъ барышенъ. Въ альбомахъ этихъ вы встрѣтите все, что слѣдуетъ: и сердце, пронзенное стрѣлою, и символъ вѣры, надежды и любви—крестъ, якорь и сердце; въ самой серединѣ книжки извѣстное четверостишіе:

«На послѣднимъ я листочки
Напишу четыри строчки
Взнакъ почтенія маво
Ахъ не вырвите ево.»

и даже списанное съ билетиковъ паточныхъ леденцовъ:

«Мила ты мнѣ мила
И будсішь и была.»

Офицеръ танцовалъ съ Анною Максимовною четвертую кадриль и объявилъ ей, что она царица бала. Отъ этихъ словъ у ней, какъ у вороны отъ похвалъ лисицы, „въ груди дыханіе сперло“ и она ничего на это ему не отвѣтила. Онъ такъ трещалъ, такъ разсыпался передъ ней, что рѣшительно обворожилъ ее, и когда спросилъ на память бантикъ отъ платья, то тотчасъ-же и получилъ его, съ просьбою только взять такъ, чтобы маменька не замѣтила.

— Можетъ-быть я съ вами гдѣ-нибудь увижусь? спросилъ онъ ее.—Вы куда ходите въ церковь?

— Къ Іоанну Предтечѣ.

— Я приду туда въ воскресенье.

— Приходите лучше въ субботу ко всенощной, сказала она и сама испугалась своихъ словъ. „Я приду тогда съ горничной“, подумала она.

Нѣкоторые подпившіе патріоты, еще не промѣнявшіе сибирки на фракъ, потребовали, чтобъ музыканты играли „русскую“, и принялись плясать. Это бываетъ почти на каждой свадьбѣ.

Вотъ и балъ приближается къ концу. Проигравшійся Черносовъ вышелъ въ залу, подошелъ къ женѣ и велѣлъ ей сбираться ѣхать домой. Какъ ни увѣряла та, что дала слово кавалеру и должна танцовать еще кадриль, — ничего не помогло, и они отправились. Горка возросла до почтенныхъ размѣровъ;

теперь уже жоны не подходи къ мужьямъ: обругаютъ такъ, что и своихъ не узнаешь!

Часовая стрѣлка показывала четыре, когда новобрачные отправились домой. Ихъ примѣру послѣдовала большая часть гостей. Одинъ гость былъ такъ доволенъ угощеніемъ, что, отправляясь домой, отъ полноты чувствъ обнялъ офиціанта, принявъ его за хозяина, облобызалъ и поблагодарилъ за угощеніе. Послѣ четырехъ часовъ остались только самые отчаянные игроки да пьяненькіе.

V.

На квартирѣ Ивана Михѣича Кузявина, купца, торгующаго на Апраксиномъ суровскимъ товаровъ, еще часовъ съ семи утра запахло жаренымъ. Онъ сегодня имянинникъ. Поутру, воздставъ отъ сна, онъ надѣлъ халатъ съ прорваннымъ задомъ и засаленнымъ брюхомъ и вышелъ въ чистую комнату, носящую названіе залы. Молодцы, заслыша шлепанье его туфлей и покрякиванье, начали собираться поздравлять его съ ангеломъ.

Они стоятъ у дверей, и никто изъ нихъ не рѣшается идти первый.

— Ну, пойдемте, братцы, поздравимъ его.

— Погоди, дай ему уходиться.

— Чего годить-то? въ лавку пора идти.

— Ну, а какъ онъ осерчаетъ? вся сволочь, скажетъ, спозаранку въ горницу прилѣзла.

— Не осерчаетъ!

— Да, поди-ка, сунься ты, такъ онъ тебя и облаетъ!

— Чего лаять-то? ужъ кажинный годъ поздравлять ходимъ.

— Нешто ужъ такіе порядки?

— Еще-бы, не первый годъ живу!

— Эхъ Микифоръ, что зря лясы-то точишь; ступай, да и дѣлу конецъ. Еще по рюмкѣ водки поднесетъ.

— Экаго жида, водки-то я его не видалъ, что-ли! проговорилъ Никифоръ, а у самого любо по губамъ такъ и забѣгало.

— Еще пожалуй цѣловаться придется. Гараська, утри рыло-то!

— Чего утирать-то, можетъ у него поганѣе моего.

— Тсъ! сама идетъ, прошепталъ старшій молодецъ, и толконулъ подъ бокъ Гараську.

— Чего вы толкаетесь, Спиридонъ Иванычъ!

— Молчи!

Въ молодцовую вошла сама жена Ивана Михѣича.

— Съ имянинникомъ, Аграфена Ивановна! проговорили одинъ за другимъ молодцы.

— Спасибо, спасибо! благодарила та, кивая головою на всѣ стороны. — Ступайте самого-то поздравлять, онъ ужъ встамши.

— Сбираемся, Аграфена Ивановна, отвѣчалъ Спиридонъ.

— Ну, ступай, ребята!

— Да идите вы впередъ!

— Да чего ты-то боишься?—носъ что-ли онъ тебѣ отъѣстъ!

— Съ ангеломъ, Иванъ Михѣичъ! говорили молодцы, кланяясь въ поясъ.

— Спасибо! съ олимпійскимъ величіемъ отвѣчалъ хозяинъ, не удостоивая плебеевъ даже и наклоненіемъ головы.—Погодите!

Онъ сходилъ въ спальню и принесъ четвертную бутыль и рюмку.

— Выпейте вотъ по рюмкѣ водки.

Молодцы подходили и пили.

— Ты чтожъ не пилъ? обратился хозяинъ къ одному молодцу, который не подходилъ къ рюмкѣ.

— Я не пью-съ, Иванъ Михѣичъ...

— Не пьешь? знаемъ мы, какъ вы не пьете-то!.. Пей за столомъ, а не пей за столбомъ.

Другіе начали его подталкивать. Молодецъ подошелъ къ столу, выпилъ рюмку и закашлялся.

— Вишь, нѣженка!.. Ну, теперь ступайте въ кухню, закусите тамъ, да и въ лавку пора.

— Много вамъ благодарны, благодаримъ покорно!—заговорили молодцы и головы ихъ закланялись.

Зала была о трехъ окнахъ. Тяжелая старая мебель почернѣлаго краснаго дерева, съ мѣдными украшеніями въ видѣ полосокъ и розетокъ; кресла съ лирами вмѣсто спинокъ, пузатый комодъ на львиныхъ лапахъ и горка съ стариннымъ серебромъ и апетитными чашками съ изображеніемъ птицъ, генераловъ и криворотыхъ барышенъ. На стѣнѣ портреты Ивана Михѣича и Аграфены Ивановны, снятые въ молодыхъ лѣтахъ, да картины: Фаустъ играетъ въ шахматы съ Мефистофелемъ и неизбѣжный Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ: на темнозеленыхъ волнахъ лодка съ переломленною мачтою, которую придерживаютъ два гребца съ вылупленными глазами, что даетъ поводъ думать, что они сейчасъ только подавились рыбными костями; небо, цвѣта сѣронѣмецкаго сукна, исполосовано молніями, изъ коихъ одна уперлась прямо въ носъ гребцу. Немного подалѣе внсятъ часы, на циферблатѣ которыхъ фламандскій крестьянинъ съ крестьянкой отхватываютъ русскаго трепака.

Иванъ Михѣичъ, преобразовавшійся изъ халата въ длиннополый сюртукъ, переливаетъ водку изъ полуведерной бутыли въ графины. Аграфена Ивановна, съ лицомъ краснымъ, какъ вареный ракъ, сейчасъ только прибѣжавшая изъ кухни отъ печки, накрываетъ скатертью столъ. Изъ кухни пахнетъ жаренымъ.

— Вишь какъ начадили! замѣчаетъ супругъ.—Что это ты дѣлаешь, кто тебя просилъ тамъ ставить столъ?

— Да гдѣ-же, Иванъ Михѣичъ? тутъ на виду, хорошо таково, да и въ сторонкѣ.

— Туда къ печкѣ поставь.

— Для чего-же, Иванъ Михѣичъ? тутъ хорошо, осмѣливается возражать сожительница.

— Говорятъ. не ставь близко къ дверямъ; ужо молодцы изъ молодцовой будутъ выбѣгать и не углядишь, какъ накераются.

— Гдѣ же?..

— Молчи, дура-баба! голова—ничего не понимаешь! Принеси, тамъ въ спальной вишневка стоитъ, и разбавь водку!

Изъ кухни слышна ругань кухарки съ водовозомъ.

— Креста на тебѣ нѣтъ, Антипычъ! о сю пору только воду несешь! Знаешь, что у насъ стряпня нонѣ,—самъ имянинникъ. Всѣ ноги обломала, съ ведромъ по лѣстницѣ бѣгамши.

— Эко важное кушанье,—не барыня!

— Дьяволъ, прости Готподи!

— Что разлаялась-то, печонка лопнетъ!

Девятый часъ вечера. У Ивана Михѣича гости. Водка въ графинахъ, поставленная на столъ у печки, уже значительно убыла. Мужчины играютъ въ горку, въ три листа и такъ называемую трынку. Женщины въ комнатѣ, смежной съ этой, сидятъ на диванѣ и на стульяхъ, и пьютъ чай. Однѣ разговариваютъ, другія такъ созерцаютъ цвѣты и птицъ, нарисованныхъ на потолкѣ. Передъ ними столъ, уставленный тарелками съ пряниками, яблоками, вареньемъ и пастилою въ палочкахъ.

— Иванъ Кузьмичъ, твоя темная! ставь гривенникъ, слышится у играющихъ.

— Мнѣ двѣ...

— Мимо!

— Одну.

— Двѣ дорогихъ.

— Ходи!

— Прошлись!

— Цѣлкачикъ...

— Выше-съ.

— Эй, Иванъ Кузьмичъ, поддержись!

— Зелененькая!..

— Замирилъ. Сорокъ четыре! четыре туза!—на эфти карты вся Москва идетъ. Хоть на весь Апраксинъ, такъ можно идти.

— Ну, сдай-ка мнѣ хорошенькихъ; а то все яманъ-сортъ сдаешь.

— Держи, Макаръ Спиридонычъ! Фалька съ бардадымомъ.

— Это какъ мнѣ ономеднясь, замѣчаетъ гость съ клинистой бородкой, плюя на руки и принимая карты:—все вини шли, ну хоть ты тресни! Я и стулъ вертѣлъ, и жену выругалъ, думалъ, она тутъ причинна, —ничего не помогло. Опосля Иванъ Меркулычъ подошелъ, далъ полтинникъ, такъ съ его руки восемь рублевъ выигралъ.

— Андрей Федорычъ, размѣняй, братъ, мнѣ синенькую.

— Съ выигрышу ни-за что не дамъ, ужъ какъ хошь; отцу родному не дамъ.

— ...И совсѣмъ ужъ, матушка, у нихъ дѣло слажено было, да изъ-за атласнаго одѣяла разошлось, разсказываетъ гостья въ красной шали съ зелеными разводами другой гостьѣ:—и невѣста-то ему нравилась, и ходилъ къ нимъ женихомъ почитай съ мѣсяцъ, да вдругъ узналъ, что за ней нѣтъ атласнаго одѣяла. „Сшейте, говоритъ, такъ женюсь.“ Самъ-то у нихъ нравный такой, „не сошью, говоритъ, пусть ситцевымъ покрывается,“ ну, и разошлось дѣло.

— Ахъ, мать моя! отвѣтила другая гостья и прихлебнула чай изъ чашки съ надписью „въ знакъ удовлетворенія“.

— Не выпить-ли намъ? слышится изъ среды играющихъ въ горку.

— И-то дѣло! авось послѣ этого и карта лучше пойдетъ.

Встаютъ и подходятъ къ столу.

— Афанасій Никифоровичъ, ты чтожъ не пьешь? Выкушай хоть вишневочки, обратился хозяинъ къ суровому на видъ гостю въ длиннополой сибиркѣ и съ длинною черною съ просѣдью бородой, половину которой тотъ, ради приличія, пряталъ за галстухъ.

— Выпью... отвѣчалъ гость, подходя къ столу.

Афанасій Никифоровичъ былъ самый закоснѣлый раскольникъ: не подстригалъ бороды, не молился чужимъ образамъ и былъ несміршившимся, т. е. не пилъ и не ѣлъ изъ той посуды, которая была въ употребленіи у людей не его секты. Онъ полѣзъ въ заднiй карманъ сибирки, вынулъ серебряный стаканчикъ и поставилъ на столъ. Иванъ Михѣичъ налилъ ему водки; тотъ молча выпилъ.

— Вы простой, или вишневки? слышится у пьющихъ.

— И той, и другой.

— Желаемъ здравствовать хозяину и хозяюшкѣ!

— Съ ангеломъ!...

— Кушайте на здоровье. Затравкинъ, хересу не хочешь-ли?

— Ни, ни, никогда не пивалъ, и пить не буду этой дряни; я лучше еще рюмочку дамскаго выпью, простечка. Одно слово,— россейское.

— Шутникъ! А что, нештo смутитъ, какъ хересу выпьешь?

— Смутитъ.

— А меня такъ никогда; я вотъ сейчасъ хересу выпью, водки, пива, коньяку, ликера какого хошь—и ничего!

— Нѣтъ, ты эфто слей все въ одинъ стаканъ и выпей.

— Вишь, что городитъ, нешто я помойная яма!

— А нешто не пьютъ?—пьютъ. Со мною была оказія, повѣствовалъ Затравкинъ.—Были мы тутъ послѣ описи товара Халдина въ трактирѣ; оцѣновщикомъ я былъ, такъ самъ-то, знаешь, просилъ: „оцѣни, говоритъ, подороже, угощу". Ну, пошли въ трактиръ, напились эфто, и ну въ пыряло *) играть. Весело таково было. Маркеръ подходитъ къ намъ да и говоритъ: „не хотите-ли, господа купцы, позабавиться?" — „А что?" — „Такъ-съ, есть, говоритъ, тутъ у насъ чиновникъ одинъ прогорѣлый, дайте цѣлковый, такъ всякую смѣсь пьетъ, и какъ выпьетъ, такъ больно чудитъ—всѣ животики надорвешь". Въ головахъ у насъ ужъ солдатики ходили. Зови, говоримъ. Пришелъ. Чудной такой, плѣшивый, виц-мундиришко—заплата-на-заплатѣ, рожа плюгавая; пришелъ эфто да и говоритъ: „позвольте перво-на-перво выпить". Выпилъ онъ, и ну чудить: артикулы разные выкидывалъ, взялъ эфто кій въ руки, полоскательную чашку на голову надѣлъ и началъ кіатръ играть. Мы всѣ, что тутъ были, просто чуть не умерли со смѣху. Цѣлковыхъ два ему надавали. А Андронинъ, старьемъ что торгуетъ, подходитъ къ нему да и говоритъ: „выпьешь, говоритъ, смѣси?" — „Выпью" говоритъ. Вотъ спросили мы рюмку водки, пива, рому, хересу, вылили все въ полоскательную чашку и дали ему. Выпилъ,—ничего; еще пуще прежняго чудить сталъ. Андронинъ опять къ нему: „выпьешь, говоритъ, пива съ масломъ?" и выкинулъ ему два рубля. Выпить-то выпилъ, только не выдержало нутро, смутило его и ну рвать... Рвало, рвало, что смѣху-то было!

Разсказу Затравкина послѣдовалъ дружный хохотъ. Въ награ-

*) Билліардъ.

ду за разсказъ онъ налилъ себѣ рюмку водки, перекрестился большимъ крестомъ и выпилъ.

Въ прихожей раздалось кряканье и громкій плевокъ. Аграфена Ивановна выбѣжала встрѣчать гостей. „Съ имянинникомъ, кумушка!“ проговорилъ кто-то басомъ и послышалось чмоканье со щеки на щеку. Это былъ приходскій дьячекъ, ожидающій вакансіи на дьякона. Когда онъ вошелъ въ комнату, Иванъ Михѣичъ всталъ изъ-за стола.

— Продолжайте играть, продолжайте!

— Чтожъ такъ поздно, Андрей Иванычъ?

— Невозможно было раньше; у насъ сегодня всенощная, и то домой не заходилъ. Жена за мной въ церковь зашла, отвѣчалъ дьячекъ и звонко понюхалъ табаку, при чемъ обсыпалъ плечо раскольника.

Тотъ покосился на него, стряхнулъ съ плеча табакъ и проговорилъ: „мерзость!“

— Ну, выпей водки съ дороги, обратился къ дьячку хозяинъ.

— Можно-съ, и дьячекъ подошелъ къ столу.

— Ваня, что вы въ той горницѣ дѣлали? спросилъ Иванъ Михѣичъ вошедшаго въ комнату сына.

— Да мы, тятенька, въ молодцовой въ горку играли; сперва на шереметевскій счетъ, а потомъ копѣйка темная.

— Смотри, въ той комнатѣ водка стоитъ, такъ чтобъ молодцы не отлили да не накерались.

— Хорошо-съ.

Въ другой комнатѣ у женщинъ шелъ разговоръ о томъ, что въ Вихляндіи антихристъ народился.

— Это точно-съ, вмѣшивается въ разговоръ гость, не играющій въ карты.—Портретъ даже евонный продаютъ; въ вѣдомостяхъ было написано.

— Убить-бы его, Агафонъ Иванычъ!

— Нельзя-съ, потому что онъ все одно что змѣй, его ничѣмъ не проймешь.

— Такъ войной-бы пошли.

— Вѣрно ужъ невозможно-съ.

— Что же онъ, батюшка, пьетъ и ѣстъ, какъ и мы?

— Ничего не ѣстъ, окромѣ христіанскихъ душъ: четыре кажинный день съѣдаетъ.

— Анна Ивановна! Наталья Дмитревна! вареньица-то, постилки-то? Кушайте пожалуста!—угощаетъ Аграфена Ивановна.

Гостьи съѣдаютъ по ложкѣ варенья.

— Теперь мадеркой запейте!

— Не могу, мать моя, и то двѣ выпила.

— Да понатужьтесь маленько, и выпьете.

— Право, я ужъ пила.

— Какая-же вы пила, Наталья Дмитревна! На пилу вовсе не похожи, съострилъ гость, повѣствовавшій объ антихристѣ.

У стола съ закуской сидѣли Ваня, его пріятель, Шаня, завитой фертикъ съ буклями на вискахъ въ видѣ сосисокъ, и Ларя, юноша въ сертукѣ ниже колѣнъ и въ черномъ бархатномъ жилетѣ малиновыми червячками. Они говорили въ полголоса.

— Я тебѣ скажу, Шаня, Машка мнѣ во-всемъ потрафляетъ, разсказывалъ, размахивая руками, Ваня:—просила она меня привезть ей на платье,—третьяго дня-сь тятенька ушелъ въ баню, я взялъ изъ лавки цѣлую штуку матеріи и къ ней. Привезъ. Она мнѣ: „зачѣмъ это ты, говоритъ, Ваня, на два платья одной матеріи привезъ?—лучше бы разной.“ — „Ничего, говорю, другой привезу, а эту бери, коли даютъ.“

Шаня былъ уже выпивши.

— Все-таки, Катька не въ примѣръ лучше ея.

— Тише, тятенька слышитъ.

Замѣтивъ, что отецъ смотритъ на него, Ваня тотчасъ-же перемѣнилъ разговоръ.

— Ларя! съѣшь кусочикъ сладенькаго пирожка.

— Можетъ это скоромный, а нынче пятница.

— И—что ты? я вѣдь самъ не ѣмъ скоромнаго. Да и тятенька у насъ, ежели что въ посту скоромное, все въ форточку побросаетъ. А я тебѣ скажу, она мнѣ все-таки во всемъ потрафляетъ, продолжалъ онъ, увидавъ, что отецъ не обращаетъ болѣе на него вниманія.—Я у ней разъ какую-то чернильную выжигу голоштанникомъ обозвалъ; тотъ было на дыбы, къ тятинькѣ жаловаться хотѣлъ идти, такъ она уговорила его, помирились; только, значитъ, я ему за безчестье двадцать пять рублевъ заплатилъ.

— Все-таки Катька краля передъ ней!

— А я тебѣ скажу, что для Машки я ничего не пожалѣю. Пойдемте, братцы, выпьемте шампанеи; у меня въ молодцовой есть бутылочка.

— Голубчики! говорила одна гостья, кивая на уходящихъ Ваню, Шаню и Ларю:—и не думаютъ о с у д ь б ѣ *), а можетъ быть она и близка. Что, вы еще Ваничку-то не порѣшили? обратилась она къ Аграфенѣ Ивановнѣ.

— Нѣтъ еще, Матрена Ивановна...

— Пора, пора! долго-ли до грѣха,—избалуется, молодо-зелено.

— И—что вы! онъ у насъ такой скромный, никуда одинъ не ходитъ, развѣ по дѣламъ. Признаться сказать, у насъ есть одна на примѣтѣ, и хорошая бы дѣвушка, да денегъ мало за ней—восемь тысячъ; а Иванъ Михѣичъ меньше десяти не хо-

*) О свадьбѣ.

четъ взять. „Пусть, говоритъ, лучше до тридцати лѣтъ оболтусомъ болтается, а меньше десяти тысячъ не возьму.“

Въ молодцовой молодцы, ободренные той водкой, которую имъ прислалъ отъ щедротъ своихъ хозяинъ, собрались въ уголъ и поютъ въ полголоса.

„Крестъ начертавъ Моисей, прямо жезломъ...“

— Стой, ребята! не такъ! чего ты, Федоровъ, горланишь? спускай октаву, чтобъ глуше выходило, будто бомбу по полу катаешь.

Въ другомъ углу Ваня, Шаня и Ларя пьютъ шампанское.

— Ты чтожъ, Ларя, дерзай!

— Я не пью, отвѣчаетъ Ларя:—тятенька не велитъ.

— Мало-ли чего онъ не велитъ. Пей! Нешто онъ видитъ!

— Баба!

„Чтожъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ баба!“ подумалъ Ларя и выпилъ.

— Сладко?

— Еще-бы не сладко.

Вино его отуманиваетъ.

— Дивлюсь я, братцы, на васъ, откуда вы деньги на кутежъ берете?

— Знамо откуда,—изъ выручки.

— Я такъ и рубля взять не могу; у насъ за выручкой старшій прикащикъ стоитъ.

— А нешто онъ не хапаетъ?

— Извѣстно хапаетъ. Молодцы сказываютъ, что у него четыре тысячи въ нагрудникѣ зашито.

— Ахъ ты дура голова! а ты заставь его, чтобъ онъ съ тобой дѣлился; а нѣтъ, я-де тятенькѣ скажу.

— Знаете что, братцы?—дернемте-ка сейчасъ къ Машкѣ, подалъ совѣтъ Ваня.

— Валяй!

— А тятенька... заикнулся Ларя.

— Тятеньки наши не замѣтятъ: они въ горку играютъ, и страхъ какъ разъярившись. У меня тутъ на углу лихачъ знакомый стоитъ,—живымъ манеромъ доставитъ. Надѣвай, чьи попадутся шубы, шапки и валяй!

Они вошли въ залу. Тятенька Лари проигрывалъ; онъ пыхтѣлъ и потиралъ рукою животъ. Потъ съ него лилъ градомъ. Ларя подошелъ къ столу. Въ эту минуту тятенька его проигралъ. Оборотившись, онъ увидѣлъ сына.

— Ты что стоишь подъ рукой! какъ подошелъ, такъ я и проигралъ, закричалъ онъ на него.

— Я ничего-съ.

— Пошелъ прочь!

Дьячекъ сидѣлъ съ гостемъ, повѣствовавшимъ объ антихристѣ.

— Доложу вамъ, разсказывалъ дьячекъ:—у насъ въ семинаріи октава была, Нерукотворенный фамилія ему, такъ въ трезвомъ видѣ и пѣть не могъ; а водки выпьетъ, такъ хоть три часа къ ряду будетъ пѣть. Приступимъ и приложимся къ благодати (показываетъ на графинъ).

— Ну, теперь попремте, братцы. Ларя, у тебя въ сюртукѣ-то незамѣтно, спрячь бутылку хересу. Съ собой возьмемъ.

Двѣнадцатый часъ. Графины долили водкой. Лица мужчинъ дѣлались все краснѣе и краснѣе; на нихъ выступилъ обильный потъ. Платки то и дѣло подносились ко лбу. Ваня, Шаня и Ларя еще не возвращались. Молодцы мало-по-малу начали выглядывать изъ молодцовой въ комнаты, гдѣ были гости, а старшій прикащикъ Спиридонъ Иванычъ стоялъ у стола и смотрѣлъ на играющихъ въ карты.

— Что, братіе, стоите? отдернемте-ка „моря чернаго пучи-

ну“, говоритъ молодцамъ дьячокъ.—Иванъ Михѣичъ! позволь, по благодати, спѣть съ твоими молодцами?

— Пой, пой!

— Ну, становись, басы къ стѣнѣ, тенора впередъ. Валяй!

Молодцы рѣшились не вдругъ. Басы взялись за подбородки, тенора покосились глазами и начали. Окончивъ ирмосъ, они пошептались между-собою и гаркнули въ честь хозяина.

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно,
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца.
Рады въ огонь мы и въ воду.
Во всякую непогоду;
Каждый съ тобою намъ край
Кажется рай, рай, рай!

Иванъ Михѣичъ былъ очень доволенъ; онъ даже всталъ изъ-за картъ. Въ довершеніе всего, дьячокъ началъ басомъ: „достопочтеннѣйшему хозяину Ивану Михѣичу, многая лѣта!“ „Многая, многая лѣта“, запѣли молодцы; они кричали такъ громко, что даже серебро звенѣло въ горкѣ.

Гость раскольникъ только отплевывался. Затравкинъ въ десятый разъ пьетъ за здоровье хозяина.

— Будь здоровъ! просто, братъ, разодолжилъ! важный балъ задалъ намъ сегодня,—ну, поцѣлуемся. Только однаго нѣтъ—музыки; а то я бы поплясалъ, выкинулъ бы колѣно.

— Музыки нѣтъ?—будетъ. Зачѣмъ дѣло стало? Спиридонъ, поди позови сюда Никифора; пусть беретъ гитару и идетъ сюда. У насъ, братъ, свой бандуристъ.

— Микифоръ, Иванъ Михѣичъ, не можетъ играть.

— Это что, коли я приказываю....!

— Да спитъ; хмѣлемъ маленько зашибшись.

— Ахъ онъ мерзавецъ, ужо я его!

— Да все одно-съ, не извольте безпокоиться; Степанъ на этомъ струментѣ маракуетъ.

— Тащи его сюда!

Явился Степанъ и началъ настраивать гитару. Приготовляясь плясать, Затравкинъ снялъ съ себя сюртукъ и кинулъ въ сторону, только такъ неловко, что онъ попалъ прямо на голову одной изъ барынь. Раздались звуки „барыньки", и онъ началъ отхватывать трепака.

— Лихо, ай да Затравкинъ, вотъ такъ разодолжилъ! кричали гости.

Затравкинъ по истинѣ отличился: онъ вошелъ въ такой экстазъ, что снялъ съ себя сапоги и, надѣвъ ихъ на руки, началъ ими трясти и прихлопывать, какъ то дѣлаютъ ложками полковые плясуны. Когда онъ кончилъ, его подняли на руки и начали качать. Во время пляски одинъ изъ молодцовъ успѣлъ стянуть со стола початую бутылку хересу.

— „На рукахъ возьмутъ тя!" воскликнулъ дьячокъ, смотря на подбрасываемаго кверху Затравкина и отъ удовольствія потирая желудокъ.

— „Мерзость!" проговорилъ раскольникъ и плюнулъ чуть-ли не въ десятый разъ.

— Чѣмъ-же? спросилъ дьячокъ.

— Тѣмъ-же, что плясаніемъ бѣса тѣшатъ!

— На пиру да восплящутъ! Даже самъ псалмопѣвецъ Давидъ скакаше, играя.

Дьячокъ понюхалъ табаку, разскольникъ снова плюнулъ и отвернулся.

— Табашники, любодѣи и плясаніемъ бѣса тѣшущіе, всѣ будутъ горѣть въ огнѣ неугасимомъ.

— Табашники-то за что же?

— Табакъ есть грѣшное быліе, возросшее на могилѣ вели-

кой блудницы! хмѣль въ головахъ, горчица въ ногахъ, а табакъ на чревѣ ея, а эту мерзость въ снѣдь употребляете, отвѣчалъ разсерженный раскольникъ.

— Это по-вашему, а по-нашему и священнослужители нюханіемъ занимаются.

— Что ваши священнослужители!

— А вашъ-то попъ—бѣглый солдатъ, еврей.

— Еврей, да вотъ познала вѣру истинную, старую; всѣ вѣры произошелъ, во всѣхъ былъ, лучше нашей не могъ найти. Вашъ-то попъ пріѣзжалъ, была у нихъ аря, а что взялъ? пять часовъ бились, нашъ ему доказалъ. Вашъ плюнулъ, да и возвратился вспять: съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ!

— Ну, ну, оставьте, господа, вмѣшивается хозяинъ и прекращаетъ споръ.

У женщинъ изсякъ уже всякій разговоръ: отъ нечего дѣлать онѣ щупали другъ на дружкѣ платья и справлялись о цѣнѣ матеріи, стараясь, между прочимъ, хвастнуть своими нарядами, и тѣмъ уязвить другихъ.

Гостьи были чрезвычайно рады, когда послышался звонъ тарелокъ и молодцы начали накрывать столъ для ужина.

Ваня съ пріятелями воротился. Иванъ Михѣичъ увидалъ, какъ они въ передней вѣшали шубы

— Гдѣ это вы были?

— На дворѣ въ снѣжки играли, отвѣчалъ коснѣющимъ языкомъ сынъ.

— По ночамъ-то?... Шельма эдакая! и онъ далъ ему подзатыльника.

Пріятели ожидали себѣ той-же участи, и скрылись въ молодцовую.

Пробило два часа. На столѣ стоитъ четвертная бутыль съ остатками водки. Уже давно отъужинали. Половина гостей от-

правилась по домамъ. Гость, повѣствовавшій объ антихристѣ, напился до безчувствія и молодецъ Ивана Михѣича повезъ его домой. Макара Спиридоныча повели жена и сынъ Шаня; онъ долго не хотѣлъ уходить и все ругался. Самые рьяные игроки все еще продолжаютъ играть въ карты. Затравкинъ все еще прикладывается къ четвертной бутыли, лѣзетъ въ споръ съ гостями и икаетъ самымъ выразительнымъ образомъ. Подъ утро, нѣкоторыхъ гостей выталкиваютъ въ шею.

— Важно угостились! замѣчаетъ нетвердымъ языкомъ Иванъ Михѣичъ, ложась на постель и подваливаясь къ супругѣ.—Груша, поцѣлуемся!

— Отстань, вишь какъ нализался! сердито отвѣчаетъ Аграфена Ивановна и отворачивается отъ мужа.

VI.

Много переженилось апраксинцевъ во время большаго мясоѣда. Довольно поплясали хозяйскіе сынки на свадьбахъ и вечерахъ различныхъ канканныхъ заведеній; кажись-бы и отдохнуть, анъ-нѣтъ, какъ-разъ подкатила масляная. На Руси масляная—великое дѣло, а на Апраксиномъ она имѣетъ огромное значеніе. Издавна русскій человѣкъ считаетъ обязанностію кутнуть въ это гулевое время, заговѣться на цѣлыхъ семь недѣль, такъ какъ-же апраксинцамъ-то отстать отъ этого, освященнаго вѣками, обычая предковъ. Молодцы и въ лавку не пойдутъ, пока не проглотятъ дома по десятку блиновъ, а придутъ въ лавку—и начнется отрыжка; какъ-же тутъ не полечиться, не сбѣгать подъ вывѣску виноградной кисти; а она рукой подать, здѣсь-же на дворѣ. Хозяинъ и придраться не можетъ, что молодецъ часто бѣгаетъ изъ лавки, потому что надо-же было такъ случиться, что погре-

бокъ помѣщается совершенно рядомъ съ ретираднымъ мѣстомъ.— „Куда, ходилъ?“ Ну, молодецъ и скажетъ куда. Хозяинъ только бороду защиплетъ, да нечего дѣлать.

У горъ, на адмиралтейской площади началась выставка физіономій и нарядовъ. Апраксинцы, а въ особенности новоженившіеся, также понесли туда выказывать свои наряды. Ежели-бы было можно, такъ жены ихъ въ эти гулевые дни нацѣпили-бы на себя все свое приданое, чтобы похвастаться передъ собратьями. Хоть и щиплетъ морозъ руку, апраксинецъ все-таки старается выказать изъ рукава шинели указательный палецъ съ брильянтовымъ перстнемъ.

Шесть дней гуляли патриціи-хозяева, а на седьмой вспомнили и о плебеяхъ-прикащикахъ. Въ прощеное воскресенье съ утра вышли въ лавки, напились чаю, да и „забрались“ безъ почину, отпустивъ погулять молодцовъ, наказавъ впрочемъ часамъ къ десяти вечера быть дома. И разсыпались молодцы: часть наводнили пассажъ, часть бросилась въ трактиры, поѣхала на чухонскихъ саняхъ на Крестовскій, а часть даже (о, дерзость!) отправилась на адмиралтейскую площадь къ горамъ и смѣшалась съ хозяевами. Особенныхъ кутежей въ этотъ день не бываетъ, въ карманахъ плебеевъ очень не густо, развѣ кто, говоря туземнымъ языкомъ, успѣлъ сначить (*) изъ выручки; но все-таки это не мѣшало нѣкоторымъ воротиться домой, хотя и на своихъ ногахъ, но не совсѣмъ твердымъ шагомъ.

У нѣкоторыхъ хозяевъ, особенно придерживающихся старообрядства, осталось еще обыкновеніе въ прощеное воскресенье вечеромъ, отходя ко сну, прощаться. Обыкновеніе это не лишено торжественности: молодцы одинъ за другимъ входятъ въ комнату хозяина и съ словами „простите меня грѣшнаго“ кла-

(*) Украсть.

няются въ ноги. „Богъ тебя проститъ, прости и меня также“, отвѣчаетъ хозяинъ, и ежели благочестіе одержитъ верхъ надъ гордостію, то и самъ поклонится ему въ ноги, а ежели нѣтъ, то только кивнетъ головою. Отъ хозяина молодцы идутъ къ хозяйкѣ, повторяютъ ту-же церемонію, и такъ обходятъ всѣхъ домашнихъ.

Выжжетъ хозяйка съ кухаркой сковороды отъ скороми, уничтожитъ скоромное кушанье и отойдетъ ко сну. Къ двѣнацати часамъ всѣ апраксинцы спятъ крѣпкимъ сномъ, развѣ не пришелъ еще домой какой-нибудь запоздалый гуляка-молодецъ и уже навѣрно знаетъ, что завтра получитъ приличную головомойку.

Проснулись въ понедѣльникъ молодцы и напились чаю уже не съ сахаромъ, а съ медомъ, — съ сахаромъ грѣхъ, въ немъ есть скоромное: онъ очищается на заводахъ бычачьею кровью. Какой рѣзкій контрастъ: еще вчера они глотали по два десятка жирныхъ блиновъ, а сегодня будутъ ѣсть кашу безъ масла да кислую капусту съ квасомъ. Съ самыми постными лицами вышли апраксинцы въ лавки. Тоскливо раздался заунывный великопостный звонъ колокола, призывающій къ часамъ богомольцевъ; а у Федюкина молодцы все еще стояли безъ почину. Пришелъ хозяинъ, помолился на образъ, вздохнулъ о грѣхахъ и велѣлъ молодцамъ подмѣривать товаръ. „Пора и къ счету приготовляться; благо, время свободное“, сказалъ онъ и, выругавъ за что-то смиренно стоящаго на порогѣ мальчишку, поднялся во второй этажъ. Взошедши на верхъ, Федюкинъ вздохнулъ еще громче, обозрѣлъ лежащіе на полкахъ товары, сѣлъ и задумался.

„Тружусь, тружусь, думалъ онъ, а все не могу нажить порядочнаго капитала.—семейство одолѣваетъ; вотъ двухъ дочерей замужъ выдалъ, пятнадцать тысячъ стоило, третья дочь, на возрастѣ, той тоже нужно приданое, сынишка подростаетъ и того безъ куска хлѣба оставить нельзя“.

Федюкинъ послалъ мальчика за чаемъ и принялся ходить по верхней лавкѣ. Воображеніе перенесло его далеко, далеко, въ Ярославскую губернію, въ любимовскій уѣздъ, на родину. И вспомнилось ему его дѣтство, тотъ день, когда онъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, былъ привезенъ въ Петербургъ однимъ землякомъ, какъ землякъ тотъ водилъ его по Апраксину, не имѣющему тѣни нынѣшняго Апраксина, и предлагалъ хозяевамъ лавокъ въ мальчики. Много обошли они лавокъ, но ваканціи всѣ были заняты; наконецъ выискался одинъ хозяинъ имѣть раба и взялъ къ себѣ Федюкина. Живо промелькнула передъ нимъ его нерадостная жизнь въ мальчикахъ, не имѣющая и тѣни сравненія съ нынѣшней, тотъ день, когда его жестоко обсчиталъ хозяинъ. „Терпи казакъ — атаманъ будешь“, сказалъ тогда себѣ Федюкинъ, терпѣлъ и получилъ на отчетъ лавку. Здѣсь уже онъ не плошалъ, отомстилъ хозяину, честнымъ и безчестнымъ путемъ зашибалъ копѣйку, составилъ капиталецъ, отошелъ отъ мѣста и открылъ свою торговлю. Поругалъ, поругалъ его хозяинъ, да и забылъ о немъ. „Ужъ такъ на свѣтѣ устроено, чтобъ каждый человѣкъ щетился отъ другаго“, подумалъ онъ, да еще въ добавокъ черезъ годъ выдалъ за него свою дочь замужъ и далъ три тысячи приданаго, вслѣдствіе чего у Федюкина образовалось приращеніе капитала.

Мальчикъ принесъ на верхъ чайникъ чаю; пьетъ Федюкинъ чай, лижетъ медъ съ ложечки, а самъ все думаетъ, и думаетъ.

„Что я имѣю?... какихъ-нибудь десятокъ тысячъ, да и тѣ въ оборотѣ. Что, ежели-бы теперь заплатить кредиторамъ копѣекъ по двадцати за рубль, вѣдь эдакъ-бы тысченокъ тридцать у меня осталось. Двадцать пять лѣтъ торгую, ни одной сдѣлки съ кредиторами не сдѣлалъ; а вонъ есть люди, что каждые три года свою торговлю очищаютъ, а мнѣ въ двадцать-то пять лѣтъ разъ и Богъ проститъ. Сколько отъ меня въ эти лѣта кредиторы-то нажили?—три капитала на капиталъ. Чтожъ, не мы первые, не

мы послѣдніе. Ихъ не раззоришь въ конецъ, а мнѣ капиталецъ составится; по-крайности дѣти упрекать не будутъ, и какъ умру, то помолятся за мою душу и будетъ чѣмъ помянуть. Кончено!“ сказалъ онъ самъ себѣ, и рѣшился сдѣлать сдѣлку съ кредиторами.

Да и не одинъ онъ думалъ объ этомъ, а думали многіе изъ апраксинцевъ и уже начали подготовляться: переписывали векселя, вывозили и продавали товаръ за дешевую цѣну и переводили лавки на имя женъ своихъ.

Впрочемъ, ежели смотрѣть на это съ одной точки зрѣнія, то это очень естественно: конецъ великаго поста, когда обыкновенно апраксинцы начинаютъ дѣлать сдѣлки, — время весеннее, всякая скотина линяетъ, всѣ люди очищаютъ себя отъ грѣховнаго бремени, отчего же апраксинцамъ не очистить себя отъ долговъ? Лавка въ неприкосновенности, торговля идетъ,—есть чѣмъ разсчитаться, стало-быть время для этихъ дѣлъ самое удобное.

Перевести лавку на имя своей жены или кого-нибудь изъ родственниковъ—дѣло великой моды. Задумалъ хозяинъ сдѣлать сдѣлку, такъ ужъ безъ этого не обойдется. Для большей массы долговъ выдаетъ женѣ побольше векселей, написанныхъ заднимъ числомъ, надѣнетъ старенькій сюртучишко да состроитъ несчастную мину и пойдетъ съ ерестикомъ долговъ по кредиторамъ. Какъ взглянетъ кредиторъ на физіономію да одежонку пришедшаго должника, такъ тотчасъ и пойметъ въ чемъ дѣло; только затылокъ почешетъ.

— Что? спроситъ.

— Да вотъ, Карлъ Богданычъ, будьте милостливы и жалостливы! что ни торговалъ — все въ убытокъ... жена... дѣти... возьмите по двугривенничку за рубликъ! Вотъ я и баланецъ составилъ, отвѣчаетъ должникъ и подаетъ бумагу.

Смотритъ Карлъ Богданычъ и глазамъ своимъ не вѣритъ:

еще до сегодня онъ считалъ его человѣкомъ съ состояніемъ, а на бумагѣ оказывается, что этотъ человѣкъ и долговъ платить не можетъ, всего и товару—четвертакъ за рубль еле найдется.

Долго смотритъ онъ на балансъ и глазамъ своимъ не вѣритъ.

— Сжальтесь, говоритъ стоящій въ почтительной позѣ должникъ.

— Сжальтесь! передразниваетъ его кредиторъ.—А зачѣмъ-же вы, недѣлю только тому назадъ, у меня товару на тысячу рублей взяли?

— Думалъ, что извернусь, еще почтительнѣе отвѣчаетъ тотъ и шепчетъ:—не погубите! жена... дѣти!..

— Нѣтъ, нѣтъ! я не могу, у меня у самого критическія обстоятельства. Къ тому-же вы со мной безчестно поступаете: недѣлю только тому назадъ взяли товаръ. Вы ужъ подготовлялись тогда. Не могу, не могу, не просите! Это штука съ вашей стороны. Я свои деньги хочу получить сполна, говоритъ онъ и большими шагами начинаетъ ходить по комнатѣ.

Происходитъ нѣмая сцена. Жалобнымъ взоромъ слѣдитъ должникъ за его каждымъ шагомъ и думаетъ: „какъ-же, держи карманъ, такъ ты и получишь всѣ сполна! посули-ка теперь тебѣ полтину, такъ ты въ два слова согласіе подпишешь, да я не дамъ. Четвертакъ, ужъ куда не шло, можно. Что сдѣлаешь? Лавка-то передана“.

— Я, Карлъ Богданычъ, могу вотъ что сдѣлать: я вамъ, не въ примѣръ другимъ, дамъ по четвертачку, начинаетъ онъ снова.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричитъ кредиторъ:—рубль за рубль! И то ваша братья меня въ конецъ раззоряютъ. Вонъ Бирюковъ приходилъ, по тридцати копѣекъ предлагаетъ. На него я ужъ подалъ, то и съ вами сдѣлаю. Я своего добьюсь. Это грѣхъ такъ поступать.

— Обстоятельства-съ понудили... Чтожъ, Карлъ Богдановичъ, подумайте! а я, вѣрьте чести, передъ другими вамъ пять копѣекъ уваженія дѣлаю.

Карлъ Богданычъ рѣшается подать вексель ко взысканію, и вдругъ узнаетъ, что должникъ его все имѣніе свое давнымъ-давно передалъ женѣ. Посердится, посердится онъ, поругаетъ должника, подивится закону, позволяющему передавать лавки безъ вѣдома кредиторовъ, да дѣлать нечего, сторговавшись, и возьметъ копѣекъ по тридцати за рубль. Такъ и случилось. Что дѣлать? объявить несостоятельнымъ,—нужно содержать конкурсъ, хлопоты, платить стряпчему, непредвидимые расходы по полиціи, такъ ужъ лучше мирнымъ образомъ взять по тридцати копѣекъ за рубль, рѣшилъ онъ, и взялъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время, появилась новая мода дѣлать сдѣлки. Должникъ передаетъ лавки на имя родныхъ, а самъ преспокойно, выражаясь туземнымъ языкомъ, уѣзжаетъ въ свое мѣсто, то-есть скрывается; прикащики или родственники безъ него и обдѣлываютъ дѣло. Но, во всякомъ случаѣ, расплачивается-ли за себя самъ должникъ или платятъ за него родственники, ни одна сдѣлка не обходится безъ посредничества стряпчаго. Всѣмъ апраксинцамъ, дѣлающимъ сдѣлку, извѣстенъ одинъ человѣкъ; фамилія его Поясницынъ. Человѣкъ этотъ прежде тоже торговалъ, захотѣлъ нажить капиталецъ и выкинулъ колѣнцо; колѣнцо это ему обошлось дорогонько. Поясницынъ чуть-было не сдѣлался злостнымъ банкротомъ, да гибкость ума спасла и кой-какъ избавился. Человѣкъ этотъ до того пристрастился къ этимъ дѣламъ, что сдѣлался стряпчимъ, и надобно правду сказать, въ этомъ, что называется, собаку съѣлъ. Весь XI томъ свода законовъ наизусть вызубрилъ, всѣ номера статей помнитъ, да и иная статья-то въ его устахъ имѣетъ два значенія. По совѣтамъ этого-то господина на Апраксиномъ и

устраиваются всѣ сдѣлки. Появленіе его въ чьей-нибудь лавкѣ навѣрное предвѣщало что-нибудь не доброе. Ежели кто изъ апраксинцевъ, задумавъ сдѣлать сдѣлку, скрывается, то кредиторы-конторщики такъ ужъ и знаютъ, чтодолжникъ—ученикъ извѣстнаго Поясницына. „Поясницынской школы“, думаютъ они и поскорѣе берутъ за претензію по чемъ имъ даютъ, потому что всѣмъ уже извѣстно, ежели такой человѣкъ взялся за это дѣло, то ужъ тутъ не жди, лишняго не перепадетъ, а что предложено, то и бери.

Весь великій постъ не только-что плебеи-прикащики, но даже и патриціи-хозяева сидятъ дома. Развѣ въ воскресенье послѣ обѣда хозяйскіе сынки пройдутъ часокъ по Невскому. О концертахъ съ живыми картинами и помышлять не смѣй; попробуй-ка попроситься, такъ родители прочтутъ такую рацею о суетѣ мірской, что и охота пройдетъ. Уйти куда-нибудь безъ спросу, ночью, тоже невозможно, того и гляди что тятенька вздумаетъ къ заутрени идти. Ну, какъ къ тому времени не воротишься?—бѣда да и только! Казалось-бы, при такихъ условіяхъ домосѣдной жизни, у молодыхъ людей должна-бы развиваться охота къ чтенію, но напротивъ, все свое свободное время они употребляютъ на сонъ да на игру съ молодцами въ горку, и то послѣднее дѣлается секретнымъ образомъ. Ежели кому-нибудь и вздумается почитать, достанетъ гдѣ-нибудь какой ни-на-есть романчикъ, такъ тятенька и начнетъ коситься: „Пустяками, скажетъ, голову набиваешь, къ дѣлу рачительности имѣть не будешь, брось!“—ну, и приходится бросить. Еще въ иныхъ семействахъ получаются „Полицейскія вѣдомости“ да „Сынъ Отечества“, откуда и почерпается вся премудрость, но въ семействахъ, придерживающихся старой вѣры, чтеніе каждой свѣтской книги и газеты считается грѣхомъ и отпаденіемъ отъ религіи. Дѣвицы еще читаютъ кой-что изъ переводныхъ романовъ, попадающихъ къ нимъ Богъ-вѣсть какимъ путемъ, переписываютъ

въ тетрадки чувствительные стихи, однако дѣлая это все днемъ, когда тятинька ихъ пребываетъ въ лавкахъ.

Ежели въ семействахъ этихъ и есть книги, такъ это пѣсенники, уличныя брошуры, издаваемыя со спекулятивною цѣлію и извѣстная всѣмъ „Битва русскихъ съ кабардинцами“, къ стыду нашему выдержавшая двѣнадцать изданій. Не мало также ходитъ между молодежью по рукамъ тетрадокъ съ никогда не бывшими въ печати стихотвореніями знаменитаго поэта-циника. Эти стихотворенія нескромны и площадны до невѣроятія, но не смотря на это, они читаются съ жадностію и даже затверживаются наизусть.

Что-же, спросите вы, дѣлаютъ жены апраксинцевъ?

Положительно объ этомъ сказать довольно трудно. Разъ въ недѣлю, именно въ субботу, онѣ ходятъ въ баню и тамъ набираютъ новостей на цѣлую недѣлю, а дома въ сообществѣ нѣкоторыхъ кліентокъ пересуживаютъ и промываютъ эти новости до ниточки. Кліентки ихъ обыкновенно состоятъ изъ странницъ, нигдѣ впрочемъ кромѣ Петербурга не странствующихъ, и изъ какихъ-то темныхъ личностей женскаго пола, перепродающихъ и перекупающихъ что угодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимающихся еще нѣкоторыми вольными художествами, какъ-то: сватовствомъ и повивальнымъ искусствомъ.

— „Что острѣе меча?“ спросили въ древности одного мудреца.

— „Языкъ злаго человѣка“, отвѣтилъ онъ.

И не ошибся. Но ежели-бы онъ жилъ въ настоящее время, и именно въ Петербургѣ, то навѣрное-бы сказалъ:

— „Языкъ апраксинскихъ женъ и ихъ кліентокъ.“

И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только имъ заговорить о чемъ-нибудь, такъ пойдутъ такія сплетни, такъ промоютъ бока субъекта, о которомъ идетъ рѣчь, что тому не одинъ разъ

икнется. Всѣ говорятъ, что чиновницы — страшныя сплетницы, но я скажу, что пальма первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ апраксинской женской половинѣ рода человѣческаго. Искусство это доведено у нихъ до высшей точки совершенства.

Сверхъ всего сказаннаго, каждая мать семейства ставитъ себѣ за непремѣнное правило отыскивать дочери жениха, а сыну невѣсту; ежели-же у ней нѣтъ своихъ дѣтей, то она, отнюдь не стѣсняясь этимъ, отыскиваетъ для другихъ. Есть даже такія женщины, у которыхъ при видѣ холостаго человѣка или дѣвушки на возрастѣ какъ-то и сердце не на мѣстѣ, ихъ такъ и тянетъ связать ихъ узами Гименея. Чего только не дѣлаетъ чадолюбивая мать для своихъ дѣтищъ! И засылаетъ своихъ кліентокъ о разузнаніи приданаго невѣсты, о нравственности и состояніи жениховъ, и даже именно для этого дѣла ходитъ какъ можно чаще въ баню. Баня,—это нѣкотораго рода клубъ для апраксинскихъ женъ. Узнаютъ онѣ тамъ о какой-нибудь безбрачной половинѣ и начинаютъ переговоры чрезъ своихъ кліентокъ.

Впрочемъ, всѣ эти кліентки, состоящія, какъ я уже сказалъ, изъ странницъ и темныхъ личностей, принимаются безъ вѣдома мужей. Застанетъ ихъ у себя въ домѣ глава семейства, такъ и по шеямъ спровадитъ.

— Что въ никъ толку-то? говорятъ они:—только опиваютъ да объѣдаютъ. Вѣдь онѣ трутся тутъ для того, чтобы что-нибудь выманить: ужъ сдается мнѣ, что эта мать Анфиса у насъ ложку стянула.

— И, что ты? мать Анфиса, — женщина такой святой жизни! Она мнѣ даже и ладонку изъ Новагорода отъ угодниковъ дала, отвѣчаетъ жена.

— Что ладонка!.. чего она стоитъ? Ложка-то въ сто разъ дороже.

— Полно, не грѣши!

— А я вотъ что сдѣлаю: какъ она придетъ въ другой разъ, такъ я ее за хвостъ, да палкой!.. замѣчаетъ супругъ.

Его дражайшая половина соглашается съ нимъ, но все-таки принимать къ себѣ въ домъ Анфису будетъ. Она безъ нея со скуки умретъ; мать Анфиса для нея нѣчто въ родѣ живаго фельетона. Откуда-же послѣ этого она будетъ получать новости, и кто принесетъ ей матеріалъ для сплетенъ?

Первая недѣля великаго поста, на Апраксиномъ торговля не бойкая: обновы къ празднику покупать еще рано; развѣ говѣльщицы купятъ бѣлой кисеи на платье къ причастью. Ежели-же придетъ какая-нибудь порядочная покупательница, такъ ужъ навѣрное попадья. Въ великій постъ онѣ народъ денежный, съ первыхъ-же недѣль начинаютъ оперяться и закупать себѣ обновы. Апраксинцы замѣчаютъ, что у попадьи рука легкая, купитъ съ почину, такъ весь день будетъ хорошая торговля; но ежели придетъ купить ея сожитель, то такъ и заколодитъ, хоть лавку запирай. И такъ, я сказалъ, что первыя недѣли великаго поста время не бойкое: молодцы подмѣриваютъ товаръ, приготовляются къ счету, хозяева сидятъ въ трактирахъ да распиваютъ чаи съ медомъ или изюмомъ. Впрочемъ, нѣкоторые, не боясь грѣха, пьютъ и съ сахаромъ. А хозяйскіе сынки стоятъ на порогахъ лавокъ, да отъ нечего дѣлать подтруниваютъ надъ сосѣдями-молодцами, да надъ проходящими.

— Вишь носъ-то какой у барина! тятенька вѣрно оглоблю дѣлалъ, окоротилъ, да ему на носъ своротилъ.

— Чтожъ, у Ванюшки, Брындахлыстовскаго молодца, длиннѣе...

— У того не носъ, а луковица.

— Который-то теперь часъ! поди-ка часа четыре есть! го-

ворить хозяйскій сынокъ изъ современныхъ, то-есть завивающій по воскресеньямъ волосы и носящій клѣтчатыя брюки.

Онъ вынимаетъ часы и смотритъ.

— Отцы мои! еще только три четверти третьяго. Три часа съ четвертью до запору осталось!

— Хоть-бы ты и на часы не смотрѣлъ, такъ я бы тебѣ напередъ сказалъ, что нѣтъ трехъ. Савва Саввичъ еще не проходилъ, а онъ постоянно проходитъ въ три часа, отвѣчаетъ ему фертикъ изъ сосѣдней лавки.

Но читателю, можетъ-быть, покажется непонятнымъ, какое отношеніе имѣетъ Савва Саввичъ къ тремъ часамъ? Обстоятельство это мы сейчасъ постараемся объяснить.

На Апраксиномъ не нужно-бы и часовъ съ собою носить, время у нихъ можно узнавать по появленію въ рядахъ различныхъ личностей; личности эти приходятъ всегда въ извѣстное время. Прошелъ, напримѣръ, саячникъ Степанъ и прокричалъ: „угощу съ горячимъ“, ну и знаютъ всѣ, что двѣнадцать часовъ; прошелъ первый разъ сбитеньщикъ, значитъ — часъ, прошелъ Савва Саввичъ, — три часа; кончится въ министерствахъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ присутствіе и потянутся домой черезъ ряды съ засаленными портфелями служители Фемиды, — четыре часа, и такъ далѣе.

Вотъ и теперь, только-что часовая стрѣлка переступила за три часа, и въ ряду показался Савва Саввичъ, преслѣдуемый юношами изъ „современныхъ“. Юноши эти къ его вретищу, именуемому пальтомъ, стараются прицѣпить бумагу съ намалеванной на ней рожей; но Савва Саввичъ на это отнюдь не обижается, а то и дѣло выкидываетъ различныя колѣна, отъ которыхъ молодцы и хозяйскіе сынки такъ и покатываются со смѣху. Савва Саввичъ — это Любимъ Торцовъ Апраксина двора. Было время, что и онъ когда-то считался современнымъ юношей, такъ-же за-

вивался по воскресеньямъ и носилъ пестрыя брюки; было время, что и онъ торговалъ и издѣвался надъ такими-же, какъ теперь и онъ самъ, нищими, но этому уже исполнилось пятнадцать лѣтъ. Много воды утекло въ это время и измѣнился Савва Саввичъ, сгубила его проклятая чарочка, довела до того, что онъ изъ-за какой-нибудь копѣйки долженъ разыгрывать роль шута. Вотъ и теперь остановился онъ передъ лавкою Берендѣева, приложилъ по-военному руку къ козырьку своей истасканной фуражки и началъ скороговоркой: „подайте бѣдному старичку на рюмочку коньячку, Савкѣ, проторговавшему свои лавки, а теперь отставной козы барабанщику!“ При этомъ онъ сдѣлалъ такой жестъ, такъ шаркнулъ ногой, что вся публика такъ и захохотала во все горло.

— Гдѣ ты живешь, Савва Саввичъ? спрашиваетъ его молодецъ, подавая ему двѣ копѣйки.

— „Между небомъ и землей, въ непокрытой улицѣ, въ собственномъ домѣ“, отвѣчаетъ онъ и продолжаетъ путь, неся на спинѣ своей пришпиленныя бумажки съ написанными на нихъ совершенно нецензурными словами.

Но я еще не описалъ вамъ его портрета. Впрочемъ, это совершенно лишнее, ежели вы видѣли на александринскомъ театрѣ Павла Васильева въ роли Любима Торцова. Тоже обрюзглое лицо съ давно небритымъ подбородкомъ и та же судорожная походка. Одежда его—рваное пальто и брюки съ фестонами, которые потрудился сдѣлать не портной, а время. Добавьте къ этому, что врядъ-ли найдется одинъ день въ мѣсяцъ, когда Савва Саввичъ находится въ трезвомъ состояніи и не носитъ съ собой сивушнаго запаха.

Прошелъ Савва Саввичъ, и умолкъ смѣхъ зрителей, лишь одинъ фертикъ стоитъ на порогѣ и ухмыляется; въ головѣ его родилась геніальная мысль подтрунить надъ молодцомъ сосѣдней

лавки, для чего онъ взялъ полицейскія вѣдомости и началъ читать: „Со вновь прибывшимъ пароходомъ привезены и продаются на биржевомъ скверѣ различнаго рода попугаи, зеленаго, сѣраго и другихъ цвѣтовъ, причемъ особенно рекомендуются рыжіе“. Въ газетѣ ничего этого не было напечатано, фертикъ читалъ наизусть. Окончивъ чтеніе, онъ взглянулъ на сосѣдняго молодца, который былъ рыжій.

— Иванъ! обратился онъ къ нему:—ты, говорятъ, мастеръ покупать рыжихъ попугаевъ; купи, братъ, мнѣ одного, только рыжаго.

Молодецъ начинаетъ ругаться.

— Чего-же ты ругаешься? всѣ знаютъ, что ты мастеръ покупать попугаевъ. Что-же, купишь?

Молодецъ усиливаетъ брань и ругается самымъ нецензурнымъ образомъ, а сосѣди такъ и заливаются хохотомъ.

Дѣло видите-ли въ чемъ. Есть легенда, что когда-то молодецъ этотъ былъ посланъ хозяиномъ на скверъ для покупки попугая, а ему вмѣсто этой заморской птицы всучили галку. Съ тѣхъ поръ молодца этого, чуть-ли не каждый день, дразнятъ, что онъ мастеръ покупать попугаевъ, а онъ слушаетъ и ругается.

Да и не однихъ молодцовъ дразнятъ, а дразнятъ и хозяевъ. Напримѣръ при Галканцовѣ достаточно сказать слѣдующую фразу, чтобъ взбѣсить его: „а что это дегтемъ пахнетъ?“ Фраза эта приводитъ его въ бѣшенство, онъ начинаетъ ругаться и радъ лѣзть въ драку; а между прочимъ, человѣкъ этотъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ довольно объемистымъ брюшкомъ и считается хорошимъ торговцемъ.

Потрунили, потрунили другъ надъ другомъ апраксинцы, да не замѣтили, какъ и время прошло. Начало смеркаться, воротились изъ трактировъ хозяева, выругали молодцовъ за нерадѣніе къ дѣлу и начали запирать лавки.

Прошло еще полчаса и опустѣлъ Апраксинъ. Не слышно ни шуму, ни криковъ; тихо, лишь по временамъ постучитъ палкой сторожъ, да залаетъ, неизвѣстно на кого, бѣгающая по блоку рядская собака.

VII.

До сихъ поръ, любезный читатель, я съ вами вращался только въ одной половинѣ Апраксина, и мы ни разу не заглянули на самую-то суть, на такъ называемые развалъ и толкучку, а между-прочимъ мѣсто это носитъ свой особый отпечатокъ и торгующіе тамъ имѣютъ свой отдѣльный бытъ, мало похожій на тотъ, который вы уже видѣли. И такъ войдемте въ толкучку. Войдя въ нее, вы тотчасъ-же замѣтите въ ней присутствіе женскаго элемента и даже мало того, увидите, что элементъ этотъ преобладаетъ надъ мужскимъ. Вы слышите, что нѣсколько визгливыхъ женскихъ голосовъ предлагаютъ вамъ купить у нихъ рубашки, чулки, носки и даже ту часть мужскаго нижняго бѣлья, при наименованіи котораго любая пуританка сочла-бы за нужное упасть въ обморокъ. Но торговки, не стѣсняясь ничѣмъ, такъ и распѣваютъ это названіе на всѣ возможные лады. Торговки эти, извѣстныя подъ именемъ рубашечницъ, большею частію жены солдатъ, департаментскихъ сторожей, городовыхъ, курьеровъ и прочихъ служивыхъ людей. Онѣ имѣютъ лари, занимаются шитьемъ бѣлья и продаютъ его. Здѣсь вы иногда видите всю женскую половину семейства—мать и дочерей; однѣ шьютъ въ лавчонкѣ, другія стоятъ на порогѣ, перебраниваются съ сосѣдками и зазываютъ покупателей. Какъ въ вышеописанной половинѣ Апраксина вы, въ какое угодно время, увидите молодцовъ пьющихъ чай, такъ точно и здѣсь встрѣтите

торговокъ, наливающихъ свои желудки, только не чаемъ, а кофеемъ. Кофейники здѣсь преобладаютъ надъ чайниками. Здѣсь даже не существуетъ и кастъ; нѣтъ ни патриціевъ, ни плебеевъ, здѣсь все—граждане, крѣпко стоящіе за свободу и равенство; здѣсь нѣтъ наемниковъ, а все хозяева. Хоть всего и товару на ларѣ ста на два рублей, а все-таки хозяинъ и управляется безъ молодца, развѣ подъ рукою имѣетъ какого-нибудь мальчика-родственника. Замѣчательно, что торговки никогда не бываютъ праздными, все что-нибудь да дѣлаютъ: или шьютъ бѣлье, или вяжутъ чулокъ, и имѣютъ способность среди этого дѣла перебраниваться другъ съ другомъ, сплетничать и предлагать покупателямъ товары.

Вотъ стоитъ шкапчикъ съ башмаками. Около него сидитъ на низенькой скамеечкѣ владѣтельница его, извѣстная сплетница, Наумовна, жена департаментскаго сторожа, обладающая желудкомъ, имѣющимъ способность вмѣщать въ себя баснословное количество кофею. Бой-баба, зубастая, хоть отъ кого, такъ отгрызется. Она вяжетъ чулокъ и перебранивается съ сосѣдкой-рубашечницей за то, что та отломила ручку у ея кофейника.

— Вишь носъ-то поднимаешь, будто барыня, кричитъ она:— чѣмъ важничаешь-то!.... Давно-ли разбогатѣла-то? Помнишь еще, какъ у сосѣдокъ по рублю въ долгъ на товаръ выпрашивала; знаемъ мы, съ чего въ ходъ-то пошла, — воздахтора *) Пашкина обошла. Тотъ съ дуру-то и далъ сотенную.

— Ахъ ты халда эдакая, вѣдьма кіевская! ты что орешь? управы что-ли на тебя нѣту? Мало тебя мужъ-то за косу таскаетъ, шлюху эдакую! завопила рубашечница, кинула въ сторо-

*) Любовникъ.

ну работу и, подбоченясь, стала на порогѣ въ величественную позу. — Да я Ивану Антипычу скажу, такъ онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ! Придешь поклониться въ ножки, да ужъ поздно будетъ.

— Велика птица твой Иванъ Антипычъ! — городовой и больше ничего. Да мнѣ хоть за фартальнымъ посылай!...

Сцена эта имѣла бы трагическую развязку, мегеры эти вцѣпились бы другъ-другу въ волоса, ежели-бы передъ шкапчикомъ Наумовны не остановилась покупательница и тѣмъ не прервала ссоры.

— Не покупайте у ней, сударыня, башмаковъ! и два дня не проносите, — подошвы-то приклеены!... все еще не унималась рубашечница и долго-бы не отстала, ежели-бы ей самой судьба не послала мужичка-покупателя, спросившаго рубашку.

Около ларя, обвѣшеннаго со всѣхъ сторонъ валенками, рукавицами, гарусными шарфами, кушаками и прочими необходимыми вещами для простаго народа, стоитъ хозяинъ, русый ярославецъ, навѣрно романовскаго уѣзда, въ валенкахъ, крытомъ сукномъ тулупѣ и бараньей шапкѣ; отъ нечего дѣлать онъ наигрываетъ на гармоникѣ, составляющей также артикулъ его торговли.

— Что покупаете, кавалеръ? кричитъ онъ проходящему мимо солдату.

Солдатъ останавливается и смотритъ на товаръ.

— Перстенекъ, сережки для самой, бармоне? предлагаетъ ему ярославецъ, уже успѣвшій положить въ сторону свой музыкальный инструментъ.

— Сусемъ не то, зеркало треба.

— Зеркало? изволь есть, что ни-на-есть важнецъ, — вотъ такъ удружу. Держи! говоритъ онъ, обтирая рукавомъ зеркало.

— Это великонько, поменьше, чтобъ за обшлагъ входило.

— Изволь, и эвтакія есть. Бери!

Солдатъ принимаетъ зеркало, глядитъ въ него и начинаетъ строить рожи.

— И не разсматривай, кавалеръ: хоть на изнанку рожу вывороти,—все вѣрно покажетъ. Зажмурясь бери. Ужъ на томъ стоимъ!

— Цѣна?

— Съ кого три гривенника,—съ тебя четвертакъ!

— У мѣстѣ съ тобой? хладнокровно спрашиваетъ его солдатъ.

— Чтожъ, кавалеръ, шутишь что-ли? давай цѣну!

— Восемь копѣекъ.

— Полно безобразничать-то, давай цѣну! Ну вотъ что, ты ужъ мнѣ понравился, кавалеръ важный, Егорья значитъ пришпиленъ, давай пятьалтынный.

— Гривенникъ дамъ.

— Нѣтъ, служба, себѣ дороже...

Солдатъ трогается съ мѣста.

— Прибавь хоть двѣ-то копѣйки!

— Ни гроша.

— Эй, кавалеръ, воротись! даешь одиннадцать?

— Нѣтъ.

— Ну, что съ тобой дѣлать, давай деньги!

Учинивъ продажу, торговецъ снова беретъ гармонику и начинаетъ наигрывать.

— Степанъ Ефимычъ, полно тебѣ бѣса-то тѣшить, брось! знаешь, нонѣ дни-то какіе, постъ вѣдь, кричитъ ему та самая рубашечница, которая ругалась съ башмашницей Наумовной.

И Степанъ Ефимычъ, слушаясь совѣта рубашечницы, оставляетъ на время свои музыкальныя упражненія. Вообще женщины играютъ здѣсь главную роль, да не на одномъ мѣстѣ торжища,

а даже и въ домашнемъ быту, потому что мужья ихъ, получая ничтожное жалованье, находятся въ совершенной ихъ зависимости.

— Что вашъ-то? спрашиваетъ одна сосѣдка другую про мужа.

— Да ничего, теперь пересталъ безобразничать, остепенился, а то просто бѣда, какъ пилъ: изъ дому таскать сталъ. Передъ самой масляной утащилъ съ фатеры кота, да и продалъ въ лабазъ, гдѣ мы муку забираемъ. И, матушка, вѣдь, думаешь, онъ мнѣ дешево стоитъ? На прошлой недѣлѣ сюртукъ ему справила, четырнадцать рублевъ всталъ. Только изъ-за казенной фатеры и маюсь съ нимъ. Самъ-то только на сапоги себѣ и достанетъ, а то все пропиваетъ.

— Грѣхи, мать моя, грѣхи да и только!.. и мой тоже пошаливаетъ. „Дай, говоритъ, мнѣ, Степановна, десять рублевъ, я, говоритъ, у насъ въ казармахъ водкой торговать буду: барышистое, говоритъ, дѣло.“ Я ему съ дуру-то и повѣрила, да и дала, ну онъ, какъ путный, и водки купилъ, да самъ первый и нализался; пришли товарищи, начали поздравлять съ начатіемъ дѣла, да всю водку-то и выпили. Ужъ ругала, ругала я его: гдѣ, говорю, тебѣ пьяной рожѣ водкой торговать, сиди, говорю, по-прежнему въ швальнѣ своей!

Въ то самое время, когда кумушки разсказываютъ о непотребности и пьянствѣ своихъ сожителей, недалеко отъ нихъ происходитъ слѣдующая сцена: какой-то чухонецъ, въ шапкѣ съ ушами на манеръ женскаго капора, купилъ себѣ платокъ и подаетъ торговцу новенькую трехрублевую бумажку. Тотъ долго смотритъ ее на свѣтъ и говоритъ:

— А знаешь что, вейка, вѣдь бумажка-то фальшивая, что, ежели-бы я не доглядѣлъ, вѣдь ты бы меня надулъ...

— Какъ, что ты врешь? кричитъ испугавшійся чухонецъ.

— Нѣтъ, братъ, не вру, а правду говорю. Да ты липы-то

не протягивай, я ее тебѣ не дамъ. Ты, можетъ, самъ ее сдѣлалъ.

Чухонецъ струсилъ не на шутку.

— Вотъ, братъ, твоя бумажка, смотри! и торговецъ раздираетъ ее пополамъ.

Чухонецъ вскрикиваетъ, вырываетъ у него изорванную бумажку и начинаетъ браниться, изрыгая весь лексиконъ финской ругани. Онъ по простотѣ своей думаетъ, что разорванная бумажка никуда не годится. Торговецъ начинаетъ хохотать, къ нему подходятъ другіе и начинаютъ вторить.

— Да ужъ теперь-то бери ее, она теперь ничего не стоитъ.

Чухонецъ чуть не плачетъ, и все еще ругается, а ларьники такъ и покатываются со смѣху. Бумажка была настоящая и торговецъ хотѣлъ только посмѣяться надъ покупателемъ. Наконецъ онъ сжалился надъ нимъ.

— Ну, лайба, ужъ жалко мнѣ тебя, бери платокъ, давай бумажку, такъ и быть уже сдадимъ тебѣ съ нее сдачи, только гривенникъ промѣну.

Теперь, читатели, не угодно-ли вамъ послѣдовать за мной въ самое сердце Апраксина, на такъ называемый развалъ. Боже мой! чего только здѣсь нѣтъ? Что здѣсь не продается и что не покупается? Это-то и есть то самое мѣсто, куда, по увѣренію остряковъ апраксинцевъ, что хотите принесите, все купятъ,—отца съ матерью, и тѣхъ купятъ. Вы увидите здѣсь такія вещи, выложенныя для продажи, что невольно зададите себѣ вопросы: кому они нужны? кто ихъ купитъ? Посмотрите, на землѣ раскинута рогожа и на ней лежатъ самые разнообразные предметы для продажи, какъ-то: половина какой-то французской книжки, нѣсколько солдатскихъ пуговицъ, подметка, дырявая голенища, сапожные гвозди, ручка и крышка отъ чайника, черенокъ отъ вилки, бокалъ съ отбитой ножкой, брючная штрипка и проч. и проч. И въ самомъ дѣлѣ, на вашъ взглядъ

вещи эти никуда негодны и даже не имѣютъ стоимости, а между прочимъ и они найдутъ себѣ покупателя. Напримѣръ: деньщикъ изломаетъ во время чищенья офицерскаго сапога шпору, убоится гнѣва его благородія, да и побѣжитъ на развалъ прибирать шпору, и приберетъ. Попробуйте, поднимите съ рогожи крышку отъ чайника или черенокъ отъ вилки и спросите о цѣнѣ этихъ предметовъ.

— Да что, говоритъ продавецъ, почесывая затылокъ: —дайте десять копѣекъ.

— Что ты, помилуй! да вѣдь она почти совершенно ничего не стоитъ. Ну, кому она нужна?

И на все на это онъ вамъ отвѣтитъ также, какъ отвѣтилъ Собакевичъ Чичикову во время продажи мертвыхъ душъ.

— Да стало-быть она вамъ нужна, коли вы ее покупаете. Чтожъ, даете семь копѣекъ? продолжаетъ онъ, вертя въ рукахъ крышку, и ужъ станетъ на своемъ словѣ; потому что онъ знаетъ, ежели она вамъ нужна и пришлась въ пору къ чайнику, то вы дадите за нее семь копѣекъ.

Торгующіе на развалѣ— „смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній“: и русскіе урожденцы Ярославской губерніи, татары, евреи, еврейки, имѣющіе за душой всего капиталу гривенникъ и обладающіе состояніемъ въ нѣсколько тысячъ.

Вотъ, напримѣръ, небольшая лавчонка, сколоченная изъ дюймовыхъ досокъ. У ней сидитъ старичокъ съ мѣдными очками на носу и читаетъ божественную книжку. Когда угодно пройдите мимо, вы всегда застанете его читающимъ. Весь товаръ въ этой лавчонкѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ старинныхъ мѣдныхъ монетъ, старыхъ подсвѣчниковъ, какой-то вазы, двухъ десятковъ книгъ и портрета Екатерины второй. Кажется, какъ можно кормиться отъ такой торговли? А между прочимъ, торговля, которою занимается старичокъ, выгоднѣе винныхъ откуповъ и тому

подобной промышленности. Дѣло видите-ли въ чемъ: старичокъ этотъ, читающій бежественную книгу,—закладчикъ, ростовщикъ, и лавчонка съ вазой и портретомъ Екатерины второй есть ничто-иное, какъ прикрытіе его ремесла. Старичокъ этотъ отъ извѣстныхъ темныхъ личностей покупаетъ и принимаетъ въ залогъ разныя вещи, доставшіяся имъ случайно. Подобнаго рода торговыя заведенія не нравятся и самимъ апраксинскимъ хозяевамъ: нерѣдко бываетъ, что какой-нибудь молодецъ, любящій кутнуть и съигравшій съ хозяиномъ въ темную *), сбываетъ этому старичку хозяйскій товаръ, разумѣется за четверть цѣны. Загляните-ка въ квартиру этого старичка; чего-чего вы тамъ не увидите: и составныя части дорогаго салопа, т. е. мѣхъ отдѣльно, воротникъ отдѣльно, и покрышка также, карманные часы, только почему-то большею частью безъ колечекъ, серебряныя ложки, куски шелковаго товара, перстни и прочія цѣнныя вещи.. Старичокъ этотъ читаетъ, читаетъ божественную книжку, по временамъ подыметъ голову, да и спроситъ проходящаго: „серебряныхъ, золотыхъ вещей не продаете-ли?“ Бываетъ, что и найдетъ продавца. Въ эту-то часть Апраксина и несутъ на продажу всевозможныя вещи, начиная отъ чернобураго лисьяго салопа и кончая рваными штанами, на которыхъ однѣхъ дыръ столько, что и не перечтешь. Вещи, подобныя чернобурому салопу, сбываются закладчикамъ, а рѣшетчатые штаны жидовкамъ.

Жидовки—это ходячія лавки. Весь товаръ онѣ носятъ на себѣ; на ея бритой головѣ, покрытой парикомъ, вы увидите цѣлый этажъ шляпокъ, надѣтыхъ одна на другую, всѣхъ модъ и всѣхъ достоинствъ, а на рукахъ у ней различнаго рода хла-

*) Съиграть съ хозяиномъ въ темную, на языкѣ апраксинцевъ: значитъ украсть.

миды и вретища, именуемыя бурнусами, салопами и прочими названіями.

Ежели-бы можно было придти на развалъ голодному человѣку въ костюмѣ прародителей, но только съ рублемъ въ рукѣ, повѣрьте, онъ вышелъ-бы оттуда сытымъ, обутымъ и одѣтымъ. Какъ обутымъ и одѣтымъ? объ этомъ не спрашивайте, но всетаки за какія-нибудь восемьдесять копѣекъ онъ получитъ общеевропейскій костюмъ, а на остальныя деньги напьется и наѣстся.

Должно быть покупка и потомъ перепродажа всего приносимаго на развалъ очень выгодна, потому что занимающихся этимъ ремесломъ расплодилось очень много. Имъ стало тѣсно на развалѣ; нѣкоторые ушли оттуда и избрали своей резиденціей тотъ переулокъ, который ведетъ отъ Чернышева моста на Апраксинъ. Съ ними переселились туда и пирожники, оглашающіе воздухъ крикомъ: „съ сижкомъ, съ яичкомъ!“ и сбитенщики, а лѣтомъ квасники съ кувшинами, наполненными бурой жидкостью съ мухами вмѣсто изюму, и даже бабы, отжившія свой вѣкъ мегеры, прежде торговавшія собой, а теперь гнилыми коричневаго цвѣта яблоками и апельсинами.

Вотъ и теперь, у входа въ вышепоименованный переулокъ, прислонясь къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ, стоятъ чуйки и сибирки въ усахъ, бородахъ, шляпахъ и фуражкахъ. Въ рукахъ они держатъ всевозможныхъ видовъ одежды: рваные полушубки, лакейскіе казакины, красные капельдинерскіе жилеты, въ которыхъ такъ любятъ щеголять ломовые извощики-крючники и водовозы, сапоги безъ подошвъ, полуфраки, ситцевыя рубашки, фуляровые платки, военныя и статскія фуражки и т. п.

Въ переулокъ входитъ, судя по одеждѣ, должно быть деньщикъ. Въ рукахъ у него: синія рейтузы, фуляровый платокъ и мѣдный кофейникъ.

— Не продаете-ли чего?

— Эй, землячокъ, что продаешь

— Кажи, кавалеръ!

— Нейди въ нутро, дешевле давать будутъ! кричатъ чуйки и сибирки. Наконецъ одна изъ бойкихъ чуекъ подбѣгаетъ кк деньщику, вырываетъ у него изъ рукъ рейтузы и разстилаетъ по дорогѣ, придерживая за концы.

— Цѣна?

— А что дашь?

— Да нѣтъ, ты самъ скажи цѣну—ты продавецъ. Ну!..

— Да видишь, милый человѣкъ, мнѣ-бы желательно все вмѣстѣ прод ть, отвѣчаетъ, подумавъ, деньщикъ и чешетъ затылокъ.

— А, чохомъ? Кажи!

— Вотъ кофейникъ еще, да платокъ... новый совсѣмъ.

— „Тетка Агафья носила, до дыръ проносила.“ Новый! иронически замѣчаетъ чуйка.—Ну, а цѣна?

Остальныя чуйки и сибирки окружаютъ ихъ.

— Да что съ тебя взять, говоритъ деньщикъ, созерцая рейтузы.—Давай четыре съ полтиной!

— Денегъ домой не донесешь! замѣчаетъ чуйка и кидаетъ ему рейтузы прямо въ лицо, между прочимъ не выпуская изъ рукъ, а придерживая ихъ за конецъ.

— Ну, а что твоя цѣна? спрашиваетъ деньщикъ, озадаченный такимъ отвѣтомъ.

— Кажи! кричитъ сибирка, вырываетъ у него платокъ, стелетъ на землю, встряхиваетъ, смотритъ на свѣтъ и перевертываетъ во всѣ стороны.

— Рѣшето! замѣчаетъ онъ хладнокровно. — Цѣна?

— Да все вмѣстѣ...

— Два цѣлкача берешь? кричитъ чуйка, все еще не выпуская изъ рукъ рейтузъ.

— Четыре рубля!

— Нѣтъ, братъ, жирно будетъ,—объѣшься!

— Два съ полтиной дамъ; кажи! перебиваетъ сибирка.

— Я, пожалуй, хоть и на обмѣнъ,—мнѣ полушубокъ нада-ть.

— Полушубокъ? идетъ! Подь сюда, у меня есть! Сваримъ кашу... кричитъ чуйка и тащитъ деньщика въ сторону.

— Стой. разорвешь! отбивается отъ него деньщикъ.

— Иди, иди! Смотри, вишь полушубокъ-то каковъ, что твой тулупъ. Гляди! вещь-то новая была.

При этомъ онъ разстилаетъ полушубокъ по землѣ и поминутно вертитъ въ рукахъ, чтобы скрыть дыры.

— Смотри, мѣхъ-то! вишь? вотъ вещь, такъ вещь, доволенъ останешься, сто лѣтъ „спасибо“ будешь говорить. Ей-ей новый былъ. Нужно съ тебя цѣлковый придачи взять, а я съ тобой вотъ какъ сдѣлаюсь: идетъ башъ на башъ?

— Эва! ты что морочишь, давай мнѣ цѣлковый придачи!

— Нѣтъ, землякъ, домой не донесешь! Бери свое добро! кидаетъ ему снова рейтузы въ лицо.—Послѣ каяться будешь, въ нутро пойдешь и того не дадутъ. Ну!

— Нѣтъ, не рука!

— Ну, слышишь, на косушку дамъ придачи!

— Цѣлковый, ни копѣйки меньше...

— Эй, воротись, на полштофа дамъ!

— Нѣтъ!

— Ну, пятіалтынный на закуску прибавлю!

Деньщикъ не оглядывается.

— Эй, кавалеръ, воротись, обирай!

Деньщикъ воротился. Чуйка прибѣгаетъ къ послѣднему маневру.

— Вотъ тебѣ полушубокъ и вотъ тебѣ на полуштофъ!

— Цѣлковый и ни копѣйки меньше!

— Дорогонько... Несходно...

Деньщикъ снова трогается съ мѣста. Уловка не удалась.

— Ну, ужъ что съ тобой дѣлать, обирай.

При разсчетѣ у чуйки какими-то судьбами не оказывается пятіалтыннаго; она выворачиваетъ всѣ карманы, даже хочетъ снимать сапоги. Деньщикъ сначала не уступаетъ пятнадцати копѣекъ, но, наконецъ, убѣжденный краснорѣчіемъ чуйки, соглашается.

Въ началѣ моихъ очерковъ и сценъ я сказалъ, что всѣ торгующіе на Апраксиномъ раздѣляются на патриціевъ, плебеевъ и пролетаріевъ; эта-то послѣдняя каста и процвѣтаетъ или на развалѣ, или въ описываемомъ мною переулкѣ. Вотъ вамъ одинъ экземпляръ:

По переулку идетъ женщина въ платкѣ на головѣ и въ кацавейкѣ,—должно быть кухарка. Изъ толпы выдѣляется оборванная личность звѣрскаго вида, въ усахъ и съ небритымъ подбородкомъ,—навѣрное отставной солдатъ. Въ рукахъ у него пара козловыхъ башмаковъ.

— Однѣ въ Питерѣ! реветъ онъ:—для самой шилъ, на заказъ.

Восклицанія эти сопровождаются ударами башмаковъ подошва о подошву передъ самымъ носомъ женщины въ кацавейкѣ. Получивъ этотъ неожиданный салютъ, она вздрагиваетъ и отскакиваетъ въ сторону.

— Экъ, пострѣлъ, откуда выскочилъ! что орешь-то? Испужалъ совсѣмъ. Тьфу ты, чортъ эдакой!

— Эка раскудахталась,—словно барыня! Купи, землячка, дешево отдамъ!

Женщина для того именно и шла, чтобъ купить башмаки;

испугъ ея прошелъ; подумала она, подумала, да и остановилась передъ учтивымъ кавалеромъ.

— А почемъ?

И начался торгъ.

А вотъ и еще экземпляръ:

По переулку идетъ какой-то господинъ въ мѣховомъ пальто, очкахъ и шляпѣ. Онъ натыкается на малаго лѣтъ двадцати въ фуражкѣ и женской кацавейкѣ. На видъ, физіономія малаго самая жалобная, болѣзненная, зубы его подвязаны какой-то тряпицей, но почти каждый замѣтитъ, что повязка эта надѣта съ цѣлію закрыть подбитый глазъ. Отъ него такъ и несетъ водкой.

— Послушайте, господинъ, пожалуйте!.... говоритъ онъ какъ-то таинственно.

— Что тебѣ надо?

— Тише-съ, тише-съ...

— Что ты останавливаешь, любезный! Чего ты хочешь?

— Не хотите-ли купить? по случаю достались...

— Что купить-то?

— Тише-съ, услышать могутъ, глубокомысленно замѣчаетъ кацавейка.—Вотъ часики-съ.

Показываетъ изъ-подъ полы часы съ отломаннымъ колечкомъ.

— Часы?

— Тише пожалуста-съ. Ужь дешево отдамъ-съ.

Многіе любятъ покупать случайныя вещи, да и вещь, показанная изъ-подъ полы, кажется всегда лучше, нежели она есть на дѣлѣ, и господинъ начинаетъ торговать часы.

Эти-то личности и принадлежатъ къ классу пролетаріевъ; сегодня они продаютъ башмаки, завтра часы, доставшіеся по случаю, послѣ завтра мѣдныя кольца, которыя выдаютъ за золотыя, перстни съ хрустальными бриллiантами и прочія, говоря языкомъ апраксинцевъ, атуристыя вещи. Постояннаго житель-

ства эти люди, большею частію, не имѣютъ; день они занимаются торговлею и присутствуютъ въ кабакахъ, впрочемъ подъ часъ не прочь заняться и карманною выгрузкою на гуляньяхъ, а ночью успокоиваютъ свою бренную плоть на трехъкопѣечномъ ночлегѣ въ притонѣ всѣхъ праздношатающихся темныхъ личностей, на Сѣнной, въ домѣ Вяземскаго, въ томъ домѣ, гдѣ полиція каждый мѣсяцъ арестовываетъ десятки личностей, не только что неимѣющихъ законнаго вида, но даже непомнящихъ родства.

VIII.

Первыя двѣ недѣли великаго поста кажутся удивительно долгими. Ежели-бы было можно, такъ-бы и понукалъ время; но за то какъ наступила третья, то недѣли такъ и бѣгутъ: четвертая, пятая, шестая, смотришь—и седьмая. И на Апраксиномъ живо промелькнулъ великій постъ. Попостились апраксинцы, поговѣли, подмѣрили товары, и наступила страстная недѣля. „Шесть дней до праздника, считаютъ они, пять дней“, и уже начинаютъ покупать яйца для окраски.

Канунъ великаго праздника. Десять часовъ вечера. Семейство и молодцы Таратайкина сбираются къ заутрени. Двѣ его дочери, пухленькія дѣвушки, одѣваются въ своей комнатѣ; онѣ силятся осмотрѣть себя въ небольшомъ зеркалѣ и не могутъ рѣшиться, какіе платочки надѣть имъ на шею, голубые или розовые. Самъ Таратайкинъ сидитъ въ залѣ на диванѣ и читаетъ святцы. Изъ кухни пахнетъ жаренымъ; тамъ мать семейства съ кухаркой вынимаетъ изъ печи окорокъ.

— Ахъ, я окаянная! вскрикиваетъ вдругъ хозяйка и на-

чинаетъ плевать.—Забывшись, взяла, да и лизнула палецъ, а онъ у меня въ жиру былъ.

— Ахъ, грѣхъ какой, матушка Анна Никитишна! замѣчаетъ кухарка:—пополощите скорѣе ротъ-то водой, а то право нехорошо.

— Мама, дай мнѣ кусочикъ! говоритъ стоящій около хозяйки маленькій сынишка.

— Грѣшно, душенька, отвѣчаетъ мать;—попъ ушко отрѣжетъ!

Устрашенный такимъ наказаніемъ, ребенокъ не проситъ болѣе скоромнаго, а только облизывается, глядя на жирный окорокъ.

Куличи и пасха давно уже приготовлены и лежатъ на столѣ; уже назначенъ и мальчикъ, который понесетъ ихъ въ церковь для освященія. Запахъ скоромнаго кушанья проникъ и въ молодцовую, и пріятно щекочетъ ноздри молодцовъ. Одинъ изъ нихъ, чтобы какъ-нибудь сократить время и не думать о скоромной ѣдѣ, сидитъ въ углу и тихонько напѣваетъ „Пріидите, пиво піемъ новое“, другой выдвинулъ изъ-подъ кровати свою сокровищницу — сундукъ и вынимаетъ изъ него праздничную одежду. Сундукъ молодца вещь замѣчательная; на видъ онъ не великъ, но чего, чего тамъ нѣтъ. Первое, что бросается въ глаза, это картинки на внутренней сторонѣ крышки. Все это, по мѣрѣ пріобрѣтенія, наклеивалось въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Здѣсь и картинка съ конфектъ,—дама въ розовомъ платьѣ и желтой шали танцуетъ польку съ кавалеромъ въ малиновомъ фракѣ и зеленыхъ брюкахъ, и товарные ярлыки съ стрѣляющими изъ луковъ купидонами, и тисненые изъ золотой бумаги изображенія звѣрей—украшеніе товара, и посреди всего этого изображеніе какого-то полководца, скачущаго по головамъ своихъ солдатъ. Въ самомъ сундукѣ лежатъ: бѣлье, новая пара

платья, галстукъ, пѣсенникъ, балалайка, порт-сигаръ (отчасти какъ вещь запрещенная), колода картъ, флаконъ духовъ, отзывающійся лавендулой, банка какой-то лекарственной мази и помада. Въ углу отдѣльный ящичекъ, тутъ помѣщаются: куски съэкономленнаго сахару, мятныя лепешки, деньги (вещь запрещенная), письма родныхъ, и между ними, обернутая розовой ленточкой, любовная цидулка отъ дульцинеи, съ надписью: „лети письмо отсерца прямо другу маему вруки“.

Часу въ двѣнадцатомъ весь домъ, не исключая и Анны Никитишны, былъ уже одѣтъ и еще до звона отправился въ церковь. Таратайкинъ, какъ лицо, уважаемое въ приходѣ, былъ проведенъ съ семействомъ за рѣшетку, всталъ на клиросъ и легонькимъ баскомъ пѣлъ съ дьячками пасхальный канонъ. Кончилась заутреня, всѣ пришли домой. Хозяинъ перехристосовался съ молодцами, обмѣнялся съ ними яйцами и сѣлъ разговляться. Молодцы все еще стоятъ въ комнатѣ: они ожидаютъ выхода хозяйки и хозяйскихъ дочерей, чтобы съ ними похристосоваться. Въ смежной комнатѣ слышно шушуканье. Анна Никитишна уговариваетъ дочерей выходить въ залу христосоваться съ молодцами; тѣ не ходятъ.

— Катюша! Наташенька! ступайте, видите, они дожидаются. Ужъ это день такой, всѣ христосоваются.

— Да мы, маменька, пойдемъ, только съ Гаврилой цѣловаться не будемъ. Онъ такой пересмѣшникъ.

— Да ужъ нельзя, и съ нимъ надо...

— Ну, развѣ только одинъ разъ, заключили онѣ условіе и вышли.

— Христосъ воскресе! Наталья Васильевна, сказалъ старшій мододецъ, подошелъ къ ней и какъ-то казенно помазалъ ея щеки своей бородой; потомъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука сахарное яйцо, обтеръ его рукавомъ и подалъ ей.

За нимъ слѣдовали другіе молодцы; они также приложились по три раза къ щекамъ дѣвушекъ и, давъ имъ по яйцу, отошли въ сторону. Очередь дошла до Гаврилы. Онъ приблизился и старался казаться серьезнымъ, а глаза его такъ и смѣялись. Это былъ малый въ родѣ гоголевскаго мичмана Пѣтухова, смѣявшагося отъ того, что ему показывали палецъ. Онъ приблизился и поцѣловалъ Катеньку, хотѣлъ поцѣловать другой разъ, но дѣвушка уже отвернулась и онъ только чмокнулъ воздухъ. Кто-то изъ молодцовъ фыркнулъ въ рукавъ. Гаврило держалъ въ рукѣ яйцо; онъ хотѣлъ было подать его ей, но уронилъ на полъ. Натура не выдержала, онъ засмѣялся и вышелъ изъ комнаты не похристосовавшись и съ Настенькой. Утрату эту онъ тотчасъ же замѣнилъ, выбѣжавъ на лѣстницу, и разъ двадцать поцѣловался съ сосѣдней горничной.

Уже разсвѣло, когда разговѣлись молодцы. Чтобы подкрѣпить себя немного къ завтрашней гулянкѣ, они легли соснуть часочекъ, другой, да и проспали до девяти часовъ—для плебеевъ роскошь непозволительная.

Насталъ первый день Пасхи, и начали молодцы жуировать жизнію; въ этотъ день они бываютъ настоящими эпикурейцами: все имъ трынъ-трава, лишь бы попить и поѣсть, прокутить тѣ деньги, которыя далъ на гулянку хозяинъ, да контрибуцію съ конторщиковъ. Куда ни подите въ этотъ день, вездѣ встрѣтите молодцовъ. Въ пассажѣ, на улицахъ, въ трактирахъ, вездѣ, вездѣ.... то и дѣло видите вы ихъ христосующихся съ собратьями. Да и не одни молодцы гуляютъ въ этотъ день, а и хозяева, и даже торговки съ толкучки. Подите въ этотъ день на адмиралтейскую площадь къ балаганамъ, и вы увидите ихъ гуляющихъ по бульвару. Впереди обыкновенно идетъ мать съ дочерями, а сзади въ почтительномъ отдаленіи шествуетъ сожитель съ огромнымъ синимъ или краснымъ коленкоровымъ зонтикомъ на мѣдной палкѣ.

Даже и здѣсь вы видите, что у торговокъ мужская половина играетъ незавидную роль и стоитъ на второмъ планѣ. Сожитель и зонтикъ несетъ не для себя, но для того, чтобы въ случаѣ дождя прикрыть парадные наряды своихъ женъ и дщерей, а тѣ, какъ павы, такъ и выступаютъ, въ тяжелыхъ шелковыхъ платкахъ, въ богатыхъ платьяхъ и канаусовыхъ кацавейкахъ. Наряды эти надѣваются только во время самыхъ большихъ гулянокъ, а именно: къ балаганамъ, перваго мая на екатерингофское гулянье и на гулянье въ волковомъ кладбищѣ.

Сильно нагрузились разною хмѣльною дрянью въ первый день Пасхи молодцы Таратайкина и уже поздно, еле держась на ногахъ, воротились домой. Только старшій молодецъ сохранилъ приличіе и пришелъ къ ужину; онъ имѣетъ виды на Наташеньку, не даромъ же онъ поднесъ ей сахарное яйцо. У Таратайкина у самого есть мысль отдать за него свою дочь, онъ уже присматриваетъ для него на Апраксиномъ лавчонку и потому пригласилъ его ужинать вмѣстѣ съ собою.

На второй день праздника большая половина торговцевъ начинаютъ считать свои лавки. Счетъ этотъ продолжается дня три, а иногда четыре; въ это время нѣтъ продажи, лавки или на половину забраны, или у входа заставлены метлой и скамейкой. Съ пятницы начинается торговля на новый счетъ, а хозяинъ подводитъ итоги и составляетъ б а л а н е ц ъ. Наступаетъ воскресенье; воскресенье—это великій день въ жизни молодцовъ. Въ этотъ день рѣшается ихъ участь на цѣлый годъ: мальчики, выслужившіе свой срокъ, дѣлаются прикащиками, одни прикащики остаются на старомъ положеніи, другимъ дѣлается прибавка жалованья, а третьимъ—вовсе отказываютъ отъ мѣста.

Первый часъ. Фомино воскресенье. Молодцы Таратайкина торговали только до двѣнадцати часовъ, до о б ѣ д а, какъ они выражаются, не смотря на то, что обѣдаютъ въ два часа. Они

сейчасъ только возвратились изъ лавки; у нихъ сегодня разсчетъ съ хозяиномъ. Въ какомъ-то томительно-трепетномъ ожиданіи сидятъ они въ молодцовой и лишь изрѣдка перебрасываются между собою словечкомъ. „Что-то прибавитъ хозяинъ?“ думаютъ они.

Одинъ изъ нихъ всталъ со стула, полѣзъ въ сундукъ и досталъ папиросу.

— Брось, Гаврило, не кури! Ты прежде меня пойдешь къ хозяину; услышитъ, что отъ тебя табакомъ пахнетъ, осердится, да на насъ и нападетъ.

Гаврила только улыбнулся, на это своей всегдашней улыбкой и положилъ обратно папиросу.

Въ молодцовую вошелъ Ванюшка, мальчикъ, который съ сегодня будетъ считаться прикащикомъ. Онъ уже одѣтъ не въ отрепьяхъ, какъ-то было недѣлю тому назадъ, а въ порядочныхъ брюкахъ и въ сюртукѣ изъ хозяйскаго,—подарокъ къ Пасхѣ.

— Вишь, собачій сынъ, ужъ теперь не Ванюшка, а Иванъ Иванычъ, говоритъ Гаврила. — Сегодня въ компанію примемъ, такъ угости!

— Хорошо, говоритъ Ванюшка и улыбается той улыбкой, которую можно замѣтить на губахъ статскаго совѣтника, когда его назовутъ вашимъ превосходительствомъ.

— Смотри, мнѣ одному полдюжины пива! пристаетъ Гаврила.

— Да оставь, братецъ, право не до того! замѣчаетъ другой молодецъ, и въ молодцовой снова водворяется тишина; только старшій прикащикъ Афанасій Ивановичъ, подарившій Пашенькѣ сахарное яйцо, ходитъ изъ угла въ уголъ, да обдумываетъ свой предстоящій великій шагъ жениться на ней.

Приготовлялись молодцы идти къ хозяину; приготовлялся и хозяинъ принять ихъ. Съ какою-то серьезно-таинственною миной раскрылъ онъ въ залѣ ломберный столъ, поставилъ его къ окну и разложилъ на немъ книги и старинные съ обломанными кос-

точками счеты. Для большей важности и торжественности Таратайкинъ расчесалъ и припомадилъ бороду, надѣлъ новый сюртукъ и осѣдлалъ свой носъ круглыми очками въ толстой серебряной оправѣ.

Все готово. Дверь въ спальную заперта на ключъ; любопытство домашнихъ удовлетворено не будетъ. Таратайкинъ вошелъ въ молодцовую. При входѣ его молодцы повскакали съ мѣстъ и встали въ почтительную позу, то есть спрятали руки за спину.

— Афанасій Иванычъ, пойдемъ-ка со мной! сказалъ онъ и вышелъ.

Старшій прикащикъ послѣдовалъ за нимъ; молодцы переглянулись: они въ первый разъ слышали, что онъ назвалъ его по отчеству.

Пришедши въ залу, Таратайкинъ сѣлъ за столъ и подвинулъ къ себѣ счеты.

— Садись! проговорилъ онъ прикащику.

— Покорнѣйше благодаримъ, Василій Федоровичъ! — постоимъ.

— Садись же, братецъ.

Афанасій присѣлъ на кончикъ стула.

— Слава Богу, торговля еще не такъ худа, какъ я полагалъ, началъ Таратайкинъ.

Фраза эта повторялась въ каждое Фомино воскресенье, въ продолженіе двадцати-лѣтняго хозяйствованія.

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ Афанасій, крякнулъ и погладилъ бороду.

— Въ прошломъ году у тебя за мной осталось вотъ сколько.

Таратайкинъ приблизилъ указательный палецъ къ счетамъ и отдѣлилъ нѣсколько косточекъ, но цифры не сказалъ; прикащикъ взглянулъ на счеты и проговорилъ:

— Точно такъ-съ...

— За этотъ годъ я тебѣ кладу вотъ столько.

Опять отдѣлилось нѣсколько косточекъ.

— Покорнѣйше благодарю-съ! отвѣчалъ прикащикъ, всталъ съ мѣста и поклонился.

— Садись! По книгѣ ты забралъ у меня вотъ сколько. Видишь, осталось вотъ сколько... Да ты, братъ, Афанасій Иванычъ, теперь пожалуй богаче меня. Хе-хе-хе! засмѣялся онъ и посмотрѣлъ въ глаза прикащику.

Афанасій улыбнулся.

— Теперь-бы тебѣ только жениться! Что, я думаю, подумываешь?

— Конечно, Василій Федоровичъ, что же весь вѣкъ бобылемъ маяться: должно и о судьбѣ подумать. Ужъ это такъ самимъ Богомъ устроено.

— Что говорить! ну, а невѣста есть на примѣтѣ?

— То есть и есть, Василій Федорычъ, и нѣтъ-съ.

— Какъ же такъ, а я тебѣ посватать хотѣлъ.

Что же-съ, посватайте! и Афанасій улыбнулся; ему было пріятно, какъ коту, которому пощекотали за ухомъ. Онъ понялъ, къ чему клонится дѣло.

Хозяинъ не замѣтилъ этой улыбки.

— А за ней, братъ, вотъ сколько приданаго!

Таратайкинъ отдѣлилъ нѣсколько косточекъ съ тысячной линейки и прибавилъ къ жалованью Афанасья.

— Я больше ничего не желаю: мы люди маленькіе!

— Пять тысячъ кромѣ тряпокъ. Ты, братъ, ее знаешь: не знаю только, нравится-ли она тебѣ?

Молчаніе.

— Я, Василій Федорычъ, имѣю виды на одну дѣвушку и очень онѣ мнѣ нравятся; только не знаю, отдадутъ-ли ее мнѣ,

повелъ дѣло прикащикъ. Онъ уже понялъ, какъ нужно дѣйствовать и приближался къ цѣли.

— А можетъ и отдадутъ, почемъ-знаешь; попробуй! „Попытка не пытка, спросъ не бѣда!“

— Вы меня, Василій Федорычъ, можно сказать, съ-измалѣтства знаете. Крохотнымъ парнишкомъ изъ деревни къ вамъ привезенъ, и вотъ теперь, почитай, безъ трехъ годовъ двадцать лѣтъ выжилъ; оно, конечно... я не говорю... но все-таки... во всякомъ случаѣ...

И Афанасій запутался.

— Это точно, что и говорить!

— Теперича, можно сказать, я всегда о вашемъ здравіи Бога молю, и уваженіе, значитъ, и почтеніе всегда душевно... И Анна Никитишна, можно сказать, была мнѣ второю матерью... Теперича, значитъ, Наталья Васильевна и Катерина Васильевна, всѣ, значитъ, на моихъ глазахъ выросли... именно хоть-бы и объ Натальѣ Васильевнѣ сказать... я бы душевно...

И снова запутался Афанасій. Онъ все еще не могъ рѣшиться просить себѣ въ жены Наташеньку, хотя уже давно рѣшился на это и планъ совершенно созрѣлъ въ головѣ его, недаромъ же онъ большими шагами расхаживалъ по молодцовой. Минуту длилось молчаніе, Таратайкинъ побарабанилъ пальцами по стулу и началъ:

— Вотъ что я тебѣ скажу, Афанасій Иванычъ! я тебѣ сосватаю невѣсту. Хочешь жениться на моей Натальѣ, а я тебя не обижу, все, что сказалъ, будетъ твое.

Онъ указалъ на счеты. Афанасій тяжело вздохнулъ, какъ-будто только сейчасъ внесъ въ пятый этажъ куль овса. „Слава Богу, самъ предложилъ!“ подумалъ онъ и началъ:

— Я, Василій Федорычъ, отъ всей души радъ, и самъ имѣлъ намѣреніе, но смѣлости не имѣлъ. Я, Василій Федорычъ, для

нихъ, для Натальи Васильевны, готовъ Богъ-знаетъ что сдѣлать, только я не знаю, пойдутъ-ли онѣ за меня,—вотъ у меня борода-съ и все эдакое... конечно, можно подстричь...

Голосъ его сдѣлался печальнымъ.

— И не балуй! Я потому и отдаю ее за тебя, что ты не лодырь какой-нибудь, не щелкоперъ, а человѣкъ какъ есть. Что, съ бритымъ-то рыломъ нешто лучше? А насчетъ Натальи не сумлѣвайся: сказано—выдамъ, и выдамъ. Ну теперь, будущій зятюшка, поцѣлуемся.

Они обнялись. Прикащикъ отеръ съ глаза что-то въ родѣ слезы.

— Только смотри, пока никому ни гу-гу; знай и молчи! А вотъ тебѣ мое слово, что выдамъ за тебя. Не будь я Василій Таратайкинъ, ежели не выдамъ!

— Помилуйте, тятенька! ужъ будьте покойны, соблюду все, какъ слѣдуетъ.

— Денегъ не нужно теперь?

— Четвертную позвольте! искупить кой-что нужно.

— Ну, ступай съ Богомъ, позови Николая; вотъ тебѣ двадцать пять рублевъ.

Чуть не приплясывая, вышелъ Афанасій отъ хозяина, за дверью радостно потеръ руки, отправился въ кухню и выпилъ ковшъ воды.

Первая аудіенція кончилась, началась вторая. Въ залу вошелъ Николай. Онъ помолился образамъ, поклонился хозяину, всталъ въ довольно почтительномъ отдаленіи, заложа на спину руки и наклонясь корпусомъ немного впередъ.

— За прошлый годъ я тебѣ кладу двѣсти пятьдесятъ рублевъ, обратился къ нему хозяинъ.

Молодецъ поклонился.

— Забралъ ты двѣсти тридцать. Транжиришь много! смотри,

все на сапоги да на сапоги; неужто ты на пятьдесятъ рублевъ сапоговъ износилъ? Онъ ткнулъ пальцемъ въ книгу. — Пускай самъ сапожникъ ко мнѣ за деньгами ходитъ, али парнишку присылаетъ, а то вмѣсто сапожника-то къ полюбовницамъ таскаешь.

— Помилуйте, Василій Федорычъ! какъ можно-съ... Оно точно-съ, я три пары въ деревню послалъ...

— Балуешься тоже много; кухарка жалуется, покою не даешь ей, говоритъ... Ежели я что увижу, такъ и въ волосное... Тоже вотъ франтишь,—не къ рылу! Палишь деньги, все папироски въ зубахъ... Вотъ тебѣ двадцать пять рублевъ на праздникъ кладу... Сто двадцать за мной останется.

— Благодарю покорно-съ!.. А вы, Василій Федорычъ, Акулинѣ не вѣрьте,—мразь баба; она сама ко мнѣ пристаетъ.

— Молчи! ужъ я знаю тебя... Тоже вотъ съ покупателемъ обращенія не имѣешь, снаровки нѣтъ; голова не тѣмъ занята; все дурачества да пакость на умѣ. Ну, съ Богомъ! Посылай Гаврилу.

— Василій Федорычъ, я, можно сказать, къ вамъ съ почтительною просьбою-съ Позвольте послѣ Троицы въ деревню съѣздить.

— Давно-ли былъ?

— Два года не былъ.

— Ну, такъ чтожъ? не жену оставилъ?

— Это точно-съ, только всячески съ родными повидаться...

Таратайкинъ помолчалъ.

— Ладно, поѣзжай, только не на долго. И жалованья за это время класть не буду, а вотъ тебѣ десять рублевъ накину.

— Много вамъ благодаренъ-съ! проговорилъ Николай и поклонился хозяину въ поясъ, а между тѣмъ въ душѣ обругалъ его.

Кончилась вторая аудіенція. Вошелъ Гаврило. Какъ ни старался онъ придать лицу своему серьезное выраженіе,—никакъ не

могъ; его все смѣшило: и очки на носу хозяина, и его таинственность. Съ нимъ повторилась та же сцена, что и съ Николаемъ; ему также читались наставленія, но когда дѣло дошло до кухарки, онъ не выдержалъ и фыркнулъ.

— Ты чего смѣешься?..

— Ничего-съ, у меня насморкъ, Василій Федорычъ. И снова фыркнулъ.

— Ну, ступай, дура-голова, ступай, забубенный!..

— Покорнѣйше благодарю-съ!

И онъ вышелъ изъ комнаты, закрывая носъ платкомъ для того, чтобы снова не засмѣяться.

За нимъ слѣдовали еще три молодца; одному было замѣчено, что онъ часто въ баню ходитъ, а другому, что изъ лавки часто отлучается въ ретирадное мѣсто и когда возвращается оттуда, то приноситъ съ собой водочный запахъ, а третьему,—вовсе отказано отъ мѣста.

— ... Ты своимъ пьянствомъ только другихъ портишь, вонъ и Федоръ отъ тебя перенялъ; недаромъ же тебя Телятниковъ году не держалъ. Ступай, и приходи завтра за разсчетомъ, закончилъ Таратайкинъ.

— Нѣтъ ужъ, Василій Федорычъ, вы меня сегодня разсчитайте, заговорилъ прикащикъ и всталъ въ ухарскую позу.

— Не дамъ сегодня денегъ, завтра приходи; у меня цѣлѣе будетъ,—не то ты ихъ пропьешь сегодня.

— Такъ чтожъ, на свои буду пить, не на ваши; вѣдь вы мнѣ не поднесете?

— Ты еще грубіянить! Ахъ, ты сукинъ котъ, выжига эдакая! да я молодцамъ скажу, такъ они тебя взашеи съ лѣстницы спровадятъ.

— Вы не ругайтесь, а разсчитайте меня путемъ, и я уйду, стоялъ на своемъ молодецъ.

— За мной твоего только и есть двадцать пять рублевъ; бери и убирайся на всѣ четыре стороны!

— Что же вы жилите? вовсе не двадцать пять, а сорокъ пять!

— Что, я жилю? вотъ твои деньги и убирайся вонъ...

— Да вы меня путемъ разсчитайте.

— Пошелъ вонъ!

Молодецъ вырвалъ у него бумажку и направился къ двери.

— Самъ выжига, жила московская!

— Что? заоралъ Таратайкинъ.

— Ничего, проѣхало! и молодецъ вышелъ изъ комнаты.

Страшно ругаясь, вошелъ онъ въ молодцовую. Лицо его было красно; со злобы онъ мялъ въ рукахъ двадцати-пяти-рублевую бумажку.

— Что, Павелъ? спросили его молодцы.

Онъ не отвѣчалъ и все еще продолжалъ ругаться, далъ подзатыльникъ проходившему мальчику и наконецъ, когда выругался въ волю, облегчилъ свою душу, разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Пусть ему, чорту, мои двадцать рублей на гробъ пригодятся! Меня не убудетъ отъ этого, а они ему солоно придутся.

— Зачѣмъ же ты ругался съ нимъ? началъ было Николай: — теперь вотъ и мѣста не достанешь, онъ тебя по всѣмъ хозяевамъ ославитъ.

— А чортъ его дери, я въ свое мѣсто уѣду!

Онъ вытащилъ изъ-подъ кровати свой сундукъ, сдернулъ висѣвшій на гвоздѣ старый сюртукъ и полотенце, схватилъ съ кровати одѣяло и все это запихалъ туда; хотѣлъ сунуть туда и подушку, да не влѣзла.

— Пусть ему ничего не останется! сказалъ онъ и сорвалъ прилѣпленную надъ кроватью лубочную картинку „разговоръ

большаго носа съ морозомъ", скомкалъ ее, бросилъ и, надѣвъ фуражку, ушелъ изъ дому.

— Экой ретивый! замѣтили ему вслѣдъ молодцы.

Послѣднимъ вошелъ къ хозяину Ванюшка. Сегодня онъ получилъ прикащичій чинъ.

— Ну, Иванъ, ты теперича выжилъ свои года; старайся, служи, не смотри на другихъ молодцовъ, не будь лодыремъ, а я тебя не оставлю. Посмотрю этотъ годъ, что стоить будешь, то и положу. Я тебѣ тулупъ крытый къ зимѣ справлю, а то, что понадобится, можешь у меня спросить, на сапоги, али на что тамъ ни на есть. Попусту денегъ не трать, вина не пей, имѣй почтеніе къ старшимъ, слушайся Афанасія Иваныча. Онъ тебя худому не научитъ. Я, братъ, самъ парнишкой сюда привезенъ и въ науку отданъ; да прежде не то было, что теперича. Бывало меня покойникъ хозяинъ (царство ему небесное!), какъ схватитъ за волосья, да учнетъ таскать по горницѣ, такъ искры изъ глазъ сыпятся. И теперича я ему благодаренъ, человѣкомъ меня сдѣлалъ, вотъ что. Смотри, Афанасій Ивановичъ семнадцать лѣтъ живетъ, худаго слова отъ меня не слыхалъ (Таратайкинъ вралъ). Не водись съ Цаплевскими молодцами,— народъ шельмовый. Вотъ тебѣ пять рублевъ на гулянку. Завтра ступай въ маленькую лавку; ты тамъ будешь стоять. Ну, иди; старайся же смотри!

Ванюшка такъ расчувствовался, что даже отъ полноты чувствъ заплакалъ. Слезы такъ и струились по его лицу.

— Благодарю покорно, Василій Федорычъ! проговорилъ онъ и пошелъ въ молодцовую. Тамъ его начали поздравлять.

Разсчетъ конченъ. Всѣ молодцы Таратайкина, кромѣ Павла, остались на своихъ мѣстахъ, имъ по немногу прибавили жалованья, одного отпустили въ деревню, но никто изъ нихъ, кромѣ Афанасья, не остался доволенъ своимъ положеніемъ, не исключая

даже и Ванюшки, который прослезился отъ полноты чувствъ. Всѣ они потихоньку ругали другъ другу хозяина. Войдите въ это время въ любую молодцовую, прислушайтесь къ разговору молодцовъ, и вы навѣрно услышите одно и то же, — вездѣ ругаютъ хозяина. Ужъ такъ устроены апраксинцы, что ни хозяинъ никогда не бываетъ доволенъ молодцомъ, ни молодецъ хозяиномъ.

Черезъ четверть часа къ молодцамъ пришелъ Таратайкинъ и пригласилъ ихъ съ собой обѣдать. Въ этотъ торжественный день плебеи возлежатъ за столомъ вмѣстѣ съ патриціями.

Кромѣ разсчета, Фомино воскресенье имѣетъ еще ту особенность, что въ этотъ день хозяева отдѣляютъ овецъ отъ козлищъ. Не даромъ же день этотъ прозванъ апраксинцами „страшномъ судомъ". Въ это же самое время, когда плебеи-овцы обѣдаютъ съ хозяевами, козлища пьянствуютъ по трактирамъ. Войдемте напримѣръ въ Палермо, — это притонъ отказанныхъ молодцовъ. Прислушайтесь къ разговору любой группы, и вы ничего больше не услышите, какъ ругательства на хозяевъ. Молодецъ никогда не сознается, что ему отказали, онъ всегда будетъ стоять на томъ, что онъ самъ отсталъ отъ мѣста.

Вотъ группа. Сидятъ нарядно одѣтые молодцы; между ними ораторствуетъ козлище, отдѣленное Таратайкинымъ, Павелъ.

— Да отчего же ты отсталъ-то? спрашиваютъ они его.

— Извѣстно отчего, отвѣчаетъ Павелъ: — хозяинъ мнѣ не потрафилъ, а я его не уважилъ, — вотъ и все...

— А не волчій видъ дали?

— Дали-бы кому, да не мнѣ! Ужъ ежели хочешь, братъ, знать, такъ знай: у меня тутъ шуры-муры съ его дочкой вышли, вотъ и все... заканчиваетъ и подкрѣпляетъ себя рюмкой водки.

Много рюмокъ водки вольетъ въ себя сегодня Павелъ; онъ пьетъ съ горя, онъ знаетъ, что послѣ ссоры съ хозяиномъ ему

уже трудно найти себѣ здѣсь мѣсто, всѣ узнаютъ о его грубости и ему ничего нъ останется дѣлать, какъ ѣхать въ свое мѣсто.

Но не одни козлища пьютъ въ этотъ день, пьютъ и овцы, съ тою только разницею, что пьютъ съ радости. Молодцы вполнѣ олицетворяютъ собою русскаго человѣка, который пьетъ и съ радости, и съ горя. Въ этотъ день молодцы заговѣются надолго, вплоть до Рождества и потому гулянка эта прощается и отъ самихъ хозяевъ. Они и слова не скажутъ, ежели на другой день увидятъ физіономію съ приличными украшеніями; вѣдь этимъ днемъ заканчивается торговый годъ, какъ же не отпраздновать его? Хоть и плебей молодецъ, все-таки и на него надо смотрѣть, какъ на человѣка; вѣдь и онъ современемъ можетъ сдѣлаться такимъ же и даже заткнуть за поясъ своего благодѣтеля, учителя-хозяина.

IX.

Наступилъ май мѣсяцъ. Фельетонисты тонкихъ и толстыхъ журналовъ прокричали уже каждогодную, всѣмъ извѣстную новость, что Петербургъ пустѣетъ, а окрестности его съ каждымъ днемъ наполняются все болѣе и болѣе. И точно, Петербургъ значительно опустѣлъ, а съ этимъ вмѣстѣ и торговля на Апраксиномъ стала хуже. Нѣкоторые изъ хозяевъ лицевой линіи также не отстали отъ людей и потянулись на дачу. Одинъ изъ нихъ отправился на Петровскій, другой на Безбородкино, а Брындицынъ даже перевезъ свое семейство въ Павловскъ, въ тотъ Павловскъ, любезные читатели, гдѣ дирижируетъ оркестромъ баловень судьбы, любимецъ женщинъ, Штраусъ; въ тотъ Павловскъ, изъ-за котораго бѣдные мужья претерпѣли столько гоненій отъ своихъ женъ за то, что объявили себя несостоятель-

ными нанять тамъ дачу. И Брындицынъ было упирался, да жена настояла; она, видите-ли, у него дама модная, даже эмансипированная, то-есть куритъ папиросы и пьетъ шампанское; какъ всѣ современныя дамы лѣтъ сорока, имѣетъ воспитанницу и окружена множествомъ поклонниковъ изъ музыкантовъ, актеровъ и поэтовъ, нигдѣ впрочемъ не печатающихъ своихъ сочиненій. Люди эти бываютъ у ней, ѣдятъ, пьютъ и за все за это посвящаютъ ей свои стихи и музыкальныя произведенія. Говорятъ, одно такое музыкальное произведеніе, кажется полька, было по просьбѣ Брындицыной разыграно въ Павловскѣ оркестромъ Штрауса. Дорого это ей стоило, да за то удовлетворило ея тщеславіе. Весь тотъ вечеръ, въ программѣ пьесъ, исполненныхъ оркестромъ, стояло названіе посвященной польки и внизу подпись, à madame, madame Brinditsin. Какъ эта дама попала замужъ за апраксинца, не занимающагося ничѣмъ, кромѣ торговли, и не находящаго эстетическаго наслажденія ни въ музыкѣ, ни въ поэзіи,—мнѣ неизвѣстно; я знаю только одно, что онъ теперь махнулъ на нее рукой, по возможности исполняетъ ея прихоти, только дескать не тронь меня, и молитъ Провидѣніе, чтобы оно не вложило ей въ голову мысли ѣхать за границу.

Въ то самое время, когда описываемыя мною семейства потянулись на дачу, остальные хозяева перенесли свое гулевое мѣстопребываніе въ лѣтній садъ, а холостые хозяева аристократы и хозяйскіе сынки начали ѣздить къ Излеру на минеральныя воды и на другія загородныя гулянья; гуляли тамъ, затѣвали легонькіе скандальчики, кутили съ различными Амаліями, Бертами, Розами, и, что называется, въ сласть проводили время.

„А что же дѣлаютъ теперь молодцы? спросите вы, читатель. Гуляютъ-ли они?“

Нѣтъ! ихъ гулевое время кончилось, они осуждены на за-

творническую жизнь вплоть до Рождества; развѣ какой-нибудь хозяинъ съ лицевой линіи, пропитанный немного современнымъ духомъ, отпуститъ своихъ молодцовъ раза два или три въ лѣто въ лѣтній садъ, а тѣ, пользуясь временемъ, и удерутъ на Крестовскій, вотъ и все... Задумали было двое Берендѣевскихъ молодцовъ, согласившись съ двумя другими, отправиться къ Сергію Богу помолиться, да не такъ повели дѣло, и остались дома. Вотъ какъ это было.

Пришли они однажды изъ лавки и отправились къ хозяину.

— Мы къ вамъ, Ардальонъ Иванычъ, можно сказать, съ чувствительною просьбою... Позвольте мнѣ и Никитѣ въ субботу къ Сергію идти, началъ одинъ изъ нихъ:—пойдемъ съ вечера, а въ воскресенье часамъ къ пяти вечера безпремѣнно домой явимся. Время теперь, сами знаете, небойкое, торговли мало, прогуляемъ воскресенье! Такъ ужъ позвольте сходить; пѣшкомъ думаемъ отправиться.

Подумалъ, подумалъ Берендѣевъ, потеръ свой животъ и бороду и согласился. „Видно подъ веселый часъ попали", подумали молодцы, и, сами себѣ не вѣря, что желаніе ихъ исполнится, въ поясъ поклонились ему.

— Что-же, по обѣщанію что-ли? спросилъ ихъ хозяинъ.

— Точно такъ-съ, по обѣщанію, отвѣтили они, и снова поклонились.

Товарищамъ ихъ тоже, хоть и не такъ легко, а все-таки удалось отпроситься. Сборнымъ пунктомъ назначена была квартира Берендѣева. Въ десятомъ часу, заперевъ лавки, молодцы собрались. Чтобы не скучно было идти дорогою, они приготовили себѣ для развлеченія, а частію для подкрѣпленія силъ четверть ведра водки и колбасу на закуску, которыя и уговорились нести попеременно. Все было-бы хорошо, да дернуло ихъ купить всѣ эти жизненные припасы до отправленія въ дорогу и внести въ

молодцовую. Молодцы начали одѣваться и поставили весь провіантъ на столъ, въ полной увѣренности, что сюда не войдетъ хозяинъ; одѣвшись, ловко привязали къ плечамъ одного богомольца корзину съ четвертной бутылью, другому вручили колбасу и направились было къ выходу, какъ вдругъ, надо же было случиться такому несчастію, въ дверяхъ съ ними столкнулся хозяинъ: онъ входилъ въ молодцовую. У молодцовъ и руки опустились; богомолецъ, державшій колбасу, чуть-чуть не уронилъ ее на полъ, а виночерпій открылъ ротъ и изобразилъ собою живую картину „испугъ“. Хоть сейчасъ въ александринскій театръ на великопостное представленіе!

— Идете? спросилъ ихъ хозяинъ.

— Идемъ-съ...

— Ну! вотъ, снесите и отъ меня на свѣчку.

И онъ подалъ молодцу, держащему колбасу, рубль.

— Такъ мы пойдемъ, Ардальонъ Иванычъ?

Хозяинъ промолчалъ.

— А что это съ собой несете? проговорилъ онъ, указывая на бутыль.

Въ это время несчастные молодцы готовы были провалиться сквозь землю; они боялись даже взглянуть другъ на друга. Другіе молодцы, не желавшіе быть зрителями столь раздирающей душу сцены, отправились за перегородку и разлеглись по кроватямъ. Произошло нѣсколько-секундное молчаніе, наконецъ голову Никиты осѣнила геніальная мысль и онъ не запинаясь отвѣтилъ:

— Масло-съ... угоднику несемъ-съ...

— Г-мъ, такъ, а покажи-ка его!

— Простое деревянное масло-съ, для лампады несемъ.

И молодецъ попятился. Хозяинъ почти понялъ, въ чемъ дѣло.

— А это что же такое? и онъ указалъ на колбасу.

— Свѣча-съ! брякнулъ Никита и замолчалъ.

— Фарфоровая, али такъ, расписная? Покажите-ка, что за свѣчу такую несете? и онъ протянулъ къ ней руку.

Молодецъ безпрекословно отдалъ ему колбасу. Берендѣевъ вынулъ ее изъ бумаги и понюхалъ. Сцена была комическая, и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическая: съ одной стороны улыбающееся лицо Берендѣева, съ другой убитыя ужасомъ лица молодцовъ.

— Теперь дайте мнѣ и масло понюхать... Хорошее масло!

Онъ подбоченился и пристально глядѣлъ на молодцовъ, которые стояли передъ нимъ какъ мальчишки, которыхъ сбираются сѣчь.

— Такъ такъ-то вы, мерзавцы эдакіе, по богомольямъ ходите? закричалъ онъ.—Пьянствовать? Кутить? Я вамъ покажу! Подите, отнесите это ко мнѣ въ комнаты, а вы останетесь дома: теперь я васъ не пущу, не буду такимъ дуракомъ. Это все ваши затѣи, анафемы вы эдакіе! обратился онъ къ чужимъ молодцамъ.—Все завтра будетъ извѣстно вашему хозяину. Задастъ онъ вамъ гонку! Вонъ, сабачьи дѣти, изъ моей фатеры!.. А съ вами я раздѣлаюсь! въ особенности съ тобой, Никита!..

Гости безъ оглядки выбѣжали изъ молодцовой, а хозяинъ снова началъ ругаться, и тогда только умолкъ, когда перебралъ весь звѣринецъ ругательныхъ животныхъ.

— Вы у меня мерзавцы, будете помнить этотъ день! закончилъ онъ и вышелъ изъ молодцовой.

Молодцы молчали; наконецъ Никита сѣлъ на стулъ, покачалъ головой, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Ужъ не жалко мнѣ того, что мы дома остались, а водку-то я жалѣю; такъ прахомъ и пошла вся четверть. Рубль съ четвертью кровныхъ денегъ загубилъ. Вѣдь самъ бестія всю бутыль вылопаетъ. Ахъ ты, чортъ тебя побери, Ардальонъ Иванычъ, не вовремя ты, лѣшій, подвернулся! И онъ замолчалъ.

Что-же дѣлаютъ молодцы дома въ лѣтніе вечера, когда придутъ изъ лавки? спроситъ, можетъ быть, читатель.

Да ничего; посидятъ, поужинаютъ, начнутъ зѣвать, да и залягутъ на боковую. Впрочемъ, неугодно-ли вамъ самимъ посмотрѣть, что они дѣлаютъ въ свободное отъ занятій время, и прослѣдить два, три часа ихъ жизни. Загляните хоть въ молодцовую Черешнева.

Молодцовая — небольшая комната о двухъ окнахъ. На одномъ изъ нихъ стоятъ два горшка герани и банка съ мыльной водой, покрытая кускомъ чернаго хлѣба съ сдѣланной посреди дырочкой—ловушка для мухъ; а подъ другимъ окномъ привѣшена клѣтка съ чижомъ. По стѣнамъ—кровати съ подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ и съ таковыми же одѣялами, изъ которыхъ мѣстами видны лохмотья ваты. Надъ одной кроватью виситъ гитара и картинки, изображающія полногрудую барышню съ голубкомъ въ рукахъ и пьянаго мужика въ красной рубахѣ, валяющагося на желтой землѣ передъ розовымъ питейнымъ домомъ съ зеленою крышею, котораго подымаетъ городовой. На покоробившемся отъ времени шкафу, съ притономъ клоповъ всѣхъ калибровъ, стоятъ шляпы и помадная банка съ кисточкой, служащая вмѣсто бритвеннаго прибора. Недалеко отъ шкафа на комодѣ, надъ которымъ помѣщается маленькое загаженное мухами зеркало, лежатъ платяная и головная щетки, послѣдняя пріобрѣтшая мохнатость отъ волосъ, вырванныхъ изъ тѣхъ головъ, къ которымъ она имѣла счастіе прикасаться, да двѣ книги: „Черный гробъ и кровавая звѣзда“ и „Полный пѣсенникъ“. У окна столъ и нѣсколько стульевъ сомнительной прочности. Въ углу висятъ образа съ заткнутой за нми запыленной вербой; передъ ними горитъ лампада, съ привѣшенной подъ нею цѣлой ниткой фарфоровыхъ и сахарныхъ яицъ.

Десятый часъ вечера. Молодцы только-что сейчасъ возвра-

тились изъ лавки. Всѣ они одѣты въ халаты, которыми обыкновенно снабжаютъ ихъ татары или на промѣнъ стараго платья, или за два съ полтиной, и въ туфли съ совершенно оторванными задками. Быть въ халатѣ и туфляхъ по вечерамъ у нихъ обыкновеніе: и платье не носится, да и хозяинъ спокоенъ,—въ этомъ нарядѣ молодецъ никуда уже не отлучится изъ квартиры.

Трое молодцовъ сидятъ у окна и сбираются играть въ три листа. Они подбираютъ подъ масть карты.

— Винновой крали нѣтъ, говоритъ одинъ изъ нихъ:—да это ничего, крестовая двойка кралею будетъ, значитъ за фальку пойдетъ.

Иванъ, молодой человѣкъ съ закрученными усами, обладатель книгъ, лежащихъ на комодѣ, сидитъ съ гитарою въ рукахъ и ораторствуетъ.

— Знаете, братцы, сегодня Степанъ Соницинскій чуть не вклепался. Стоитъ, знаете, на порогѣ у лавки, а я напротивъ его. Вдругъ бѣжитъ какая-то штучка, а Степанъ посмотрѣлъ на нее, мигаетъ мнѣ, да и говоритъ: Иванъ, вершай! Смотрю я, а она поравнялась съ нимъ, да и шепчетъ: „здравствуйте, Степанъ Федорычъ!“ Какъ, я говорю, развѣ ужъ у васъ того? „Какъ-же, говоритъ, на мази дѣло“; да знаете, не запримѣтилъ, а евонный-то хозяинъ сзади стоитъ. Запужался Степка, просто въ лицѣ измѣнился малый. А самъ-то такъ на него посмотрѣлъ, что у меня вчужѣ мурашки по тѣлу забѣгали.

— Что за важное дѣло, что только посмотрѣлъ? Нѣтъ, братъ, у нихъ житье важное, не въ примѣръ лучше нашинскаго, возразилъ Тихонъ, мужчина лѣтъ тридцати съ рѣдкой, клинистой, какъ-будто выѣденной молью бородкой.—О святой всѣмъ молодцамъ праздничныхъ дали. Чихова въ деревню отпустилъ, а у насъ что? Онъ началъ говорить тише.—Хоть-бы теперича меня призвалъ „самъ при разсчетѣ“. Вотъ, говоритъ, Тихонъ, я то-

бой доволенъ, вотъ ты, говоритъ, забралъ у меня столько-то, а за мной имѣешь сто пятьдесятъ рублевъ; служи, говоритъ, я тебя не оставлю!“ Я ему въ ноги: Иванъ Васильичъ, говорю, не оставьте! позвольте въ деревню съѣздить, такъ ужъ нельзя-ли моихъ-то деньжонокъ рублевъ пятьдесятъ мнѣ выдать? Какъ напустился на меня: „Это что? говоритъ, прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ, ноне опять?“ Нѣтъ, говорю, три года не былъ. „Куда тебѣ пятьдесятъ, пятнадцати довольно!“ Женѣ, говорю, да своимъ гостинца свезть нужно. Вѣдь не далъ: „избалуешься, говоритъ, у меня цѣлѣе будетъ, не бойся, не пропадетъ, а вотъ тебѣ двадцать рублевъ бери!“ Ну, посудите, братцы, какъ мнѣ съ этими деньгами въ деревню ѣхать, да тутъ и понюхать не хватитъ! Я—просить. Затопалъ на меня залаялся и выпихалъ изъ горницы.

— Да ужъ что говорить! аспидъ, а не человѣкъ! хладнокровно замѣтилъ Иванъ, началъ потихоньку брянчать на гитарѣ и запѣлъ дребезжащимъ голосомъ:

«Сердце ноетъ, духъ томится

Пропѣвъ этотъ стихъ два раза, онъ сейчасъ же измѣнилъ свой голосъ на басъ, предварительно стянувъ ротъ въ одну точку, какъ-будто хотѣлъ свистнуть и продолжалъ:

«Гдѣ любезная моя?
«Ай нѣтъ ея, ай нѣтъ ея!
«Ай нѣтъ ея!»

— Не могу! проговорилъ онъ, сорвавшись.

— Шалишь, братъ, гдѣ тебѣ! съ Мочаловымъ сравняться хочешь?—у того, значитъ, сила...

У окна сидѣли двое и играли въ шашки.

— Дамка, проговорилъ одинъ.

— И у насъ.

— А я ее съѣмъ! Съѣлъ, да и фукъ!—не зѣвай!

— Мы, братецъ, безъ фуку играли. Поставь!

— Для чего?

— Такъ, поставь!

— Нѣтъ, братъ, отдумать. Шалишь!

— Ну, ну, ходи!

— Разъ.

— Два. А вотъ и заперъ въ двухъ мѣстахъ; ребята, въ двухъ мѣстахъ заперъ! припасай три копѣйки!

— За что? да ты рукавомъ двигаешь!

— Нѣтъ, братъ Тихонъ, давай три копѣйки!

— Ну, бери; подавись ими! Чортъ съ тобой! Не хочу больше играть!

— А коли ты ругаешься, возьми твои три копѣйки. Къ гробу на свѣчку пригодятся!

— Ну, ребята! вотъ сегодня смѣялись на линіи, такъ смѣялись, началъ Никифоръ, парень лѣтъ двадцати двухъ:—Гришуха Порховской, вотъ что съ Пасхи къ нему присталъ *), стоитъ на порогѣ да пьетъ чай, а Боберъ-квасникъ мимо идетъ: „кваску, говоритъ, не хочешь-ли?" А Гришуха его и ну дразнить: „на билліардѣ продулъ пять цѣлковыхъ, да сукно продралъ—три,—восемь". Боберъ смерть этого не любитъ, ругаться сталъ, ругаетъ его на чемъ свѣтъ; а Гришуха знай его дразнитъ да аршиномъ будто шары дѣлаетъ. Разозлился Боберъ, поставилъ кувшинъ къ сторонкѣ, да какъ бросился на Гришку, вцѣпился, да и ну таскать... Насилу отняли, какъ звѣрь дикій разсвирѣпѣлъ!

*) То-есть опредѣлился.

Иванъ напѣвалъ другую пѣсню:

«Было дѣло подъ Полтавой,
«Дѣло славное, друзья!
«Мы дрались тогда со Шведомъ
«Подъ знаменами Петра.»

Послѣдній стихъ онъ кончилъ по-солдатски: то-есть скороговоркой, какъ-бы отрубя.

Но здѣсь случилось маленькое обстоятельство, которое на время прервало всѣ занятія. Въ сосѣдней комнатѣ заскрипѣли чьи-то сапоги, и вскорѣ на порогѣ появился хозяинъ, толстый мужчина съ бородой и въ длиннополомъ сюртукѣ, застегнутомъ на пуговицы. Увидя его, молодцы повскакали съ мѣстъ. Иванъ спряталъ за собой гитару и прижался къ шкафу, только такъ неловко, что на ней съ трескомъ лопнула струна; Тихонъ началъ ковырять у себя въ носу, а Никифоръ дышалъ на стекло окна и выводилъ по немъ пальцемъ какіе-то вавилоны. Обозрѣвъ своимъ грознымъ окомъ плебеевъ, хозяинъ проговорилъ:

— Все глупостями занимаетесь! нѣтъ, чтобы дѣломъ заняться!

Онъ сказалъ это такъ, чтобы показать всю безнравственность ихъ поступка, въ сущности же онъ и самъ не зналъ, чѣмъ они должны были заняться.

— На воскресенье это музыку играть, да пѣсни бѣсовскія пѣть! что вы, басурманы, что-ли? Нѣмцы вы? Чего развозились? Это все твои затѣи! обратился онъ къ Ивану, который прижался къ шкафу еще крѣпче прежняго, отчего началъ трещать даже и самый остовъ гитары.

— Книгъ накупили! продолжалъ хозяинъ, похмодя къ комоду, на которомъ лежали „Черный гробъ и кровавая звѣзда“ и „Пѣсенникъ“: — и безъ того головы пусты, а то еще вздоромъ ихъ набивать! Чтобъ не было ихъ! а то всѣ въ печь побросаю. Слы-

шите? добавилъ онъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства и власти вышелъ изъ комнаты.

Всѣ начали приходить въ себя.

— Откуда его, дьявола, принесло? началъ Тихонъ.—Какъ кошка подкрался.

— Струментъ-то только черезъ него окаяннаго испортилъ, говорилъ Иванъ.

— Это все Федька, бестія, виноватъ; сидитъ въ кухнѣ, видитъ, что хозяинъ пришелъ,—нѣтъ, чтобы сказать.

Федька въ затрапезномъ халатѣ вошелъ въ молодцовую.

— Что ты, пострѣленокъ, не сказалъ, что хозяинъ пришелъ? говоритъ Никифоръ, завертывая ему курочку.

— Да меня тутъ не было, я въ аптеку бѣгалъ, Аграфена Ивановна посылали за миндальнымъ масломъ; у нихъ поганая муха губу укусила, говорилъ мальчикъ, чуть не плача.

— Хозяйскіе сапоги чистилъ?

— Нѣтъ еще! сейчасъ только изъ аптеки прибѣжалъ.

— А Ванюшка гдѣ?

— Съ Семеномъ бѣлье катаетъ.

— Обери наши сапоги да вычисти скорѣй; а послѣ Сенька съ Ванюшкой придутъ, такъ подсобятъ. Да смотри-же, чище, а то я тебя пострѣленка! Пошелъ живѣй!

И ловко данный подзатыльникъ послалъ уставшаго мальчика въ кухню.

Читатель! послѣ тринадцати-часоваго стоянія въ лавкѣ вычистить шесть, семь паръ хозяйскихъ и молодцовскихъ сапоговъ—работа не легкая!

Отъ нечего дѣлать Иванъ и Никифоръ начали глядѣть въ окно на дворъ. Видъ былъ великолѣпный: помойная и навозная ямы и двери сарая и конюшни. Молодцы созерцали играющихъ

въ бабки мастеровыхъ мальчишекъ и плевали на нихъ; тѣ ругались.

— Жохъ!

— Врешь, ничка! слышались голоса.

— Жохъ, ей-ей жохъ, погляди! Видишь?..

Мальчишки разодрались.

— Хорошенько его, рыжій, хорошенько! кричалъ Иванъ.— Подъ ногу его, подъ ногу!

Никифоръ сбѣгалъ въ кухню, принесъ ковшъ воды и окатилъ мальчишекъ. Минутъ пять была слышна брань и маленькіе камешки влетали въ комнату.

Въ молодцовой начали накрывать на столъ ужинать.

— Не худо-бы, знаете, господа, того... калдыкнуть *), предложилъ Василій, у котораго по носу и глазамъ можно было догадаться объ его слабости.—Иванъ, стань-ка у дверей!

Онъ вынулъ изъ шкафа бутылку, которая была тщательно заложена брюками и другимъ платьемъ.

— Душа—мѣра, изъ горлышка! и самъ подалъ примѣръ.

Всѣ пили кромѣ Петра, молодаго парня, съ Пасхи только вышедшаго въ прикащики, и Тихона.

Сѣли за столъ. Кухарка, молодая деревенская баба, подавала щи и кашу. Никифоръ безцеремонно обнялъ ее за талію.

— Незамай! что балуешь-то! Вотъ какъ оболью щамъ-то, такъ будешь знать. Говорю, оставь! а то ей-ей бѣльмы выцарапаю!

«Вспомни, вспомни ты любезна,
«Нашу прежнюю любовь!»

продекламировалъ Иванъ и щипнулъ кухарку.

*) Выпить водки.

— Ты туда же, о чтобъ васъ!... Нѣтъ на васъ угомону! Ну вотъ тѣ Христосъ, хозяину буду жаловаться! отбивалась та.

— Чтожъ ты брыкаешься-то, убудетъ что-ли тебя? сказалъ Никифоръ и принялся ѣсть кашу.

Ужинъ кончился. Молодцы начали ложиться спать; они спали по двое на одной кровати.

Ночь... Первый часъ. Всѣ спятъ и храпятъ кромѣ Ивана онъ ворочается съ боку на бокъ.

— Захарычъ, Василій Захарычъ! подвинься, братецъ, что развалялся!

Но Захарычъ ничего на это не отвѣтилъ, а только какъ-то свистѣлъ носомъ и выдѣлывалъ горломъ звуки чуть-ли не всего оркестра.

— Вишь, какъ нализался,—керъ-керешенекъ!

И дѣйствительно, Василій страшно нализался; онъ по поговоркѣ „остатки сладки“:—окончилъ всю бутылку.

Никифоръ тоже проснулся.

— Иванъ, ты спишь? спрашивалъ онъ его.

— Нѣтъ, а что?

— Да дай, братецъ, мнѣ завтра твою манишку надѣть.

— У меня только двѣ и есть.

— Ну дай, братецъ!

— Возьми! Да ты бы лучше у Петрушки спросилъ.

— Дай ужъ ты; Петрушка мнѣ галстучка дастъ. Петрушка! а Петрушка! дашь мнѣ завтра галстучка?

Тотъ не просыпался. Никифоръ повторилъ вопросъ.

— Дамъ, отвѣтилъ соннымъ голосомъ Петрушка.

— Ну, спасибо! А можетъ въ Троицу вечеркомъ хозяинъ со двора отпуститъ, такъ можешь мою шляпу одѣть. Щеголяй!

— Да великонька, Никифоръ Федорычъ!

— Ничего, бумажки подвернешь! все въ шляпѣ-то оно, не въ примѣръ, казистѣе.

— Извѣстное дѣло.

Петрушка снова захрапѣлъ.

— Жарко, братъ: просто лежать не могу. Петрушка лягается, клопы кусаютъ, говорилъ Никифоръ. Онъ накинулъ халатъ, всталъ съ постели и подошелъ къ отворенному окну. Майская ночь, ежели ее только можно назвать ночью, уже переходила въ утро. Заря показалась на востокѣ и начала золотить предметы. Съ улицы доносился стукъ колесъ о мостовую и пѣсня какого-то пьяненькаго. Воробьи ужъ проснулись и начали чирикать. Въ конюшнѣ застучала лошадь; „балуй", крикнулъ проснувшійся кучеръ и замолчалъ.

— Иванъ, Аннушка глядитъ! шепнулъ Никифоръ и послалъ ей летучій поцѣлуй.

Ему отвѣчали. Онъ какъ-то искобенился и началъ кланяться.

— Какая Аннушка? спросилъ Иванъ.

— Аннушка, Губаревская горничная; вотъ что насупротивъ насъ во флигелѣ живетъ.

Иванъ тоже всталъ и подошелъ къ окну.

— Что, старовѣръ спитъ? тихо спросилъ Никифоръ.

— Дрыхнетъ, утвердительно отвѣтилъ Иванъ.

— Значитъ можно курнуть?

— А спички есть?

— Нѣтъ.

— Постой-же, я въ кухню схожу.

Иванъ ушелъ. Тихонъ былъ старовѣръ и до того не любилъ, когда при немъ курили, что даже подчасъ наушничалъ хозяину, который былъ тоже по вѣрѣ и, какъ говорится, „до смерти не любилъ этого зелья."

— Степанида! дай спичку, слышалось изъ кухни.

— Чего?

— Спичку.

— Какую спичку?

— Да вотъ папиросочки покурить.

— Нешто по ночамъ курятъ? Полунощники!

— Степанидушка!

— Оставь! ей-ей по зубамъ смажу, а нето закричу! Небось на передникъ обѣщалъ принести, такъ съ пасхи жилишь.

— Принесу, Степанидушка, принесу! завтра же принесу.

— Оставь, а не то, вотъ тѣ право, бѣльмы выцарапаю!

Иванъ принесъ спичку, зажегъ папиросу, и они начали курить въ окошко подъ храпъ другихъ молодцовъ, похожій на тотъ гулъ, который издаетъ немазанная телѣга, когда она ѣдетъ черезъ старый деревянный мостъ, доски котораго прыгаютъ какъ фортепіанныя клавиши.

X.

Въ маѣ 1862 года Петербургъ сильно пострадалъ отъ пожаровъ. Многіе апраксинцы, жившіе въ Ямской и на Разъѣзжей улицѣ, тоже погорѣли. Пожары эти уже явно выходили изъ ряда обыкновенныхъ пожаровъ; ихъ приписывали непремѣнно поджогамъ. На всѣхъ нападалъ какой-то паническій страхъ и на апраксинцевъ тоже. До сихъ поръ они считали свое мѣсто торжища какой-то несгараемой и ни отъ чего неутрачивающейся твердыней, не смотря на то, что твердыня эта большею частію была построена изъ дюймовыхъ досокъ. „Но громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, а потому и апраксинцы познали вдругъ, что твердыня ихъ передъ огнемъ ничто иное, какъ утлая ладья въ бурномъ морѣ, и призадумались. „А что, ежели по-

дожгутъ Апраксинъ, думали они: — вѣдь загорись одна лавка, такъ ничему не устоять, весь рынокъ сгоритъ", и болѣе осторожные торговцы сдѣлали холщевые мѣшки на случай пожара, чтобы удобнѣе было вытаскивать мелкій товаръ, и даже перестали пополнять свои лавки покупкою новыхъ товаровъ. Между прочимъ на Апраксиномъ прошла молва, что поджигатели непремѣнно рѣшились поджечь Апраксинъ; но молва—какъ снѣжный шаръ, чѣмъ онъ дальше катится по снѣгу, тѣмъ становится больше; такъ и эта молва, переходя изъ устъ въ уста, дѣлалась все страшнѣе и страшнѣе. Многіе утверждали, что были подкинуты письма, въ которыхъ обѣщались сжечь весь Апраксинъ и Щукинъ, и назначили день: а именно Троицу. Одни говорили, что видѣли какого-то мужчину, мазавшаго какимъ-то снадобьемъ заборъ въ Чернышовомъ переулкѣ, другіе, — что какая-то женщина приходила ко многимъ торговцамъ въ лавки и незамѣтнымъ образомъ брызгала изъ спринцовки на стѣны лавокъ воду, и что то мѣсто, куда попадала капля, чернѣло и обугливалось. Книжники утверждали, что три дня кряду къ нимъ приходитъ какой-то господинъ въ бѣломъ пальто и фуражкѣ и спрашивалъ такое названіе книги, о которой они не имѣли и понятія; его сочли за поджигателя, хотѣли схватить, обыскать и представить въ кварталъ, да не могли, потому что господинъ неизвѣстно куда скрылся. Знакомая уже намъ Наумовна, жена департаментскаго сторожа, торговавшая въ толкучкѣ башмаками, утверждала, что въ воскресенье ночью, когда она вела домой изъ гостей „своего безобразника", то своими глазами видѣла, какъ надъ толкучкой леталъ огненный змѣй, зѣвалъ и изо-рта его сыпались искры. При этомъ она показывала какую-то тряпку съ выжженными дырами, которая будто-бы затлѣлась въ ту ночь отъ змѣиныхъ искръ.

Наступилъ Троицынъ день. Многіе Апраксинцы не отворяютъ

въ этотъ день лавокъ, а тутъ нарочно вышли: „ну, какъ загорится!“ даже и въ Екатерингофъ на гулянье не отправились. День кончился благополучно, никакого несчастія не случилось; молодцы заперли лавки и, ругая хозяевъ, что тѣ оттянули у нихъ гулевой день, отправились домой.

„Видно только такъ зря болтали, что подожгутъ Апраксинъ,“ подумали хозяева и спокойнѣе спали ночь на Духовъ день. Но „гласъ народа—гласъ Божій!“

Въ Духовъ день хозяева по обыкновенію вышли въ лавки, посидѣли тамъ часовъ до трехъ, да также по обыкновенію и отправились домой, чтобы захватить своихъ сожительницъ и отправиться съ ними на гулянье или въ лѣтній садъ, или на Охтенское кладбище; молодцамъ-же наказали не сидѣть долго въ лавкахъ, а запираться часовъ въ восемь....

Въ квартирѣ купца Крыжовникова, торгующаго фруктовымъ товаромъ, часовъ съ десяти утра было замѣтно какое-то необыкновенное движеніе. Евстигней Егорычъ — глава семейства — возился съ переливаніемъ настоекъ изъ бутылки въ бутылку, смотрѣлъ ихъ на свѣтъ и нюхалъ; Пелагея Степановна, его сожительница, съ кухаркой и мальчикомъ Гаврюшкой, который нарочно въ этотъ день не былъ посланъ въ лавку, укладывала въ корзину огромный пирогъ съ капустой и сигомъ, банку изъ-подъ килекъ съ нарѣзанными на куски селедками, кусокъ икры, ветчину и все, что потребно для закуски. На все на это приготовленіе безсмысленно смотрѣлъ двухлѣтній сынишка Пелагеи Степановны, Петинька.

Въ кухню, гдѣ происходили эти приготовленія, вбѣжала на всѣхъ рысяхъ сосѣдка Крыжовниковыхъ и облобызала Пелагею Степановну.

— Куда собрался, батюшка? умильнымъ голосомъ спросила она ребенка.

— На Охту, молъ, тетенька, родственничковъ поминать, отвѣтила за него мать.

Ребенокъ ничего не сказалъ, а заревѣлъ и уткнулся въ юбку матери.

— Ахъ я дура! вскрикнула сосѣдка, — и забыла, что нонече гулянье на Охтенскомъ кладбищѣ-то. Пойду, пойду, безпремѣнно пойду.

— Заходите къ намъ на могилку-то. Вотъ мы сбираемся.

Въ спальной передъ стариннымъ зеркаломъ съ бронзовыми столбиками стояла Манечка, дочка Крыжовниковыхъ, и съ помощію подруги своей, Матрешеньки, зашнуровывалась въ праздничное платье. По-одаль стоялъ братъ ея, Гарася, и кускомъ бархата натиралъ свою шляпу. Онъ былъ завитъ барашкомъ,— обстоятельство, которое дозволялось ему въ большіе праздники.

— Покрѣпче, Матрешенька, стягивай, покрѣпче; я тебя также зашнурую.

— Тише, Матрена Николаевна, а то неравно лопнетъ, да и убьетъ васъ костью-то, острitъ Гарася.

— Смотрите, чтобъ у васъ чего не лопнуло да насъ не убило, отвѣтила Матрешенька.

Часамъ къ одинадцати все было готово къ отъѣзду. У подъѣзда стояла четвероместная карета; семейство Крыжовникова въ нее усаживалось. На эту церемонію смотрѣли изъ оконъ жильцы, лаяла дворовая собака на ноги лошадей, да водовозъ осматривалъ колесо кареты съ такимъ вниманіемъ, какъ будто онъ первый разъ въ жизни видѣлъ колеса.

Первый влѣзъ въ карету Евстигней Егорычъ и поставилъ себѣ въ ноги корзину съ бутылками настоекъ, за нимъ Пелагея Степановна, держа въ рукахъ Петиньку и полоскательную чашку съ кутьей, завязанную въ носовой платокъ, за ней Манечка и

Матрешенька съ поднятыми кверху платьями, изъ осторожности, чтобъ ихъ не измять.

— Мнѣ, тятенька, нѣтъ мѣста, я извощика возьму, проговорилъ стоящій у дверецъ кареты Гарася.

— Врешь, будетъ мѣсто. Зачѣмъ деньги понапрасну тратить. Заклинивай вонъ ихъ, и Евстигней Егорычъ указалъ на Манечку и ея подругу.

— Что вы, папенька, онъ насъ изомнетъ совсѣмъ, и безъ него тѣсно.

— Не сахарная, не растаешь! Заклинивай, Гарася!

И Гарася заклинилъ ихъ, то есть сѣлъ въ середину.

— Всѣ-ли сѣли?

— Я сѣлъ-съ, откликнулся съ козелъ Гаврюшка, держащій въ объятіяхъ самоваръ; поставить его было некуда, на козлахъ стояли двѣ корзины съ съѣстными припасами и съ посудой.

— Ну, трогай!

Извощикъ хлестнулъ по лошадямъ.

— Стойте! закричала, выбѣжавъ на крыльцо, кухарка. — Кофейникъ и коверъ забыли!

— Клади на козлы!

— Да здѣсь мѣста нѣтъ, проговорилъ извощикъ.

— Ну, давай въ карету.

Въ исходѣ перваго часа Охтенское кладбище было запружено народомъ. Сторожъ и городовые отгоняли отъ воротъ экипажи, нищіе пѣли стихи, изъ которыхъ рѣшительно нельзя было понять ни одного слова.

Какой-то отставной солдатъ, въ родѣ сторожа въ присутственномъ мѣстѣ, съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ и съ огромнымъ краснымъ демикатоновымъ зонтикомъ въ правой, стоялъ у лавки, гдѣ продавались кресты, вензеля и гирлянды изъ цвѣтовъ. Его жена покупала вѣнокъ изъ моху съ бумажными розанами.

— Да что въ немъ? смотри, весь плѣшивый, говорила она, вертя въ рукахъ вѣнокъ, — и травки-то пожалѣлъ... За что полтину-то хочешь?

— Помилуйте, чѣмъ же плѣшивый? Вы взгляните хорошенько, вѣнокъ — какъ вѣнокъ, хоть на генеральскую могилу, такъ не стыдно повѣсить, увѣрялъ торговецъ.

— Ну, бери четвертакъ...

— Что вы, какъ возможно!

— Ну пойдемъ, что-ли, говорилъ супругъ: — тамъ дальше еще будутъ вѣнки, купишь.

— Послушайте! пожалуйте! позвольте! желаете за тридцать копѣекъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Хорошо, извольте!

Въ первомъ разрядѣ, въ одномъ палисадѣ даже были замѣтны два официанта въ бѣлыхъ галстукахъ и хлопали бутылки шампанскаго. Немного подалѣе какая-то купчиха, повязанная шелковой косынкой и въ брилліантовыхъ серьгахъ, подавала черезъ рѣшетку старухѣ нищей копѣйку и говорила:

— Помяни за упокой: Афанасія, Петра, Анну, Пелагею, Григорія, двухъ Ивановъ и... Иванъ Меркулычъ, какъ Надежды-то Ивановны мужа звали? — обратилась она къ супругу.

— Прокломъ...

— И Прокла... добавила она старухѣ.

— ... Никифоровъ далъ тридцать копѣекъ, Горшковъ сорокъ, я четвертакъ и ты полтину, значитъ, рубль сорокъ пять, — разговариваютъ проходящіе два писаря: — теперь разочти, мы купимъ три полштофа водки, а на остальное тамъ чего-нибудь.

— А для дамъ?

— Анна Өедоровна ничего — пьетъ, а для Пашеньки бу-

тылку меду купимъ. Ты пойми, что чрезъ это они насъ пирогомъ угостятъ.

— Пойдемъ туда, въ шестой разрядъ; тамъ, братъ, иногда бываетъ очень много хорошенькихъ,—сольемся съ народомъ, говоритъ на ходу какой-то бородатый господинъ въ пенснэ своему товарищу офицеру.

— Ваше превосходительство, сіятельство, благородіе, господинъ офицеръ, генералъ, полковникъ, подайте сиротке на хлѣбъ! кричитъ имъ въ слѣдъ, подпрыгивая, босоногая дѣвчонка.

Офицеръ улыбается, услыша себѣ такой громкій титулъ, останавливается и подаетъ ей серебряную монету.

У Крыжовниковыхъ, также какъ и у прочихъ, шло поминовеніе родственниковъ. Въ палисадѣ на могилахъ былъ разостланъ коверъ, половина котораго была покрыта скатертью; на ней помѣщались: чашка съ кутьей, закуска, графинъ водки и бутылка хересу.

Пелагея Степановна суетилась, разставляя чашки. Въ углу мальчишка раздувалъ самоваръ сапогомъ. Евстигней Егорычъ сидѣлъ съ какимъ-то знакомымъ на скамейкѣ и жарко о чемъ-то разговаривалъ; предъ ними стояли двѣ рюмки водки. Манечка и Матрешенька смотрѣли на проходящихъ.

— Матрешенька, смотри, идетъ офицерикъ; какой миленькій!—шепчетъ Манечка своей подругѣ;—онъ со мной танцовалъ на свадьбѣ у Бабкиныхъ; и послѣ все меня преслѣдовалъ, даже въ церковь къ Іоанну Предтечѣ ходилъ. Бывало, такъ умильно смотритъ на меня, что страсти! Ахъ, Боже мой! онъ кланяется! нехорошо,—я не буду ему кланяться.

— Что ты говоришь, Маня?—развѣ это офицеръ, это писарь.

— Неправда, онъ мнѣ самъ сказалъ, что онъ офицеръ.

— Да онъ тогда былъ въ офицерскомъ платьѣ; а потомъ

подъ конецъ бала напился и въ пьяномъ видѣ самъ проговорился дядинькѣ, что онъ не офицеръ, а писарь, и офицерское платье такъ надѣлъ, чтобъ пріятное обращеніе съ дѣвицами имѣть.

— Здравствуйте, родные! закивала головою изъ проходящей мимо толпы женщина въ канаусовомъ платьѣ и въ терновомъ платкѣ, и тотчасъ же приблизилась къ палисаду Крыжовниковыхъ.—Впустите, отворите калитку-то,—кажется, не чужая!

— Ахъ, здравствуй, Ивановна! проговорила Пелагея Степановна, впуская ее.

— Все-ли вы здоровы, моя родная? спросила Ивановна и, отеревъ платкомъ губы, троекратно со щеки на щеку поцѣловалась съ нею.

— Понемножку.

— Понемножку лучше всего... Здравствуйте, дѣвицы красныя! И она также поцѣловалась съ Матрешенькой и Манечкой.— Жди и дождешься, женихъ сегодня мимо палисаду пройдетъ... таинственно шепнула она Манечкѣ.—Ну, а ты что, купецъ?.. охъ, какой грозный стоитъ и не ухмыльнется; ужъ нынѣшнюю зимку оженю, оженю, непремѣнно оженю; полно тебѣ холостымъ-то бѣгать.

Слова эти относились къ Гарасѣ.

— И безъ тебя женюсь; ты вотъ лучше сама-то замужъ выходи...

— Шутникъ! Шутникъ онъ у васъ! Съ самимъ-то я и не поздоровалась: здравствуйте, батюшка, Евстигней Егорычъ! и Ивановна въ поясъ поклонилась ему.

— А, здравствуй! откуда Богъ принесъ?

— Откуда? знамо откуда,—гуляю, жениховъ да невѣстъ высматриваю; что я за песъ шелудивый такой, что и на гуляньи показаться не могу! Слава Богу, и одежонка есть, да и рыло не лыкомъ шито.

— Чтожъ, Ивановна, чѣмъ потчивать-то? Вотъ ужъ по закону, кутейки сначала... Да хересу, али водочки?—спросила ее Пелагея Степановна.

— Да ужъ лучше водочки, родная,—повваднѣе будетъ.

— Пожалуйте!

Пелагея Степановна подала ей чашку съ кутьей; Ивановна зацѣпила ее ложкой.

— Какъ покойниковъ-то звали?

— Іоаннъ, Варвара и Петръ...

— Упокой Господи души рабовъ твоихъ: Іоанна, Варвары и Петра... и, перекрестившись большимъ крестомъ, Ивановна проглотила ложку кутьи.

— Ну, а послѣ водочки-то—кофейку.

— Развѣ одну только чашечку, и то на скору руку; вѣдь я, родная, по дѣлу пришла.

— Сейчасъ, сейчасъ... Гаврюшка, чтожъ самоваръ-то, готовъ, что-ли?

— Готовъ.

— Ахъ какой мерзавецъ мальчишка! чтожъ ты за Петенькой-то не смотришь; смотри, видишь, онъ къ самовару подошелъ, обвариться можетъ. Погоди! я ужо скажу Евстигнею Егорычу: онъ тѣ задастъ!

— Дѣло въ два слова разскажу, начала Ивановна:—есть у меня одинъ человѣкъ, Антиповъ прозывается; такъ павой-то твоей плѣнился, что ночей не спитъ. Онъ здѣсь, ужо я его проведу мимо полисада, а вы какъ будто ненарокомъ, и зазовите насъ.

— Да чьихъ онъ?

— Антиповъ, говорю, отецъ евонный рыбой торгуетъ. Славный женихъ; а ужъ какой скромный, какъ дѣвушка. Богатые купцы! Даве я къ вамъ забѣгала, хотѣла васъ увѣдомить, да

прибѣгаю въ кухню, а кухарка говоритъ, ужъ уѣхали; я такъ и руками всплеснула.

— Да это не тѣхъ-ли Антиповыхъ, что садки-то свои на Фонтанкѣ имѣютъ?

— Ихній, ихній!

— Еще домина у нихъ огромный недалеко отъ насъ?

— Они, Они!

— Ахъ, батюшки, да вѣдь это богачи!

— Ужъ я, родная, какую-нибудь голь не посватаю.

— Да гдѣ же онъ ее видѣлъ?

— На свадьбѣ, говоритъ, вмѣстѣ пировали.

— Ахъ, батюшки! и Пелагея Степановна бросилась обдергивать на Манечкѣ платье, хотя платье и безъ того хорошо сидѣло. — Такъ ты ужъ приведи его къ намъ, Ивановна...

— Безпремѣнно приведу. Ужъ что сказала, то сдѣлаю.

Часа въ три поминовеніе родственниковъ было въ самомъ разгарѣ, во многихъ мѣстахъ уже валялись разбитые полуштофы и бутылки, и родственники покойниковъ громко возглашали имъ „вѣчную память“; совершенно упившіеся валялись между могилъ.

— Что есть душа?—говорила одна сибирка другой,—душа есть духъ... теперича, примѣромъ, у собаки не душа, а паръ, и у анафемы, который, значитъ, анафемѣ преданъ, тоже паръ... а французъ, у него не паръ.

— Позвольте; конечно, мы теперь выпимши, но все-таки свое разсужденіе можемъ имѣть: у турка или, выходитъ, значитъ, у арапа тоже паръ... а у француза,—у того не паръ.

— Извѣстно, потому французъ христіанинъ; а нѣмецъ, шведъ и лютеранинъ, и католикъ тоже... ну, англичанинъ— тотъ опять не то, тотъ мытарства проходитъ.

— Это точно...

— Ну, выпьемъ...

— Если вы, теперeча, Авдотья Андреевна, не примите въ соображеніе то, что я есть,—говоритъ писарь возсѣдающей съ нимъ рядомъ дѣвушкѣ,—и будете прямо тиранствовать надо мною, единственно изъ своего плезира и гордости, то, можетъ быть, я несчастный, безвременно сойду въ могилу, и вы будете приходить сюда и оплакивать меня при пѣсняхъ соловья..! скажите одно слово: да, или нѣтъ?..

— Не знаю... шепчетъ дѣвушка.

— Это ваше рѣшительное слово?

Дѣвушка молчитъ.

— Скажите одно слово: да, или нѣтъ?.. снова пристаетъ писарь.

— Да, едва слышно отвѣчаетъ она.

Въ палисадѣ Евстигнея Егорыча поминовеніе родственниковъ было тоже въ разгарѣ. Онъ поминутно зазывалъ проходящихъ мимо знакомыхъ, пилъ съ ними и закусывалъ. Набралось человѣкъ пять; бесѣда шла очень интимная,—они обнимались.

— Что смотрите, какъ мы обнимаемся?—обратился Евсигней Егорычъ къ Манечкѣ и Матрешенькѣ.

— Братцы, вотъ моя дочь и ея подруга, рекомендую. Братцы, посватайте женишковъ-то; ужъ больно имъ замужъ-то хочется.

„Изволь, изволь“, послышались голоса и компанія захохотала.

— Что ты дѣвицъ-то страмишь, Евстигней Егорычъ, замѣтила Пелагея Степановна.

— Ну ужъ, ты молчи, я знаю, что я дѣлаю. Гаврюшка, вотъ тебѣ цѣлковый-рубль, бѣги до погреба, возьми бутылку рому ямайскаго лучшаго; да смотри, живымъ манеромъ. Пунштиковъ выпьемъ, обратился онъ къ гостямъ.

— Не много-ли будетъ?

— Пейте! вѣдь влѣзетъ...

— Извѣстно, влѣзетъ, да все-таки...

— Ну ужъ, не разговаривай. А теперь водки выпьемъ.

Чрезъ нѣсколько времени принесенъ былъ ромъ и сдѣланъ пуншъ.

— Вѣдь я брата поминаю, поймите вы это, говорилъ уже коснѣюшимъ языкомъ Евстигней Егорычъ. На глазахъ его были слезы.—Брата роднаго, можно сказать, отца втораго... конечно, Богъ ему судья, все-таки онъ мнѣ добро сдѣлалъ...

— Это точно... отвѣтилъ гость, отеръ слезу и покачнулся.

— Примѣромъ, онъ бывало скажетъ... Евстигней... Ты, говоритъ, скотина, такъ примѣромъ, къ слову ежели, и я молчу... потому, пикни чуть слово,—сейчасъ за волосья.

Евстигней Егорычъ размахнулъ руками, какъ-будто дѣйствительно кого-нибудь хотѣлъ схватить за волосья.

Въ это время къ ихъ палисаду подошла Ивановна съ Антиповымъ.

Антиповъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, одѣтый понѣмецки и въ лиловыхъ брюкахъ. Волосы его до того было напомажены, что казалось, съ нихъ капало. На шеѣ у него висѣла массивная золотая цѣпь, а на указательномъ пальцѣ правой руки сверхъ зеленой перчатки блестѣлъ брилліантовый перстень.

— Хлѣбъ да соль! проговорила Ивановна.

— Милости просимъ, отвѣтила хозяйка.

Сваха съ женихомъ прошли мимо.

— Евстигней Егорычъ, сейчасъ пройдетъ Ивановна съ женихомъ, такъ проси его къ намъ, шепнула Пелагея Степановна мужу.—Это Антиповъ, онъ къ Манечкѣ сватается.

Но Евстигней Егорычъ уже ничего не слыхалъ, онъ еще съ большимъ жаромъ разсказывалъ гостямъ о благодѣяніяхъ своего брата. Пелагея Степановна рѣшилась пригласить ихъ сама.

Минутъ черезъ пять женихъ и сваха снова прошли мимо.

— Что все гуляешь, Ивановна, да ноги топчешь, поди, ужъ умаялась? Зашла-бы отдохнуть,—проговорила Пелагея Степановна.

— Да я не одна, родная, а съ кавалеромъ. Вотъ все могилку знакомаго отыскиваетъ.

— Вмѣстѣ милости прошу къ нашему шалашу!

Они вошли въ палисадъ. При входѣ ихъ Манечка такъ и зардѣлась, вынула изъ кармана платокъ и изо всей силы начала сморкаться въ него.

— Чѣмъ подчивать-то: чайку, кофейку, мадерки, али пунштику желаете?

— Хмѣльнаго не употребляю-съ, а чашечку чаю выпью.

— Не пьетъ, не пьетъ, ничего не пьетъ! шепнула Ивановна Пелагеѣ Степановнѣ.

— Что, у васъ здѣсь тоже могилки сродственниковъ есть? спросила его Пелагея Степановна.

— Есть-съ, у насъ во второмъ разрядѣ-съ; только нашихъ тамъ никого нѣтъ-съ: тятинька въ отсутствіи, а родительница третій годъ померла-съ.

— Вотъ что въ сѣренькомъ-то платьѣ съ малиновой оборкой дочь ихъ и есть, а та ейная подруга,—шепнула ему Ивановна.

— Сколько здѣсь сегодня народу! — начала снова Пелагея Степановна!—Халдѣевы здѣсь. Вы ихъ знаете?

— Знаю-съ; мы съ ними дѣла дѣлаемъ-съ.

— А вы чѣмъ торгуете?

— Рыбой-съ, у насъ садки... Сколько народу-съ... въ прошломъ году и половины не было-съ.

Евстигней Егорычъ и не замѣчалъ новопришедшаго гостя; онъ еще больше размахивалъ руками. Они уже пили по третьему стакану пуншу.

— Что, солнышко, воюешь, что воюешь? хотьбы угостилъ чѣмъ, говорила ему Ивановна.—Вишь, какъ толкаешься.

— А ты не вертись!

— Чего не вертись, ты-бы вотъ взялъ рюмку настоечки да и поднесъ-бы мнѣ...

— Жирно будетъ...

— Чтожъ, я такая же гостья...

— Какая ты гостья, шмоль! Уйди! нѣтъ—пришибу! Нечего по чужимъ могиламъ таскаться!...

— Охъ какой грозный, право, словно Иванъ Грозный!

Евстигней Егорычъ счелъ это наименованіе за обиду.

— А коли я Иванъ Грозный, такъ пошла вонъ! Только-бы брюхо чужимъ добромъ набивать! Да еще народу съ собой разнаго водишь! Пошла вонъ! И ты, молодецъ, проваливай. Не проѣдайся, не проѣдайся!

— Матушка, Пелагея Степановна, на что же это похоже? сперва пригласили, а послѣ вонъ гоните!

— Не задержали-ли?

Пелагея Степановна всплеснула руками. Антиповъ поставилъ чашку на могилку и опрометью бросился вонъ изъ палисада.

— Ахъ, батюшки, срамъ какой! Евстигней Егорычъ, Христосъ съ тобой, что ты... что ты... вѣдь это женихъ Манечкинъ.

— Все равно, вонъ ихъ! вонъ ихъ! Пошла вонъ!

— Вонъ, вонъ! заорали, слѣдуя его примѣру, и двое гостей.

Другіе гости, менѣе пьяные, начали ихъ останавливать.

— Ахъ, папенька, что съ вами? сквозь слезы говорила Манечка.

— Такъ такъ-то вы принимаете? — завопила Ивановна, — такъ-то вы гостей угощаете: сначала и такъ и сякъ, Ивановна и такая и сякая, посватай, а послѣ вонъ гнать! спереди лижите, сзади царапаете! Нога моя у васъ не будетъ; на весь Питеръ разславлю; кой-что и о тебѣ, голубчикъ, знаю... по всѣмъ закоулкамъ раззвоню!

— Уйди! нѣтъ—пришибу! заоралъ Евстигней Егорычъ и, размахивая руками, бросился за нею, но сваха была уже за палисадомъ. Онъ задѣлъ за самоваръ и опрокинулъ его. Сдѣлалась всеобщая суматоха: Евстигней Егорычъ ругался, гости и жена останавливали его, Петинька ревѣлъ, а Гаврюшка, чтобы унять его, трубилъ передъ нимъ въ самоварную трубу. Проходящіе по browsing мосткамъ останавливались, смотрѣли на это происшествіе и дѣлали догадки по поводу шума; одни говорили, что украдены серебряныя ложки, а другіе,—что у самого бумажникъ съ деньгами вытащили.

— Тотчасъ же послѣ этого происшествія семейство Крыжовникова начало собираться ѣхать домой, но большихъ трудовъ стоило на это сговорить Евстигнея Егорыча. Часамъ къ пяти только успѣли отыскать карету, положить въ нее посуду, впихнуть туда главу семейства и сѣсть сами.

— Вотъ тебѣ и женишокъ! Вотъ тебѣ и выгодный женишокъ! Вотъ тебѣ и рыбные садки! А какой человѣкъ-то славный,—богачъ вѣдь!.. говорила, ѣдучи домой, Пелагея Степановна. На глазахъ ея были слезы.

— Ахъ, маменька, ужъ не говорите лучше!.. просила дочь.

Остальные всѣ молчали.

Евстигней Егорычъ не слыхалъ этого разговора; онъ храпѣлъ на всю карету.

Въ Лѣтнемъ саду весь Апраксинъ былъ въ сборѣ. Не быть на этомъ гуляньѣ апраксинецъ считаетъ противъ совѣсти. Въ новыхъ блестящихъ циммерманахъ, подъ руку съ своими дражайшими половинами и дщерями, въ богатыхъ шляпкахъ и платьяхъ, прогуливались они по аллеямъ сада, то и дѣло раскланивась съ знакомыми. Вотъ идетъ подъ руку съ своей супругой Черноносовъ (лицо его и на гуляньи сохранило пасмурный видъ), далѣе Блюдечкинъ съ сыномъ и дочерью, Харламовъ, Козевинъ съ женами, Затравкинъ съ нафабренными усами и въ красномъ галстукѣ, фертики въ пестрыхъ брюкахъ, молодые Бирюковы—ну, словомъ, всѣ наши знакомые; даже староверы-братья Опаленины, и тѣ искусились, потѣшили бѣса, пришли на гулянье. Все шло хорошо, играла музыка, плавно выступали гуляющіе, при встрѣчѣ съ знакомыми мужчины кланялись, женщины обозрѣвали другъ на другѣ наряды и силились найти въ нихъ какой-нибудь недостатокъ, чтобъ на завтра былъ матеріалъ для сплетенъ; сынки сговаривались махнуть на Минерашки и выискивали удобнаго случая, какъ-бы отстать отъ родителей. Случай этотъ вскорѣ-же представился, но они сами уже не хотѣли имъ воспользоваться.

Въ концѣ пятаго часа кто-то проговорилъ слово: „пожаръ.“ У апраксинцевъ кровь прилила къ головѣ. „Гдѣ горитъ, гдѣ горитъ?“ съ испугомъ спрашивали они. „Апраксинъ дворъ горитъ!“ послышалось гдѣ-то. „Апраксинъ горитъ! Рынокъ горитъ! Горимъ!“ пронеслась съ быстротою электрическаго тока ужасная вѣсть по Лѣтнему саду, сдѣлалось страшное смятеніе. Мужчины побросали своихъ женъ и бросились къ выходу; все бѣжало и ѣхало на пожаръ. Сначала апраксинцы все еще не вѣрили, но какъ достигли Невскаго проспекта, и—картина ужасной дѣйствительности представилась ихъ глазамъ: изъ самой средины Апраксина вылеталъ страшнымъ столбомъ черный дымъ. Въ ужасѣ несли и везли изъ пламени торговцы свои товары...

Наступила ночь, а Апраксинъ все еще горѣлъ; бѣдные торговцы въ безмолвномъ ужасѣ стояли и глядѣли, какъ горѣло и тлѣлось ихъ имущество, скопленное нѣсколько-лѣтнимъ трудомъ и можетъ быть рядомъ лишеній. Наступило утро. Взошло солнце и освѣтило ужасную картину; тамъ, гдѣ кипѣла дѣятельность, гдѣ стояли сотни лавокъ, набитыя товаромъ, гдѣ тысячи торговцевъ зарабатывали себѣ хлѣбъ,—было гладкое поле; только кой-гдѣ на землѣ тлѣлись уголья, да стояли почернѣлые остовы каменныхъ строеній и придавали еще болѣе ужаса этой страшной картинѣ разрушенія.

КУСОКЪ ХЛѢБА

ПОВѢСТЬ.

I.

Было зимнее сѣрое утро. Была гололедица. На обледенѣвшіе тротуары и торцы Невскаго проспекта падалъ не то снѣгъ, не то градъ, и тотчасъ же сдувался вѣтромъ. Съ полчаса тому назадъ только что пришелъ московскій поѣздъ желѣзной дороги. Пассажиры всѣхъ трехъ классовъ успѣли уже разбрестись и разъѣхаться по гостинницамъ, по постоялымъ дворамъ, по землякамъ. Ругаясь, отъѣзжали отъ воксала извощики, не доставшіе сѣдоковъ; ругаясь, отходили разныя квартирныя хозяйки, незаполучившія къ себѣ постояльцевъ. На Лиговскомъ мосту, у Знаменской церкви стоялъ приземистый, худой мужикъ, съ всклокоченной бородой. Онъ былъ въ дырявомъ полушубкѣ, рваной шапкѣ, изъ которой мѣстами выглядывала вата, и въ лаптяхъ. Черезъ плечо у него былъ перекинутъ пестрядинный мѣшокъ. Мужикъ тоже съ полчаса только что пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Онъ уже съ четверть часа стоялъ на одномъ мѣстѣ, робко переминался съ ноги на ногу, робко смотрѣлъ на прохожихъ и чуть ли не въ пятый разъ принимался креститься на Знаменскую церковь. Вокругъ его совершалось обычное теченіе петербургской жизни. Пробѣгали рысаки, клячи, промчался вагонъ

конножелѣзной дороги, провезли покойниковъ на розвальняхъ и дрогахъ, городовой съ книгой подъ мышкой провелъ въ участокъ какого-то оборванца безъ шапки и въ одномъ сапогѣ, прошли подъ конвоемъ, гремя цѣпями арестанты, пробѣжали въ баню, размахивая руками и узелками и чуть не сшибая съ ногъ прохожихъ, солдаты,—а мужикъ все стоялъ и переминался съ ноги на ногу. Въ ушахъ его такъ и гудѣло. Слышались брань крючниковъ на лошадей, тащущихъ кипы, ящики и кули, завыванiе вѣтра, удары извощичьихъ кнутовъ о спины клячъ и грохотъ колесъ о промерзшiе торцы и мостовую.

Съ мужикомъ поравнялась женщина въ платкѣ и салопѣ, съ кулькомъ въ рукахъ. Мужикъ, видимо, на что-то рѣшился и подошелъ къ женщинѣ.

— Миленькая, не во гнѣвъ вамъ.. погодьте... проговорилъ онъ и передвинулъ шапку со лба на затылокъ.

Женщина остановилась. Мужикъ распахнулъ полушубокъ, полѣзъ въ карманъ портовъ и вытащилъ оттуда засаленную бумажку.

— Ежели граматѣ знаете, такъ прочтите, что тутъ прописано?..

— Нѣтъ, мы не обучены. Да ты бы у мужчинъ попросилъ. Эво сколько! Не здѣшнiй, что-ли?

— Нѣту-ти, родная. Мы, значитъ, тверскiе... Сейчасъ только съ чугунки.

— У мужчинъ спроси... добавила женщина и пошла своей дорогой.

Немного погодя, мужикъ остановилъ какую-то дубленку, повидимому кучера, въ валенкахъ, кошачьей шапкѣ и желтыхъ рукавицахъ.

— Землякъ, вы не грамотные будете? спросилъ онъ его.

— А что?

— Да вотъ, что тутъ прописано... Земляка да дочку сыскать надо.

Дубленый тулупъ взялъ записку, повертѣлъ ее въ рукахъ, почесалъ у себя въ затылкѣ и началъ про себя складывать буквы. Мужикъ стоялъ и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Проходившій мимо мальчишка съ корзинкой, надѣтой на голову на подобіе кибитки, и въ запачканномъ кровью передникѣ—должно быть изъ мясной лавки—тоже остановился и изъ-за плеча дубленаго тулупа заглянулъ въ записку. Тулупъ нахмурился и скосилъ на мальчишку глаза.

— Ты грамотный, что ли? спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, дяденька...

— Такъ чтожъ носъ-то суешь? Проваливай! Что пнемъ-то стоять!

Мальчишка попятился.

— Туго написано. Попроси у господъ. Можетъ тѣ и смогутъ, проговорилъ тулупъ, подавая мужику записку, и зашагалъ своей дорогой.

Мужикъ прошелъ нѣсколько шаговъ и хотѣлъ было попросить прочесть записку какую-то купчиху въ ковровомъ платкѣ и листьемъ салопѣ, но та такъ и шарахнулась отъ него въ сторону. Онъ въ недоумѣніи помострѣлъ на нее и, погодя немного, тронулъ за капюшонъ шинели какого-то проходящаго мужчину въ шляпѣ и очкахъ. Мужчина рѣзко обернулся, обмѣрилъ глазами кланяющагося мужика съ ногъ до головы и проговорилъ: „Богъ подастъ“, но потомъ, какъ-бы опомнившись, остановился и началъ читать ему наставленіе.

— Эдакій здоровый мужикъ и просишь! Не стыдно тебѣ? Шелъ бы работать. Ѣхалъ-бы въ деревню, чѣмъ по Петербургу-то слоняться. Поля-бы обработывалъ.

Мужикъ стоялъ безъ шапки и часто моргалъ глазами. Во-

кругъ ихъ началъ уже собираться проходящій народъ, образовывалась кучка. Замѣтивъ слушателей, мужчина въ шляпѣ и очкахъ еще болѣе воодушевился и для вящшаго шику распахнулъ шинель. На шеѣ его блеснулъ станиславскій орденъ.

— Вотъ она воля-то!—до кабаковъ доводитъ да до попрошайничанья!... а тамъ и до воровства, до грабежа, до убійства!.. Ну, спрашивается, что тебѣ не сидѣлось въ деревнѣ? Нѣтъ, для простаго народа еще рано волю... ему еще нужно тѣлесное наказаніе! воскликнулъ онъ ни къ селу, ни къ городу, обращаясь уже болѣе не къ мужику, а къ возрастающей толпѣ.

— Это точно-съ... проговорилъ какой-то мастеровой, сморкнулся въ руку и отеръ ее о чуйку.

Въ заднихъ рядахъ толпы слышалось слово „мазурикъ". Кто-то разсказывалъ, что мужикъ „выудилъ у барина платокъ изъ кармана". „Желтый съ крапинками", добавляла какая-то женщина, а подъѣхавшій на дрожкахъ извощикъ, взгромоздясь на линейку, кричалъ: „такъ чтожъ на него смотрѣть-то? Волоките его въ участокъ—да и дѣлу шабашъ!"

Съ другой стороны улицы городовой замѣтилъ толпу и тотчасъ же явился, чтобъ разогнать ее, но увидавъ представительную личность оратора и орденъ на его шеѣ, тотчасъ же вытянулся передъ нимъ и приложилъ подъ козырекъ.

— Въ чемъ дѣло, ваше высокоблагородіе?

— Да вотъ, попрошайничаетъ! кивнулъ онъ на мужика. — Только ты его, любезный, не бери. Пусть его идетъ своей дорогой. Ты сдѣлай ему лучше внушеніе.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, намъ такъ невозможно... проговорилъ городовой. — Намъ велѣно не допущать... Нынче строго... Проходите, господа! Проходите своей дорогой! Нечего тутъ толпиться!... началъ онъ разгонять народъ и какого-то

глазѣющаго мастероваго въ халатѣ взялъ даже за шиворотъ и пихнулъ въ сторону.

Толпа разошлась. Ораторъ, запахнувъ орденъ, зашагалъ также своей дорогой, а мужикъ съ непокрытой головой стоялъ передъ городовымъ.

— Накрывайся и ступай! скомандовалъ городовой.—Побирошничать! .. Я тебѣ покажу!...

Мужикъ шелъ прямо. Городовой слѣдовалъ за нимъ. Дойдя до угла, онъ крикнулъ мужику: „стой!". Мужикъ остановился.

— Что въ мѣшкѣ? Кажи!

— Пожитки, родименькій! Рубашонка, порты да хлѣбушко... Сейчасъ только съ чугунки, говорилъ мужикъ, снова снявъ шапку и кланяясь.

Городовой посмотрѣлъ въ мѣшокъ. Въ мѣшкѣ дѣйствительно оказалось все то, что говорилъ мужикъ.

— Пожитки! Знаемъ мы эти пожитки-то! Сейчасъ съ чугунки и ужъ христарадничать! Такъ, братъ, немного въ Питерѣ напляшешь. За это у насъ сейчасъ по этапу, для водворенія.

Мужикъ испугался; онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Нешто я Христа ради? Боже избави, родименькій! забормоталъ онъ.—Я барину записку давалъ разобрать, что тамъ прописано... Во она. На, гляди. Нешто мы затѣмъ? Мы въ Питеръ пріѣхали на заработки, за пропитаніемъ, да вотъ по этой запискѣ дочку отыскать да земляка. Разбери, родимый служивый, ради Христа.

Городовой взялъ записку и по складамъ прочелъ: — „на Лиговкѣ домъ Харламова, крестьянка Анна Герасимова въ услуженіи у его боголюбія, господина купца Хапова".

— Это дочь твоя будетъ, что-ли?

— Дочка, служивенькій.

— А пачпортъ при тебѣ?

— При мнѣ, при мнѣ, родименькій. Въ мѣшкѣ.

— Ну, вотъ тебѣ дорога. Ступай прямо по канавѣ. Третій домъ отъ угла. Да смотри, милостыни не просить и господъ не безпокоить! Нынче на счетъ этого строго. Сейчасъ заберутъ.

Мужикъ поклонился въ поясъ, пошелъ по Лиговкѣ и долго еще шелъ съ непокрытою головою. По тротуару онъ уже боялся идти и шелъ посреди улицы.

— Эй ты, деревня! Сторонись! Задавлю! крикнулъ на него извощикъ.

Мужикъ еле успѣлъ отскочить въ сторону.

На Лиговкѣ, у большаго каменнаго дома, стоялъ франтоватый дворникъ въ передникѣ, фуфайкѣ и дутыхъ сапогахъ. Въ рукахъ его была метла. Онъ отгонялъ извощиковъ, толпившихся у воротъ. По счету, домъ этотъ былъ третій отъ угла. Мужикъ остановился...

— А что, землячокъ, не здѣсь-ли живетъ Анна Герасимовна? спросилъ онъ у дворника.

— Анна Герасимовна? Въ услуженіи, что-ли, она?

— Да, въ услуженіи, у купца. У васъ купцы-то стоятъ?...

— Мало ли у насъ купцовъ стоитъ! Какъ фамилія-то? Какъ зовутъ купца-то?

— Да вотъ тутъ у меня прописано... Грамотные?

— Намъ не грамотнымъ быть нельзя—потому мы главные дворники, съ достоинствомъ отвѣтилъ дворникъ и взялъ записку. — Купецъ Хаповъ у насъ есть... Анна Герасимова!.,. Ты пріѣзжій, что-ли?

— Сейчасъ только съ чугунки.

Начались разспросы—какой губерніи, какого уѣзда, „чьихъ господъ были“? Дворникъ оказался мужику землякомъ. Припомнилась какая-то Хабаровка, какой-то Разуваевъ кабакъ и дьячокъ-конокрадъ.

— Ну, какъ у васъ нонче хлѣба были? Плохи?..

Мужикъ вздохнулъ...

— Каки хлѣба! И не сѣяли, отвѣчалъ онъ:—сѣмянъ не было... Почитай вся деревня разбрелась, кто побирается, кто такъ гдѣ... Вотъ и я тоже въ Питеръ поработать пріѣхалъ. Авось Богъ дастъ... Не услышишь ли, землячекъ, дрова бы складывать, али колоть...

— Теперь не слыхать... А тамъ зайди. Спроси Митрофана Иванова, всякой укажетъ. Мы завсегда тутъ. Только нонче трудно насчетъ работы. Потому народу этого самаго страсть что навалило.

— Что ужъ только и будетъ! Свѣтопредставленіе просто! опять вздохнулъ мужикъ и поникъ головой.

— Анна Герасимова! Какая же это Анна Герасимова? твердилъ дворникъ, глядя въ записку...

Изъ кабака того же дома вышелъ мастеровой съ ремешкомъ на головѣ и подошелъ къ дворнику. Онъ былъ въ халатѣ, опоркахъ и чавкалъ какую-то соленую рыбу.

— Анну Герасимову розыскиваютъ. У купца Хапова? Какая такая? спросилъ его дворникъ.

— Анютку, офицершу, нешто незнаешь? У Хапова въ нянькахъ жила...

— А, офицерша! осклабился дворникъ.—Была Анна Герасимова, да выбыла, обратился онъ къ мужику...

— Родня тебѣ, что-ли?

— Дочка.

— Ну, такъ стой-же я тебѣ скажу, куда она отмѣчена. Погодь маненько.

Дворникъ ткнулъ въ бокъ мастероваго и пошелъ съ нимъ подъ ворота. Мастеровой хохоталъ, трясъ головой и махалъ руками. Минутъ черезъ десять дворникъ вынесъ, адресъ, куда

отмѣчена Анна Герасимова, и сталъ разсказывать мужику путь, какъ идти. Идти нужно было куда-то въ Коломну... Адресъ земляка, который дворникъ тоже прочиталъ мужику, оказался ближе и потому мужикъ, распросивъ куда и какъ идти, рѣшилъ сначала розыскать земляка, а уже при помощи его, какъ питерскаго человѣка, розыскать потомъ и дочь. Къ тому же слѣдующій день былъ воскрсеный, не рабочій, Мужикъ отправился.

II.

Языкъ до Кіева доведетъ, говоритъ русская пословица. Поспрашивая у проходящихъ, но уже всячески избѣгая „баръ", мужикъ нашелъ тотъ домъ, гдѣ жилъ землякъ. Землякъ мужика —портной штучникъ, Парфенъ Даниловъ, жилъ въ Апраксиномъ переулкѣ, въ одномъ изъ грязнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ домовъ. Въ домѣ жило много портныхъ. Найдя домъ, мужикъ долго не могъ сыскать Парфена Данилова. Онъ спрашивалъ у проходящихъ по двору, тѣ указывали на пять, на шесть квартиръ, гдѣ жили портные, и въ концѣ концовъ отсылали къ дворнику; нѣкоторые даже подводили его къ самой дворницкой, но мужику пришлось созерцать только запертую висячимъ замкомъ дверь съ надписью: „къ дворнику", ручку отъ колокольчика съ порванною проволокой и прислоненныя къ стѣнѣ метлу и лопату... Онъ рѣшился ходить по указаннымъ квартирамъ, съ полчаса бродилъ по разнымъ заднимъ дворамъ, мимо навозныхъ и помойныхъ ямъ, взбирался по скользкимъ лѣстницамъ, въ пятые и чуть не въ шестые этажи, натыкался на помойные ушаты и стучался въ двери, но Парфенъ Даниловъ все-таки не отыскался.

— Здѣсь народу много живетъ, почитай, тысщевъ семь —по-

тому домъ большой, и портныхъ тоже много, отвѣчали мужику портные, въ квартиры которыхъ онъ стучался.

Нѣкоторые совѣтовали обратиться въ домовую контору, а какая-то баба, встрѣтившаяся съ нимъ на лѣстницѣ и несшая изъ мелочной лавочки тарелку съ студнемъ и селедку на мочалкѣ, разспросила его, какой онъ губерніи, уѣзда, есть ли у него дѣти, родственники и отчего-то неудержимо расплакалась..,

Мужикъ махнулъ рукой и началъ сходить съ лѣстницы.

Изъ дверей вышелъ дворникъ съ коромысломъ на плечѣ.

— Ты что здѣсь шляешься? По квартирамъ хочешь шарить, что-ли?.. Проваливай, а то сейчасъ въ участокъ!.. крикнулъ онъ на мужика...

— Мнѣ бы, почтенный, портнаго Парфена Данилова...

— Знаемъ мы этихъ Парфеновъ Даниловыхъ-то... Вамъ что плохо лежитъ, главное... На третьей лѣстницѣ тебя вижу. Проваливай, проваливай, пока вшивица-то цѣла!

— Ахъ, милый человѣкъ, да гдѣ же мнѣ его найти-то? почти съ отчаяніемъ проговорилъ мужикъ.

— Никакого здѣсь Парфена Данилова нѣтъ. Парфенъ Даниловъ на первомъ дворѣ—коло дворницкой, въ подвалѣ. Съ Богомъ! Не проѣдайся... А то вотъ!. Дворникъ показалъ коромысло.

Мужикъ снялъ шапку и торопливо началъ сходить съ лѣстницы, то и дѣло оглядываясь, чтобы дворникъ не пустилъ въ него коромысломъ.

Около дворницкой дѣйствительно былъ подвалъ. Мужикъ спустился четыре ступеньки и остановился передъ дверью, обитой по краямъ клеенкой, изъ-за которой мѣстами выглядывалъ войлокъ... Онъ взялся за ручку и отворилъ дверь. Морозный воздухъ вдругъ ворвался въ комнату и заклубился паромъ...

— Запирай двери-то, что выстуживаешь! Намъ тепло-то не даровое! послышался изъ-за угла женскій голосъ..

Мужикъ вошелъ въ комнату. Въ комнатѣ пахло дымомъ, сыростью, дѣтскими пеленками. У небольшаго окна, на столѣ, поджавъ подъ себя босыя ноги, сидѣлъ худой и блѣдный мужчина, съ всклокоченной головой и съ прядью нитокъ за ухомъ. Онъ былъ въ рваномъ халатѣ и что-то шилъ. Около стола, на полу, въ корзинкѣ, помѣщался грудной ребенокъ, и старался запихать себѣ въ ротъ кулакъ. Другой ребенокъ лѣтъ пяти, окутанный байковымъ платкомъ, возилъ по комнатѣ привязанный за веревку старый стоптанный башмакъ, въ которомъ лежали двѣ бабки. У закоптѣлой печки, довольно миловидная женщина, засуча по локоть рукава, стирала что-то въ корытѣ.

Мужикъ отыскалъ въ углу образъ и перекрестился.

— А что, почтенные, не здѣсь-ли стоитъ... началъ было онъ, ни къ-кому особенно не обращаясь, но завидѣвъ оборотившагося мужчину, проговорилъ:—Парфенъ Данилычъ, да ты это самый и есть?..

Портной отложилъ шитье, спустилъ со стола ноги и глядѣлъ на мужика...

— Не помнишь развѣ Герасима Андреева?.. Изъ Подшивалова.

— Ахъ, дядюшка, Герасимъ Андреичъ! вскричалъ портной, соскакивая со стола и троекратно цѣлуясь съ землякомъ.—Ишь какъ тебя уходило! Постарѣлъ, братъ. Снимай хомутъ-то да садись....

Герасимъ Андреевъ началъ распоясываться..

— Жена, обратился Парфенъ Даниловъ къ женщинѣ:—Это вотъ землякъ... Еще въ сватовствѣ приходимся... Герасимъ Андреевъ было двинулся цѣловаться, но женщина не отходила отъ корыта и только поклонилась.

— Садитесь, проговорила она.—Ванюшка, двинь дядюшкѣ стулъ! крикнула она ребенку, но тотъ дернулъ башмакъ и побѣжалъ въ уголъ...

— Ишь пострѣленокъ! замѣтилъ отецъ, сбросилъ со стула какія-то тряпицы и подвинулъ его гостю.—Садись. Ну что, какъ тамъ у васъ?...

— Да что, плохо... Мать твоя тебѣ письмо прислала, кланяется.

Герасимъ Андреевъ полѣзъ въ мѣшокъ и досталъ засаленное письмо, запечатанное жеваннымъ хлѣбомъ.

— Ну, какъ она?

— Да ничего, старушка божья! По прежнему повитухой... Только ужъ стара нонѣ стала, да и плохо... Потому бѣдность. И Боже мой—по всѣмъ деревнямъ, какая бѣдность!.. Кажись, такой и не запомнятъ! Хлѣба не сѣяли.—Сѣмянъ не было. Что хошь, то и дѣлай.

Портной качалъ головой и вертѣлъ въ рукахъ письмо.

— Тутъ какъ-то въ Кичагино къ старостихѣ ее подымали, продолжалъ Герасимъ Андреевъ:—дочку родила. Два вдугривенныхъ окромя съѣдобнаго дали, да на сарафанѣ...

Портной между тѣмъ распечатывалъ письмо.

— Посмотрѣть, что наковыряла, проговорилъ онъ, ударивъ по немъ двумя пальцами, и подвинулся къ свѣту.

Жена оставила стирать, отерла о передникъ руки и, взявшись лѣвой рукой за подбородокъ, приготовилась слушать. Растягивая слова, портной началъ читать...

„Любезному сыну нашему, Парфену Данилычу, и дочери нашей, Глафирѣ Ивановнѣ, отъ матери вашей, Анны Прохоровой, низкій поклонъ, и посылаю мое родительское благословеніе на вѣки нерушимо. И скажи, сынъ мой дорогой, Парфенъ Данилычъ, что ты такъ долго не пишешь и живъ ли ты?—не знаемъ. Ока-

зіи отъ васъ были, а я все о томъ сумнѣваюсь, потому вѣстей о тебѣ никакихъ нѣтъ... Опиши о себѣ, сынъ нашъ любезный! И пришли мнѣ, сынъ мой любезный, на саванъ и на лапотки, тогда я умру спокойно. Потому чувствую, что близко и ноги слабы стали".

— Ну, вотъ еще! На саванъ! Самимъ умереть не въ чемъ... замѣтила жена. — Вишь у насъ ребятъ-то.

— Ну ужъ молчи! проговорилъ мужъ.

— Сколько у васъ дѣтокъ-то? спросилъ Герасимъ Андреевъ.

— Трое. Слава Богу, что нынче весной Богъ четвертаго-то прибралъ. Грѣхъ, а рада; потому ему тамъ лучше.

— Глашь! Будетъ тебѣ! крикнулъ портной и началъ читать.

„Тетка твоя, Василиса Прохорова, тебѣ кланяется и съ любовію посылаетъ низкій поклонъ. Она у дьячка дѣтей пѣстуетъ, только дьячокъ все хлѣбомъ попрекаетъ и сбирается согнать, потому стара стала и слѣпа".

Далѣе кланялись родственники и съ „любовію" посылали поклоны.

— Эхъ, грѣхи, грѣхи! проговорилъ портной, прочитавъ письмо. — И надо-бы на саванъ-то послать, да гдѣ возьмешь-то? Не разорваться!

Герасимъ Андреевъ вздохнулъ.

— Вѣрно и въ Питерѣ плохо? спросилъ онъ.

— То есть и ахъ какъ плохо! отвѣчалъ портной.—Работаешь какъ лошадь, а что? — въ проголодь. Самъ-пятъ живу. Всѣ ѣсть просятъ. Дороговизна — страсть!

— А вѣдь я и самъ въ Питеръ на заработки.

— Какія нонѣ зимой заработки! Развѣ побираться. Такъ и то нонѣ въ тюрьму сажаютъ. Вотъ видишь: ремесленному человѣку и то иной разъ жрать нечего. Конечно, живешь... А какъ?

— Оттого и плохо здѣсь, что ужъ очень много народу изъ деревень валитъ, замѣтила жена портнаго.

— Миленькая, да вѣдь повалишь, коли въ брюхѣ-то пусто. Не отъ радости... Хлѣба ищемъ, родимая. Животы подвело, отвѣчвлъ Герасимъ Андреевъ. — Ни какой скотины теперичка въ домѣ не осталось. Передъ тѣмъ, какъ собрался, послѣднюю коровенку за шесть рублевъ со двора свелъ. Женѣ три далъ, да себѣ три... Почитай, больше двухъ-сотъ верстъ пѣшкомъ шелъ, а ужъ тутъ, на полдорогѣ только на чутунку сѣлъ. Потому мочи не было: ноги стеръ, мятель....

За дверьми раздался плачъ. Дверь отворилась и въ комнату вбѣжала дочь портнаго, дѣвочка лѣтъ десяти. Она была въ кацавейкѣ съ большаго роста и валенкахъ. Подъ носомъ у нея была кровь.

— Что ты, Машутка? Господи! Гдѣ это ты искровенилась, вскрикнула мать.

— Караульный побилъ. Зачѣмъ щепки сбирала, отвѣчала дѣвочка и заплакала еще громче.

— Ахъ, онъ мерзавецъ! Ахъ, варваръ. Стой, я тебѣ кровь-то вытру.

Оказалось, что дѣвочка, по приказу матери, ходила собирать щепки, валяющіяся около неотстроеннаго дома, а караульный ундеръ разбилъ ей за это носъ.

— Вотъ оно какъ въ Питерѣ-то жить! обратилась жена портнаго къ гостю. Бѣдному—человѣку даже щепками-то, что зря валяются, поживиться нельзя! А вы лѣзете. Вотъ такъ же и вшему брату носъ расколотятъ.

Дѣвочка продолжала плакать.

— Не реви, Машутка! До свадьбы заживетъ! сказалъ портной и погладилъ дочь по головѣ.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе, изрѣдка преры-

ваемое всхлипываньемъ дѣвочки. Портной ходилъ по комнатѣ, ковырялъ у себя въ носу и чесалъ спину. Онъ, видимо, что-то соображалъ. Потомъ снялъ со стѣны штаны, порылся въ карманахъ и вынулъ пятакъ. Жена слѣдила за нимъ взглядомъ.

— Глашь! А, Глашь!.. Что-жъ, намъ гостя-то угостить надо. Сходи къ дворничихѣ, попроси самоваръ. Чайку-бы, что-ли...

— Ладно. Только сахару нѣтъ.

— Пятакъ есть. Купимъ. Машутка, снимай-ко валенки.

— Ты это куда?

— За сахаромъ

— Машутка сходитъ.

— Гдѣ ей?.. Я самъ... Снимай, говорю, валенки!

Машутка сняла валенки. Отецъ надѣлъ ихъ, подошелъ къ столу, взялъ какую-то недошитую жилетку и пихнулъ ее за пазуху.

— Парфенъ Данилычъ, ты это куда же жикетку-то? Господи, что это за безобразіе! воскликнула жена, но мужъ ужъ выбѣжалъ за двери.

Она махнула рукой и сердито посмотрѣла на гостя. Она и прежде не совсѣмъ дружелюбно относилась къ нему, а теперь даже начинала его ненавидѣть. Въ немъ она видѣла помѣху мужниной работѣ. Она знала, что мужъ потащилъ жилетку въ кабакъ, чтобъ принесть водки и угостить гостя. Мужъ былъ съ „зарокомъ": не пилъ, такъ ужъ не пилъ, а ежели выпивалъ, то напивался пьянъ дня на два.

— Вотъ не было печали, такъ гостей принесла нелегкая! пробормотала она себѣ подъ носъ, сердито пихнула ногой ведро и принялась стирать.

Герасимъ Андреевъ, замѣтивъ неудовольствіе хозяйки, сидѣлъ и молчалъ; хотѣлъ было погладить по головѣ подошедшаго къ нему укутаннаго ребенка, но тотъ бросился отъ него къ матери

и уткнулся въ ея юбку. Отъ нечего дѣлать, Герасимъ Андреевъ началъ осматривать комнату.

Вскорѣ явился хозяинъ съ нѣсколькими кусками сахару и полуштофомъ въ рукахъ. Онъ старался не смотрѣть на жену и поставилъ полуштофъ на столъ. Жена тоже не смотрѣла на него, наклонилась надъ корытомъ и что-то шептала. Словъ ея не было слышно, но по выраженію лица можно было легко догадаться, что слова были не ласкательныя. Тихо шагая по комнатѣ, какъ бы боясь обратить на себя вниманіе жены, хозяинъ досталъ изъ шкапа преобразовавшуюся въ стаканчикъ рюмку съ отбитой ножкой, деревянную солонку, въ видѣ стула, ножъ и краюху хлѣба.

— Ну-ко! сказалъ онъ гостю, наливая стаканчикъ, и сѣлъ къ столу.

Герасимъ Андреевъ перекрестился, выпилъ и сплюнулъ. Хозяинъ налилъ вторично, взялъ стаканъ, посмотрѣлъ на свѣтъ, выпилъ и, слегка крякнувъ, отеръ халатомъ губы.

Герасимъ Андреевъ ничего еще не ѣлъ въ этотъ день. Къ портному онъ пришелъ въ то время, когда семья его уже отобѣдала. Отъ водки ему сильно захотѣлось ѣсть, и онъ началъ оплетать хлѣбъ съ солью. Между тѣмъ хозяинъ снова брался за полуштофъ и наливалъ стаканъ. Все время молчавшая жена его не вытерпѣла.

— Парфенъ Данилычъ, что же это такое? неужто опять начинается? проговорила она.

Хозяинъ промолчалъ и выпилъ рюмку, Герасимъ Андреевъ сдѣлалъ тоже самое. Послѣ второй рюмки хозяинъ немного повеселѣлъ, движенія его сдѣлались развязнѣе и говорилъ онъ уже громче. Послѣ третьей онъ рѣшился заговорить съ женой.

— Глашь!.. А, Глашь! Чтожъ чайку-то? Я сахару принесъ, обратился онъ къ ней.

— Да вѣдь ужъ есть у васъ пойло, такъ и пейте, про-

ворчала та, однако отправилась къ дворничихѣ за самоваромъ

Черезъ полчаса полуштофъ былъ конченъ. Хозяинъ и гость съ раскраснѣвшимися лицами пили чай. На столѣ шумѣлъ самоваръ. Герасимъ Андреевъ разсказалъ хозяину, что ему нужно отыскать дочку. и просилъ его идти завтра съ нимъ на поиски. Хозяинъ обѣщалъ и началъ спрашивать, то о тѣхъ, то о другихъ деревенскихъ знакомыхъ.

Герасимъ Андреевъ сообщалъ о ихъ жизни, что зналъ, но сообщенія его были далеко не радостны. Оказалось, что какой-то Захаръ Дегтевъ и тетка Мавра по деревнямъ побираются, какого-те Петра Носатова по приговору міра, за неплатежъ податей, „постращали", т. е. по просту высѣкли, у сына какого-то Гаврилы Галки на фабрикѣ оторвало руку, Сафронъ косой утонулъ на баркѣ и т. п.

— Да... нонче жить не въ примѣръ хуже, замѣтилъ хозяинъ, закуривая послѣ чаю трубку.—Вотъ хоть бы и наше дѣло: когда я холостой былъ и у нѣмца Карла Иваныча жилъ, такъ двадцат рублевъ на хозяйскихъ харчахъ получалъ... А потомъ, какъ женился, такъ отошелъ, потому онъ женатыхъ не держалъ. Вонъ Глаша помнитъ; тогда у меня и часы съ цѣпочкой были, и шуба енотовая!..

— Какъ же, енотовая! Енотъ, что лаетъ у воротъ, проговорила жена, поившая сынишку съ блюдечка чаемъ. — Ты бы, Парфенъ Данилычъ, чѣмъ лясы-то точить, соснулъ-бы часокъ. Вѣдь завтра Воскресенье—расчетъ, а у тебя сертукъ не дошитъ. Кончать надо.

— А и то дѣло! сказалъ хозяинъ, вставая. — Да и ты, Герасимъ Андреичъ, я думаю, умаялся съ дороги-то... Ложись хоть вотъ на верстакъ.

— Нѣтъ, я лучше на полу, проговорилъ гость, разулся, бросилъ подъ верстакъ полушубокъ и мѣшокъ и полѣзъ туда самъ...

— Ты, Глаша, не сердись, говорилъ хозяинъ, отправляясь за ширмы и трепля жену по плечу.—Небось, я не запью. Нельзя... Вѣдь нужно же было угостить земляка... Да немножко оно и для груди хорошо, потому мокроту гонитъ...

— Ну ужъ полно, процѣдила она сквозь зубы и отпихнула мужнину руку...

Минутъ чрезъ пять, изъ-подъ стола и изъ-за ширмъ, началъ уже доноситься храпъ съ сопѣньмъ и присвистомъ, а хозяйка принялась шить. Она шила въ рынокъ ситцевыя рубашки и получала семь копѣекъ за штуку...

Весь этотъ день Герасимъ Андреевъ пробылъ у портнаго, ужиналъ и ночевалъ. Вечеромъ, когда онъ опять подлѣзъ подъ столъ и растянулся на полушубкѣ, хозяйка шепотомъ спрашивала мужа:

— Парфенъ Данилычъ, неужто онъ къ намъ на хлѣба?

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ:—онъ на заработки пріѣхалъ да дочь розыскать...

— То-то, проговорила жена и начала молиться передъ образомъ. „Господи Іисусе, заступница Пресвятая Матерь, Прасковея Пятница,“ шептала она, мысленно благодаря, что мужъ не запилъ и дѣлая земные поклоны. „Господи помилуй! Господи помилуй!“ слышалось еще минутъ пять. Герасимъ Андреевъ уже спалъ. Ему снились: городовой, баринъ въ очкахъ и коромысло дворника.

III.

На утро хозяинъ проснулся первымъ. Было еще темно. Благовѣстили къ ранней обѣднѣ. Онъ зажегъ сальный огарокъ и разбудилъ Герасима Андреева. Почесываясь, Герасимъ Андре-

евъ вылѣзъ изъ-подъ верстака и началъ разсматривать свои ноги... На ногахъ были ссадины.

— Ишь какъ стеръ, проговорилъ онъ, показывая ихъ хозяину. Тотъ посовѣтывалъ смазать саломъ и далъ сальный огарокъ. Герасимъ Андреевъ смазалъ и началъ обуваться...

Хозяинъ закурилъ трубку и заковырялъ въ носу. Послѣднее онъ всегда дѣлалъ, когда что нибудь обдумывалъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ обратился къ гостю:

— Теперь бы хорошо чайку испить, сказалъ онъ:—у тебя, Герасимъ Андреевъ, нѣтъ ли двухъ пятаковъ? Ужо получу расчетъ.—отдамъ,

Герасимъ Андреевъ далъ. Гость и хозяинъ отправились въ трактиръ.

Подъ воротами, выходя на улицу, они обогнали мастероваго въ чуйкѣ и въ фуражкѣ съ надорваннымъ козырькомъ. Мастеровой этотъ былъ не высокъ ростомъ, щедушенъ, корявъ изъ лица и вообще, что называется, „плюгавъ". Его клинистая, какъ бы выѣденная молью борода смотрѣла куда-то въ сторону.

— Кимрякъ, ты чай пить? окликнулъ его портной.—Коли въ трактиръ, такъ пойдемъ вмѣстѣ. Дешевле будетъ. Мы пойдемъ и спросимъ на двоихъ, а ты потомъ приходи: третью чашку потребуемъ.

— Ладно, проговорилъ Кимрякъ и, увидавъ шмыгнувшую изъ-подъ воротъ какую-то молодую плотную бабу, обхватилъ ее и крикнулъ:

— Ахъ ты распрозрачная! Ишь здобья-то нагуляла! Что твое тѣсто московское!

Баба плюнула ему въ бороду и вырвалась.

— Тоже нашъ тверской, сказалъ портной про Кимряка.— Онъ сапожникъ. Изъ ихняго мѣста все сапожники. Ужъ такое у нихъ обнакновеніе..

Они пошли въ трактиръ. Въ трактирѣ почти всѣ столы были заняты. Народу было множество. Во всѣхъ углахъ слышался говоръ, восклицанія, звуки посуды. Мастеровые, разнощики и прочій рабочій людъ пили чай. Пахло пригорѣлымъ масломъ, махоркой, овчиной и потомъ. Буфетчикъ съ подстриженной бородой и въ атласномъ жилетѣ, съ цвѣтными стеклянными пуговками, суетился за стойкой, „засыпалъ чай,“ наливалъ въ рюмки водку, принималъ деньги и сдавалъ сдачу. Половые шмыгали съ чайниками. Герасимъ Андреевъ съ непривычки къ такому многолюдію и шуму опѣшилъ и жался къ портному.

— Ишь что народу-то!.. Страсть Божія... пробормоталъ онъ.

За столомъ, противъ стойки, развалясь на стулѣ, сидѣлъ молодой парень въ сибиркѣ и козловыхъ дутыхъ сапогахъ. Не смотря на раннюю пору, онъ былъ крѣпко выпивши и порывался было затянуть пѣсню, но буфетчикъ его останавливалъ. Портной остановился передъ пьянымъ.

— Киндюшка, забубенная голова, который ты это день чертишь!? спросилъ онъ его.

— Охъ, шестой, шестой... Мать шестую свѣчку понесла сегодня на воздухъ ставить. Все думаетъ, остепенюсь, отвѣчалъ Киндюшка и вдругъ крикнулъ: — Парфенъ Данилычъ! Другъ! Послѣдній рубль топлю... Выпьемъ!

Портной отказался и повелъ Герасима Андроева въ слѣдующую комнату.

— Вотъ человѣка-то жалко. Право-слово—жалко, сказалъ онъ про Киндюшку.—Шестой день съ горя пьетъ. На очереди въ солдаты. Куда ни совался, нигдѣ на квитанцію денегъ достать не могъ. А вѣдь какой мастеровой-то! — золото. Чеканщикъ на всѣ руки Изъ серебра—что хочешь сдѣлаетъ: ризу ли къ образу, солонку ли или такъ что фигурное.

Они сѣли за свободный столъ и спросили на двоихъ чаю.

Не успѣли они еще выпить по первой чашкѣ, какъ вошелъ Кимрякъ. Онъ ужъ хватилъ за буфетомъ „трехкопѣечную" и закусывалъ сухаремъ.

— Эй, малый, чашечку! крикнулъ онъ, присаживаясь за столъ.

Кимрякъ между товарищами и знакомыми пользовался репутаціею остряка. Онъ зналъ множество прибаутокъ, скоромныхъ пѣсенъ и сказокъ, въ которыхъ главнѣйшими дѣйствующими лицами были: попъ, попадья и попова дочка, и игралъ на гармоникѣ и балалайкѣ. Въ трактирѣ-ли, на гулянкѣ-ли, за работой-ли, ему только стоило открыть ротъ, какъ ужъ товарищи начинали смѣяться. Выпить онъ любилъ, но на свои пилъ рѣдко. Онъ какъ-то умѣлъ присосѣдиваться къ чужимъ полуштофамъ и платилъ прибаутками и пѣснями. Про него ходила молва, что у него водятся деньги.

Выпивъ чашку чая, онъ отеръ со лба потъ и проговорилъ: „масло выступило", потомъ взялъ съ окна какую-то газету, прочиталъ: „лотерея, цѣна билету рубль серебра" и тутъ же началъ приговаривать: „сдѣлана для того, чтобъ понабрать чужаго добра. Разыгрываются разныя вещи, молотокъ да клещи, чайникъ безъ дна, и ручка одна". На сосѣднемъ столѣ засмѣялись. Портной также оскалилъ зубы, помоталъ головой и проговорилъ „балясникъ".

— Ты, почтенный, ежели грамотный, такъ прочиталъ-бы лучше, не пишутъ-ли что про наборъ, сказалъ кто-то съ сосѣдняго стола.

— Какже, есть... пишутъ, отвѣчалъ Кимрякъ и прибавилъ:—нынче наборъ не великъ. Семерыхъ съ пятерыхъ берутъ.

Компанія еще громче расхохоталась.

— Кимрякъ, у тебя знакомыхъ-то до Москвы не перевѣшать. Не знаешь ли, гдѣ бы вотъ земляку поработать, сказалъ портной, кивая на Герасима Андреева.

Увидавъ, что въ немъ имѣютъ нужду, Кимрякъ пріосанился и прищурилъ лѣвый глазъ.

— Поработать, поработать, заговорилъ онъ.—Ныньче, братъ, на этотъ счетъ трудно, потому этого самаго пустаго брюха страсть что въ Питерѣ. Къ тому же и пора зимняя: ни землекоповъ ни надо, ни мусоръ возить. Барокъ тоже не разгружаютъ, потому не придумали еще такихъ барокъ, чтобъ по льду ѣздили. Развѣ снѣгъ сгребать или на дровяномъ дворѣ въ пильщики... Пила-то есть, что-ли?

— Не, родимый... отвѣчалъ Герасимъ Андреевъ.

— Ну вотъ видишь... Пожалуй, ужо сходимъ на дровяной дворъ. У меня тутъ одинъ прикащикъ знакомый есть. Можетъ, что и сладимъ.

— Заставь Бога молить. Намъ хоть бы какъ до весны промаяться, а тамъ что Богъ дастъ.

— Ладно. Только слышь: если дѣло сварганимъ—косушку ставь.

Герасимъ Андреевъ обѣщалъ. Портной обозвалъ Кимряка маклакомъ.

— Нельзя, милый человѣкъ, ужъ это такъ закономъ положено. Законъ этотъ у каждой вороны на хвостѣ прописанъ, отвѣчалъ Кимрякъ и началъ было пить чай, но увидавъ вошедшаго въ комнату татарина — разнощика съ перекинутымъ черезъ руку товаромъ, въ видѣ платковъ, шарфовъ и чулокъ, свернулъ полу чуйки и показалъ ему „свиное ухо". Татаринъ началъ ругаться, а Кимрякъ такъ и покатился со смѣху.

Напившись чаю, Кимрякъ, чтобы не откладывать далѣе, рѣшилъ тотчасъ же идти на дровяной дворъ. Всѣ трое отправились. Дворъ былъ не далеко, на Фонтанкѣ. Уже разсвѣло. Въ многолюдномъ всегда Апраксиномъ переулкѣ народъ такъ и сновалъ. Бѣжали рыночники въ лавки, ѣхали извощики къ бойкимъ

мѣстамъ. Идя по улицѣ, Кимрякъ то и дѣло задѣвалъ прохожихъ. Какой-то перебѣгающей улицу горничной крикнулъ: „эй карналинъ потеряла“; монаху, сбирающему на церковь, сказалъ: „сами семерыхъ сбирать послали“; какого-то извощика обозвалъ „гужеѣдомъ“ и т. п.

Знакомый Кимряка прикащикъ жилъ на самомъ дровяномъ дворѣ, въ старой полуразвалившейся избѣ. Кимрякъ, портной и Герасимъ Андреевъ вошли въ избу. Работница, молодая баба, въ розовомъ сарафанѣ, сажала что-то въ печь. У окна, на лавкѣ, обувались двое мужиковъ; третій мужикъ сидѣлъ на нарахъ и, свѣсивъ ноги, зѣвалъ и чесалъ бвюхо.

— Намъ бы, умница, Никиту Гаврилыча, сказалъ Кимрякъ.

— А вотъ онъ въ той горницѣ.

Заслыша вошедшихъ, прикащикъ Никита Гаврилычъ вышелъ изъ задней горницы. Это былъ толстый, рослый мужчина, съ бородой—лопатой, въ новыхъ валенкахъ, плисовыхъ шараварахъ и красной рубахѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ жилетъ. Выходя, онъ расчесывалъ свои сильно смазанные деревяннымъ масломъ волосы.

— А, Родіонъ Петровичъ! Живая душа на костыляхъ! Какимъ вѣтромъ? сказамъ онъ Кимряку и подалъ ему два пальца.

— Да вотъ къ твоей чести. Не надо-ль работника. Земляка привелъ.

— Не требуется. Этого добра довольно. Какъ разъ препорція. Своихъ сгонять хочу.

— Ой! А мужитъ хорошій, смирный. Главное, землякъ мнѣ. Возьми — услужу. На счетъ денегъ онъ фордыбачить не станетъ, что положишь. Потому ему только-бы прокормиться.

— Онъ съ пилой, что-ли?

— Нѣту, родимый, безъ пилы, проговорилъ до сего времени молчавшій Герасимъ Андреевъ.

— Эва! Такъ какія же деньги-то? Которые ежели безъ нихъ, такъ вонъ ко мнѣ изъ-за однихъ харчей набиваются.

Кимрякъ и портной вопросительно взглянули на Герасима Андреева. Тотъ чесалъ затылокъ.

— Плохо дѣло, а я было думалъ... началъ Кимрякъ.

— Что дѣлать! Народу-то больно много нынѣ, сказалъ прикащикъ, сѣлъ на лавку и забарабанилъ пальцами по колѣнкѣ.— Ужъ развѣ для тебя только взять, Родіонъ Петровичъ, потому человѣкъ-то ты хорошій, добавилъ онъ помолчавъ. — Пусть завтра приходитъ. Пятакъ въ день дамъ, на моихъ харчахъ. У насъ харчи хорошіе. Хлѣба вволю. Ишь зобы-то понабили! кивнулъ онъ на переобувавшихся мужиковъ.

Кимрякъ пошептался съ Герасимомъ Андреевымъ.

— Никита Гаврилычъ, дай три пятака въ день, сказалъ онъ.

— Нельзя, другъ. У него пилы нѣтъ. У кого ежели свои пилы, такъ мы тѣмъ дѣйствительно пятиалтынный въ день платимъ. Ну, онъ зубецъ сломитъ. Что съ него возьмешь? И самъ-то онъ весь пилы не составляетъ.

Кимрякъ не отставалъ.

— Дай хоть гривну, торговался онъ.

— Нельзя, распроангелъ. Ты учти—вѣдь у насъ не какъ у людей: мы по субботамъ по три копѣйки на баню даемъ.

Послѣдовало опять шептанье и земляки начали уходить.

— Родіонъ Петровичъ! крикнулъ прикащикъ Кимряку.

Тотъ воротился.

— Ты забѣги какъ-нибудь. Тамъ мнѣ подметки подкинуть бы надо.

— Ладно, забѣгу.

— Такъ не хочетъ, землякъ, изъ пятака въ день да изъ харчей-то?

— Ты, Никита Гаврилычъ, самъ посуди: какъ изъ пятака? Что за деньга? Тутъ и на подати не скопишь, а не заплати-ка— стегать начнутъ.

— Ну ужъ, пусть пилитъ, гривну дамъ.

Герасимъ Андреевъ согласился и обѣщалъ придти завтра.

Выйдя за ворота, Кимрякъ тотчасъ же потребовалъ магарычъ. Кабаки были заперты, пришлось идти въ трактиръ, гдѣ за косушку взяли тремя копѣйками дороже. Выпивъ косушку, портной и Герасимъ Андреевъ отправились домой, а Кимрякъ, увидавъ какого-то знакомаго, сидящаго за бутылкой пива, заговорилъ прибаутками и подсѣлъ къ нему.

Жена портнаго варила на таганкѣ кофій, когда они пришли домой.

— А мы, Глаша, чайку напились, да вотъ ему мѣсто на дровяномъ отыскали, сказалъ портной.

— Ужъ какъ не напиться. Поди и другимъ чѣмъ зубы-то наполоскали, пробормотала жена.—Ты, гость, гостить—гости, а мужа моего по кабакамъ не смѣй водить, обратилась она полушутливо, полусерьезно къ Герасиму Андрееву.

До обѣда хозяинъ и гость опять проговорили о деревнѣ. Опять въ разговорѣ то и дѣло слышались слова „побираются, жрать нечего, животы подвело“, и т. п. Когда оттрезвонили къ „достойнѣ“, семейство портнаго сѣло обѣдать. За обѣдомъ хозяйка то и дѣло бросала на гостя недовольные взгляды, когда тотъ немного поглубже запускалъ ложку въ чашку и вылавливалъ, по ея мнѣнію, лучшіе куски. Гость замѣтилъ это и сталъ хлебать только жижу.

Послѣ обѣда портной завернулъ въ скатерть дошитый сюртукъ и, икая, сказалъ женѣ:

— Ну, Глаша, мы пойдемъ... Сначала въ рынокъ, а тамъ дочку дяди Герасима отыскивать.

— Парфенъ Данилычъ, только ты Бога ради... проговорила жена.

— Ну вотъ еще... Господи! Ужъ ладно, отвѣчалъ портной, понявшій, что дѣло идетъ о воздержаніи отъ вина, и вышелъ.

Они отправились въ рынокъ. Портной работалъ въ одну изъ лавокъ готовыхъ платьевъ на Апраксиномъ дворѣ и по воскресеньямъ получалъ расчетъ.

До лавки было близко, стоило только пройти переулокъ.

Обѣдня кончилась и кабаки, слѣдовательно, были уже отворены. Двери ихъ такъ и хлопали, блоки такъ и визжали и народъ то и дѣло что входилъ и выходилъ. У одного изъ кабаковъ они увидали Кимряка. Онъ былъ изрядно выпивши, стоялъ, обнявшись, съ какимъ-то мастеровымъ и слушалъ шарманку, которую вертѣлъ безрукій солдатъ. Щедушная и блѣдная дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, въ коротенькомъ, отрепанномъ платьицѣ, била въ треугольникъ, приплясывала и пѣла:

«Я на бочкѣ сижу, денегъ нѣту у насъ,
Выпить хочется мнѣ, слезы льются изъ глазъ.»

— Ишь ты какая пиголица! проговорилъ Герасимъ Андреевъ, на минуту остановившійся около дѣвочки.—Поди, вѣдь тоже вино пляшетъ—подпаиваютъ.

— Какое вино! Изъ неволи, отвѣчалъ портной. — Не запляши-ко, такъ сейчасъ тряску дадутъ. Матери отдаютъ изъ бѣдности, добавилъ онъ: — потому теперича ежели въ науку, въ ремесло какое отдать, такъ нынче это бѣдному человѣку трудно. Сейчасъ одежу спрашиваютъ, да еще денегъ подай. Не прежняя пора. Даромъ-то рѣдко кто беретъ.

Кимрякъ, увидавъ портнаго, крикнулъ:

— Парфенъ Данилычъ! Раскошелься на стклянницу! Купи монаха! Я тебѣ нынче земляка на мѣсто предоставилъ.

Портной махнулъ рукой и пошелъ далѣе.

По дорогѣ попадалось довольно много пьяныхъ, одинъ даже лежалъ поперекъ тротуара. Товарищи, тоже пьяные, старались его поднять и терли ему уши. Около ихъ стоялъ солдатъ съ парою новыхъ подошвъ подъ мышкой и говорилъ:

— Скипидаромъ бы ежели смазать, такъ сейчасъ очухается...

— Господи, батюшки, что пьяныхъ-то! Словно объ масляной, пробормоталъ Герасимъ Андреевъ.—Съ чего бы это?

— А тутъ какъ-то Михайловъ день былъ, такъ по деревнямъ-то все больше престолъ въ этотъ день, отвѣчалъ портной. Вотъ они престолъ и справляютъ. Престолъ у нихъ.

Они вошли въ рынокъ. Портной отправился въ лавку, а Герасимъ Андреевъ сталъ его дожидаться въ проходѣ. Дико было ему отъ крика молодцовъ, зазывающихъ покупателей, дико отъ крика продавцовъ „съ рукъ“. „Пальтишко на собачьемъ лаѣ продаю. Дешево!“ кричала какая-то чуйка, а какой-то солдатъ надъ самымъ ухомъ Герасима Андреева стукнулъ парою башмаковъ, подошва о подошву, и крикнулъ:

— Для самой шилъ! Купи, землякъ!

Наконецъ портной вышелъ изъ лавки. Онъ ругалъ хозяина.

— Обсчиталъ таки, дьяволъ, на три гривенника! Чтобъ ему эти деньги къ гробу на свѣчку! говорилъ онъ и повелъ Герасима Андреева отыскивать дочь.

IV.

По адресу, данному Герасиму Андрееву, какъ уже мы видѣли, дворникомъ, дочь его жила въ Коломнѣ. Герасимъ Андреевъ и портной пошли по Садовой улицѣ, по направленію къ Никольскому рынку. Герасимъ Андреевъ то и дѣло удивлялся

массѣ снующаго народа, — извощикамъ, десятками стоящимъ на перекресткахъ, вагону конножелѣзной дороги.

— Ишь что народу-то! Словно ярмарка! говорилъ онъ.

Портной, какъ петербуржецъ, смотрѣлъ на все хладнокровно.

— Это еще что, а посмотрѣлъ бы ты въ Крещеньевъ день, когда парадъ бываетъ, или въ крестный ходъ, такъ вотъ народу-то! Хоть по головамъ ходи! разсказывалъ онъ и объяснялъ, какъ называется церковь, улица или казенное зданіе, мимо которыхъ они проходили.

Пройдя мимо тюрьмы, портной кивнулъ и со смѣхомъ сказалъ:

— Эво, какой острогъ для насъ построили. Полюбуйся да позапримѣть, потому можетъ придется и здѣсь побывать. Пословица говорится: „отъ тюрьмы да отъ сумы никто не отказывайся!“

Наконецъ домъ былъ найденъ.

Въ адресѣ стояло: „на квартирѣ у жены унтеръ-офицера Скрипухиной.“ Выглянувшій изъ своей конуры дворникъ съ всклокоченной головой, зѣвая и почесываясь, указалъ лѣстницу.

— Въ самый верхъ, шестнадцатый номеръ, сказалъ онъ.

Портной и Герасимъ Андреевъ начали взбираться по грязной и скользкой лѣстницѣ... На лѣстницѣ имъ встрѣтилась какая-то женщина въ платкѣ и кацавейкѣ. Она несла въ рукахъ образъ и кофейникъ, сходила внизъ и ругалась во всю ширину своей мощной глотки. Изъ дверей выглядывали другія женщины и кричали ей: „Прощай, Марфа... Ну, дай Богъ счастливо“ и т. п. Марфа останавливалась, цѣловалась съ женщинами и продолжала ругаться.

Слышались слова: „чиновники... голоштанники... четыре четвертака... обсчитали“ и угрозы идти съ жалобой къ какой-то генеральшѣ, вываляться въ ногахъ и проч. Сзади Марфы шелъ дворникъ. Онъ несъ сундученко и узелъ, изъ котораго выгляды-

валъ уголъ подушки въ ситцевой наволочкѣ. Воспользовавшись случаемъ, когда Марфа цѣловалась съ товарками, дворникъ остановился, перевелъ духъ и крехтя произнесъ:

— Дура! Къ мировому иди, коли обсчитали! Потому эти самыя генеральши нынче ничего не составляютъ, и вся цѣна имъ грошъ! Мировой-то даже этихъ самыхъ генеральшъ за вихоръ можетъ, вотъ что!

— Кухарка переѣзжаетъ. Хозяева обсчитали, такъ вотъ она и воетъ, пояснилъ портной Герасиму Андрееву и, взобравшись съ нимъ чуть ли не въ шестой этажъ, остановился передъ дверью, на которой было написано мѣломъ: № 16.

— Надо статься, здѣсь, сказалъ онъ и, отворивъ дверь, вошелъ въ тѣсную кухню. Герасимъ Андреевъ послѣдовалъ за нимъ.

Въ кухнѣ за некрашеннымъ столомъ сидѣлъ солдатъ и пилъ чай. Противъ него стояла баба въ розовомъ сарафанѣ и утирала передникомъ заплаканные глаза; солдатъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ и, растягивая слова, говорилъ:

— Теперича, ежели кто солдату со стороны не дастъ, такъ ему и взять негдѣ...

— Умница, позвольте васъ спросить: намъ бы Анну Герасимову... обратился портной къ бабѣ.

— Анну Герасимову? Аннушку? проговорила баба, какъ бы припоминая.—Это такая чернявая будетъ? молоденькая, что-ли? спросила она.

— Да, да, родимая, чернявонькая такая изъ себя. Она и есть... заговорилъ Герасимъ Андреевъ...

— Съѣхала на другую фатеру. Почитай ужъ больше мѣсяца съѣхала.

— Такъ-съ, такъ-съ... А не можете обозначить, куда именно она выбыла? спросилъ портной...

— А вотъ погодьте маненько, я у „самой“ спрошу.

Баба скрылась въ другую комнату и черезъ нѣсколько времени вышла съ „самой“, т. е. съ хозяйкой. Это была полная, уже пожилая женщина, съ одутымъ отъ сна лицомъ и въ желтомъ, ситцевомъ распашномъ капотѣ. Она вышла, какъ утка переваливаясь съ ноги на ногу, шлепала туфлями и на ходу говорила: „Господи, минуты покою не дадутъ!“

— Мое почтеніе-съ... развязно сказалъ портной и хлопнулъ себя по боку картузомъ.—Намъ бы Анну Герасимову! Вы не въ извѣстности будете, куда она отмѣтилась?...

— Не запоминать же мнѣ всѣхъ. Мало-ль у меня пережило? Въ домовую контору идите. Здѣсь не справочное мѣсто, сказала она.

— Это такъ-съ. Это точно-съ, замялся портной.—Только я полагалъ, что вы знаете. Извините-съ. Прощенья просимъ...

Портной и Герасимъ Андреевъ вышли на лѣстницу. Но не успѣли они спуститься и пяти ступенекъ, какъ сзади ихъ послышался голосъ хозяйки. Она стояла у дверей и говорила:

— Послушайте! За ней маіоръ Вавиловъ часто присылывалъ. Ежели вы отъ него, такъ у меня другія есть...

Портной тотчасъ же понялъ предложеніе, покраснѣлъ и обидчиво скороговоркой заговорилъ:

— Нѣтъ-съ, мы сами отъ себя будемъ. Этимъ ремесломъ не занимаемся. Это вотъ ихъ тятенька изъ деревни прибывши... Толстопузая шкура! прибавилъ онъ, вспыхнувъ еще болѣе, и началъ спускаться съ лѣстницы.

— Туда же еще ругаются! Черти! пробормотала хозяйка и хлопнула дверью.

Герасимъ Андреевъ, какъ деревенскій человѣкъ, незнающій омута петербургской жизни, разумѣется, не понялъ смысла рѣчи хозяйки.

— За что ты это ее облаялъ-то? спросилъ онъ.

— Ужъ знаю, за что. Небось, даромъ мухи не обижу! отрывисто сказалъ портной.

Въ домовой конторѣ имъ дали адресъ. Нужно было идти почти на другой конецъ города, въ Итальянскую улицу. Они отправились.

Портной шелъ шибко и молчалъ, Герасимъ Андреевъ, шлепая лаптями по тротуару, еле успѣвалъ за нимъ...

— А трудно, знать, въ Питерѣ христіанскую душу-то отыскать, началъ было онъ, но портной и на это ничего не отвѣтилъ; онъ обдумывалъ: объснить-ли отцу свои догадки о поведеніи его дочери или сдѣлать это послѣ, самолично, и еще болѣе, навѣрняка, убѣдясь изъ ея обстановки на новой квартирѣ. „Можетъ, эта шкура барабанная и наврала. Такъ съ бреху наболтала“, думалось ему. Объ этомъ онъ соображалъ всю дорогу и уже не останавливалъ, какъ прежде, вниманія Герасима Андреева на достопримѣчательностяхъ Петербурга, мимо которыхъ они проходили. Только на Невскомъ привлекла его кучка столпившагося народа. Какой-то гусаръ, проѣзжая во всю прыть на рысакѣ, задавилъ мужика. Портной подошелъ и началъ смотрѣть, какъ подымали несчастнаго.

— Вонъ какъ нашего брата въ Питерѣ-то давятъ! сказалъ онъ.—Лихо! Прежде этимъ барамъ опаска была, потому лошадей въ пожарную команду брали, а теперь и того нѣтъ. Дуй въ хвостъ и гриву! Задавилъ — къ мировому. Да и то только кучеру достанется, а баринъ правъ, хоть можетъ то и дѣло кричалъ кучеру: шибче да шибче...

Уже начало становиться темно, когда портной и Герасимъ Андреевъ пришли въ Итальянскую улицу... Въ магазинахъ и лавкахъ замелькалъ газъ, забѣгали фонарщики съ лѣстницами. Въ воздухѣ стало чутко, слышались извощичьи возгласы: „берегись!“, гдѣ-то вдали звенѣли бубенчики тройки, уносящей за городъ

„на кутежъ въ ночную“ богатыхъ и тароватыхъ, откуда-то доносились: свистокъ городоваго, не то крикъ „караулъ“, не то пѣсня пьянаго, гдѣ-то шарманка играла итальянскую арію и завывала собака. Портному хотѣлось хоть какъ нибудь объяснить Герасиму Андрееву свои догадки по поводу поведенія его дочери, но обидѣть ему его не хотѣлось. Ему хотѣлось это сдѣлать какъ можно осторожнѣе.

Когда домъ, гдѣ жила Анна Герасимова, былъ уже отысканъ и когда они вошли на дворъ, портной высказался въ слѣдующей фразѣ:

— А только все таки я тебѣ скажу, Герасимъ Андреичъ, когда, ежели, теперича, дѣвушка по мѣстамъ съ одного на другое скачетъ да по квартирамъ безъ мѣста живетъ, такъ дѣло скверное.

— Ужъ знамо дѣло! Что хорошаго маяться-то, отвѣчалъ Герасимъ Андреевъ, но самой сути, „сквернаго дѣла“, на что, именно, намекалъ портной, все-таки не понялъ.

По довольно чистой и освѣщенной газомъ лѣстницѣ, портной и Герасимъ Андреевъ взобрались во второй этажъ и позвонились у дверей... Имъ отворила кухарка и они вошли въ небольшую переднюю, отгороженную отъ кухни перегородкой.

— Вамъ кого? спросила кухарка, отступая нѣсколько шаговъ и въ недоумѣніи осматривая съ ногъ до головы то Герасима Андреева, отирающаго о половикъ лапти и отыскивающаго на стѣнѣ образъ, чтобъ перекреститься, то портнаго, бросающаго косые взгляды на подоконникъ, на которомъ стояла цѣлая батарея порожнихъ бутылокъ изъ-подъ вина и пива.

— Намъ-бы Анну Герасимову... Сказали, что здѣсь... проговорилъ наконецъ портной...

— Анну Герасимовну! Нѣтъ, у насъ Анны Герасимовны нѣтъ. Такой нѣтъ. У насъ только и дѣвушекъ, что Софья Пав-

ловна да Евгенія Ивановна. Была еще нѣмка Мальвина, да та въ Кронштадтъ уѣхала.

— Дивное дѣло... сказалъ, переминаясь съ ноги на ногу, портной.—А вѣдь мы по отмѣткѣ изъ Семенова дома. Сказали, что здѣсь...

— Нѣтъ, у насъ такой нѣту.

Въ сосѣдней комнатѣ что-то зашелестѣло, дверь пріотворилась и выставилась голова молодой, красивой женщины съ волосами въ папильоткахъ.

— Анну Герасимовну спрашиваютъ? отнеслась къ ней кухарка.—Говорю, что у насъ такой нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А Женя! Вѣдь она Анна Герасимовна и есть, проговорила молодая женщина и вышла въ переднюю. Она была полуодѣта, куталась одной рукой въ ковровый платокъ, въ другой держала дымящуюся папироску. Изъ-подъ короткихъ бѣлыхъ юбокъ выглядывали ноги, обутыя въ дорогіе, высокіе полусапожки... Въ открытую дверь, которую женщина не приперла, виднѣлась довольно хорошая мебель въ чехлахъ, уголъ туалетнаго зеркала съ бездѣлушками, картина, изображающая купающихся нимфъ, ворохъ юбокъ на стульяхъ и бархатное пальто съ стеклярусной бахромой, небрежно брошенное на табуретъ.

Портной старался какъ можно тщательнѣе замѣтить обстановку всего окружающаго.

— Это намъ все равно. Женей она тамъ у васъ обозначается, или какъ иначе, только намъ ее видѣть нужно! возвысилъ онъ голосъ.

— Ея нѣтъ. Она на Невскій проспектъ гулять пошла, а тамъ въ Эльдораду поѣдетъ, проговорила молодая женщина, такъ же какъ и кухарка, съ ногъ до головы осматривая пришедшихъ.

— И не скоро она придетъ?

— Часа въ два, въ три, а можетъ и совсѣмъ не придетъ.

— Вѣдь этого нельзя сказать. Нешто онѣ сказываются, когда придутъ? вмѣшалась кухарка и, подойдя къ двери, начала тереть рукою дверной косякъ...

Портной взглянулъ на Герасима Андреева; тотъ стоялъ какъ-то сгорбившись и бросалъ слезливые взгляды на женщинъ.

— Ну, значитъ, идти! сказалъ онъ, вздохнувъ.—Такъ скажите Аннѣ Герасимовнѣ, что ейный отецъ изъ деревни пріѣхалъ, родительское благословеніе ей привезъ и побранить ее сбирается... Это вотъ отецъ ейный, указалъ онъ на Герасима Андреева...

— Да, да, голубушки, отецъ я ей... Повидать бы ее крѣпко желательно. Шесть годовъ не видались. Еще вотъ эдакинькой дѣвочкой ее отпустилъ. Такъ и скажите ей, родныя, говорилъ Герасимъ Андреевъ и низко кланялся въ поясъ.

Женщины переглянулись между собою. Онѣ какъ-то радушнѣе стали смотрѣть на мужчинъ. Портной замѣтилъ даже, какъ будто, слезы на ихъ глазахъ.

— Вы днемъ потрафьте, дядинька. Днемъ ее лучше застать, сказала кухарка.—Такъ часовъ въ двѣнадцать приходите. Мы ужъ ей скажемъ, безпремѣнно скажемъ... Вотъ обрадуется-то! Какже, отецъ родной...

Голосъ ея немного порвался.

Портной и Герасимъ Андреевъ начали уходить.

Когда они пошли на лѣстницу, изъ комнатъ черезъ неприпертыя еще двери доносилось: „Отецъ... Господи! Вотъ бѣда-то! А я-то дура!“ и т. п.

По обстановкѣ и по словамъ женщинъ, портной уже болѣе не сомнѣвался, что дочь Герасима Андреева пала. Ему это было ясно. Самъ же Герасимъ Андреевъ и не подозрѣвалъ ничего. Да нельзя было и подозрѣвать ему, незнающему петербургской жизни.

Они шли домой. На часахъ, въ окнѣ у часоваго мастера, мимо котораго они проходили, часовая стрѣлка показывала пять. Они крѣпко устали, пробродивъ по городу четыре часа. Изъ дому вышли въ часъ. Портной позвалъ Герасима Андреева въ трактиръ напиться чаю, отдохнуть и поговорить.

Онъ уже рѣшился объявить ему о поведеніи и жизни его дочери. Они вошли въ трактиръ, помѣщающійся въ подвальномъ этажѣ, сѣли къ столу въ уголокъ и потребовали чаю. Народу въ трактирѣ было немного. Въ одномъ углу пила чай въ складчину компанія извощиковъ, въ другомъ какая-то чуйка по складамъ читала товарищу „Сынъ отечества", да у двери за бутылкой пива сидѣлъ какой-то толстый мѣщанинъ и то и дѣло утиралъ скатертью потъ, который градомъ катился съ его заплывшаго жиромъ лица. Передъ мѣщаниномъ стоялъ половой съ полотенцемъ на плечѣ и говорилъ:

— Почтенный, ты скатертью-то не очень... Здѣсь не баня... У насъ скатерти чистыя. Утрись полой, коли ужъ не въ моготу...

— А тебѣ жалко? Убудетъ скатерти-то, что ли? огрызался мѣщанинъ.

— Не убудетъ, а только приказано не допущать до этого, потому безобразіе!.. отвѣчалъ половой.

Портной и Герасимъ Андреевъ молча выпили по чашкѣ. Портной побарабанилъ по столу пальцами, откашлялся и началъ издалека.

— Ты дочьку-то давно не видалъ? спросилъ онъ, глядя куда-то въ сторону.

— Давно. Съ Успеньева дня шестой годъ пошелъ...

— А вѣстей отъ нее давно не было?

— Тутъ колъ вешняго Миколы письмо присылала съ деньгами на пашпортъ. А то лѣтось земляки отсель приходили, такъ сказывали, что у купца живетъ. Выровнялась, говорили; така

грудастенька стала. Да какъ не выровняться, — двадцатый годокъ пошелъ! сказалъ Герасимъ Андреевъ.

— Она, братъ, теперь безъ мѣста. Это дѣло скверное. Ты какъ ее увидишь, такъ огорошь ее хорошенько, потому нечего безъ мѣста шляться да баловствомъ заниматься!.. Пусть хоть за полтора рубля, да на мѣсто идетъ...

— Знамо дѣло, безъ мѣста плохо, да вѣдь гдѣ его иной разъ сыщешь?..

— Баловствомъ заниматься не надо, тогда и сыщешь... Нечего по улицамъ хвосты-то трепать! Ступай завтра и огорошь ее хорошенько, изругай да скажи: въ деревню, молъ, ушлю. Вонъ даве что хозяйка-то, что на той квартирѣ, говорила. Говоритъ, что она съ офицеромъ связавшись. Къ какому-то офицеру шляется...

Герасимъ Андреевъ вспыхнулъ.

— О! Врешь? сказалъ онъ, пристально взглянувъ на портнаго, и поставилъ на столъ блюдечко, съ котораго только что хотѣлъ пить.

— Ужъ это вѣрно. А барышня-то что даве говорила? На проспектъ, говоритъ, гулять ушла. Можетъ и ночевать не будетъ. Гдѣжъ она ночевать-то булетъ, спрашивается? Пойми, возьми глаза-то въ зубы! отчеканилъ портной уже смотря прямо въ лицо Герасиму Андрееву, но вдругъ покраснѣлъ и замолчалъ.

Герасимъ Андреевъ встрепенулся и тоже молчалъ. Въ запуганныхъ страдальческихъ глазахъ его что-то блеснуло. Онъ даже какъ-то выпрямился.

— Ну, братъ, за это, ежели я узнаю, что она полюбовниковъ завела, я ей бока обломаю, сказалъ онъ наконецъ и для чего-то началъ распоясываться, отирая рукавомъ катившійся со лба потъ.

— Да и слѣдуетъ, братъ, обломать, подстрекалъ портной.— Даже мало того, вспороть слѣдуетъ...

— И вспорю!.. почти воскрикнулъ Герасимъ Андреевъ, распахивая полушубокъ.—Да ты, землякъ, не врешь, не смѣешься? Вѣдь грѣхъ! уже тихо прибавилъ онъ и вскинулъ на портнаго умоляющій, недовѣрчивый взглядъ...

— Такими, братъ, кренделями не шутятъ. Вѣдь на мнѣ чай тоже крестъ есть. Ежели хочешь все знать, такъ я тебѣ, братъ, и не то скажу... довершалъ портной ударъ.—Тутъ даже и не полюбовниками пахнетъ, а просто твоя дочька по улицамъ шляется, да каждому на шею вѣшается, кто денегъ дастъ. Вотъ что... Просто гулящая...

Портной снова замолчалъ. Герасимъ Андреевъ сидѣлъ потупившись, опустя руки. По его заскорузлымъ, обвѣтрѣвшимъ щекамъ текли слезы. Портному стало жалко его. Онъ уже раскаявался, что сказалъ ему такъ про дочь. Онъ мысленно называлъ себя „дубиной, анафемой, колодой.“ „Чортъ меня дернулъ“! думалось ему. Онъ уже начиналъ сомнѣваться въ правдѣ того, что онъ высказалъ, но видѣнные и слышанные факты говорили утвердительно.

— Полно, братъ, брось. На все воля Божья. Пожури ее, да вели на мѣсто идти, а я поспрошу кой у кого на счетъ мѣста-то, утѣшалъ онъ Герасима Андреева, но тотъ молчалъ и сидѣлъ понуря голову.

— Пей чай-то...

— Спасибо, не хочется... Въ душу нейдетъ, отвѣчалъ Герасимъ Андреевъ.

— Такъ пойдемъ, коли такъ...

Они вышли изъ трактира и всю дорогу вплоть до Апраксина переулка шли молча.

V.

Послѣ хорошо освѣщенныхъ Невскаго проспекта и Садовой улицы, Апраксинъ переулокъ показался Герасиму Андрееву какой-то мрачной пещерой. Сердце его еще болѣзненнѣе сжалось, и мысль о „гулящей дочери", которая всякому встрѣчному на шею вѣшается, не давала ему покою. Не такую чаялъ онъ ее встрѣтить. Тщедушный, еле передвигавшій ноги, съ понуренной головой и въ рубищѣ онъ былъ жалокъ. Портной видѣлъ это, жалѣлъ и перебиралъ въ головѣ всѣ средства, чтобы утѣшить его, но средства эти не могли утѣшить и ребенка.

— Слышь, Герасимъ Андреичъ, можетъ у тебя денегъ нѣту? Возьми у меня полтину. Послѣ отдашь, сказалъ онъ.

— Не надо, есть... отвѣчалъ тотъ.

Немного погодя, портной хлопнулъ его по плечу и проговорилъ:

— Ишь у тебя полушубокъ-то изорвался! Чай, поди, сквозитъ? Погоди, ужо я тебѣ его справлю. Заново будетъ...

Герасимъ Андреевъ молчалъ.

— И валенки справимъ... Въ лаптяхъ-то вѣдь трудно... Да и потеплѣе тѣ... продолжалъ портной.—Надо вотъ кой у кого поспросить. Тутъ гдѣ-то на Лиговкѣ, на постояломъ, у проѣзжихъ ребятъ дешево покупаютъ...

Но Герасимъ Андреевъ и на это ничего не отвѣтилъ.

— Э, полно, не тужи! Брось! Обойдется—все малина будетъ! какъ можно ласковѣе старался говорить портной и взялъ его за плечи.—Эка важность, что дѣвка погуляла! Остепенится. Да можетъ я и вру, можетъ быть и ошибся. И святые ошибались. Плюнь, дядя! Что тутъ... Утро вечера мудренѣе. Вотъ завтра

Кимряка увидимъ, съ нимъ потолкуемъ. Тотъ ходокъ. Сейчасъ на мѣсто предоставитъ.

Но отъ всѣхъ этихъ утѣшеній Герасиму Андрееву ни на волосъ не было легче.

— Спасибо, милый человѣкъ, спасибо, Парфенъ Данилычъ, только вѣришь, какъ больно! Такъ вотъ подъ сердцемъ и крутитъ, такъ вонъ, и ноетъ... сказалъ онъ немного пріостановясь, но вдругъ ударилъ себя въ грудь, махнулъ рукой и снова зашагалъ впередъ, не обращая вниманія ни на натыкавшихся на него пьяныхъ мастеровыхъ, все еще „справлявшихъ престолъ", ни на визгъ кабацкихъ дверныхъ блоковъ, ни на крики „караулъ", вылетавшіе изъ устъ какого-то пьянаго халатника, валявшагося по землѣ, котораго подымала какая-то баба и тащила домой.

— Стой! Стой! Куда бѣжишь, словно ошпаренный! крикнулъ портной, стараясь впадать въ веселый тонъ.—Зайдемъ винца выпьемъ... и онъ указалъ на закоптѣлыя и захватанныя двери кабака.

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ!

— Полно! Колдыбнемъ! Что тутъ! старался какъ-то залихватски выкрикнуть портной и запѣлъ, притопнувъ ногой:

Съ горя выпилъ мальчикъ—шкальчикъ,
Горе отлетѣло;
Повторилъ—заговорилъ
И повеселѣло!

Но ни залихватскаго выкрика, ни веселой пѣсни не вышло. Онъ схватилъ Герасима Андреева за плечи, пихнулъ его въ кабакъ и вошелъ за нимъ самъ.

Въ кабакѣ было многолюдно и шумно. Тутъ были гости завсегдатаи „и гости съ воли". Одни „престолъ справляли", другіе пили за компанію, третьи такъ себѣ пропивали тѣ скудныя копѣйки, оставшіяся за уплатой за квартиру и въ лавочку отъ

недѣльнаго заработка, которыя все равно не принесли бы никакой иной радости и благосостоянія не только семейству владѣльца сихъ копѣекъ, но даже и самому владѣльцу.

Цаловальникъ съ окладистой бородой и въ розовой ситцевой рубахѣ, увидя входящаго портнаго, началъ улыбаться и заговорилъ:

— Парфенъ Данилычъ! Сто лѣтъ не видались! Какимъ вѣтромъ занесло?

— Какъ сто лѣтъ? Вчера былъ.

— Вчера былъ! А ты вспомни, сколько воды-то со вчерашняго утекло. Чѣмъ просить-то?

— Разлей косушечку на два стаканчика; да вотъ жилетку, что вчера заложилъ, выкупить надо, сказалъ портной и выкинулъ на стойку рубль.

— На двоихъ-то косушку? Полно срамиться! Окрестись лучиной! Портной-штушникъ и вдругъ косушку! Вспомни, день-то ноне какой.

— Какой?

— Какъ какой? Воскресный, балясничалъ цаловальникъ.— Благословись полуштофомъ. На косушку у меня и рука не подымается.

Портной замялся.

— Выпьемъ, что-ли полуштофъ-то? обратился онъ къ Герасиму Андрееву.

— Да какъ не выпить! Господи помилуй! перебилъ цаловальникъ, откупорилъ крючкомъ полуштофъ и налилъ два стакана.—Я тѣ еще закусочкой удружу, продолжалъ цаловальникъ. Нако-ся... Рви на двоихъ.

Онъ полѣзъ подъ стойку и вытащилъ оттуда кильку, держа ее за голову.

— Вотъ за это спасибо. Солененькимъ хорошо... Ну-ко, обратился портной къ Герасиму Андрееву и взялся за стаканъ.

— Да и въ душу что-то нейдетъ, проговорилъ Герасимъ Андреевъ, берясь въ свою очередь за стаканъ.

— Эхъ, любезный человѣкъ, вставилъ слово цаловальникъ:— а слышалъ ты поговорку; первая—коломъ, вторая—соколомъ, а третья—какъ по маслу. Соси знай!

Земляки выпили, взяли со стойки полуштофъ, отошли къ столу и сѣли. Они молчали и глядѣли на пьющій народъ. Въ углу происходила слѣдующая сцена. Какая-то одутая личность, въ рубищѣ и съ разбитымъ и обвязаннымъ тряпками лицомъ, глотала за три копѣйки для потѣхи мастероваго-безобразника пробки. Проглотивъ съ десятокъ и получивъ три копѣйки, личность приложилась подъ козырекъ и, съ словами „зашибъ на ночлегъ три копѣйки“, выбѣжала изъ кабака, преслѣдуемая дружнымъ хохотомъ зрителей.

— Вотъ оно и смотри, до чего бѣдность-то доводитъ! За три копѣйки! Господи! проговорилъ портной, чекнулся съ Герасимомъ Андреевымъ, выпилъ и началъ:—Эхъ, милый человѣкъ. Эхъ, дядюшка Герасимъ! Ты вотъ дочку винишь, что она загуляла, а и загуляла-то она, можетъ, съ бѣдности. Можетъ, кусать было нечего; животъ подвело; ноги приходилось протягивать. Отказали, можетъ, отъ мѣста, да еще обсчитали, какъ вонъ ту кухарку, что давеча на лѣстницѣ видѣли. Денегъ нѣту. Куда дѣться? Дѣвушка смазливенькая... Появилась сводня: тары да бары... Ты, ангелъ, Питера не знаешь, а онѣ стервы только этого и ищутъ. Ну и сманила. Всякому жить хочется. Брюхо-то не свой братъ. Голодное-то брюхо въ тюрьму ведетъ, въ Сибирь по Владимiркѣ. Вотъ куда... Такъ-то оно! Не вини!..

Герасимъ Андреевъ слушалъ и молчалъ. Онъ хотя и не зналъ Питера, но понималъ, что портной говоритъ чистѣйшую правду.

По его заскорузлой щекѣ текла слеза. Онъ отеръ ее кулакомъ, взялъ со стола налитый стаканъ и выпилъ.

Полуштофъ былъ конченъ.

Ежели человѣкъ пьетъ съ горя, то чтобы забыть это горе, ему непремѣнно нужно напиться до безпамятсва, въ противномъ же случаѣ вино только усиливаетъ это горе, представляетъ его въ болѣе громадныхъ размѣрахъ. Такое-же дѣйствіе производитъ оно и на радость, и на гнѣвъ. Такъ было и съ Герасимомъ Андреевымъ. По мѣрѣ выпиванія водки, горе по поводу поведенія дочери и гнѣвъ на нее усилились. Забитый, робкій и смирный отъ природы, послѣ послѣдняго стакана, онъ поглядѣлъ на портнаго сверкающими глазами, ударилъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— А все-таки, какъ ты тамъ ни говори, а я ей, паскудѣ, всѣ бока обломаю! Съ мѣста не сойти, ежели не изувѣчу! Косы вырву!..

Голосъ его вдругъ осѣлъ. Онъ тяжело дышалъ, дрожалъ и отиралъ со лба потъ. Портной началъ его утѣшать. Опять слышалось: „на мѣсто предоставимъ... Кимрякъ... Богъ дастъ“... и пр., но Герасимъ Андреевъ уже не слушалъ его болѣе, онъ вынулъ изъ кармана мѣдныя деньги, бросилъ ихъ на стойку и спросилъ еще косушку. Портному и самому было горько. Видя, что слова его не помогаютъ, онъ мысленно еще разъ обругалъ себя и спросилъ вторую косушку.

И началось пьянство, но пьянство не радостное, не съ пѣснями, не съ пляской, не съ музыкой, но съ воплями, со слезами, съ битьемъ себя въ грудь, съ ругательствами и проклятіями. Припомнились всѣ нужды, всѣ скорби, всѣ лишенія, всѣ боли сердечныя, однимъ словомъ, припомнилась обыденная, вѣчно стонущая жизнь бѣднаго человѣка.

Въ такомъ положеніи засталъ Кимрякъ въ кабакѣ Герасима Андреева и портнаго.

Въ кабакъ вошелъ Кимрякъ. Онъ былъ съ гармоніей подъ мышкой и, какъ водится, выпивши и съ прибаутками.

— Честной компаніи миръ да совѣтъ! Прохору Иванычу! Девяносто дней съ хвостикомъ не видались! началъ онъ, и протянулъ цаловальнику руку.—Пришелъ осмотрѣть, все-ли въ моемъ участкѣ благополучно обстоитъ. Пьютъ-ли ребята, да не угостятъ-ли меня — свое начальство отставной козы барабанщика. Эва! Дядя Парфенъ здѣсь, да еще съ землякомъ... Сизо! намухоморились! мигнулъ онъ цаловальнику, щелкая себя по галстуку. Други любезные, который это полуштофъ лакаете? обратился онъ къ землякамъ...

— Эхъ, Кимрякъ! Полно шутки шутить... Горе есть, отвѣчалъ коснѣющимъ языкомъ портной.—Садись, да давай совѣтъ.

— Совѣтъ можно. Только за совѣтъ, ежели денегъ нѣтъ, такъ стаканъ водки давай, проговорилъ онъ и сѣлъ около, на бочку.

Портной и Герасимъ Андреевъ потребовали еще полуштофъ и вкратцѣ, на сколько имъ позволяли коснѣющіе языки, передали, въ чемъ дѣло. Цаловальникъ также стоялъ около и слушалъ... Когда разсказъ былъ конченъ, онъ погладилъ себѣ бороду и заговорилъ:

— А по мнѣ вотъ что, ежели она еще не совсѣмъ забаловалась, такъ вспори ты ее, спусти съ нее шкуръ семь, да на мѣсто и предоставь...

— Эхъ, дядя Прохоръ, обратился Кимрякъ къ цаловальнику:—бороду до пупа отростилъ, а что городишь. Нужно прежде знать, какой такой у ней пашпортъ есть: ежели прежній, такъ еще туда сюда, а ежели ужъ на желтый обмѣнила, такъ кто ее

возьметъ? На мѣсто! Да ежели бы и взяли, такъ повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову сломить.—А я тебѣ, землякъ, вотъ что скажу, обратился онъ къ Герасиму Андрееву: — Полно нюнить, словно дура безсережная! Завей горе въ веревочку и ступай завтра къ дочкѣ, понакинься на нее, да и закажи, чтобъ она тебѣ каждый мѣсяцъ цо десяти рублевъ съ своихъ любовниковъ предоставляла. Небось! предоставитъ! А коли денежкамъ глаза протереть нужно—ко мнѣ приходи, научу. Я вотъ тутъ въ домѣ живу. Мальчишку-несмышленка про Кимряка спроси—и тотъ укажетъ.

— Эхъ, милый человѣкъ, эхъ, милый человѣкъ, разъ пять повторилъ Герасимъ Андреевъ, вставъ съ мѣста и обнимая Кимряка.—Да вѣдь деньги-то эти коломъ въ глоткѣ!..

— Не бойся, братъ, коломъ не встанутъ. Такъ пройдутъ, что и не замѣтишь!

Минутъ черезъ пять портной и Герасимъ Андреевъ были окончательпо пьяны. Они то плакали и обнимались, то били кулакомъ по столу, кричали и сбирались „спустить семь шкуръ“, для чего-то идти въ участокъ и даже къ Оберъ-Полицiймейстеру. Третiй полуштофъ былъ пустъ. Кимрякъ замѣтилъ это, всталъ съ бочки, заломилъ рванный картузишко на ухо и направился къ другому столу, наигрывая на гармоникѣ и подпѣвая:

Въ Александровскомъ какъ паркѣ
Подралися три кухарки,
Подралися въ кровь.
Три солдата разнимали,
По кустамъ ихъ растаскали
И остались тамъ!

— Эхъ-ма! закончилъ онъ:—кто хочетъ, чтобъ пѣстѣ конецъ былъ—ставь осьмушку...

— Валяй, ставлю! откликнулся мастеровой справлявшій тризну по женѣ орла.

Кимрякъ продолжалъ...

Черезъ полчаса целовальникъ выпроводилъ гостей, вытолкалъ портнаго и Герасима Андреева за двери и заперъ кабакъ. Хотя кабакъ былъ въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ портной, но они еще съ четверть часа проблуждали по улицѣ, отыскивая свой подвалъ, и наконецъ кой-какъ, съ помощью дворника, попали домой.

Жена портнаго уже ложилась спать. Увидавъ мужа и гостя, еле стоящихъ на ногахъ и плачущихъ, она такъ и всплеснула руками.

— Ну, такъ и знала! Насосались. Срамники вы эдакіе! О чемъ ревете-то? Вѣдь это вино въ васъ, пьяницахъ, плачетъ. Ложитесь спать. Робятъ перебудите...

— Глаша, Глаша... андelъ, не сердись... съ горя... вѣдь я тоже отецъ... У него вонъ дочь загуляла... По пришпекту пошла...

— Голубушка, не обезсудь! Съ горя! Дочька обидѣла! завылъ Герасимъ Андреевъ и повалился хозяйкѣ въ ноги...

— Эхъ, безстыдникъ! Старый ты человѣкъ! Ложись подъ верстакъ... Спи! Ну, гость! Эдакого гостя за хвостъ да палкой, чтобъ хозяина не спаивалъ!

Послушный и робкій Герасимъ Андреевъ, какъ былъ, не раздѣваясь, полѣзъ подъ верстакъ и черезъ пять минутъ уже спалъ крѣпкимъ, но тяжкимъ сномъ пьянаго человѣка, а портной еще нѣсколько времени сидѣлъ на стулѣ, билъ себя въ грудь и коснѣющимъ языкомъ разсказывалъ женѣ, что завтра идетъ съ жалобой къ оберъ-полиціймейстеру, къ генералу Суворову и еще къ какимъ-то генераламъ. Но жена ничему этому не вѣрила: она знала, что мужъ, всякій разъ, когда напивался

пьянъ, сочинялъ на себя небывалыя вещи. Она не вѣрила даже и разсказу о „загулявшей“ дочери Герасима Андреева. И въ самомъ дѣлѣ, портной, когда бывалъ пьянъ, не дрался, не буянилъ, но плакалъ на взрыдъ и разсказывалъ различныя скорбныя небылицы про себя и своихъ знакомыхъ. Такъ однажды, придя домой сильно пьяный, онъ бросился ей въ ноги и со слезами объявилъ ей, что онъ, по бѣдности, „продался въ поляки“. Бѣдная женщина повѣрила, всю ночь не могла сомкнуть глазъ и проплакала. Когда же поутру попросила мужа, чтобы тотъ пообстоятельнѣе разсказалъ ей, въ чемъ дѣло,—мужъ ничего не помнилъ...

Наплакавшись и наговорившись въ волю утомившійся портной повалился на верстакъ и захрапѣлъ. Жена стащила съ него сибирку и начала шарить по карманамъ... Вынула скомканную жилетку и покачала головой, вынула два рубля съ мѣдными и мелочью и перекрестилась... „Слава Богу, хоть еще не все пропилъ-то!“ прошептали ея губы. Она осторожно убрала жилетку и деньги въ сундукъ, помолилась Богу, осторожно загасила свѣчку и легла спать.

VI.

На другой день, поутру, Герасимъ Андреевъ почувствовалъ, что его кто-то дергаетъ за рукавъ и толкаетъ въ бокъ. Онъ открылъ глаза: передъ нимъ, на колѣняхъ, стояла жена портнаго.

— Вставай! Что заспался-то! Нечего тутъ дрыхнуть! сказала она.

Позѣвывая и почесываясь, Герасимъ Андреевъ вылѣзъ изъподъ верстака. Хозяйка отошла къ топившейся печкѣ и изпод-

лобья смотрѣла на него. У печки грѣлись дѣти. Одинъ сидѣлъ на скамейкѣ, другой, грудной, на столѣ. Оба ѣли хлѣбъ. На столѣ лежали три корня свеклы и картофель, нарѣзанный ломотками. Жена портнаго уже стряпала обѣдъ. Старшая дѣвочка, Машутка, окутанная въ платокъ, сидѣла на верстакѣ, у окна, и вязала чулокъ.

— Испить бы водички, хозяйка, да помыться. Смерть томитъ, хриплымъ голосомъ и покашливая, пробормоталъ Герасимъ Андреевъ.

— И ништо тебѣ, коли томитъ! Ты бы еще больше пилъ да людей спаивалъ, проговорила хозяйка. На̀, вонъ пополоскайся, и она кивнула въ уголъ, гдѣ на табуреткѣ стояло ведро съ водой и надъ ушатомъ висѣлъ глиняный умывальникъ, въ видѣ чайника съ двумя горлышками.

Послѣ вчерашняго пьянства, Герасима Андреева томила жажда. Онъ выпилъ цѣлый ковшъ воды, умылся и, отыскавъ въ углу образъ, началъ молиться. Хозяйка слѣдила за нимъ глазами. Онъ кончилъ, обернулся къ ней лицомъ и, поклонясь въ поясъ, проговорилъ: „здравствуйте“.

— Нечего тутъ здороваться то, а бери свой мѣшокъ да иди съ Богомъ, сказала она и повернулась въ сторону, стараясь не глядѣть на Герасима Андреева.

Герасимъ Андреевъ не понялъ вполнѣ, въ чемъ дѣло, стоялъ и не двигался.!.

— Что стоишь-то?—собирай пожитки да ступай по-добру-по-здорову. Вѣдь вчера сказывалъ, что на дровяномъ дворѣ мѣсто нашелъ.

— Пойду, голубушка, пойду, родимая, пробормоталъ Герасимъ Андреевъ, перемпнаясь съ ноги на ногу.—Только-бы съ хозяиномъ проститься да поблагодарить его за хлѣбъ за соль.

— Нечего тутъ благодарить! Хозяинъ спитъ и будить я

тебѣ его не позволю. Это опять чтобъ пьянствовать, чтобъ похмѣляться? Нечего его спаивать. Иди! Вотъ тебѣ Богъ! вотъ тебѣ двери! Безъ тебя онъ человѣкомъ былъ, двѣ недѣли капли въ ротъ не бралъ. Старый ты человѣкъ, ты бы хоть дѣтей-то пожалѣлъ! Вѣдь онъ все пропьетъ и тогда имъ жрать будетъ нечего!

Герасимъ Андреевъ молчалъ. Прошло съ минуту, а онъ все еще не двигался съ мѣста...

— Чтожъ, гость, вѣдь тебѣ говорятъ—иди! Погостилъ да и будетъ! Иди же—говорятъ, повторила хозяйка, вытащила изъ-подъ верстака мѣшокъ и шапку, подала ему ихъ и слегка пихнула его за плечи.

— Ну, прощенья просимъ! За хлѣбъ за соль! Кланяйся сожителю! какъ-то безстрастно проговорилъ Герасимъ Андреевъ и, помолившись образу, направился къ двери.

Вязавшая чулокъ Машутка, засмѣявшись, фыркнула. Мать, по дорогѣ, дала ей подзатыльникъ и отправилась запирать за Герасимомъ Андреевымъ дверь.

Ей стало жалко его. Она не ненавидѣла его, а выпроваживала вонъ только потому, чтобы, по возможности, сохранить домашнее спокойствіе. Она думала, что Герасимъ Андреевъ подстрекнулъ вчера напиться ея мужа и если останется у нихъ, то, подъ какимъ нибудь предлогомъ, поведетъ и сегодня мужа въ кабакъ.

— Приходить—приходи опять, только какъ нибудь послѣ! крикнула она Герасиму Андрееву въ слѣдъ, но тотъ ничего не отвѣтилъ и не обернулся.

Когда Герасимъ Андреевъ очутился на улицѣ—звонили уже къ поздней обѣднѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился на тротуарѣ и сталъ соображать, куда ему идти?—Къ дочери, или на дровяной дворъ на работу. При мысли о дочери — зло-

ба, досада и гнѣвъ опять начали душить его. Уставя глаза въ землю, онъ машинально то теребилъ свою бороду, то передвигалъ шапку со лба на затылокъ и мысленно твердилъ: „искалечу, косы вырву". Онъ не обращалъ вниманія даже на толчки проходящихъ, и только какой-то шутникъ-извощикъ стегнувъ его кнутомъ и крикнувъ: эй, ворона! вывелъ его изъ задумчивости. И тутъ ему представилось, что на сегодня у него нѣтъ даже и ночлега, и что ежели онъ не пойдетъ на дровяной дворъ, то, при незнаніи, гдѣ находятся постоялые дворы, онъ принужденъ будетъ ночевать на улицѣ. „Нѣтъ, надо идти на работу", рѣшилъ онъ и почти побѣжалъ по направленію къ Фонтанкѣ.

На дровяномъ дворѣ, куда пришелъ Герасимъ Андреевъ, человѣкъ восемь народу пилили и складывали дрова. Прикащикъ, въ лисьей шубѣ и котиковомъ картузѣ, сидѣлъ на скамейкѣ, у дверей избы. Передъ нимъ стоялъ безъ шапки болѣзненный, худой, высокій мужикъ, въ изорванномъ полушубкѣ, и кланялся. Прикащикъ поглаживалъ бороду и говорилъ:

— Намъ, братъ, такого народу, который ежели поклепы взводитъ, не надо... Потому у насъ на чести.

— Помилуй, Никита Гаврилычъ, вѣдь и мы на чести. Нешто я говорю, что стряпуха зажильничала? не насчетъ жильничества, Боже избави!.. А только всѣ ребята видѣли, какъ я ей эту самую рубаху постирать отдалъ. А теперь она отпирается, говоритъ, что не брала, бормоталъ мужикъ.

— А коли стряпуха не брала, значитъ—и не брала. Что проѣдаешься-то: ступай! Вѣдь разсчетъ за пять денъ получилъ?..

— Получить-то получилъ, только, Никита Гаврилычъ, заставь Богу молить, оставь ты меня у себя работать. Ну, куда я дѣнуся?..

— Нѣтъ, братъ, проваливай, намъ шильниковъ не надо!

Ты, можетъ, еще потомъ скажешь, что у тебя здѣсь тысячу рублевъ выудили. Проваливай-же, а то велю по шеямъ спровадить, возвысилъ голосъ прикащикъ, привставъ съ скамейки и важно запахнувъ свою лисью шубу.

— Зачѣмъ спроваживать — самъ пойду. Ну, Богъ тебѣ судья! сказалъ мужикъ, махнулъ рукой и поплелся за ворота.

Герасимъ Андреевъ подошелъ къ прикащику.

— Къ твоей чести, хозяинъ. Работать пришелъ, проговорилъ онъ.

— Вижу, что пришелъ. Только бы ужъ ты къ самому обѣду потрафилъ, чтобъ задарма брюхо набить. Нѣтъ, братъ, намъ такого народу не надо. У меня вонъ съ шести часовъ работаютъ.

Прикащику не нужно было никакого народу. Съ него было довольно и тѣхъ работниковъ, которые у него были, и онъ былъ радъ случаю отдѣлаться отъ Герасима Андреева. Правда, онъ далъ вчера слово, что возьметъ его, какъ земляка Кимряка, но на утро одумался. Ему даже и своихъ работниковъ было много, по этой причинѣ онъ и отказалъ высокому мужику, придравшись къ тому, что тотъ спорилъ съ стряпухой о рубахѣ, которую та затеряла въ стиркѣ.

Герасимъ Андреевъ стоялъ передъ нимъ, снявъ шапку и теребя ее.

— Зачѣмъ задарма брюхо набивать, мы поработаемъ, проговорилъ онъ.

— Да, поработаешь, полдня прогулявши... Ты къ харчамъ-то здѣсь прицѣнялся-ли? Каковы цѣны-то? отвѣчалъ прикащикъ.—Нѣтъ, не лафа! добавилъ онъ и, вставъ съ мѣста, хотѣлъ идти въ избу.

— Такъ ужъ допусти хоть ночевать-то придти, потому мы

безночлежные, а съ завтрашняго дня работать начнемъ, заговорилъ ему вслѣдъ Герасимъ Андреевъ.

— У насъ не постоялый дворъ.

— Да чтожъ тебѣ стоитъ ночку-то одну?.. Не просплю мѣсто-то!

— А то, что и народу мнѣ больше не нужно, отдумалъ ужъ я нанимать, заключилъ прикащикъ и ушелъ въ избу, захлопнувъ дверью.

Герасимъ Андреевъ минутъ пять постоялъ около двери, подождалъ его, потомъ надѣлъ шапку и машинально поплелся за ворота...

На улицѣ, на набережной, около рѣшетки, стоялъ высокій, толстый мужикъ и глядѣлъ на замерзшую Фонтанку. На тонкомъ льду, чуть-чуть покрытомъ снѣгомъ, валялся стоптанный башмакъ и кирпичъ, неизвѣстно для чего кинутые, и бродили голуби. Герасимъ Андреевъ подошелъ къ мужику и сталъ съ нимъ рядомъ. Мужикъ оборотился лицомъ къ Герасиму Андрееву, посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Что, братъ, тоже не выгорѣло?

— Не взялъ. Богъ его вѣдаетъ. А вѣдь еще вчера рядилъ.

— Куда-жъ теперь?

— Да мы бездомные. Два дня только что изъ деревни.

— Плохо дѣло. И мнѣ, братъ, некуда. Потому хоть я и здѣшній, а по теперешному—гдѣ день, гдѣ ночь... И вотъ эдакимъ-то манеромъ два мѣсяца маюсь.

Герасимъ Андреевъ покачалъ головой... Начались обоюдные распросы: Герасимъ Андреевъ разсказалъ свою исторію, не утаилъ и предположеніе земляка-портнаго о загулявшей дочери, на что новый знакомый отвѣтилъ: „что ужъ это завсегда такъ, ежели смазливенькая дѣвчонка одна, потому Питеръ городъ-забалуй; чуть свихнешься—и шабашъ“ и, въ свою очередь, раз-

сказалъ свою исторію. Оказалось, что онъ петербургскій мѣщанинъ, лѣто прожилъ въ дворникахъ гдѣ-то на дачѣ, съ осени безъ мѣста, такъ какъ дачные хозяева, по бѣдности, зимою дворника не держатъ; потомъ занимался поденною работою; работалъ на биржѣ, ломалъ барки около дровяныхъ дворовъ, очищалъ мусоръ около вновь строющихся домовъ, а теперь такой же бездомный, незнающій, гдѣ преклонить голову, какъ и Герасимъ Андреевъ. Относительно родства было сказано, что „одинъ какъ перстъ", и при этомъ прибавлено: „и то слава Богу"; относительно же имени—что, зовутъ его Аристархомъ Флегонтовымъ.

— Имя-то больно мудреное. А коли знакомъ будешь, такъ зови, по просту, Голяшкинъ. Такъ меня завсегда звали, закончилъ онъ и замолчалъ. Они машинально прошлись нѣсколько шаговъ по набережной, остановились передъ рыбнымъ садкомъ и начали смотрѣть, какъ вертлявый рыбакъ-прикащикъ продавалъ жирному мужчинѣ, должно быть повару, аршинную стерлядь. Красивая рыба плескалась въ бадьѣ. Поваръ заходилъ то съ той, то съ другой стороны и измѣрялъ ее пальцами, стараясь узнать, сколько въ ней вершковъ.

— Семнадцать вершковъ. Берите безъ сумлѣнія! звонко кричалъ прикащикъ, размахивая руками и то снимая, то надѣвая шапку.—По теперешнему времени, ей-Богу, одна въ Петербургѣ. Извольте обойти всѣ садки—не найдете.

Поваръ высморкался въ желтый фуляровый платокъ и должно быть спросилъ о цѣнѣ, потому что прикащикъ опять во все горло крикнулъ; „тридцать пять серебра" и при этомъ счелъ за нужное вынуть изъ бадьи рыбу и показать ея носъ. Поваръ махнулъ рукой и сталъ уходить.

— Послушайте, господинъ управляющій! тридцать рублей!.. двадцать девять! во все горло кричалъ ему вслѣдъ прикащикъ,

стараясь не потерять покупателя. Наконецъ прикащикъ и продавецъ сошлись на двадцати семи рубляхъ. Рыбу торжественно потащили въ лавку садка.

— Двадцать семь серебра! Эки деньги, эки деньги! вздыхая, говорилъ Голяшкинъ.

Герасимъ Андреевъ ничего не отвѣтилъ. Ему и въ голову не приходило, что за одну рыбу можно платить такія деньги.

Началось снова молчаливо-созерцательное состояніе и продолжалось болѣе четверти часа. Наконецъ, Голяшкинъ, какъ бы очнувшись отъ сна, взглянулъ на Герасима Андреева и проговорилъ:

— Ну теперь куда же? Вѣдь такъ все стоять нельзя.

— Къ дочкѣ пойду. Дочку повидать надо, отвѣчалъ тотъ.

— А покусать не хочешь? Не томитъ брюхо-то? Вотъ зайдемъ въ закусошную, дадимъ малость поработать зубаревымъ дѣтямъ, а тамъ я тебя, пожалуй, и провожу, потому мнѣ все равно, куда ни идти.

Ближайшая закусочная была въ Апраксиномъ переулкѣ. Предварительно купивъ въ лавочкѣ по два фунта хлѣба, они отправились. Закусочная помѣщалась въ подвальномъ этажѣ. На дверныхъ вывѣскахъ были изображены: съ одной стороны темно-бурый треугольникъ, долженствовавшій изображать собою окорокъ ветчины и, судя по догадкамъ, сковорода съ жаренымъ картофелемъ, а съ другой—рыба съ выпученными глазами, въ брюхо которой была воткнута вилка. Надъ дверями была надпись: „Сесная лавка“. Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ спустились въ подвалъ. Ихъ обдало запахомъ вареннаго рубца, пригорѣлаго масла и прѣлыхъ щей. Въ лавкѣ было темно: она освѣщалась дверными стеклами да маленькимъ окошечкомъ, мимо котораго то и дѣло мелькали ноги и подолы проходящихъ и мѣшали проникать свѣту. Время было обѣденное, а потому въ съѣстной

лавкѣ народу было много. Тутъ были носильщики, съ веревками у пояса, съ привѣшенными на нихъ кожаными подушечками для подкладыванія подъ голову во время переноски тяжестей, была нищая баба съ груднымъ ребенкомъ, запрятаннымъ за пазуху рванаго тулупа, и съ пятилѣтней дѣвочкой; былъ отставной капитанъ „благородный, неимущій человѣкъ“, въ фуражкѣ съ кокардой и съ указомъ объ отставкѣ въ карманѣ; мастеровой въ халатѣ, съ прорваннымъ задомъ; извѣстная петербургская „салопница“, франтъ, промотавшійся до послѣднихъ клѣтчатыхъ брюкъ и сѣрой пуховой шляпы, которые одни скудно напоминали о прежнемъ величіи своего господина. Однимъ словомъ: тутъ была бѣдность непокрытая, бѣдность голодная. Все это толпилось съ чашками въ рукахъ, стараясь прислониться къ столу, къ подоконнику, къ стѣнѣ; все это чавкало, хлебало, запихивало въ ротъ куски студеня и куски мяса, такого мяса, которое и самими хозяевами съѣстныхъ заведеній не иначе называется, какъ „жилами“.

Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ подошли къ стойкѣ. За стойкой стояли: хозяинъ, бородатый мужикъ, въ полосатой фуфайкѣ поверхъ рубахи, и его подручный, мальчишка лѣтъ пятнадцати. Они то и дѣло подымали какія-то одѣяла, которыми были прикрыты корчаги, и плескали въ чашки мутную жидкость, носящую названіе щей. На стойкѣ, среди корчагъ, лежали рубцы, печонки и окорокъ ветчины.

— Плесни-ко щецъ въ двѣ чашечки, сказалъ Голяшкинъ.

— По три или по пяти? спросилъ хозяинъ, хватая чашку и уполовникъ.

— Плесни по три да на копѣйку прибавь каждому по жилкѣ...

— Деньги! скомандовалъ онъ и съ быстротою фокусника налилъ двѣ чашки и бросилъ туда по кусочку „зарѣзу“.

Герасимъ Андреевъ и Голяшкинъ бросили на стойку по че-

тыре копѣйки и взялись за чашки. Съ трудомъ отыскавъ на лавкѣ мѣстечко, они поѣли. Голодъ былъ удовлетворенъ.

— Чтожъ студню на пятакъ спросимъ, что-ли? спросилъ Голяшкинъ.

— Сразу-то оно хуже. Ужо опять захочется, такъ ужъ лучше ужо студнемъ-то и поужинаемъ, отвѣчалъ Герасимъ Андреевъ. — Да мнѣ и къ дочкѣ пора.

— Ну такъ пойдемъ, я тебя провожу.

Улица и домъ были найдены безъ особеннаго труда. Голяшкинъ былъ питерскій и зналъ городъ хорошо. У воротъ они разстались. Герасимъ Андреевъ пошелъ во дворъ, а Голяшкинъ остался его дожидаться. Рѣшено было — ежели Герасимъ Андреевъ долго останется у дочери и будетъ можно позвать туда Голяшкина, то Герасимъ Андреевъ позоветъ его.

VII.

Герасимъ Андреевъ вошелъ на дворъ, гдѣ жила дочь, съ полнымъ намѣреніемъ не только пожурить ее, но даже и побить. Помимо гнѣва на нее, онъ считалъ это своею обязанностью, обязанностью отца. Не высоко жила его дочь, всего во второмъ этажѣ, — нѣсколько ступенекъ пришлось ему подняться до ея двери, но съ каждой ступенькой чувства гнѣва и родительской обязанности оставляли его и уступали мѣсто радости видѣть дочь. Когда онъ стоялъ у дверей ея квартиры, сердце его билось и на воспаленныхъ глазахъ заблистали слезы. Звониться онъ не рѣшился и слегка постучался. Отвѣта не было. Онъ постучался вторично посильнѣе. За дверью послышались шаги, хлопнулъ болтъ и на порогѣ появилась кухарка, та самая кухарка, которая ему отворяла въ первый разъ, когда онъ былъ съ портнымъ.

— Ахъ, это вы! сказала она и слегка отступила назадъ, какъ бы испугавшись, но тотчасъ же оправилась и вышла къ нему на лѣстницу.—Ахъ, какъ жалко, Боже мой! Вѣдь опять не потрафили: она въ банѣ. Господи, какъ это жалко! Ну, да вы подождите: она скоро придетъ. Подождите, пока вотъ тутъ, на лѣстницѣ. Накрывайтесь-же, вѣдь холодно, прибавила она, видя, что Герасимъ Андреевъ стоитъ безъ шапки.

— Подожду, родная, подожду. Куда-жъ мнѣ идти-то! отвѣчалъ тотъ, надѣвая шапку.

— Или постойте, чтожъ вамъ на холоду-то?.. Войдите лучше въ кухню; тамъ посидите. Ничего, хозяйка спитъ...

— Спасибо тебѣ, умненькая! Ничего, и здѣсь постоимъ. Мы люди привычные.

— Войдите, что за важность! Ежели и проснется, такъ я скажу, что вы ко мнѣ. Полноте, что тутъ-то стоять.

Герасимъ Андреевъ вошелъ въ кухню, перекрестился образъ и сѣлъ на табуретъ. Кухарка отошла къ плитѣ. По временамъ она оборачивалась и говорила:

— Мы ей про васъ сказывали. Страсть какъ обрадовалась. Даже заплакала. Ругалась, зачѣмъ мы не спросили, гдѣ вы живете, сама хотѣла идти, да вѣдь куда же?..

А между тѣмъ въ головѣ Герасима Андреева такъ и звенѣло слово „гулящая“, такъ и ударяло въ сердце. Хоть и не зналъ онъ Петербурга, но, судя по тѣмъ образцамъ, которые онъ видѣлъ у себя по деревнямъ, по своему понималъ это слово. Припомнились ему „гулящія“ — бобылька-солдатка съ мужниной сестрой, жившія у нихъ на краю села и принимавшія къ себѣ во всякое время дня и ночи молодыхъ парней и проѣзжихъ торговыхъ мѣщанъ и офеней. Женщины эти ничего не дѣлали, ни сѣяли, ни жали, а между тѣмъ щеголяли яркими шелковыми сарафанами, расписными платками и не сходили у нихъ со стола

самоваръ и полуштофъ сладкой водки. Припомнились ему женщины, носящія названіе дальнихъ родственницъ содержателя „Разуваевскаго кабака“, вѣчно нарядныя, вѣчно выглядывающія изъ задней комнаты кабака. Подъ трезвую руку народъ ихъ звалъ также „гулящими“, а подъ пьяную и такимъ словомъ, которое неудобно и въ печати. Припомнилась ему и настоящая „гулящая“, которую нарочно привезли къ нимъ изъ города въ деревню, по требованію безобразника, продавшагося рекрута. „Но можетъ быть Аннушка и не такая, можетъ Парфенъ Даниловъ такъ зря сказалъ?“ думалось ему и для узнанія дѣйствительности онъ рѣшился обинякамп заговорить съ кухаркой...

— Умница, что же вы тутъ, стряпухой будете? обратился онъ къ ней.

— Да...

— Ну, а дочка-то тоже въ какихъ-нибудь должностяхъ?...

— Дочка-то?.. замялась кухарка.—Нѣтъ, онѣ такъ... На квартерѣ живутъ... Платятъ за комнату да за ѣду, прибавила она, немного погодя, и отвернулась къ плитѣ.

— Чтожъ она шитвой?.. али такъ какое рукомесло? допытывался Герасимъ Андреевъ.

— Право ужъ не знаю. Объ этомъ онѣ сами вамъ скажутъ. Мы въ этомъ неизвѣстны. Просто на квартирѣ живутъ. Вотъ ихъ горенка.

Она пихнула ногой дверь и отворила комнату. Герасимъ Андреевъ заглянулъ въ нее. Комната была свѣтленькая, чистенькая. Стояла широкая кровать съ подушками въ кисейныхъ наволочкахъ, комодъ, туалетъ съ бездѣлушками, мягкая мебель въ чехлахъ. При видѣ всего этого Герасимъ Андреевъ уже болѣе не сомнѣвался, Гнѣвъ и злоба еще съ большею силою закипѣли въ немъ. „Убью, искалѣчу“, шептали его губы, руки и ноги

дрожали, на лбу выступилъ потъ. Онъ не могъ сидѣть и всталъ съ мѣста.

— Что съ вами, дяденька? спросила кухарка, увидавъ его въ такомъ положеніи.

— Ничего, родимая... Водички бы... произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Она бросилась съ кружкой зачерпнуть въ кадкѣ воды, но въ это время дверь съ лѣстницы отворилась и въ комнату вошла стройная, молоденькая женщина, въ черной бархатной шубкѣ и ковровомъ платкѣ на головѣ. При видѣ Герасима Андреева женщина на мгновеніе остановилась посреди комнаты, но вдругъ съ крикомъ „тятинька! голубчикъ!“ бросилась къ нему на шею, цѣловала его лицо, руки и, зарыдавъ, упала ему въ ноги.

Гнѣвъ Герасима Андреева прошелъ мгновенно. Его замѣнила радость. Нижняя губа затряслась, на глазахъ показались слезы.

— Анна! Аннушка! Анка! Голубка! шепталъ онъ, ловя ея губы, когда же она упала ему въ ноги, онъ бросился ее подымать.—Голубушка, встань! Родимая, встань! Ну, сядемъ! Сядемъ вотъ тутъ... твердилъ онъ, но дочь продолжала лежать на полу и рыдать.

— Не встану! Не встану, пока не простите вы меня скверную!.. подлую! истерически кричала она, обхватывая его ноги.— Вѣдь я послѣдняя гулящая дѣвка! Подлая, распутная дѣвка!

На сцену эту смотрѣли, кромѣ кухарки, которая стояла у кадки съ водой и плакала, утираясь передникомъ, молодая женщина въ юбкѣ и папильоткахъ, та самая, которую Герасимъ Андреевъ видѣлъ въ свое первое посѣщеніе, и хозяйка, высокая и худая женщина, въ блузѣ, съ подвязанной щекой и краснымъ носомъ.

— Это ихъ тятенька... отвѣтила кухарка хозяйкѣ, когда та вопросительно взглянула на нее.

— Тятинька! Чортъ! Зачѣмъ пускаешь? проговорила въ отвѣтъ хозяйка съ замѣтнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.—Женя! Что за срамъ! Что за скандалъ! закричала она на все еще лежащую на полу Аннушку.—Встань! Не кричи, дура!.. Можетъ дворникъ придти... Подумаютъ, что тебя тутъ убиваютъ! Иди въ спальную! Но видя, что Аннушка не унимается, приказала кухаркѣ поднять ее.

Аннушка поднялась, обхватила отца за шею и потащила его въ свою комнату.

— Куда? Куда? Тамъ чистый полъ! завопила хозяйка и схватила было Герасима Андреева за плечи, но Аннушка оттолкнула ее, втащила отца въ свою комнату и заперла дверь на задвижку.

За дверью послышались ругательства. Ругались три голоса. Кухарка и женщина въ юбкѣ заступались за Аннушку.

Аннушка, почти насильно посадивъ отца на стулъ, сѣла съ нимъ рядомъ, положила ему на плечо голову и горько плакала. Онъ цѣловалъ ее, гладилъ по головѣ и какъ могъ утѣшалъ ее.

— Уймись, голубка! Полно... Ну, что тутъ... Богъ милостивъ... Мать не знаетъ... Вотъ мѣсто найдемъ... На мѣсто поступишь... говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ничего этого не будетъ!.. Вы не знаете, до чего я дошла, что со мною сталось!.. отвѣчала она, всхлипывая!—Нашей сестрѣ трудно поправляться, коли она на это дѣло пошла... Вѣдь я хозяйкѣ восемьдесятъ рублей должна. Кто меня пуститъ?.. Да и кто меня теперь на мѣсто возьметъ!

Она вскочила со стула, сорвала съ себя шубку, стащила платокъ, бросила все это на полъ и, зарыдавъ еще громче, бросилась внизъ лицомъ на постель.

Рыданія съ судорожнымъ подергиваніемъ плечъ раздавались долго. Герасимъ Андреевъ, самъ въ слезахъ, стоялъ около до-

чери и называлъ ее нѣжными именами. Не скоро пришлось ему хоть кой-какъ утѣшить ее. Наконецъ, она поднялась съ постели, слегка улыбнулась сквозь слезы, бросилась его цѣловать и въ краткихъ, но правдивыхъ словахъ разсказала ему немудрую исторію своего паденія.

Во время разсказа отецъ нѣсколько разъ перебивалъ дочь и говилъ:

— Молчи, голубушка! Не говори лучше... не растравляй своего сердца, но она отвѣчала:

— Нѣтъ, тятинька, ужъ лучше разскажу! Пусть вы знаете лучше, какъ я до этого дошла... Мнѣ легче будетъ... По крайности я облегчу душу... и продолжала разсказъ.

Въ разсказѣ ея не фигурировали ни офицеръ, ни студентъ, какъ то бываетъ въ разсказахъ о своемъ паденіи у другихъ падшихъ женщинъ. Ея исторія была проста. Оказалось, что, еще живши въ нянькахъ у купца, она сошлась съ его прикащикомъ, молодымъ парнемъ, который прельстилъ ее ласковымъ обращеніемъ, пѣснями. Она знала, что онъ женатъ, что у него жена въ деревнѣ, но все таки отдалась ему, потому что природа требовала любви, привязанности. „Плакала я, бывало, кляла себя, но всетаки отстать отъ него не могла", говорила она. Прикащика отецъ и семейство вызвали въ деревню. Онъ уѣхалъ, обѣщаясь черезъ два-три мѣсяца вернуться. Оставшись одна, она почувствовала себя беременной; пока было возможно, жила на мѣстѣ и скрывала; но когда же пришла пора разрѣшиться отъ бремени, она отказалась отъ мѣста и переѣхала, по совѣту кухарки, на квартиру къ одной женщинѣ, которая кромѣ отдачи коморокъ и угловъ занималась и повивальнымъ искусствомъ. Ребенка она родила мертваго и заболѣла. Сосѣдки совѣтовали ей лечь въ больницу, но она не легла, потому что боялась, „такъ какъ тамъ все больше морятъ. Болѣла она долго". Какія были

скоплены деньжонки—прожила, платьишко какое было—продала,—задолжала хозяйкѣ. Мѣста нѣтъ, работы нѣтъ... и началась жизнь голодная, холодная. Та-же хозяйка подбила ее на развратъ, чтобы выручить свои затраченныя на нее деньги. Остальное извѣстно, да и Аннушка не разсказывала болѣе.

— И вотъ эдакимъ-то манеромъ я все путалась, путалась и совсѣмъ запуталась, закончила она и снова заплакала. Но эти слезы уже были не тѣ слезы, которыми она встрѣтила отца. Разсказъ о себѣ дѣйствительно облегчилъ ей душу и, выплакавшись, она какъ будто немного повеселѣла: стала разспрашивать отца о матери, о сестрѣ, о родныхъ, о знакомыхъ.

Герасимъ Андреевъ разсказывалъ.

— Здорова, здорова, говорилъ онъ о матери:—кланяется тебѣ, благословеніе прислала... Да вотъ постой, и гостинцу прислала деревенскаго... ватрушечку своей стряпни.

Онъ сходилъ въ кухню за мѣшкомъ и досталъ оттуда завернутую въ тряпку ржаную ватрушку.

— На вотъ... Поѣшь матернянаго-то... позобли... Не понравится только... Отвыкла ужъ ты отъ нашего-то, отъ деревенскаго-то...

— Ахъ, тятенька! Господи!.. Да мнѣ это дороже всякихъ конфетовъ, отвѣчала дочь и откусила кусокъ ватрушки.—Тятенька, ежели этимъ самымъ поганымъ мѣстомъ не погнушаетесь!—напейтесь чайку, проговорила она помолчавъ.—Я пошлю хуфарку въ трактиръ.

— Давай, давай... Чтожъ, напьюсь, къ неописанной радости дочери проговорилъ отецъ.

Она бросилась въ кухню, чтобы послать кухарку за чаемъ, но въ это самое время раздался сильный звонокъ. Она захлопнула дверь и снова заперла ее на задвижку.

— Женька дома? послышался за дверьми чей-то басъ.

— Дома, дома. Пожалуйте! Ужъ и то вчера ждала васъ. Даже въ Эльдораду не поѣхала, раздался звонкій голосъ хозяйки.

Аннушка поблѣднѣла, какъ-бы замерла и остановилась на мѣстѣ.

— У нихъ тятинька... заговорила было кухарка, но хозяйка обругала ее дурой и „свиньей“.

— Какой тутъ тятинька! Я самъ ей тятинька! продолжалъ басъ и началъ стучаться въ двери.—Женька! Отвори, бамбошка! Это я! Ахъ ты стервенокъ,—заперлась.

— Женя, отвори! Отвори, коли приказываютъ! кричала хозяйка.

— А вотъ мы сами отворимъ. Ничего, и не такія двери у насъ съ петелъ соскакивали!

Глаза у Аннушки блеснули какимъ-то дикимъ огнемъ. Она схватилась за стулъ и истерически закричала:

— Вонъ подите! Къ чорту! Къ дьяволу! Мнѣ не нужно васъ! Я не дамся вамъ! Не дамся!..

Герасимъ Андреевъ бросился къ ней, но въ это время мощное плечо наперло на дверь, винты легонькой задвижки выскочили вонъ, дверь отворилась и на порогѣ показался полный мужчина, въ усахъ, въ сѣрой енотовой шинели и въ военной фуражкѣ.

— А! Вотъ она гдѣ, пташка-то! заревѣлъ онъ, но увидавъ Герасима Андреева, ткнулъ его пальцемъ въ грудь и, оборотясь къ хозяйкѣ, спросилъ:—А это что за чучело?

— Тятинька! взвизгнула Аннушка, прислонилась къ стѣнѣ и стала отгораживаться стульями.

Черезъ минуту мощныя руки военнаго гостя вытолкали Герасима Андреева на лѣстницу. Не помня себя отъ испугу, онъ сошелъ на дворъ и остановился. Изъ оконъ втораго этажа до-

носился крикъ нѣсколькихъ голосовъ. Передъ нимъ стояла кухарка и совала ему въ руки забытый имъ мѣшокъ. Вдругъ послышался звукъ выбитаго стекла и осколки со звономъ упали на обледенѣлую мостовую.

— Тятинька! Тятинька! уже явственно доносилось до него.

Онъ поднялъ голову. У окна стояла Аннушка. Четверо рукъ держали ее за плечи. Она металась.

— Аннушка! завопилъ отецъ, поднявъ руки кверху.

И въ въ этомъ воплѣ слышались глубокія страданія.

— Дворникъ! Дворникъ! Вонъ его гони! кричала высунувшаяся въ форточку голова хозяйки.

Слышно было, какъ во второмъ этажѣ что-то тяжелое рухнуло на полъ. Появившійся дворникъ выпихалъ Герасима Андреева за ворота.

VIII.

Убитый, еле державшійся на ногахъ и съ поникшею головою стоялъ Герасимъ Андреевъ на тротуарѣ. На его глазахъ блистали слезы. Онъ былъ такъ жалокъ, что даже останавливались прохожіе и заглядывали ему въ лицо; а какая-то купчиха, въ лисьемъ салопѣ, полѣзла въ карманъ и съ словами „прими Христа ради“ протянула ему пятакъ. Герасимъ Андреевъ отстранилъ ея руку. Она въ недоумѣніи посмотрѣла на него и поплелась далѣе. Къ нему подошелъ Голяшкинъ.

— Долгонько-же ты... Я ужъ думалъ, выдешь-ли... заговорилъ онъ, но взглянувъ ему въ лицо, тотчасъ-же спросилъ:— Что ты? Али животъ подвело?

— Не...

— Что-жъ ты съ лица-то?.. Краше въ гробъ кладутъ. Видѣлъ дочку-то? Ну, что-жъ она?

— Ничего... и Герасимъ Андреевъ отвернулся.

— Ну, братъ, вижу, что нибудь плохо. Не стану ужъ я и спрашивать, потому этими спросами только сердце бередишь. Эхъ дѣла, дѣла!.. Куда не кинь—все клинъ! Просто, нашему брату издыхать надо! вздохнулъ онъ.

Они шли молча, куда—и сами не знали. Цѣли у нихъ не было, пристанища тоже. Шли потому, что передъ ними лежала дорога. Хоть и не шибко шелъ Голяшкинъ; но Герасимъ Андреевъ то и дѣло отставалъ отъ него. Голяшкинъ, наконецъ, остановился.

— Э, братъ, да ты, я вижу, еле ноги волочишь. Знать съ тобой что нибудь недоброе у дочки-то стряслось... Такъ нельзя... Отдохнуть надо. Давай мѣшокъ-то, да отдохнемъ здѣсь, у рѣшетки.

Они сѣли на фундаментъ рѣшетки Маріинской больницы. Посидѣвъ немного и отдохнувъ, Герасимъ Андреевъ видимо пріободрился и разсказалъ Голяшкину все, что случилось съ нимъ. Военнаго гостя онъ назвалъ „дочернинымъ полюбовникомъ".

— Нѣтъ, братъ, не туда гнешь. Ужъ это не полюбовникъ, замѣтилъ Голяшкинъ, — и больше ничего объ этомъ не говорилъ.—Ну куда-жъ теперь? спросилъ онъ немного погодя.

— Да куда-же? Мы бездомные. На постоялый бы надо...

Но Голяшкинъ сказалъ, что на постоялый дворъ имъ идти не разсчетъ, такъ какъ завтра чуть свѣтъ имъ нужно идти искать работы на Биржѣ, на Васильевскомъ островѣ, а постоялые дворы отстоятъ отъ острова очень далеко.

— Пойдемъ лучше въ Апраксинъ переулокъ. Тамъ у меня одна женщина знакомая ночлеги держитъ. За трешникъ и переночуемъ. Оно все къ Биржѣ-то ближе, рѣшилъ онъ.

Но на ночлегъ идти было еще рано, — ихъ и не пустили

бы, вслѣдствіе чего Голяшкинъ повелъ Герасима Андреева погрѣться въ Казанскій соборъ, къ вечернѣ.

Пообогрѣвшись въ соборѣ, поѣвши въ закусочной и прошляясь съ часъ по улицамъ, они пришли, наконецъ, на ночлегъ въ Апраксинъ переулокъ. Ночлежный домъ содержала какая-то Мавра Никитишна. Мужъ ея былъ сторожемъ въ Апраксиномъ рынкѣ; сама же она торговала у входа въ томъ же рынкѣ вареньмъ картофелемъ, печенками, жареными пышками. Отъ другихъ содержателей и содержательницъ ночлежныхъ домовъ она отличалась тѣмъ, что незнакомыхъ пускала къ себѣ на ночь не иначе, какъ по предъявленіи паспортовъ.

— Экъ васъ съ позаранку-то принесло? Еще и куры-то не всѣ на нашести сѣли, а вы на ночлегъ! встрѣтила она Голяшкина и Герасима Андреева.

— Да вѣдь куда-же дѣнешься-то? И то ужъ по городу-то болты били-били, инда ноги оттопали! Сегодня не рабочіе, отвѣчалъ Голяшкинъ.

— Что такъ? Али послѣ вчерашняго похмѣлялись?

— Похмѣлялись! было бы на что! Работы нѣтъ. Сунься-ко сама! Скоро ли сыщешь?

— Безъ денегъ не пущу, напередъ говорю.

— На̀, на̀... Протри глаза-то!..

Два трехкопѣечника звякнули на столъ.

— А пашпорта?

Они показали и были, наконецъ, впущены въ небольшую комнату, съ нарами въ два ряда. Въ комнатѣ, за исключеніемъ стола, на которомъ помѣщался ночникъ, и двухъ табуретокъ, мебели не было никакой. Въ углу висѣлъ облинялый образъ какого-то святаго, отъ котораго, впрочемъ, остались однѣ ноги, да на окнѣ стояло ведро съ водой, съ плавающимъ въ немъ краснымъ деревяннымъ ковшомъ. Въ комнатѣ—рядомъ жила сама

хозяйка съ мужемъ. Оттуда доносился стукъ чайныхъ чашекъ и чьи-то вздохи и всхлебыванье съ блюдечка. Сквозь небольшое отверстіе запертой двери, сдѣланное хозяевами для наблюденія за ночлежниками, можно было видѣть, какъ довольно толстый мужчина, въ ситцевой рубахѣ, сидѣлъ у окна и пилъ чай. Это былъ хозяйкинъ мужъ. Отпивъ чай, онъ надѣлъ полушубокъ и отправился въ рынокъ, въ ночной караулъ. Прощаясь съ женой, онъ сказалъ:

— Незнакомыхъ-то, по обличью, не очень пускай, а то вонъ прошлый разъ задвижку отъ дверей украли; да самое лучшее, какъ наберутся всѣ, такъ припри дверь-то коломъ.

— Ну вотъ! Господи! Не впервой! Что это только мнѣніе наводишь, отвѣчала жена.

Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ сидѣли на нарахъ. Хотя они были и очень уставши, но спать имъ еще не хотѣлось. Они начали разуваться.

— Полушубокъ-то не снимай, какъ будешь спать ложиться, да и мѣшокъ-то положишь подъ голову, такъ привяжи веревочкой къ рукѣ, наставлялъ Голяшкинъ Герасима Андреева.—Сюда, братъ народу всякаго найдетъ. Не догляди-ка только— и шабашъ. Завтра на Биржу пойдемъ наниматься, такъ мѣшокъ-то хозяйкѣ оставимъ. Не бойся, не пропадетъ. Она баба хорошая.

Потолтовавъ еще немного, онъ началъ зѣвать, перекрестился, полѣзъ въ глубь наръ и, прикурнувши въ углу, захрапѣлъ. Герасимъ Андреевъ также послѣдовалъ его примѣру, но ему не спалось. Онъ думалъ о дочери, о случаѣ, бывшемъ съ нимъ у нея на кватрирѣ. Онъ уже не злился на нее больше, не досадовалъ, но жалѣлъ въ глубинѣ своего любящаго отцовскаго сердца.

„Пропала дѣвка, совсѣмъ пропала“, рѣшилъ онъ, но, не

взирая на всѣ непріятности, которыя онъ получилъ у нея, все таки положилъ навѣстить ее въ слѣдующее воскресенье.

Спустя часа два послѣ прихода Голяшкина и Герасима Андреева, въ двери то и дѣло былъ слышенъ стукъ—и комната начала наполняться ночлежниками. Приходящіе крестились на образъ, разувались и залѣзали на нары, споря о мѣстахъ у стѣнки. Велись разговоры, считались мѣдныя деньги, слышались глубокіе вздохи съ бранью на „жизнь проклятую“, ругалась какая-то зазнавшаяся „Машка-стерва“, непустившая ночевать; въ углу кто-то творилъ молитву, кто-то что-то ѣлъ, чавкая губами. За стѣной кто-то просился переночевать въ долгъ и предлагалъ въ закладъ рукавицы.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно мнѣ твоихъ рукавицъ. Ступай откуда пришелъ! Здѣсь не закладчики живутъ! слышался голосъ хозяйки.

Приходила какая-то баба съ плачущимъ ребенкомъ и просилась переночевать, но хозяйка и ее не впустила, говоря, что у ней правило женщинъ не пускать, а кольми паче съ ребятами.

— Ревѣть всю ночь будетъ, всѣхъ перебудитъ да еще заспишь его, чего добраго, или мужчины въ просонкахъ пришибутъ, добавила она.—Отвѣчай тогда за васъ,

— Зачѣмъ заспать, родимая?.. Господи, Боже мой! Страсти какія! Пусти, родимая... Вотъ три копѣечки...

— Съ Богомъ! Съ Богомъ! Проходи!

— Батюшки, родные! Да куда же я теперь, ночью-то, съ ребенкомъ дѣнусь? заплакала баба, но хозяйка выпроводила ее на лѣстницу и захлопнула дверь.

Вскорѣ разговоръ и ругань мало по малу прекратились и замѣнились сопѣньемъ и храпомъ; а Герасимъ Андреевъ еще долго не могъ уснуть, долго ворочался съ бока на бокъ и прислушивался къ храпу, зубовному скрежету и стону такихъ же

какъ и онъ бездомовыхъ соночлежниковъ. На утро ихъ разбудилъ стукъ. Въ дверь стучала хозяйка.

— Эй, дрыхли! Вставайте! Пять часовъ! кричала она.

Ночлежники начали подыматься. Началось обуванье, позѣвыванье. Кто-то спросилъ у хозяйки воды, чтобъ умыться. Она не давала.

— За три копѣйки тебѣ да еще и воды подай! Нѣтъ, братъ, жирно будетъ. Съ насъ самихъ за воду-то полтину серебра берутъ. Сходишь и на рѣчьку поплескаться.

Изъ разговоровъ ночлежниковъ было слышно, что почти всѣ идутъ наниматься работать на Биржу. Составилась компанія идти въ трактиръ пить чай въ складчину. Къ ней примкнули Голяшкинъ съ Герасимомъ Андреевымъ.

— Ну что, какъ нынче на Биржѣ-то? спрашивалъ Голяшкинъ за чаемъ новыхъ товарищей.

— Да что? Плохо, По тридцати-пяти вчера работали, только наняться-то больно трудно. Въ драку надо... Потому человѣкъ сто народу привалитъ, а требуется всего пятьдесятъ, а то и того меньше...

— Хоть бы снѣжку побольше Богъ далъ, такъ мусорщикамъ бы народъ потребовался, снѣгъ сгребать, сказалъ кто-то.

— Да, прогнѣвался Господь. Вчера тучка нашла и разогнало вѣтромъ.

— На желѣзныхъ дорогахъ, говорятъ, хорошо работать?..

— Какое хорошо! Былъ я прошлый годъ на вихлянской... Люди мрутъ, какъ мухи. Такъ какъ снопы и валются... Да тамъ все больше артелью... Одинъ ничего не подѣлаешь.

— Да, это точно... замѣтилъ Голяшкинъ.—Вездѣ артелью работаютъ. Одинъ безъ земляковъ придешь, такъ та̀къ съ тѣмъ и уйдешь. На что здѣсь, въ Питерѣ, и то артель нужно. Вонъ землекопы-бѣлорусы—все артелью.

Компанія вышла изъ трактира и отправилась на Биржу. На улицѣ было еще сѣро. Только еще начинало свѣтать. Они шли по Невскому. У Казанскаго собора, около памятника Кутузова, стояли поденьщики-носильщики и ждали найма. Это были большею частью отставные солдаты. Около ихъ торчалъ саячникъ съ лоткомъ. Нѣкоторые закусывали, а одинъ солдатъ, отъ нечего дѣлать, сбирался брить другаго. Онъ плевалъ на кусокъ мыла и натиралъ имъ подбородокъ и щеки товарища.

— Вотъ и здѣсь артель. Сунься-ко кто съ воли! Стань-ко съ ними рядомъ! Ни въ жизнь не подпустятъ. Такъ шею накостыляютъ, что бѣда! сказалъ Голяшкинъ, кивая на носильщиковъ.

— Да... солдаты въ поденьщинѣ намъ много напакостили. Совсѣмъ цѣну сбили, прибавилъ тощій и длинный парень въ ситцевой женской кацавейкѣ, опоясанной веревкой.—Солдатъ сытъ, обутъ, одѣтъ, — его казна кормитъ, такъ ему и двугривенный въ день взять сходно, а нашъ братъ все купи, да еще подати подай на больницу... Самое лучшее теперь — торговать. Эхъ, кабы пять шесть рублишекъ—сейчасъ бы жестянку и спичками въ разноску!.. Полтину, шесть гривенъ всегда въ день достанешь.

Разговаривая такимъ образомъ, они пришли къ Биржѣ. У кабака, около университета, противъ биржеваго гостинаго двора толпилось уже народу человѣкъ до ста. Все это стояло, ходило и сидѣло на оградѣ университета. Смѣсь одеждъ была удивительная. Здѣсь было все, начиная отъ рванаго полушубка до чиновничьяго вытертаго до послѣдней степени вицмундира, отъ сермяги до пиджака, отъ лаптей до женскихъ, бывшихъ прежде франтовскихъ, а теперь стоптанныхъ ботинокъ, кой-какъ напяленныхъ на большую мужскую ногу, отъ пуховой шляпы и солдатской кепи до грязной онучи, которой за неимѣніемъ другаго

головнаго убора была обвязана голова. Владѣтели этихъ костюмовъ говорили мало, сидѣли, стояли и ходили, понуря головы, и казались какъ бы приговоренными къ смерти. Всѣ ждали найма, тридцати-копѣечнаго заработка, а съ нимъ вмѣстѣ и куска хлѣба. На изнуренныхъ лицахъ нигдѣ не видно было и тѣни улыбки. Взоры всѣхъ были устремлены на гостиный дворъ, откуда долженъ былъ показаться наемщикъ, въ видѣ артельнаго старосты или артельщика—абмарнаго какого нибудь купца.

Но вотъ артельщикъ появился. Онъ медленно шелъ отъ гостинаго двора, переваливаясь съ ноги на ногу, покачивалъ головой въ котиковомъ картузѣ и важно запахивалъ шубу. Толпа зашевелилась, сидящіе повскакали съ мѣстъ.

— Десять человѣкъ требуется. Ящики кантовать. На берегу... сказалъ онъ, остановясь передъ толпой, и подбоченился.—Тридцать пять копѣекъ... объявилъ онъ цѣну.

Толпа окружила его.

— За что-жъ сегодня по тридцати пяти? Вчера сорокъ цѣна была, заговорили голоса, но кто-то ужъ кричалъ:—бери, бери! Вотъ насъ пятеро. Пойдемъ!

— Какъ же такъ возможно? Жеребій кидать нужно! Что они за святые? слышны были крики.

— Жеребій! Жеребій! отдавалось въ заднихъ рядахъ и толпа, толкая другъ друга, расточая пинки, подзатыльники, напирала на артельщика.

— Стойте! Стойте! Не лѣзьте. Какой тутъ жеребій! Самъ выберу!.. кричалъ онъ, упираясь въ груди напиравшихъ на него, и сталъ отсчитывать десять человѣкъ, выбирая болѣе рослыхъ и сильныхъ.

Выбравъ, онъ повелъ ихъ къ гостиному двору. Оставшіеся посылали имъ въ слѣдъ ругательства.

Ни Голяшкинъ, ни Герасимъ Андреевъ и никто изъ при-

шедшей съ ними партіи не попали въ наемъ. Приходили и другіе артельщики, также отбирали по десяти и по пятнадцати человѣкъ, но и здѣсь имъ не посчастливилось. Часамъ къ двѣнадцати толпа съ ругательствами и вздохами начала рѣдѣть и расходиться. Оставались очень немногіе. У уходившихъ и у оставшихся на лицахъ было замѣтно еще болѣе унынія. У нѣкоторыхъ дѣло касалось вопроса, придется-ли сегодня ѣсть, или не придется, будетъ ли возможность провести ночь подъ какимъ нибудь кровомъ, или придется ночевать на улицѣ? Длинный и тощій малый, тотъ самый, который доказывалъ у Казанскаго собора, что солдаты сбили цѣну на поденьщину, отвелъ Голяшкина и Герасима Андреева въ сторону и сказалъ:

— Плохо, братцы, дѣло... Теперь пора не лѣтняя, наемъ теперь здѣсь врядъ ли будетъ. Потому, кому нужно было поденьщины—набрались. Пойдемте-ка на Лиговку. Не наймемся ли на конножелѣзную дорогу, снѣгъ съ рельсовъ сметать. Вонъ и снѣжку Богъ даетъ.

Предложеніе было принято. Они отправились на Лиговку, пришли на дворъ конножелѣзной дороги къ двумъ часамъ, и такъ какъ снѣгъ на ихъ счастье усиливался, то были наняты за сорокъ копѣекъ сметать снѣгъ до десяти часовъ вечера. Заработку этому они очень обрадовались. Герасимъ Андреевъ зашелъ даже въ часовню Знаменской церкви и поставилъ образу свѣчку. Вечеромъ же, когда пришли на дворъ за расчетомъ и спросили, нужно ли имъ приходить завтра—имъ отказали, потому что снѣгъ пересталъ падать и небо прояснилось. На утро было рѣшено опять идти на Биржу, потому что больше идти было некуда. День закончился опять таки ночлегомъ у тетки Мавры.

Опять Биржа, опять толпа голодныхъ и холодныхъ, опять артельщикъ, выбирающій работниковъ порослѣе и помощнѣе. Все

было такъ же, какъ и вчера; такъ же, какъ и вчера, Герасимъ Андреевъ и Голяшкинъ остались до двѣнадцати часовъ безъ работы. Крѣпко затужили они, повѣсили головы и хотѣли уже уходить, но явился наемщикъ.

— Десять человѣкъ нужно, сказалъ онъ, и такъ какъ полдня рабочаго уже прошло, то объявилъ плату двадцать копѣекъ.

— Эхъ, милый человѣкъ, ну зачѣмъ же цѣну сбавлять? Вѣдь поставишь-же хозяину въ счетъ по сорока копѣекъ. Побойся Бога! Къ чему обижать!.. заговорила толпа и не двигалась.

Артельщикъ началъ уже колебаться и видимо хотѣлъ надбавить плату, но отъ толпы отдѣлились двое и подбѣжали къ артельщику.

— Бери насъ! Согласны за двугривенный! Веди куда слѣдуетъ! крикнули они.

Кой-гдѣ послышались было ругательства, но мало по малу вся толпа бросилась къ артельщику и согласилась работать по двугривенному. Поденьщиковъ было всего человѣкъ двадцать, а нужно было десять, и потому рѣшили кинуть жребій. Въ чью-то шапку посыпались зазубренные гроши и копѣйки и жребій былъ вынутъ. Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ попали въ число счастливыхъ. Артельщикъ повелъ ихъ во дворъ гостинаго двора. Въ числѣ оставшихся былъ одинъ изъ первыхъ согласившихся работать за двугривенный.

На него посыпались ругательства, толчки, удары.

— И ништо тебѣ, подлая душа! Остался-же, собачій сынъ! Ништо! Не сбивай цѣну... слышались возгласы.

— Братцы, изъ нужды!.. Ей-ей со вчерашняго утра не ѣлъ! вопилъ онъ, обороняясь отъ толчковъ и ударовъ, вырвался изъ толпы, обогналъ артельщика, ведшаго партію поденьщиковъ, и, остановясь передъ нимъ, заговорилъ:

— Милый ты человѣкъ! Господинъ хозяинъ! Сдѣлай божескую милость, возьми ты меня хоть изъ гривенника, Христа ради. Ей-ей, со вчерашняго утра крошки во рту не было!..

Артельщикъ остановился, поглядѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Чтожъ, ужъ коли брать, такъ брать какъ всѣхъ, изъ двугривеннаго. Господь съ тобой! Примыкай... Пойдемъ...

Просящійся примкнулъ къ партіи. Изъ оставшихся кто-то подбѣжалъ къ нему и хватилъ его по шеѣ.

Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ работали на Биржѣ до четырехъ часовъ, то есть до сумерекъ. Имъ пришлось возить на телѣжкѣ съ берега Невы въ пакгаузы и кладовыя бочки и ящики. Хоть и меньше по числу часовъ работали они сегодня, чѣмъ вчера, но устали до изнеможенія.

Въ пятомъ часу артельщики построили поденьщиковъ въ шеренги и стали одѣлять деньгами. Получивъ плату, толпа повалила за ворота. За воротами ихъ ждали уже саячники и булочники съ лотками, бабы съ корчагами варенаго картофеля и съ пирогами и началось утоленіе голода, такого голода, какого ты не только не чувствовалъ, сытый читатель, но и про который, можетъ быть, и не слыхалъ. Избери время, приди по окончаніи работъ на Биржѣ къ воротамъ стараго гостинаго двора, или къ рѣшеткѣ таможни, посмотри на этотъ голодъ, и тогда тебѣ будетъ понятно, что голодъ этотъ можетъ натолкнуть человѣка не только на кражи со взломомъ, не только на грабежъ, но даже и на убійство.

IX.

Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ двѣ недѣли ходили уже — то на Биржу, то на конножелѣзную дорогу и хоть не каждый день были на столько счастливы, что были нанимаемы, но все-

таки кой-какъ существовали и могли тратить въ день по десяти копѣекъ на ѣду, по три копѣйки на чай и по три копѣйки отдавать теткѣ Маврѣ за ночлегъ. Между тѣмъ на Биржѣ съ каждымъ днемъ поденьщины требовалось все меньше и меньше. Привезенные съ кораблями товары были убраны, проданы, и артельщики могли уже управляться безъ поденьщины, такъ какъ товары хоть и прибывали по желѣзной дорогѣ, но въ очень незначительномъ количествѣ. Прошло еще нѣсколько дней—и поденьщиковъ совсѣмъ перестали нанимать на Биржѣ. Для заработковъ у Герасима Андреева и Голяшкина осталась одна конножелѣзная дорога, а тамъ нанимали только въ снѣжную погоду. Нужно было искать новой работы. Они искали, но найти не могли. Ходили на заводы, но тамъ ихъ спрашивали, на какихъ заводахъ они занимались прежде, и требовали рекомендаціи рабочихъ, а знакомыхъ у нихъ между рабочими не было; ходили къ подрядчикамъ, занимавшимся перевозкою снѣга, очисткою и вывозомъ нечистотъ, но у тѣхъ рабочіе были подряжены помѣсячно, и они хотя и нанимали поденьщину, но только при оттепеляхъ и при сильномъ паденіи снѣга, когда своихъ рабочихъ было мало. На дровяныхъ дворахъ, куда они обращались, привезенныя на баркахъ дрова были уже распилены и сложены. Рабочіе, которые жили у хозяевъ помѣсячно и съ которыми имъ удавалось встрѣчаться въ трактирахъ и закусочныхъ, въ одинъ голосъ говорили имъ:

— Какая теперь поденьщина? Кому она нужна? Пора не лѣтняя. Мѣстовъ ищите! На мѣста трафьте! и посылали ихъ къ Никольскому рынку и въ Мѣщанскую гильдію, гдѣ, обыкновенно, нанимались на мѣста.

Голяшкинъ и Герасимъ Андреевъ ходили туда, но тщетно. Женщинъ еще нанимали, но мужской трудъ никому не требовался.

— Ты деревенской, что-ль? спрашивали Герасима Андреева такіе же какъ и онъ алчущіе мѣстовъ.

— Деревенскій.

— Такъ самое лучшее—иди въ деревню...

— Голубчики, да вѣдь я недѣли три только какъ прибывши. Съ голодухи и сюда-то пришли. Брюхо подвело. Издыхать приходилось...

— А ужъ коли издыхать, такъ лучше было издыхать тамъ, на своей сторонѣ, потому и здѣсь все равно подохнешь. Тамъ хоть, по крайности, Христа ради побираться можно, а здѣсь и того нельзя. По теперешнимъ порядкамъ сейчасъ заберутъ.

Герасимъ Андреевъ слушалъ все это и глубоко скорбѣлъ. Нерадостная картина его теперешняго житья должна была обратиться въ еще болѣе скорбную. Впереди предстояло полное голоданіе, ночное шатаніе по улицамъ, сонъ гдѣ нибудь за заборомъ вновь отстроившагося дома, на Невѣ въ баркахъ съ сѣномъ, на папертяхъ церквей, въ подъѣздахъ домовъ, подъ мостами. Кой-какія деньжонки съ каждымъ днемъ все убывали и убывали. Въ кисѣ, висѣвшей на веревочкѣ на шеѣ, кромѣ паспорта, звенѣли только два двугривенныхъ. У Голяшкина и того не было. Его положеніе было хуже. Онъ уже проѣлъ смѣнныя рубашку и порты, и былъ Герасиму Андрееву долженъ пятнадцать копѣекъ. Кромѣ того, онъ, видимо, расхварывался. По утрамъ и вечерамъ его била лихорадка. Силы, видимо, падали.

— Что, братъ, Герасимъ Андреичъ? Плохо мое дѣло... Ноги еле носятъ, сказалъ онъ разъ поутру. — Въ глазахъ круги, то красные, то синіе ходятъ, а въ ушахъ словно вотъ въ кузницѣ куютъ. Семъ-ка я лучше въ больницу пойду.

— Да вѣдь морятъ тамъ, сказываютъ, въ больницахъ-то этихъ, замѣтилъ Герасимъ Андреевъ.

— Э! ужъ лучше, одинъ конецъ! Чтожъ, такъ-то лучше,

что-ли? Вѣдь собака иная, которая у хозяина живетъ, и той жизнь краше. Проводи-ко меня до больницы-то. Я сейчасъ пойду.

Герасимъ Андреевъ согласился. Они отправились въ Маріинскую больницу. У воротъ Голяшкинъ простился съ нимъ и поцѣловался.

— Прощай! сказалъ онъ.—Коли подохну—не поминай лихомъ. Три недѣли мы съ тобой не ссорясь прожили. Оба горемыки... одинаковые... судьба свела. Радости-то только не видали. Прощай! Навѣсти...

Они еще разъ поцѣловались. Голяшкинъ заплакалъ, но вдругъ какъ бы испугавшись своихъ слезъ, быстро отвернулся и зашагалъ во дворъ больницы.

Герасимъ Андреевъ остался за воротами. Теперь онъ былъ одинъ. Онъ вдругъ почувствовалъ свое одиночество и ему невыносимо сдѣлалось горько. Слезы подступали ему къ горлу и душили его. За три недѣли онъ уже успѣлъ полюбить Голяшкина. Какъ питерскій и болѣе его опытный, онъ былъ его руководителемъ. Герасимъ Андреевъ вдругъ испугался своего одиночества. Въ первый день, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ былъ также одинъ, но тогда съ нимъ была надежда на лучшее. Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ работу, что увидитъ на мѣстѣ дочь. Въ Питеръ онъ вѣрилъ, какъ въ мѣсто спасенія. Теперь же надежды всѣ были разбиты и вѣры въ Питеръ не существовало. Угрюмымъ, страшнымъ казался онъ ему съ своими громадными домами, съ своимъ хмурымъ небомъ, съ хмурыми лицами проходящаго и проѣзжающаго народа. Герасимъ Андреевъ стоялъ за воротами. Ему нужно было идти. Но куда идти? Къ какой цѣли?

— Почтенный, здѣсь стоять нельзя! Проходи съ Богомъ! крикнулъ на него сидящій у воротъ сторожъ.—Проходи! Нешто тротуары сдѣланы для того, чтобъ на нихъ стоять?

Герасимъ Андреевъ зашагалъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ, что здѣсь недалеко живетъ его дочь. Онъ давно уже собирался навѣстить ее еще разъ, и потому рѣшился это сдѣлать сейчасъ. Домъ онъ помнилъ. Найдя его, онъ вошелъ въ ворота и поднялся по лѣстницѣ до квартиры, но звониться боялся; боялся взяться за ручку двери. Онъ вспомнилъ о военномъ гостѣ, о томъ, какъ тотъ его вытолкалъ за двери. Въ немъ боролось желаніе видѣть дочь съ боязнью быть избитымъ. Онъ сѣлъ на окно на лѣстницѣ и сталъ ждать, не выйдетъ ли кто, не покажется ли кто изъ двери. Онъ сидѣлъ уже съ полчаса. По лѣстницѣ входили и сходили жильцы. Они осматривали его съ головы до ногъ. Мелькали платья кухарокъ, водовозъ втащилъ два раза, на коромыслѣ свою ношу. Сходя внизъ съ порожними ведрами и видя что Герасимъ Андреевъ все еще сидитъ, онъ спросилъ, кого ему нужно.

— Дочьку, почтенненькій... дочьку. Вотъ она здѣсь живетъ.

— Такъ чтожъ на лѣстницѣ-то торчишь, коли знаешь, что она здѣсь живетъ! И иди, а на лѣстницѣ торчать невозможно...

Герасимъ Андреевъ замялся.

— Дочку... Знаемъ мы этихъ дочекъ-то... Пошелъ вонъ, пока цѣлъ... Или стой! Можетъ ты тутъ съ чердака что вызудилъ?.. Обыскать тебя надо... сказалъ водовозъ.—Ляксѣй! Подька сюда! Мазурикъ, кажись, на лѣстницѣ! крикнулъ онъ въ отворенное окно дворника, стоящаго на дворѣ, у чана съ водою.

Явился дворникъ.

— Ты что здѣсь по лѣстницамъ дѣлаешь?

— Да вотъ третій разъ мимо прохожу,—все на окнѣ сидитъ... пояснялъ водовозъ.—Твердитъ про какую-то дочьку...

— А вотъ мы ему сейчасъ дочьку покажемъ, коли онъ что слимонилъ. Распоясывай полушубокъ, шельминъ сынъ! крикнулъ на Герасима Андреева дворникъ.—Не хочешь? Семенъ, держи его!

Водовозъ схватилъ Герасима Андреева сзади за плечи. Дворникъ началъ его распоясывать.

— Мы вашу извадку-то знаемъ. Вы это самое бѣлье, какъ украдете, на себя надѣваете. Нѣтъ, братъ, насъ не проведешь? Тоже не таковскіе... говорилъ онъ, срывая съ него кушакъ.

Герасимъ Андреевъ повалился дворнику въ ноги.

— Ангелъ ты мой, видитъ Богъ мы не воры! спроси, хоть самъ, что у меня здѣсь дочка живетъ... стоналъ онъ.

Сдѣлался шумъ. Изъ дверей квартиръ начали выглядывать лица. Выглянула и кухарка той квартиры, гдѣ жила дочь Герасима Андреева. Герасимъ Андреевъ увидалъ ее и узналъ.

— Голубушка, заступись хоть ты, скажи имъ, что я къ дочькѣ пришелъ, заговорилъ онъ.

Кухарка нагнулась и заглянула ему въ лицо.

— Ахъ, это вы! Къ дочькѣ? Ляксѣй, оставь его! Не трогай! Я его знаю, сказала она дворнику и схватила его за руку.

Дворникъ и водовозъ оставили Герасима Андреева. На лѣстницѣ толпились уже любопытные.

— Вы къ Аннушкѣ? спросила его кухарка.

— Къ ней, голубушка, къ ней... Войти только къ вамъ не смѣлъ и вотъ тутъ на лѣстницѣ дожидался: думалъ, не выйдетъ ли кто, такъ хотѣлъ спросить...

— Къ какой такой Аннушкѣ? Нешто у васъ есть такая? допытывался дворникъ.

— Къ Жени... поправила кухарка и, обратясь къ Герасиму Андрееву, прибавила:—вашей дочьки, дяденька, у насъ теперь нѣтъ. Она въ больницѣ... Больна сдѣлалась. Только вы не пужайтесь... Болѣзнь не сильная...

Толпа захохотала.

— Знамо, кака болѣзнь! Ты ничего, не пужайся, съ этой болѣзни народъ не дохнетъ, послышалось гдѣ-то.

— Знамо дѣло! Вонъ Катька рыжая три недѣли вылежала, такъ шаръ шаромъ сдѣлалась. Отъѣлась въ лучшую... добавляли зрители.

Кто-то, видя жалкую фигуру Герасима Андреева, пожалѣлъ его.

— Ты, старичокъ, навѣсти ее. Туда, кажись, по воскресеньямъ пускаютъ.

— Ты самъ-то пріѣзжій что-ли? Въ работникахъ гдѣ, али такъ?... Дочька-то помогала, что-ли? посыпались на него вопросы.

Онъ не отвѣчалъ и началъ спускаться съ лѣстницы. Дворникъ слѣдовалъ за нимъ.

— Навѣстить—навѣсти... Это точно. Это дѣло христіанское, съ разстановкой говорилъ онъ ему.—Только вотъ тебѣ мой сказъ: какъ она изъ больницы этой самой выпишется, сейчасъ ты ее вспори и въ рабочій домъ предоставь. Потому повадки давать нечего! Дѣвчонка молоденькая.

Герасимъ Андреевъ вышелъ за ворота. Дворникъ проводилъ его.

— Знаешь-ли, какая больница-то и гдѣ она состоитъ? крикнулъ онъ ему вслѣдъ, но видя, что тотъ не оборачивается, прибавилъ еще громче:—Калинковская прозывается! Запомни!

Съ полчаса Герасимъ Андреевъ безсознательно шагалъ по тротуарамъ. Нравственно онъ былъ искалѣченъ совершенно. Мысли въ головѣ не вязались. Онъ даже не сознавалъ мелькающихъ передъ его глазами предметовъ. Все его существо было страданіе, но страданіе безсознательное...

Очнулся онъ на Невскомъ, у Гостинаго двора и, кой какъ собравши свои мысли, рѣшилъ идти къ портному, повѣдать ему все горе. Теперь это былъ единственный человѣкъ въ огромномъ городѣ, къ кому онъ могъ обратиться. Дойдя до дому, гдѣ жилъ портной, онъ свернулъ подъ ворота, но подъ воротами встрѣтилъ жену портнаго. Та съ тарелкою въ рукахъ шла за чѣмъ-то въ

лавочку. Увидавъ Герасима Андреева, она сначала какъ бы отшатнулась отъ него и потомъ вдругъ загородила ему дорогу.

— Ты къ намъ? Не пущу! Ни за что не пущу! Не тревожь ты его, не сбивай съ толку! Только что сегодня отоспался и за работу засѣлъ! кричала она.—Голубчикъ! Пожалѣй же ты хоть дѣтей-то моихъ маленькихъ. Вѣдь съ голоду помремъ!

Герасимъ Андреевъ остановился. Онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на упрашивающую и чуть не плачущую жену портнаго и молча повернулъ обратно на улицу.

Онъ недолго стоялъ на улицѣ. Рядомъ съ нимъ красовался кабакъ съ расписными вывѣсками. Виднѣлись пирамиды полуштофовъ, послушное пиво само собой било изъ бутылокъ и выливалось въ подставленные стаканы. Изъ кабака доносились звуки гармоніи, пѣніе, похожее на стонъ, и топотъ пляски. Герасимъ Андреевъ поколебался съ минуту и вошелъ въ кабакъ.

— Полуштофъ! крикнулъ онъ, подходя къ стойкѣ, какъ-то выпрямившись, и крикнулъ какимъ-то особеннымъ голосомъ.

На утро Герасимъ Андреевъ проснулся въ полицейской части. Онъ лежалъ на нарахъ въ рубахѣ и портахъ. Послѣ переклички ему выдали тулупъ и шапку. Онъ схватился за грудь. На шеѣ не было мошны,—она исчезла, а съ нею исчезъ и паспортъ.

X.

Былъ Мартъ мѣсяцъ. Была распутица. Сѣрое свинцовое небо висѣло надъ Петербургомъ. Утро только что начиналось. По Невскому проспекту, по направленію къ Николаевской желѣзной дорогѣ, вели партію арестантовъ. Арестанты были въ цѣпяхъ, были и безъ цѣпей. Партія шла медленно. Встрѣчавшійся по дорогѣ народъ останавливался, доставалъ деньги, подбѣгая къ пар-

тіи, совалъ ихъ въ руки арестантовъ и, съ соболѣзнованіемъ крестясь, далеко провожалъ ихъ взорами. Не было ни одного встрѣчнаго извощика, ни одной бабы торговки, которые бы не подали партіи своего посильнаго даянія...

— Эхъ, занапрасно вѣдь больше?.. говорилъ какой-то мастеровой.

— Что, кавалеръ, въ Сибирь это ихъ ведутъ? спрашивала городоваго какая-то баба.

— Разные есть... Кого въ Сибирь... а кого и такъ, для водворенія на мѣсто жительства... отчеканилъ городовой.—Тутъ все больше за прошеніе милостыни, или безпаспортные... добавилъ онъ.

Въ этой партіи арестантовъ шелъ и Герасимъ Андреевъ. Онъ пересылался на мѣсто жительства.

ЯМСКАЯ ВЪ БУДНИ И ВЪ ПРАЗДНИКЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Ямскою, любезный провинціальный читатель, называется одинъ благословенный кварталъ Петербурга, орошаемый замѣчательною по своей ширинѣ рѣчкою Лиговкою, мутныя воды коей нейдутъ въ пищу, а употребляются преимущественно на мытье бѣлья, замоканіе бочекъ и заливаніе пожаровъ, которые особенно часты въ этомъ кварталѣ. Относительно ширины рѣки, туземцы говорятъ: „черезъ нашу Лиговку разругавшіяся бабы другъ другу въ лицо наплюютъ". И это отнюдь не преувеличеніе—ширина ея нигдѣ не превышаетъ одной сажени. Населеніе Ямской состоитъ преимущественно изъ легковыхъ извощиковъ, фабричныхъ съ близъ лежащихъ фабрикъ, мелкихъ рыночныхъ торговцевъ, крестьянъ, пріѣхавшихъ на заработки, и обладателей здѣшнихъ большихъ каменныхъ домовъ купцовъ-подрядчиковъ, которые вмѣстѣ съ симъ и составляютъ здѣшнюю аристократію.

Ежели пріѣзжій провинціалъ, проболтавшійся съ недѣлю по шумнымъ улицамъ Петербурга, случайно попадаетъ въ Ямскую, онъ съ умиленіемъ воскликнетъ: „Вотъ оно, мое родное захолустье!" И въ самомъ дѣлѣ, Ямская удивительно какъ походитъ на провинціальный городокъ. Тѣ же деревянные, развалившіеся

домишки въ перемежку съ грязными, закоптѣлыми каменными домами; тѣ же кузнецы, кабаки, и тѣ же пустопорожнія мѣста, обнесенныя гнилыми заборами, мало-по-малу разбираемыми обитателями на дрова. Для довершенія сходства не достаетъ только острога и казенныхъ зданій съ надписями въ родѣ: такая-то палата, такой-то судъ. Но за то обычаи обитателей какъ нельзя болѣе походятъ на провинціальные. Обитатели выходятъ за ворота въ халатахъ, мальчишки на улицѣ безнаказанно играютъ въ бабки и запускаютъ въ воздухъ бумажнаго змѣя съ трещотками. Въ праздничные дни разряженыя и нарумяненыя женщины сидятъ у оконъ или за воротами, грызутъ орѣхи, мятные пряники и улыбаются проходящимъ парнямъ, наигрывающимъ на московскихъ гармоніяхъ чувствительныя пѣсни въ родѣ: „Гдѣ любезная моя“, или „Что ты Груня пріуныла“. Хотя здѣсь и имѣются кой-гдѣ тротуары, но народъ толпится большею частію посреди улицъ, на соблазнъ городовымъ оретъ во все горло пѣсни и пляшетъ у кабаковъ подъ звуки гармоній и шарманокъ.

А кабаковъ здѣсь особенно много, и съ какими заманчивыми вывѣсками! Напримѣръ: сверху, на бѣломъ фонѣ радужными буквами написано: „продажа лучшихъ водокъ“, а на дверяхъ прибиты щиты съ изображеніемъ мраморныхъ колоннъ, на которыхъ въ симметрическомъ порядкѣ разставлены съ цвѣтными жидкостями четвертныя бутыли, штофы, полуштофы и бутылки, наполненныя такимъ баснословнымъ пивомъ, что оно само собою въ двѣ струи хлещетъ изъ горлышекъ и попадаетъ въ поставленные по бокамъ стаканы. Ну, какъ здѣсь не соблазниться пьющему человѣку и не зайти подъ такую вывѣску, ежели въ карманѣ его гремитъ нѣсколько пятаковъ?! Но жестоко ошибается пьющій человѣкъ, ежели онъ въ нѣдрахъ кабака думаетъ найти такую же роскошную обстановку, какъ на вывѣскахъ. Грязная и закопченная махорочнымъ дымомъ комната съ нѣсколькими столами и

табуретами, грязная стойка и на ней лопнувшіе, обтянутые проволокой и склееные замазкой стаканы — вотъ что̀ представится глазамъ пьющаго человѣка.

Но всѣ эти кабаки ничтожество въ сравненіи съ знаменитымъ Глазовымъ кабакомъ, во времена блаженной памяти откупа игравшимъ огромную роль въ жизни обитателей Ямской. Это былъ притонъ, клубъ, биржа всѣхъ пьяницъ, нетолько что одной Ямской, но и смежныхъ кварталовъ. Увѣряютъ, что онъ одинъ приносилъ столько доходовъ откупу, сколько не приносилъ иногда цѣлый уѣздъ какой-нибудь внутренней губерніи. Хотя дня одного не проходило, чтобы въ Глазовомъ кабакѣ не обирали когонибудь до-нага̀, цѣловальники его все-таки считались благодѣтелями рода человѣческаго, и не безъ причины: въ Глазовомъ можно было достать водки подо что угодно, начиная отъ сапогъ и шапки и кончая серебрянымъ шейнымъ крестомъ. Ежели у извощика пропадала полость отъ саней, кожа отъ сидѣнья линейки, онъ прямо шелъ въ Глазовъ и спрашивалъ у цѣловальника, не заложена ли такая и такая вещь, и ежели заложена, то вносилъ слѣдуемую сумму и получалъ вещь обратно. Но какъ бы онъ ни допытывался, кѣмъ заложена вещь, цѣловальникъ только улыбался и былъ нѣмъ какъ рыба. Нравы были настолько патріархальны, что до полиціи дѣло никогда не доходило. А вотъ и еще фактъ благородства цѣловальниковъ. Нищіе, пропившіеся въ Глазовомъ кабакѣ до послѣдняго гроша, на утро приходили къ кабаку и опохмѣлялись Христа-ради. Цѣловальникъ подавалъ имъ милостыню въ видѣ стаканчика полугару. Какъ же послѣ этого такихъ людей не считать благодѣтелями! За то и нищіе цѣнили это, и въ какомъ бы отдаленномъ кварталѣ ни собирали милостыню, къ вечеру все-таки приходили въ Глазовъ пропивать собранные гроши. Теперь уже не то: Глазовъ кабакъ

хотя и существуетъ, но ничѣмъ не отличается отъ прочихъ кабаковъ. Слава его пала, и пала безвозвратно.

Есть здѣсь и цирульня, почему-то названная на вывѣскѣ „заломъ для бритья, стрижки и завивки волосъ“, помѣщающаяся, впрочемъ, въ подвальномъ этажѣ въ трехсаженной квадратной конурѣ съ поломанною мебелью и загаженными мухами зеркалами, имѣющими особенность отражать физіономіи брѣющихся и завивающихся въ такомъ видѣ, что и сами владѣтели оныхъ не признаютъ ихъ за свои. Впрочемъ, стрижка, завивка и бритье не есть спеціальность этой цирульни, потому что обитатели Ямской вовсе не завиваются, а стригутся и брѣются преимущественно въ банѣ. Развѣ какой нибудь купеческій сынокъ забѣжитъ передъ обѣдней подвить вихры, но и это только по большимъ праздникамъ. Спеціальность этой цирульни состоитъ въ „накидываніи банокъ“, то-есть рожковъ, приставленіи піявокъ и выдергиваніи зубовъ, что даже отчасти и изображено въ лицахъ на вывѣскѣ, а именно: сидящая въ розовомъ платьѣ и бѣломъ вуалѣ дама, должно быть невѣста, изъ руки которой фонтаномъ бьетъ кровь въ тарелку, находящуюся въ рукахъ какого-то кавалера въ желтыхъ брюкахъ и зеленомъ фракѣ. Надъ головой дамы и кавалера банка съ піявками, а подъ ногами оселокъ и бритва. Магазиновъ же съ предметами роскоши и лавокъ съ красными товарами въ Ямской вовсе нѣтъ. Жители Ямской за этими потребностями ходятъ или въ Семеновскій, или въ Апраксинъ рынокъ. Но за то по причинѣ близости Волкова кладбища, въ Ямской много гробовыхъ мастеровъ, монументныхъ лавокъ и еще лавокъ, названіе и спеціальность которыхъ опредѣлить довольно трудно, по причинѣ продающихся въ нихъ удивительно другъ другу противоположныхъ товаровъ. Тутъ вы найдете въ изобиліи извощичьи кнуты, ржавые гвозди, веревки, шубный клей, баранки, подсолнечныя зерна, кресты и вѣнки изъ моху и бумажныхъ цвѣтовъ

и неудобосъѣдаемые пряники, предназначенные для утѣхи и лакомства подростающаго поколѣнія Ямской, пряники, которые развѣ придутся по зубамъ крокодила или гіены, но ужь отнюдь не по зубамъ человѣка. Пряники эти теперь выводятся въ Петербургѣ и ихъ только и можно найти въ Ямской да въ сбитенныхъ лавкахъ у нѣкоторыхъ бань. По формѣ они очень оригинальны. Изъ простаго бѣлаго засушенаго тѣста сдѣланы ведра съ коромысломъ, коньки, офицеры почему-то съ кускомъ сусальнаго золота на лбу, лѣстницы, барыни съ подпертыми въ бока руками, въ которыя продѣта цвѣтная бумажная ленточка, по всей вѣроятности изображающая собою шаль. И всѣ эти лакомства покупаются за баснословную цѣну: за грошъ, за копѣйку. Роскошь въ Ямской не развита, и ежели и существуетъ, то только въ купеческихъ домахъ, и то какая-то вывѣсочная роскошь, ежели можно такъ выразиться. Она проглядываетъ въ тысячныхъ рысакахъ, въ собольихъ шубахъ, въ чернобурыхъ лисьихъ салонахъ, крытыхъ бархатомъ, и брилліантахъ. Но все это круглый годъ хранится подъ спудомъ и вынимается только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, раза три-четыре въ годъ, а именно: проѣхаться на Масляной у горъ, прокатиться въ Крещенье на Неву къ іордани, съѣздить въ Невскій монастырь послушать пѣвчихъ и басистаго дьякона. Брилліанты же вынимаются еще рѣже: только въ свадебныхъ случаяхъ. Въ домашнемъ же быту роскошь не существуетъ. Аристократы Ямской, такъ же какъ и плебеи, ѣдятъ круглый годъ щи да солонину съ хрѣномъ, а по постамъ до одеревянѣнія просоленую рыбу и ходятъ въ ситцевыхъ рубахахъ и въ засаленныхъ сибиркахъ, которыя уже пріобрѣли глянецъ и непромокаемость выдѣланной кожи. О клубскихъ танцовальныхъ вечерахъ здѣсь и помину нѣтъ; въ театръ Александринскій, правда, ходятъ, но разъ или два въ зиму, и послѣ недѣли двѣ живутъ воспоминаніемъ и пугаютъ дѣтей какимъ-нибудь Гроз-

нымъ, Ермакомъ или Гамлетомъ. Въ Ямской даже нѣтъ и такъ сильно расплодившихся въ послѣднее время трактировъ съ музыкальными и увеселительными вечерами. Туземцы имѣютъ совершенно особаго рода развлеченія. Они ходятъ на близъ лежащее Волковское кладбище смотрѣть на отпѣваемыхъ покойниковъ, въ лѣтнее время посидѣть на могилкахъ и „испить чайку и водочки“, смотрятъ, какъ послѣ вечеренъ въ праздничные дни въ церквахъ крестятъ дѣтей огуломъ, вѣнчаютъ свадьбы. Мужчины же ходятъ на колокольни и смотрятъ, какъ звонятъ въ колокола, а иногда по знакомству съ звонаремъ рѣшаются оттрезвонить и сами. Голубятничество или голубеводство принадлежитъ также не къ послѣднему разряду туземныхъ развлеченій. Голубятню вы встрѣтите почти на каждомъ купеческомъ и извощичьемъ дворѣ.

Жизнь обитателей Ямской выходитъ изъ своей обычной колеи только въ годовые праздники, въ Рождество, въ Пасху, да еще въ семикъ передъ Троицынымъ днемъ и въ дни солдатскаго постоя передъ майскимъ парадомъ. Семикъ, о существованіи котораго знаютъ немногіе жители другихъ петербургскихъ кварталовъ, составляетъ въ Ямской положительно эпоху. Въ этотъ день здѣсь идетъ стряпня велія, собираются гости изъ другихъ концовъ Петербурга. На улицахъ торговцы выставляютъ лотки съ сластями и сладкими пойлами; въ кабакахъ и трактирахъ идетъ ликованіе; дома и ворота украшаются цвѣтами и березками и народъ также съ березками въ рукахъ, въ праздничныхъ одеждахъ, съ утра до глубокой ночи бродитъ по улицамъ съ пѣснями, съ гармоніями, съ балалайками. Дѣвицы завиваютъ вѣнки и, бросая ихъ въ Лиговку, гадаютъ о судьбѣ, о суженыхъ.

Солдатскій же постой производитъ совершенно противоположное треволненіе. Съ бранью очищаютъ жители для непрошенныхъ гостей свои и безъ того тѣсныя жилища, выгоняютъ изъ конюшенъ и хлѣвовъ свой собственный скотъ, помѣщая его подъ

наскоро-сколоченные навѣсы, убираютъ въ подполья и подъ надежные замки домашній скарбъ; но часто и эта мѣра не спасаетъ его отъ расхищенія. Нѣкоторые нагружаютъ свое имущество на возы и отправляютъ къ знакомымъ въ другія части города. Матери удвоиваютъ надзоръ за дочерьми, а отцы припрятываютъ подальше свои бумажники и стараются какъ можно больше занять дѣломъ своихъ взрослыхъ сыновей, чтобы они какъ нибудь не закутили съ господами военными. Въ эти дни Ямская бываетъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи; она бываетъ похожа на уѣздный городъ, въ которомъ появились подметныя письма съ угрозою сжечь все до основанія.

Вообще же жизнь обитателей Ямской течетъ тихо, однообразно, безъ особенныхъ треволненій. Но мы лучше прослѣдимъ самый будничный день.

Морозное и холодное утро. Шесть часовъ, а ужь Ямская на ногахъ: развѣ еще купеческія жоны и дочки нѣжатся на пуховикахъ. Въ окнахъ мелькаютъ огни, изъ трубъ валитъ дымъ, лавки въ Ямскомъ рынкѣ и трактиры ужь давно отворены. Изъ воротъ домовъ выходятъ извощики въ валенкахъ и полушубкахъ, крестятся на купольные кресты церквей и направляются въ трактиръ пить чай.

— Иванъ, слышится гдѣ-то:—пойдемъ съ ними въ компанію, насъ только трое. Дешевле будетъ. На троихъ спросимъ, да потомъ четвертую чашку потребуемъ.

И визжитъ блокъ, и хлопаетъ трактирная дверь, пропуская извощиковъ и обдавая ихъ вырвавшимся изъ трактира теплымъ воздухомъ, который въ видѣ пара стелется по улицѣ.

Въ трактирѣ тѣснота и давка. Всѣ столы заняты. Буфетчикъ за стойкой мечется, какъ тигръ въ клѣткѣ, съ ловкостію китайскаго жонглера сбрасывая съ полокъ на подносы чашки и чайники, а половые въ ситцевыхъ рубахахъ съ полотенцами на плечѣ

и въ опоркахъ на босу-ногу, такъ и бѣгаютъ по комнатамъ, то и дѣло натыкаясь на входящихъ посѣтителей. Жадно пьютъ извощики горячую воду, подцвѣченную чаемъ, пощелкиваютъ сахаръ и требуютъ кипятку. Слышатся разговоры о томъ, что „вчера Петра пріѣхалъ на фатеру пьяный съ двумя двугривенными выручки“; что „намедни Федюшкѣ Мыльниковскому на Невскомъ какой-то офицеръ сани поломалъ, за что Федюшку хозяинъ такъ за волосья таскалъ, что просто страсти“, что „Емельяну счастье привалило: возилъ пьянаго купца на фарфоровой, сторговавшись взадъ-назадъ за рубль, а купецъ по ошибкѣ синюю отвалилъ“, что „у Ивана сѣдокъ наѣздилъ на полтора рубля и въ проходной дворъ удралъ“ и т. п.

Вонъ въ одномъ углу кте-то продаетъ желтые несмазаные сапоги, увѣряя, что нужно послать два рубля въ деревню. Покупщикъ разсматриваетъ ихъ, нюхаетъ, ковыряетъ ногтемъ и считаетъ гвозди, въ обильномъ количествѣ вколоченные въ каблукъ. Въ другомъ углу какой-то грамотѣй по складамъ читаетъ письмо изъ деревни. Его слушаетъ цѣлая компанія и подсказываетъ слова.

„А Федюшка у насъ жинихаться началъ. Дѣвкамъ на посидѣлки фунтъ свѣчей купилъ, слышится чтеніе:—въ Горохово къ Тарасу Спиридонычу ужь свахъ засылали, и ежели что, такъ и въ домъ пойдетъ...“

— Это Федюшка-то? Чего жь ему нейти? Ихъ братьевъ и такъ много...

— Я и Тарасову-то дочку знаю, говоритъ кто-то.—Ничего, дѣвка здоровая, грудастая.

„Степанъ у насъ запилъ—продолжаетъ чтецъ:—и все, что подъ руку попадетъ, изъ дома въ кабакъ тащитъ“.

— Ну вотъ, говорятъ, въ деревню на поправку уѣхалъ! Ужь какая тутъ поправка! Кто въ лихачахъ ѣздилъ, да сапоги коз-

ловые въ пять рублевъ носилъ, тому деревенская жизнь несподручна.

— А что, не пишутъ, Марья родила, аль нѣтъ? спрашиваетъ кто-то.

Письмо заканчивается поклонами.

„Посылаемъ поклонъ и съ любовію кланяемся всѣмъ нашимъ питерскимъ, а также и всѣмъ, кто при чтеніи этого письма въ горницѣ будетъ".

Пробило семь часовъ. Начало свѣтать. Извощики пришли изъ трактировъ на дворы; артельныя работницы, почему-то называемыя матками, готовили уже имъ не то завтракъ, не то обѣдъ, состоящій изъ щей и каши. Извощики поѣли, перекрестились на образа и пошли „закладать" лошадей.

Вонъ на извощичьемъ дворѣ, подъ навѣсомъ, подъ потолокъ котораго привѣшены дрожки, телѣжки и устроены шесты для куръ, запрягаютъ лошадей. Темно. На полу кой-гдѣ стоятъ деревянные фонари съ сальными огарками. Извощичій хозяинъ въ бараньей, крытой сукномъ шубѣ, съ поднятыми на руку полами, ходитъ отъ одного работника къ другому и, какъ всякая хозяйская власть, ругается. Тутъ же хозяйскій сынишка въ валенкахъ и отцовской шапкѣ дразнитъ козла, котораго обыкновенно держатъ на извощичьихъ дворахъ на томъ основаніи, что его домовой боится. Козелъ какъ-то безсмысленно смотритъ на мальчишку и какъ-бы обдумываетъ: боднуть его, иль нѣтъ?

— Ванюшка! Вотъ я-те! Не балуй! кричитъ отецъ и подходитъ къ работнику, запрягающему лошадь.

— Ремней бы, Митрофанъ Иванычъ, купить надо. Совсѣмъ перепрѣли. Вотъ, смотри... говоритъ работникъ, прилаживая дугу и упираясь ногою въ оглоблю.

— Опять ремней? Давно-ли купилъ? Ежели же и перепрѣли, такъ отъ вашего же безобразія. Смажь. На то сало есть.

— Да вѣдь что жь, саломъ ничего не подѣлаешь. Что оно сало? какъ-то меланхолически отвѣчаетъ работникъ и чешетъ затылокъ.

— Митрофанъ Иванычъ, какъ хошь, а на этомъ пѣгомъ одрѣ и половины выручки не привезешь. Я напередъ говорю, потому, чтобъ послѣ не ругаться, говоритъ другой работникъ, подводя къ хозяину хромого тощаго коня.

— У насъ все нельзя. У людей можно, а у насъ нельзя, наставительно замѣчаетъ хозяинъ.

— Нѣтъ, поѣздилъ бы ты самъ день, такъ и четвертака бы домой не привезъ. Вотъ тѣ Христосъ! Потому ее хоть зарѣжь— она все шагомъ. Господа жалятся, на половинѣ дороги съ саней слѣзаютъ.

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай, а закладай-знай, вотъ что! Кровь ей пустить. Вчера коновалъ былъ, что не сказалъ?

— Да что жь все пущать кровь? Въ ней и крови-то нѣтъ. Почитай ужь семь разъ пущали, а толку все нѣтъ... Ну, смотри, не ругайся, коли безъ выручки на фатеру пріѣду, отвѣчаетъ извощикъ и машинально передвигаетъ шапку со лба на затылокъ.

Разсвѣло. Уѣхали на промыселъ извощики, пробѣжали въ рынокъ молоды-прикащики, прошли на толкучку навьюченные сибирками продающіе съ рукъ платье, и опустѣли улицы Ямской, а купеческія жоны и дочки все еще нѣжатся на пуховикахъ.

Но вотъ въ церквахъ зазвонили къ обѣднѣ, и по Ямской, которую не проминетъ ни одинъ покойникъ, везомый на Волковское кладбище, потянулись похоронныя процессіи. Для туземцевъ, особливо женскаго пола, зрѣлище это составляетъ большое развлеченіе. Чтобы не прозѣвать его, они даже ставятъ у оконъ въ извѣстное время караульщиконъ, и лишь только покажется процессія, какъ за ворота начнутъ выбѣгать кухарки съ накинутыми на голову кацавейками, дворники въ фуфайкахъ, мастеровые съ

ремешками на головахъ. И все это глазѣетъ, сочувствуетъ плачущимъ родственникамъ, спрашиваетъ фамилію покойника, велико ли осталось семейство, какого возраста дѣти и т. п. Нѣкоторыя женщины даже плачутъ и сморкаются въ головные платки, юбки и передники.

— Маменька, покойника везутъ! Богатаго покойника! кричитъ какая-нибудь сидящая у окна купеческая дочка, отыскивающая въ новѣйшемъ оракулѣ значеніе своего сегодняшняго сна.

Сидящая въ это время у самовара маменька, чуть не захлебнувшись горячимъ чаемъ, вскакиваетъ съ мѣста и бѣжитъ къ окну. Въ домѣ дѣлается суматоха. Въ нѣсколько секундъ всѣ окна заняты чадами и домочадцами, которые считаютъ число каретъ, сопровождающихъ процессію, факельщиковъ, священниковъ. Процессія проходитъ. Завернутыя въ платки головы чадъ и домочадцевъ высовываются въ форточки и далеко-далеко провожаютъ процессію.

— Должно быть, не изъ купечества, потому на дрогахъ и въ четверку... говоритъ маменька, занимая свое прежнее мѣсто у самовара.—Изъ купечества больше на рукахъ носятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Настасья Петровна, не изъ купечества, баринъ какой-то... Я сейчасъ была за воротами, такъ спрашивала, впопыхахъ отвѣчаетъ Богъ-вѣсть откуда явившаяся и стоящая у дверного косяка кухарка.—Баринъ. Фамилія-то такая мудреная... Мироносовъ... Мироновъ... вотъ эдакъ какъ-то. По статской служилъ и только его хотѣли генераломъ сдѣлать, а онъ и померъ.

— Должно быть богатый, каретъ пятьдесятъ сзади ѣхало, продолжаетъ догадываться Настасья Петровна.

— Не пятьдесятъ, а сорокъ-три, замѣчаетъ дочь.—Я считала.

— Ну вотъ!.. Что ты! я думаю, больше пятидесяти.

— Нѣтъ-съ, Настасья Петровна, не больше. Сорокъ-три или сорокъ-пять, я сама за воротами считала, только сбилась немного, говоритъ кухарка.—Казанскіе пѣвчіе шли и отецъ Никита съ образомъ.

— Какіе казанскіе! Это полковые какіе-то. Казанскіе давеча прошли.

— Ахъ, маменька, что вы спорите! конечно, казанскіе. Я по регенту сейчасъ узнала, говоритъ дочь.

Задѣтая за живое Настасья Петровна начинаетъ сердиться.

— Чѣмъ бы регентовъ-то разсматривать да въ оракулѣ про разную глупость гадать, лучше бы шитьемъ занялась, обращается она къ дочери. —Недѣлю цѣлую кофту себѣ сшить не можешь.

— Я на фортепьянахъ играть буду.

— Какіе теперь фортепьяны! Обѣдни еще не кончились. Басурманка ты?

— А ужь вы рады браниться, благо—случай нашелся, замѣчаетъ дочь, схватываетъ оракулъ и уходитъ въ другую комнату.

— Вихры-то причеши! Неравно Иванова забѣжитъ. Нечего сказать, хороша невѣста, голова какъ овинъ! кричитъ ей во слѣдъ мать.

Въ комнатѣ воцаряется тишина, изрѣдка прерываемая пѣніемъ канарейки.

Напилась Настасья Петровна чаю и принялась за кофе. Выпила три чашки кофе и начала зѣвать.

— О, Господи! Мать пресвятая! говоритъ она, крестя ротъ.—Къ чему бы это зѣвота? Кажется, ночь хорошо спала. Маша! кричитъ она дочери.

— Чего вамъ? Я голову чешу, отвѣчаетъ изъ другой комнаты дочь.

— Что сказано въ оракулѣ про зѣвоту? Къ чему это?

— Въ оракулѣ про такія глупости ничего не сказано. Тамъ про сны да про судьбу.

— Полно врать! Коли сказано, къ чему рука чешется, къ чему глазъ, такъ ужь вѣрно и про зѣвоту сказано. Подай мнѣ его.

— Возьмите сами. Я голову чешу.

— Эка важность! Стыдилась бы заставлять мать вставать по пустому съ мѣста, кричитъ еще разъ Настасья Петровва; однако, крехтя и охая, встаетъ съ мѣста и отправляется за оракуломъ.

Однако, въ оракулѣ ничего не сказано про зѣвоту.

„Загадать развѣ: будутъ ли у меня дѣти?“ думаетъ она, садится съ книгой къ окну и начинаетъ гадать. Но, должно быть, оракулъ говоритъ что-нибудь очень неприличное, потому что Настасья Петровна сначала улыбается, потомъ плюетъ, закрываетъ глаза и говоритъ:

— Вѣрь послѣ этого оракуламъ!

Начинается опять зѣвота.

„Въ баню развѣ сходить?“ задаетъ она себѣ вопросъ и сейчасъ же отвѣчаетъ: „ужь больно часто. Третьяго дня была“.

Немного погодя, беретъ она засаленную колоду картъ и раскладываетъ ихъ на подоконникѣ, задумавши, что будетъ трефовой дамѣ. Выходитъ тоже какая-то чепуха: тузъ пикъ, что означаетъ питейный домъ, больницу или какое-нибудь присутственное мѣсто, марьяжныя, то-есть червонныя карты, и наконецъ десятка пикъ — болѣзнь. Настасья Петровна опять плюетъ, сбиваетъ карты, и такъ, безъ всякой мысли, начинаетъ смотрѣть въ окно.

На Лиговкѣ, подвязавъ подолы платьевъ выше колѣнъ, полощутъ бабы бѣлье и что есть мочи бьютъ его на плоту вальками. Какой-то извощикъ привелъ поить хромую лошадь съ надѣтымъ на переднюю ногу мѣшкомъ, да мальчишка въ женской

кацавейкѣ, подпоясанной гаруснымъ шарфомъ, и въ четвероугольной кучерской шапкѣ, которая втрое больше его головы, катается по снѣгу на одномъ конькѣ. Катанье это совершенно особеннаго рода. Онъ какъ-то прыгаетъ на одной ногѣ въ родѣ сороки, и лишь изрѣдка, и то не болѣе сажени, прокатывается на конькѣ, послѣ чего тотчасъ же падаетъ, при чемъ съ головы его всякій разъ сваливается шапка и изъ нея въ обильномъ количествѣ вылетаетъ пухъ. Вотъ пронесся лошадиный барышникъ въ бѣговыхъ саняхъ, наѣзжая настеганаго до опухоли кожи коня, которому, для вящшей бодрости, чтобы онъ былъ „звѣремъ" и не стоялъ на мѣстѣ, воткнута въ мясо заноза въ видѣ вершковаго гвоздя. Барышникъ чуть не сшибъ съ ногъ какихъ-то двухъ мужиковъ, разсматривавшихъ посреди дороги не то оборванную шлею, не то узду. Мужики, какъ водится, ругаются и долго еще смотрятъ вслѣдъ барышнику. Проплелась старуха изъ бани съ краснымъ, какъ вареный ракъ, лицомъ и съ вѣникомъ и узломъ подъ мышкой. Прошелъ цыганъ-коновалъ, побрякивая висящими на поясѣ орудіями пытки въ видѣ клещей, шилъ и ланцетовъ съ доброе долото; проѣхала въ обратный путь траурная колесница съ лежащимъ подъ балдахиномъ на кучѣ одеждъ и попонъ возницей. За колесницей прошли факельщики съ загашеными фонарями па плечахъ, но уже безъ траурныхъ одеждъ и шляпъ, а въ собственныхъ, до-нельзя нищенскихъ одеждахъ, такихъ одеждахъ, какимъ бы навѣрное не позавидовала и знаменитая сволочь Петра Аміенскаго.

Вонъ на дорогѣ показался извѣстный всей Ямской слѣпой старикъ Парамонычъ, подъ руку ведомый женою въ кабакъ, для приличной выпивки передъ обѣдомъ. Шествіе это происходитъ каждый день два раза и всегда въ одно время, а именно: въ двѣнадцать часовъ передъ обѣдомъ и въ четыре часа, когда уже Парамонычъ успѣлъ выспаться послѣ обѣда. Для чего старикъ утруж-

даетъ себя каждый день подобными прогулками, тогда какъ легче бы послать за водкой жену и пить дома—неизвѣстно. Развлеченія въ кабакѣ онъ не можетъ получить никакого, потому что слѣпъ. Развѣ разговоры послушать?... Остряки увѣряютъ, что шествіе это старикъ совершаетъ для опредѣленія времени тѣмъ изъ жителей Ямской, которые не имѣютъ ни карманныхъ, ни стѣнныхъ часовъ, и узнаютъ время по свѣту, по благовѣсту къ обѣдни, къ вечерни и т. п.

— Ахти, Парамонычъ въ кабакъ пошелъ, значитъ первый часъ! Пойти посмотрѣть, что̀ у Аксиньи въ кухнѣ дѣлается. Того и гляди, къ обѣду самъ пріѣдетъ, говоритъ Настасья Петровна, лѣниво потягивается и отправляется въ кухню.

Какъ дѣятельно кипитъ жизнь Ямской поутру, такъ наоборотъ она тянется лѣниво въ продолженіе дня. Лишь только уйдетъ или уѣдетъ мужская половина на работы, какъ на всю Ямскую нападетъ какая-то апатія. Все дремлетъ, зѣваетъ, чтобъ хоть какъ-нибудь пріободриться и не уснуть, пичкаетъ себя разными яствами и питіями. Даже торговцы въ мелочныхъ и овощныхъ лавкахъ, отпустивъ кухаркамъ все нужное для обѣда и не находя дѣла, садятся играть въ шашки, или стоя на порогѣ съ стаканомъ чая въ рукахъ, задѣваютъ проходящихъ разнощиковъ, торговокъ, продающихъ у кабаковъ булки, и рады-рады, ежели къ лавкѣ подойдетъ городовой и разскажетъ что-нибудь о поимкѣ мазурика или про войну.

— Страшно, я думаю, на войнѣ-тѣ? спрашиваетъ у него какой-нибудь купчикъ.

— Ничего, только до первой крови, говоритъ городовой:—а какъ кровь увидишь, такъ и шабашъ! Сердце это у тебя замретъ, хуже звѣря дикаго сдѣлаешься, и радъ хоть на десятерыхъ лѣзть. Знай, только колешь да палишь. Ружье потерялъ—такъ

схватишь какую ни-на-есть оторванную руку или ногу, да ей по сусаламъ и мажешь!

И городовой доходитъ до того, что несетъ какую-то ахинею, какъ одинъ солдатикъ изъ обоза уходилъ двоихъ сапожною колодкою, да такъ, что даже самая колодка застряла въ животѣ одного убитаго и ее насилу могли вынуть.

Купчикъ и самъ замѣчаетъ, что городовой заврался, даетъ ему пятиалтынный и начинаетъ дразнить проходящаго мимо нищаго.

Пройдетъ еще два часа, и въ Ямской появятся широкія купеческія сани, подвозящія къ воротамъ каменныхъ домовъ закутанныхъ въ енотовыя и лисьи шубы здѣшнихъ аристократовъ-купцовъ съ желудками хотя уже и налитыми по разнымъ трактирамъ чаемъ и водкой, но все-таки алчущими здороваго обѣда.

Вонъ Глафира Федоровна Чуфарина или Чуфариха, баба „кровь съ молокомъ", вышедшая замужъ за вдовца Чуфарина безъ приданаго, единственно по своей красотѣ, что̀ между купечествомъ рѣдкость, сидитъ въ спальнѣ у окна, вяжетъ какую-то нескончаемую пелену, обѣщанную ею въ бѣдный монастырь, и ждетъ „благовѣрнаго" къ обѣду. Благовѣрный что-то долго не ѣдетъ. Уже сосѣди давно проѣхали, а его все нѣтъ. Глафира Федоровна начинаетъ сердиться. Сердится она не потому, что ей ѣсть хочется, а потому, что сегодня въ четыре часа назначено въ церкви у Іоанна Предтечи вѣнчаніе купеческаго сына Половикова съ купеческой дочкой Недотыкиной. Свадьба богатая, невѣста поѣдетъ въ золотой каретѣ съ двуми гайдуками, торчащими на запяткахъ. Объ этой свадьбѣ въ Ямской уже двѣ недѣли толкуютъ. Ну, какъ пропустить такого рода зрѣлище, какъ не быть на такомъ вѣнчаньи, какъ не видѣть, кто первый, женихъ или невѣста ступитъ на розовую тафту, разостланную передъ налоемъ, и какъ вслѣдствіе этого не заключить, кто будетъ

въ домѣ глава: самъ, или сама? А когда успѣешь это сдѣлать, ежели теперь уже третій часъ, а мужа все нѣтъ какъ нѣтъ. Въ три сядутъ за столъ, половина четвертаго выйдутъ, потомъ кофеепитіе, да и послѣ кофею не бѣжать же сейчасъ, нужно дать мужу заснуть, а когда все это совершится, смотришь, и пятаго половина. Положимъ, ежели вѣнчаніе купеческой свадьбы назначается въ четыре часа, такъ смѣло приходи въ пять—успѣешь; но пораньше забраться все-таки лучше: съ знакомыми потолкуешь, мѣсто получше займешь и увидишь все съ самаго начала. Кромѣ того, Глафирѣ Федоровнѣ еще потому хочется быть въ церкви на вѣнчаніи, и это главное, что сегодня у ней тамъ назначено свиданіе съ нѣкіимъ франтомъ, богатымъ и молодымъ купчикомъ Ключилкинымъ. Записку съ назначеніемъ свиданія принесъ ей пасынокъ ея Николаша, за что и вымаклачилъ у ней на гулянку лиловенькую бумажку, которую Глафира Федоровна преспокойно достала изъ мужнина бумажника, разумѣется въ то время, когда мужъ прилегъ послѣ обѣда въ гостиной на диванѣ соснуть и задавалъ такой концертъ горломъ и носомъ, отъ котораго дребезжали хрустальныя подвѣски на висѣвшей съ потолка люстрѣ.

Ждетъ Глафира Федоровна мужа, вяжетъ пелену и зѣваетъ.

„Охъ Боже мой, скука какая!“ думаетъ она: „развѣ съѣсть чего-нибудь“.

Мысленно перебираетъ она разныя яства, и наконецъ нападаетъ на моченые яблоки съ брусникой.

— Акулина! кричитъ она кухаркѣ.—Принеси съ погреба моченыхъ яблоковъ!

Являются яблоки, Глафира Федоровна ѣстъ ихъ и въ головѣ ея снова раждается вопросъ:

„А что, не съѣсть ли мнѣ пастилы клюквенной?“ и тутъ-же кухарка посылается въ лавку за клюквенной пастилой.

Но все скучно.

Въ гостиной бронзовые часы съ цалующимися пастушками и бодающимися или тоже цалующимися козами, бьютъ третьяго половина. Чуфарина все нѣтъ. Глафира Федоровна начинаетъ не на шутку сердиться.

— Ну, ужъ теперь Иванъ Никитичъ навѣрное гдѣ-нибудь въ трактирѣ застрялъ, думаетъ она, съ сердцемъ отбрасываетъ отъ себя на окошко вязанье и вынимаетъ изъ кармана полученную вчера цидулку. Цидулка прочитана три раза, нѣкоторыя чувствительныя мѣста, какъ-то: „я таю отъ любви, какъ воскъ отъ палящаго пламени“ и „не терзайте моего бѣднаго ужаленнаго змѣею сердца“, прочитаны даже до пяти разъ, а мужа все нѣтъ. Наконецъ, въ три часа онъ пріѣзжаетъ и пріѣзжаетъ навеселѣ. Такой поздній пріѣздъ не ускользаетъ отъ наблюдательнаго ока Хабалихи, первой сплетницы, живущей напротивъ Чуфарина въ собственномъ домѣ и изъ оконъ своей спальни, какъ съ обсерваторіи, цѣлый день наблюдающей нетолько что̀ дѣлается на улицѣ, но даже и въ квартирахъ сосѣдей.

— Чуфаринъ пьянъ проѣхалъ, говоритъ она про себя, и ехидно улыбаясь, высовывается изъ форточки на улицу, чтобы послушать, не сцѣпится ли онъ ругаться съ стоящимъ у воротъ дворникомъ.

Ругательства, однако, не происходитъ и Чуфаринъ преспокойно проходитъ въ подъѣздъ.

А у Глафиры Федоровны, какъ говорится, и сердце не на мѣстѣ.

„Слава-Богу, еще успѣю!“ думаетъ она, садясь за столъ.

Но мужъ какъ на зло ѣстъ медленно. Чтобы онъ какъ нибудь не засидѣлся за столомъ еще дольше, Глафира Федоровна убираетъ со стола водку.

— Гдѣ водка? спрашиваетъ мужъ.

— Я убрала ее, говоритъ она, и тутъ же прибавляетъ: — тебѣ вредно. Вѣдь опять потѣть будешь... Ну, что̀ за радость?

— А тебѣ что̀ за дѣло до этого?

— Какъ что̀? Со мной вѣдь спать-то будешь...

Наконецъ, обѣдъ кончился. Напились кофе. Чуфаринъ беретъ „Полицейскую Газету“ и заваливается на диванъ. Чтеніе продолжается недолго: прочитавъ о задавленной на улицѣ мѣщанкѣ и о найденномъ мертвомъ тѣлѣ, которое подлежитъ вскрытію, онъ уже храпитъ богатырскимъ сномъ. Глафира Федоровна, между тѣмъ, быстро покрывается ковровымъ платкомъ, надѣваетъ салопъ и выбѣжавъ за ворота, мчится на первомъ попавшемся извощикѣ въ церковь. Ключилкинъ въ бобровой шапкѣ, въ ильковой шинели и съ брильянтовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ ужь ждетъ ее на паперти. Слѣдуетъ встрѣча, говорится всякая ерунда, говорящаяся при подобнаго рода свиданіяхъ и, наконецъ, поѣздка куда-то на лихачѣ.

Въ Ямской зажглись фонари. Въ окнахъ также замелькали огоньки, и аристократы Ямской стали вставать послѣ своего послѣобѣденнаго сна. На столахъ въ столовыхъ появились вечерные самовары; купеческія дочки, обрадовавшись, что проснулись ихъ тятеньки, забренчали на фортепіано различныя польки. На улицахъ показались бѣгущіе изъ лавки молодцы, и Ямская мало по-малу начала оживляться.

— Душа, полно тебѣ такъ зря бренчать-то! Сыграй что-нибудь изъ русскихъ пѣсенъ, говоритъ дочери какой-нибудь пропускающій въ себя пятый стаканъ чаю тятенька.

Душа начинаетъ играть „Не брани меня родная“.

— Да неужто нѣтъ ничего повеселѣе? Что̀ панихиду-то затянула, замѣчаетъ отецъ.

— Какая же это панихида? Это не панихида, а пѣсня чувствительная... Что̀ же мнѣ играть, коли вы нотъ не покупаете?

— Ка̀къ не покупаю? Еще на прошлой недѣлѣ цѣлый ворохъ изъ рынка принесъ.

— Какія же это ноты? Накупили какихъ-то старыхъ на Апраксиномъ. Я показывала учителю: онъ говоритъ, что эти ноты вовсе не для фортепьяно, а для трубы и гитары.

— Ну вотъ, будто не все равно! Вретъ онъ, а ты слушаешь. Играть ты не умѣешь, вотъ что̀!

— А коли не умѣю играть, такъ и не буду! говоритъ дочь, и вскакиваетъ изъ-за фертепьяно.

— Степанъ Иванычъ, я выбѣгу съ Федосьей за ворота, отпрашивается у мужа жена. — Сегодня у кухмистера Емельянова балъ—Самолизова свадьба... Теперь гости съѣзжаются... хоть на народъ посморѣть.

— Ладно, ступай, только не застаивайся долго, потому я ѣсть хочу. Застрянешь тамъ, и жди тебя къ ужину! даетъ наставленіе мужъ.

У кухмистера, въ самомъ дѣлѣ, балъ. У подъѣзда горитъ красный фонарь и поставлена полосатая тиковая палатка. Около палатки стоитъ городовой и расталкиваетъ разные тулупы, кацавейки, салопы и платки, пришедшіе поглядѣть на гостей. Подъѣзжаютъ кареты. Изъ каретъ вылѣзаютъ бороды, съ тугонабитыми для игры въ горку бумажниками, купчихи въ брильянтахъ, дѣвицы съ поднятыми чуть не на голову кисейными платьями изъ осторожности, чтобъ ихъ не измять. Въ толпѣ идутъ разговоры и пересуды. Гостямъ даютъ наименованія въ родѣ: „сухопарая, какъ кошка драная, изъ самого-то винище такъ и сочится“ и т. п. Изъ комнатъ доносятся звуки скрипокъ и контрбаса, заглушаемые барабаномъ. Идутъ догадки, что̀ играютъ. Одинъ говоритъ польку, другой—кадриль, третій—маршъ.

— Это сейчасъ узнать можно. Я могу въ самое нутро въ комнаты войти, потому, у меня тамъ одинъ служитель знакомый есть, хвастается какая-то чуйка, лѣзетъ въ палатку и тотчасъ же выталкивается оттуда городовымъ.

Въ толпѣ смѣхъ.

— Много такихъ гостей-то есть! замѣчаетъ кто-то.

Съ лѣстницы сбѣгаетъ офиціантъ во фракѣ и въ бѣломъ галстуѣ, выбѣгаетъ на улицу, обнимаетъ мимоходомъ какую-то кацавейку помоложе и мчится черезъ улицу въ овощную лавку.

— Должно быть, не хватило чего изъ снадобьевъ, опять замѣчаетъ кто-то въ толпѣ.

Кончилась музыка. Съ лѣстницы сходятъ усатые музыканты-солдаты, однако въ сюртукахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Засучивъ предварительно брюки, они перебѣгаютъ улицу и скрываются подъ вывѣской „виноторговля“.

— Господа музыканты, кажется? спрашиваетъ ихъ содержатель погребка, старикъ съ сѣдою окладистою бородою.

— Точно такъ.. Поднесите-ка намъ... Глотка пересохла. Шаферъ обѣщалъ полведра, да говоритъ—въ десять часовъ дадутъ. Боится, чтобъ не напились.

— Чѣмъ просить прикажете?

— Чѣмъ? Извѣстно, хрустальной.

— Вавило, приказываетъ погребщикъ мальчику: — налей-ко имъ по стаканчику купеческой.

Въ погребъ вбѣгаетъ лакей.

— Эй вы, гудошники! Кадриль играть! Шаферъ сердится... кричитъ онъ музыкантамъ и, съ важностію дворецкаго, подаетъ погребщику руку.—Пришлите къ намъ десять бутылокъ восьмигривеннаго хересу, да полутораблевые ярлыки налѣпите.

— Будетъ исполнено, говоритъ погребщикъ, слегка наклоняя голову на бокъ.

Слѣдуетъ расплата. На стойку сыпятся пятаки и музыканты выбѣгаютъ изъ погреба.

Восемь часовъ. Шажкомъ ѣдутъ „на фатеру“ извощики, кутаясь въ санныя полости. Извощичьи хозяева, чуть ли не въ

десятый разъ сходивъ въ трактиръ, пришли домой и приготовляются принимать отъ работниковъ выручку. „Матки“ уже приготовили ужинъ и ставятъ на столъ дымящіяся щи и кашу. Даже и аристократовъ начинаетъ „позывать ко щамъ“.

— Похлебать бы, да и ко сну, говорятъ они своимъ жонамъ, и черезъ часъ гремятъ тарелки, ножи, вилки, Ямская ужинаетъ, а въ одиннадцатомъ часу уже спитъ молодецкимъ сномъ, съ храпомъ, съ присвистомъ, съ сопѣньемъ и тому подобными явленіями, сопровождающими этотъ актъ. На улицахъ пусто; кой-гдѣ развѣ попадется запоздалый извощикъ, да заоретъ пѣсню какой-нибудь пьяный, пробирающійся домой.

Пословица: „Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ“ — какъ нельзя болѣе примѣнима къ обитателямъ Ямской. И точно, въ праздничный день нигдѣ вы не встрѣтите столько пьяныхъ, какъ въ этомъ кварталѣ. Мастеровые, фабричный народъ, извощики, какъ извѣстно, встаютъ очень рано, отстоятъ въ ближайшей церкви заутреню и отправляются въ трактиръ пить чай. За чаемъ слѣдуетъ водка, и эта водка, принятая иногда въ обильномъ количествѣ и натощакъ, до того ошеломляетъ ихъ, что уже съ утра начинается безсознательное шатанье изъ трактира въ кабакъ, изъ кабака въ портерную и такъ далѣе. Правда, что эти гостепріимныя заведенія во время поздней обѣдни припираютъ свои изукрашенныя вывѣсками двери; но эта правительственная мѣра къ пресѣченію пьянства и пріученію народа къ благочестію отнюдь не стѣсняетъ обитателей Ямской, и они все-таки наполняютъ нѣдра заведеній, проходя въ нихъ черезъ задніе ходы и дворы. Пьянство до такой степени развито въ Ямской, что уже приняло какую-то гражданственность. Даже извощикъ, нанимаясь

у хозяина въ работники и обязуясь заниматься извозомъ каждый день, безъ исключенія даже и годовыхъ праздниковъ, выговариваетъ себѣ три дня пьянствовать, когда онъ бываетъ „праздничнымъ“, то-есть, когда въ его селѣ или деревнѣ бываетъ престольный праздникъ. И это уважается хозяевами; они, по большей части, земляки съ своими работниками, значитъ, бываютъ въ одно и то же время „праздничными“ и устраиваютъ въ дни эти пирушку велію. Шатающагося отъ хмѣля человѣка въ Ямской даже и не называютъ пьянымъ, а хмѣльнымъ; пьянымъ же называютъ только того, кто упалъ и встать не можетъ.

Второе мѣсто послѣ пьянства въ праздничный день въ Ямской безспорно принадлежитъ обжорству. И точно: куда ни взгляните вы, вездѣ увидите жующія уста. Выходящій изъ кабака мужикъ жуетъ баранку; сидящая у окна женщина тѣшитъ зубы кедровыми орѣхами или подсолнечными зернами. Въ лѣтнее время, когда поспѣваютъ овощи, вы встрѣтите въ Ямской цѣлые возы, нагруженные огурцами, рѣпою, морковью, и положительно ни одного человѣка, у котораго карманы не были бы набиты рѣпою или огурцами, или который бы не держалъ въ охапкѣ цѣлый ворохъ вырванныхъ съ корнемъ бобовъ или сахарнаго гороху. Даже игра въ бабки, городки или попы производится здѣсь на что нибудь съѣстное, и существуетъ особаго рода игра—ломаніе пряниковъ, гдѣ выигравшій за свою силу и ловкость вознаграждается тѣмъ, что имѣетъ право съѣсть всѣ поломанные пряники. Въ купеческихъ семействахъ въ праздничные дни, кромѣ завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ и межеумочныхъ чаепитій, ѣда положительно не сходитъ съ стола, на тотъ случай, что „неравно кто нибудь зайдетъ, такъ чтобы на столъ не сбирать“. Въ Ямской даже есть особаго рода лакомство, про которое навѣрное не знаютъ жители другихъ петербургскихъ кварталовъ. Это толоконные и маковые жамки съ медомъ. Жамками этими въ праздничные дни ла-

комятся разряженныя, набѣленныя и нарумяненныя ямщички и извощичьи матки, сидящія за воротами и любующіяся на мимо проходящихъ полупьяныхъ парней въ ухарски набекрененыхъ картузахъ и, по фабричному, на одно плечо накитыхъ армякахъ.

Кстати о румянахъ. Обыкновеніе бѣлить и румянить лица, совершенно вышедшее изъ употребленія въ нѣкоторыхъ селахъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ оно прежде существовало, твердо коренится еще въ Ямской, и есть женщины, которыя, подобно индіанкамъ, считающимъ неприличнымъ показаться передъ мужчиной нетатуированной, считаютъ также погрѣшностію противъ приличій быть въ праздникъ ненабѣленной и ненарумяненной. Въ туалетномъ ларчикѣ туземныхъ красавицъ, среди шейныхъ платочковъ, перстеньковъ, баночекъ помады и духовъ фабриканта Мусатова, вы всегда встрѣтите и баночки съ бѣлилами и румянами. Эти принадлежности туалета считаются такъ же необходимыми для ларчика, какъ и счастливый орѣхъ-двойчатка и приворотная ладонка, обыкновенно вымѣниваемая у коноваловъ.

Коновалъ въ Ямской—лицо важное. Это не только что Эскулапъ лошадей, но и людей; кромѣ того, онъ знахарь, вѣдунъ, колдунъ и звѣздочетъ. Многіе вѣрятъ, что онъ можетъ нагнать порчу, болѣзнь и снова свести ее, испортить семейное счастіе, нагнать на домъ злаго домоваго и пр. Поэтому-то коновалъ всегда чествуется, угощается, задобривается. Нѣкоторые коновалы имѣютъ нъ Ямской огромную практику, такую, которой бы позавидовала большая часть петербургскихъ докторовъ. Но у докторовъ обитатели Ямской считаютъ лечиться невозможнымъ, на томъ основаніи, что они нарочно портятъ и морятъ людей, чтобы было кого потрошить. До какой степени народъ имѣетъ предубѣжденіе противъ докторовъ, можно видѣть изъ того, что когда разболѣвшагося на извощичьемъ дворѣ извощика полиція или такъ необходимость заставляютъ везти въ больницу, то това-

рищи, какъ покойника, провожаютъ его туда, въ полной увѣренности, что оттуда онъ уже не возвратится. И въ самомъ дѣлѣ, изъ больницъ рѣдко возвращаются, потому что отвозятся туда чуть не умирающими. У коновала же лечиться туземцамъ сподручнѣе: во первыхъ коновалъ свой братъ, человѣкъ знакомый и не баринъ; во вторыхъ, коновалъ не носитъ ни фрака со свѣтлыми пуговицами, ни мундира, какъ то бываетъ у большинства докторовъ, а простой человѣкъ положительно съ недовѣріемъ и страхомъ смотритъ на какую бы то ни было форму; въ третьихъ, коновалъ не моритъ во время леченья голодомъ, а только и говоритъ: „ѣшь больше"; въ четвертыхъ же, у него всѣ лекарства составляются на водкѣ, или даются въ видѣ чаю, или состоятъ изъ „накидыванія банокъ" и жильнаго кровопусканія. Кромѣ невинныхъ лекарствъ, въ родѣ бадяги и дегтю для втиранія отъ ломоты, наговоренныхъ поясовъ отъ живота и трудныхъ родовъ, конопляннаго масла и ялапнаго корня отъ запору, и водки, настоенной на хинной коркѣ отъ „лихоманки", коновалы употребляютъ и сильныя средства: такъ они ставятъ заволоки, прижигаютъ раны и ушибы синимъ купоросомъ и даютъ внутрь ртутные препараты. Были случаи, что больные умирали съ перваго пріема лекарства, даваемаго подобными лекарями, но случаи эти приписывались не чему иному, какъ „волѣ божіей."

Не меньшею популярностію въ Ямской пользуются и банныя бабки, кромѣ своего ремесла, состоящаго изъ обмыванія и распариванія вѣниками человѣческихъ тѣлъ, занимающіяся повивальнымъ искуствомъ, гаданіемъ на картахъ, сватовствомъ и перенашиваніемъ любовныхъ цидулокъ отъ одного пылающаго сердца къ другому. Бѣда обидѣть такую бабку! Коновалъ можетъ нагнать болѣзнь только на суевѣрнаго человѣка, но бабка напакоститъ кому угодно. Имѣя входъ почти во всѣ дома, она обнесетъ и ославитъ обидѣвшаго ее человѣка до того, что на

него положительно будутъ указывать пальцами. Горе тогда его женѣ, чадамъ и наемникамъ! Мало того, бабка подговоритъ фабричныхъ, и тѣ, за какую нибудь четверть водки ночью вымажутъ дегтемъ ворота, а это въ нѣкоторыхъ семействахъ въ Ямской считается позоромъ, особливо, гдѣ есть взрослыя дѣвицы, дочери или молодыя женщины. Тутъ уже затрогивается женское цѣломудріе, честь.

Но довольно о коновалахъ и банныхъ бабкахъ; посмотримъ лучше на воскресную жизнь обитателей Ямской.

Утро. Погода прекрасная. Лѣтнее солнце такъ и печетъ, такъ и прокаливаетъ прохожихъ, которые то и дѣло вынимаютъ платки и отираютъ свои раскраснѣвшіяся, потныя лица. Въ воздухѣ до того жарко, что купеческій сынъ Треуховъ, уже съ полчаса стоящій на голубятнѣ и махающій палкой съ навязанной на концѣ тряпицей, никакъ не можетъ разогнать свою стаю голубей. Турманы *) нетолько что не „кувыркаются“ и не „плывутъ въ высь“, но поднявшись сажени на три, на четыре надъ голубятней, тотчасъ же опускаются на ближайшую крышу и прячутся гдѣ нибудь въ тѣни у трубы или около карниза. Злится купеческій сынъ, ругается; но противъ жары ничего не подѣлаешь. На эту гоньбу голубей смотритъ съ сосѣдней крыши извѣстный франтъ, лихачъ Николашка, и дразнитъ купеческаго сына.

— Ай-да голуби! Ай-да заводъ! Эти-то турманы по пяти рублей пара? Пырни въ него камнемъ, пырни! Авось подымется! кричитъ онъ ему.

— Молчи, сволочь! Мало тебѣ въ Ершахъ въ трактирѣ бока то мяли! огрызается купеческій сынъ; но лихачъ донимаетъ его еще сильнѣе.

*) Турманами называется особый родъ голубей.

— Слышь, Митрофанъ Иванычъ, не эдакой ли у васъ и новый хваленый рысакъ-то?

— Сунься-ко, попробуй! Не хочешь ли объ закладъ на синенькую помѣриться?

— Гдѣ намъ съ вами мѣриться! У васъ конь—огонь! Говорятъ, съ нимъ еле шестеро управляются: двое подъ узцы изъ конюшни ведутъ, двое шестами подпираютъ, да двое въ задъ вилами пихаютъ. Эхъ вы! Мало каши ѣли! заканчиваетъ лихачъ, вдоволь натѣшившись, и лѣзетъ съ крыши.

— Гужеѣдина проклятая! Мазура коломенская! кричитъ ему вслѣдъ купеческій сынъ, и швыряетъ въ догонку камнемъ.

— Такъ и есть, попалъ! На-ко-сь выкуси! показываетъ ему лихачъ кукишъ и скрывается.

Вонъ въ угловомъ домѣ, въ первомъ этажѣ, отворено окно; у окна стоитъ народъ и заглядываетъ въ комнаты. Изъ комнатъ слышится повременамъ церковное пѣніе. Это спѣвка. Спѣваются любители, чтобы пѣть обѣдню въ приходской церкви. Къ окну то и дѣло подходитъ сухощавый, чахоточный регентъ съ камертономъ въ рукѣ и уговариваетъ народъ разойтись.

— Господа, ступайте своей дорогой, кто куда шелъ! Въ церковь милости просимъ, тамъ послушаете. Проходите же, господа, а то ей-ей велю ведро воды на васъ вылить.

Зрители только смѣются, но прочь не отходятъ.

— Семенъ Иванычъ, брось, плюнь на нихъ! Ну ихъ къ монаху!.. слышится чей-то басъ.—Сейчасъ къ обѣднѣ зазвонятъ. а мы еще прокименъ и запричастенъ не пѣли.

Регентъ дѣйствительно плюетъ въ толпу и скрывается.

Въ комнатѣ, гдѣ происходитъ спѣвка, душно. Пахнетъ дегтемъ и деревяннымъ масломъ отъ сапоговъ и головъ пѣвчихъ, которые въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ толпятся въ углу. Въ другомъ углу на столѣ стоитъ штофъ водки, рюмка, ста-

канъ, тарелка съ нарванной мелкими кусочками колбасой и четвертная бутыль квасу.

— Ну, вотъ что, господа: уговоръ лучше денегъ, говоритъ регентъ, проглатывая рюмку водки. — Первое дѣло „и всѣхъ и вся“ и „сохранитъ ихъ на многая лѣта“ не кричите, а то на это слово басы, словно, съ цѣпи срываются.

— Да когда же мы? Гдѣ же... слышится у пѣвчихъ. — Пускай кто нибудь одинъ верха беретъ.

— Второе... вы маленькіе: напейтесь здѣсь. Вонъ бутыль квасу стоитъ... А то отецъ Іоаннъ жалуется, что въ алтарь пить бѣгаете. Въ третьихъ, Барсуковъ, это уже прямо къ тебѣ относится. Бога-ради, не заходи ты передъ обѣдней въ погребъ. Прошлый разъ купецъ Буркинъ прикладывался къ мѣстнымъ образамъ и говоритъ: „съ праваго крылоса какъ изъ кабака водкой разитъ“. Самъ ты знаешь, Буркинъ лицо уважаемое, въ прошломъ мѣсяцѣ паникадило пожертвовалъ, отецъ-протоіерей ему всегда самъ просвиру на блюдѣ выноситъ... Ну, что за радость, какъ по его наущенію насъ всѣхъ съ крылоса помеломъ?.. Ты думаешь, что черезъ водку можно зычности въ голосѣ достичь? Пустое. Ужь у кого чего нѣтъ, такъ нѣтъ. Однако, пора. Допивайте кто хочетъ штофъ, да надо спѣвку кончать.

Человѣкъ пять начали подходить къ столу.

— Иванъ Иванычъ! крикнулъ регентъ маленькому худенькому тенору съ подвязанными зубами: — вамъ-то ужь я не совѣтывалъ бы пить: вы и такъ во время пѣнія чихаете и кашляете. Купите лучше на гривенникъ лакрицы, ежели ужь вамъ першитъ.

Штофъ докончили.

— Ну, теперь прокименъ „пойте Господеви“ на пятый гласъ, проговорилъ регентъ, куснулъ зубами камертонъ и задалъ тонъ.

Пѣвчіе запѣли.

Но вотъ у Іоанна Предтечи ударили въ колококъ. На ударъ

этотъ откликнулись съ владимірской колокольни, потомъ съ егерской и волковской, и началась колокольная музыка, среди которой, въ отдаленіи, какъ контрбасъ въ оркестрѣ, загудѣлъ огромный исакіевскій колоколъ. Вся Ямская, проспавшая или такъ почему либо непопавшая къ ранней обѣднѣ, сбирается къ поздней, между тѣмъ какъ стряпухи такъ и суетятся около печей, сажая въ нихъ пироги съ сигомъ, обмазанные ржанымъ тѣстомъ окорока и прочія яства.

У подъѣзда дома подрядчика Загвоздкина стоитъ вороной рысакъ, запряженный въ широкую, такъ-называемую купеческую линейку. Солнце такъ и играетъ на его лоснящейся холеной спинѣ и на серебряныхъ сбруйныхъ украшеніяхъ. На козлахъ, какъ Юпитеръ на тронѣ, возсѣдаетъ жирный съ широкой бородой кучеръ. Около линейки посерединѣ дороги толпится нѣсколько мужиковъ въ дырявыхъ сѣрыхъ армякахъ. Они переминаются съ ноги на ногу, толкуютъ между собой вполголоса и повременамъ заглядываютъ въ подъѣздъ или смотрятъ на окна втораго этажа. По ихъ изнывающимъ лицамъ видно, что они кого-то поджидаютъ.

— Вотъ что, ребята; можетъ, мы тутъ такъ зря стоимъ, можетъ, онъ вовсе и не поѣдетъ. Кто его вѣдаетъ! слышится у нихъ.

— Такъ спроси кучера-то; онъ знаетъ.

— Спроси ты... Что же все я?

— А чего ты-то боишься? Нешто онъ тебя съѣстъ?

— Пусть лучше Вавило спроситъ: тотъ побойчѣе, да и на слово скоръ.

Наконецъ, Вавило, приземистый мужиченко, сморкается въ руку и, почесываясь, подходитъ къ кучеру.

— Землячокъ, а землячокъ, не во гнѣвъ тебѣ, позволь спросить, кто на этомъ самомъ рысакѣ поѣдетъ: самъ, или сама?

— Самъ съ самой... гордо и не шевелясь, отвѣчаетъ кучеръ.

— Такъ... Благодарствуемъ... Вишь рысакъ-то какой, поди тысячу или болѣе стоитъ... говоритъ Вавило, пятясь отъ кучера, и примыкаетъ къ толпѣ.

— А вы ждете, что ль? спрашиваетъ кучеръ.

— Да... поджидаемъ маленько.

— Вамъ кого?

— Да намъ бы самого надоть...

— А вы что за народъ?

— Да мы, вишь ты, милый человѣкъ, плотники, снова подходитъ къ кучеру уже ободрившійся Вавило.—Насчетъ постройки у него, значитъ, работали, да денегъ получить не можемъ.

— Такъ что жь вы тутъ толпитесь? Вѣдь онъ по субботамъ платитъ.

— Мы это-ста знаемъ. Ходили ужь, да не отдаетъ. Вчера даже и вовсе не допустили.

Кучеръ молчитъ, снимаетъ съ головы шляпу, вынимаетъ оттуда платокъ и отираетъ имъ лицо.

— Вотъ что, ребята, я вамъ скажу: идите-ка лучше за добра ума по домамъ. По воскресеньямъ у насъ расчету нѣтъ... говоритъ онъ наконецъ плотникамъ.—Да и лютъ онъ у насъ бываетъ, коли кто къ нему по воскресеньямъ за деньгами ходитъ...

— Это такъ, это точно... соглашается Вавило.

— Кто говоритъ! Это дѣйствительно... вторитъ толпа, но все-таки не расходится.

Между тѣмъ во второмъ этажѣ въ пестро и богатоубранной гостиной передъ простѣночнымъ зеркаломъ стоитъ самъ владѣтель рысака и жирнаго кучера, подрядчикъ Загвоздкинъ, и нацѣпляетъ себѣ на шею медали. Въ смежной комнатѣ слышится шуршанье и громъ туго-накрахмаленныхъ юбокъ. Это одѣвается

супруга Загвоздкина. Около Загвоздкина стоитъ девятилѣтній сынишка его и спрашиваетъ:

— Папенька, ежели вамъ теперь третью медаль пришлютъ, куда вы ее вѣшать будете?

— Теперь ужь медали не пришлютъ, а ежели пришлютъ, такъ крестъ. Тогда въ петлицу повѣшу и кавалеръ буду...

— А что дороже, крестъ или медаль?

— Медаль дороже, а крестъ выше, отвѣчаетъ отецъ, успѣвшій уже привѣсить медали, и встаетъ передъ зеркаломъ въ величественную позу.

„Теперь бы мундиръ мнѣ, такъ я бы, пожалуй, и бороду сбрилъ“, мелькаетъ у него въ головѣ.

— Папенька, вѣдь это вамъ за жертвы? спрашиваетъ сынъ.

— Вотъ эта за службу, а эта за пожертвованія, говоритъ Загвоздкинъ и тыкаетъ себя пальцемъ въ грудь.—Видѣлъ часовенку съ золотой крышей? Вотъ это я выстроилъ... Да въ пріютъ пожертвовалъ.

— А ежели я пожертвую, дадутъ и мнѣ медаль? задаетъ снова вопросъ сынъ, но отецъ ничего не отвѣчаетъ, надѣваетъ сюртукъ и кричитъ:

— Аграфена Ивановна, долго ли ты будешь пудриться-то? Манера копаться! Словно слѣпая въ банѣ.

— Сейчасъ, Иванъ Калистратычъ... Нельзя же вдругъ... И то, стягиваясь, лифъ разорвала, слышится голосъ супруги.

Черезъ десять минутъ она выплываетъ изъ спальной, шурча толстымъ шелковымъ платьемъ. Сзади ея ползкомъ слѣдуетъ горничная и уминаетъ отворотившійся шлейфъ.

— Ну, слава Богу! восклицаетъ супругъ.

— И то смучилась. Рубашку хоть выжми...

— Оттого и смучилась, что все не путемъ дѣлаешь..! Сказала Анисьѣ, чтобъ она нижнюю корку у пирога не подожгла?

— Сказала.

— Ну, тронемся. Господи благослови!

Загвоздкинъ крестится въ уголъ на образъ и говоритъ:

— Сколько я разъ говорилъ, чтобъ эту икону водкой съ мѣломъ... На палецъ копоти.

Выходитъ на подъѣздъ. Плотники все еще толпятся около дома. Они снимаютъ шапки и подходятъ къ Загвоздкину.

— Мы къ твоей чести, Иванъ Калистратычъ... Все насчетъ деньжонокъ... Заставь вѣчно Бога молить... начинаютъ они всѣ вдругъ; но Загвоздкинъ окидываетъ ихъ грознымъ взглядомъ и кричитъ:

— Нешто здѣсь мѣсто? Знаете, что я по суботамъ плачу!.. Прочь отъ моего дома, а то сейчасъ городоваго кликну и упрячетъ онъ васъ туда, куда и Макаръ телятъ не загонялъ! Ахъ вы бунтовщики! Не знаете еще, чѣмъ сибирка пахнетъ!? Парамонъ! Гони ихъ прочь отъ дома! обращается онъ къ стоящему у воротъ дворнику и садится съ супругою на линейку. — Въ Волково!

Кучеръ трогаетъ возжами. Рысакъ вздрагиваетъ и мчится, граціозно взмахивая ногами и оставляя за собою облака пыли.

Туземцы, имѣющіе патріархальный обычай ходить посреди улицы, сторонятся съ дороги, и такъ-какъ Загвоздкинъ лицо популярное, снимаютъ шапки и кланяются. Нѣкоторые, разинувъ рты, долго еще смотрятъ во слѣдъ и передаютъ другъ другу замѣчаніе о рысакѣ, о линейкѣ и о сѣдокахъ.

— Сама-то, кажется, опять на сносяхъ? говоритъ стоящая у воротъ баба другой бабѣ съ головой, покрытой московскимъ платкомъ съ изображеніемъ Наполеона.

— И, что ты, родная, больно скоро. Вѣдь она послѣднимъ-то мальчикомъ только на Фоминой опорожнилась, отвѣчаетъ собесѣдница, и Богъ-знаетъ о чемъ глубоко-глубоко вздыхаетъ.

Давно уже скрылся Загвоздкинъ, давно уже онъ въ Волковской церкви ставитъ къ мѣстнымъ образамъ рублевыя свѣчи и раздаетъ нищимъ пятаки, а плотники все еще стоятъ около его дома, разводятъ руками и толкуютъ о зажиленныхъ деньгахъ.

Къ нимъ подходитъ какой-то франтъ, фабричный съ гармоніей въ рукахъ.

— Въ чемъ дѣло? спрашиваетъ онъ?—О чемъ толкуете?

Тѣ разсказываютъ.

— А къ мировому?..

— Да вѣдь Богъ его вѣдаетъ, какъ къ мировому-то? Можетъ, намъ еще придется приплачивать...

— Ничего не приплатите. Нынче не прежня пора.

— Такъ-то оно такъ, да гдѣ его сыщешь мироваго-то?

— Эхъ вы! Деревня, такъ ужь деревня и есть! Наткнулся бы онъ на меня, такъ я бы съ него и за безчестье еще содралъ... говоритъ фабричный и отходитъ отъ плотниковъ, наигрывая на гармоніи и подпѣвая:

«Я глупа, неосторожна,
Мнѣ бѣжать бы отъ любви.
Обойтиться, знать, не можно,
Вѣдь не мы въ свѣтѣ одни.»

— Басурманъ! Чего распѣлся-то? Брось! Люди добрые у обѣдни, а ты пѣсни играть! останавливаетъ его сидящій за воротами въ опоркахъ на босу-ногу старикъ.

— А ты что за указчикъ? Откуда такой святой выискался? огрызается фабричный, однако оставляетъ играть, переходитъ улицу и исчезаетъ въ грязныхъ воротахъ, у которыхъ прибита вывѣска „вхотъ всатъ заведенія“.

Двѣнадцатый часъ. Давно уже провезли на Волково всѣхъ покойниковъ; прошли и проѣхали къ обѣднѣ богомольцы, прота-

щились даже и такіе, которые, по мѣстному выраженію, всегда являются въ церковь „къ шапошному разбору“, и утихло на нѣкоторое время праздничное движеніе; только мальчишки бѣгаютъ по улицамъ, запуская въ воздухъ бумажные змѣи, да выѣзжаютъ на промыслъ „ѣздящіе отъ себя“, то-есть на своихъ собственныхъ лошадяхъ извощики, ради праздника немного подолѣе обыкновеннаго „застоявшіеся на фатерахъ“. Продавцы могильныхъ крестовъ и вѣнковъ изъ моху съ бумажными розанами заварили въ трактирахъ чай и усѣлись около своихъ лавчонокъ вливать въ себя горячую влагу, тужа о томъ, что сегодня было мало подходящихъ покойниковъ.

— Только изъ больницъ и подваливали! А ужь тутъ какая пожива! толкуютъ они: — изъ-за хлѣба на квасъ не выручишь! То ли дѣло, какъ купца хоронятъ! Въ каждый экипажъ два-три вѣнка возьмутъ. Только двугривенные да гривенники обирай!

Но не надолго утихло движеніе въ Ямской. Вонъ у Іоанна Предтечи кончилась обѣдня. Народъ толпами валитъ изъ церкви и какъ-то нехотя расходится, группируется въ кучки, раскланивается съ знакомыми и толкуетъ о жарѣ, о духотѣ, о проповѣди, говоренной священникомъ.

— Славную проповѣдь сказывали. Вы слышали?

— То-есть какъ вамъ сказать... я далеко стоялъ, но все-таки возгласы слышалъ. Должно быть, очень хорошая проповѣдь.

Мальчишки-пѣвчіе, протискавшіеся сквозь толпу, затѣяли уже около паперти игру въ пятнашки. Какой-то солидный мѣщанинъ съ физіономіею „молодца на отчетѣ“ хотѣлъ-было водворить благочиніе и схватилъ одного мальчишку за ухо, но благочинія не водворилъ: мальчишка вырвался, показалъ ему языкъ и опрометью бросился въ сторону, чуть не сшибя съ ногъ выходящую изъ церкви толстую купчиху, раздававшую нищимъ милостыню.

Противъ паперти образовалась цѣлая шеренга ямскихъ фран-

товъ и жениховъ, остановившихся съ специальною цѣлью порисоваться передъ публикою въ новыхъ какого-нибудь яркаго цвѣта брюкахъ, глянцевыхъ „циммерманахъ“ и пестрыхъ жилетахъ, а также и посмотрѣть на расфранченныхъ, въ свою очередь, купеческихъ дочекъ. Въ шеренгѣ этой стоитъ также и офицеръ Петя Синепуповъ, промотавшійся сынокъ богатаго, уже умершаго купца, задумавшій для поправленія своихъ трудныхъ обстоятельствъ сочетаться законнымъ бракомъ съ единородною подрядческою дщерью Магнитовой, которая сегодня здѣсь въ церкви въ сопровожденіи горничной и должна сейчасъ показаться на паперти. Ее-то и поджидаетъ Петя Синепуповъ. Петя Синепуповъ недѣли уже три какъ началъ атаку сердца дѣвицы Магнитовой. Атаку эту онъ производитъ слѣдующимъ образомъ. Каждый день, въ извѣстное время, раза по три взадъ и впередъ проѣзжаетъ онъ на лихачѣ мимо дома Магнитовыхъ и пронзаетъ огненнымъ взглядомъ сердце избраннаго предмета, сидящаго обыкновенно у окна. Предметъ улыбается и закатываетъ подъ лобъ глаза, Петя же Синепуповъ украдкой посылаетъ летучій поцалуй. Но хотя и давно уже производитъ онъ эту атаку, а еще до сихъ поръ не перемолвилъ съ дѣвицею Магнитовою ни одного слова. Сегодня онъ во что бы то ни стало рѣшился съ ней заговорить.

Дѣвица Магнитова вышла изъ церкви, спускается съ паперти и идетъ по панели. Петя Синепуповъ, поправивъ бакенбарды и брякнувъ шпорами, направляется за ней. Пройдя сзади шаговъ двадцать, онъ равняется съ ней и говоритъ:

— Здравствуйте, Анна Ивановна.

Она молчитъ.

— Какія вы сердитыя и жестокія, даже словомъ подарить не хотите.

— Уйдите, Бога-ради! шепчетъ дѣвушка.—Когда нибудь въ другой разъ... за всенощной... Уйдите... Бѣда, ежели кто увидитъ.

Петя Синепуповъ отходитъ и думаетъ:

„Нѣтъ, такъ нельзя... Надо будетъ сваху заслать“.

Но зашлетъ или не зашлетъ онъ сваху, не видать ему дѣвицы Магнитовой, какъ своихъ ушей. Хотя она и горитъ желаніемъ выдти замужъ „за офицера или за благороднаго“, но почтенный родитель ея положительно всѣхъ „офицеровъ и благородныхъ“ считаетъ за лодырей, подъѣзжающихъ къ его карману, и давно уже рѣшилъ отдать дочь за такого же купца, какъ онъ самъ.

Нѣтъ, читатель, купцы давно уже поумнѣли въ этомъ отношеніи, и женитьба замотавшагося военнаго на богатой купеческой дочкѣ положительно стала переходить въ мифъ.

Толпа богомольцевъ, выходящихъ изъ церкви, начала рѣдѣть. На паперти появились старухи и монахини, выжидавшія, пока выйдетъ весь народъ; даже показалась выходящая всегда послѣднею полоумная, усатая старуха, вдова майора Стрекозина, извѣстная почему-то всей Ямской за генеральшу. Мальчишка-лакей въ оборванной ливреѣ съ взрослаго малаго тащилъ за ней складной стулъ, коврикъ и ридикюль съ просвирами и разными стклянками.

— Ну, староплендія повалила! проговорила шеренга франтовъ и, въ свою очередь, начала расходиться.

Не расходятся только мальчишки, затѣявшіе на оградѣ игры, да нѣкоторые взрослые охотники до кулачныхъ боевъ, всѣми силами старающіеся раззадорить мальчишекъ на драку.

Обитатели Ямской удивительно какъ любятъ драки вообще, будь то драки мальчишекъ, драки пьяныхъ у кабака или супружескія перепалки. Есть даже такіе охотники, которые, предварительно согласившись человѣкъ двадцать-тридцать, нарочно устроиваютъ на Волковомъ полѣ кулачные бои, гдѣ и выходятъ другъ на друга „стѣнка на стѣнку“. По преданію, въ старину въ Ям-

ской бывали такіе кулачные бои, что дралось въ одно и то же время человѣкъ двѣсти; бои эти всегда кончались искалѣченіемъ нѣсколькихъ бойцовъ, а иногда и чьей нибудь смертію. На бои эти съѣзжались смотрѣть богатые, досужіе люди и награждали побѣдителей деньгами и платьемъ.

Теперь, читатель, когда уже Ямская пообѣдала, когда ея тузы-аристократы, икая и крестя ротъ, чтобы туда какъ нибудь не залѣзла нечистая сила, завалились на боковую всхрапнуть часочекъ, а ихъ жоны и дочери засѣли изнывать у открытыхъ оконъ или отправились на зады въ огороды мотаться до одуренія на качеляхъ, заглянемте съ вами на мѣстное публичное гульбище. Гульбище это происходитъ на пустопорожнемъ, нѣкогда погорѣломъ мѣстѣ, обнесенномъ гнилымъ и всегда мокрымъ заборомъ съ извѣстными надписями мѣломъ и углемъ, гласящими, что „здѣсь воспрещается“ и проч. На мѣстѣ этомъ, кромѣ пяти-шести деревьевъ, распространяющихъ скудную тѣнь, и десятка бревенъ, замѣняющихъ собою скамейки, никакихъ иныхъ удобствъ не имѣется; но, несмотря на это, въ лѣтніе праздничные дни послѣ обѣда, когда посойдетъ немного солнечный зной, сюда сходится народъ попѣть, попрыгать на доскахъ и поиграть въ орлянку.

Что дѣлать, будешь доволенъ и этимъ, далеко не злачнымъ и не прохладнымъ мѣстомъ, коли въ Ямской по близости нѣтъ ни одного луга, ни одного сада, гдѣ бы было можно погулять и потѣшиться!

И такъ, мы на мѣстѣ гульбища. Народъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ стоитъ, бродитъ и даже лежитъ въ растяжку на кой гдѣ, какъ оазы въ пустынѣ, выдавшейся травкѣ. Всюду виднѣются глянцевые козырьки картузовъ, красныя рубахи мужчинъ и пестрыя платья женщинъ. Слышны пѣсни, звуки гармоникъ, балалаекъ, и даже пяриваетъ какую-то залихватскую

пѣсню пріютившаяся подъ деревомъ шарманка, владѣтель коей, отставной безногій солдатъ, не довольствуясь звуками, издаваемыми этимъ почтеннымъ инструментомъ, ухитрился привѣсить подъ ней треугольникъ, и изо всей силы бьетъ въ него свободной правой рукой. Около шарманки, шатаясь и еле передвигая ноги, пляшетъ какой-то пьяный, судя по обилію ключей, висящихъ на поясѣ, которымъ опоясана рубаха — должно быть, извощичій или какой нибудь ремесленный хозяинъ. На плясъ этотъ, какъ водится, смотритъ цѣлая толпа народу. Неподалеку отъ танцора стоитъ жена его, толстая женщина, въ шерстяномъ платкѣ и двуличневой косынкѣ, которой повязана голова, и такъ и заливается горючими слезами.

— Батюшки, голубчики, уймите вы его! Доведите вы его до дому! умоляетъ она народъ.—Вѣрите ли, вотъ теперь уже поди четвертый часъ, а мы все еще изъ Волкова отъ обѣдни идемъ. Отъ самаго кладбища, что ни есть трактиръ, что ни есть кабакъ по дорогѣ, въ каждый заходитъ. И вездѣ я съ нимъ. Потому, брось я его, онъ все до ниточки пропьетъ, а у него тридцать рублевъ денегъ... Отцы мои, доведите его! Изъ своихъ денегъ на пару пива дамъ. Господи, чтò я одного сраму-то съ нимъ натерпѣлась?

Но народъ не сочуствуетъ плачущей женщинѣ, а такъ и покатывается со смѣху на выкидываемыя пьянымъ колѣна. Наконецъ, выискивается какая-то добрая душа, подходитъ къ пьяному и говоритъ:

— Эй ты, милый человѣкъ! Хозяинъ! Послушай! Полно тебѣ мотаться-то; иди-ка лучше домой да выспись, а то вишь какъ тебя вѣтромъ носитъ.

— Меня вѣтромъ носитъ? Меня? Нѣтъ, братъ, шалишь! Я теперь кого хочешь съ ногъ спибу, вламывается въ претензію пья-

ный, оставляя плясать.—Ну-ко у кого зубы крѣпки? выходи на кулачки!

— Иванъ Родіонычъ, очухайся! Господь съ тобою! вопитъ жена и бросается къ мужу, но получивъ затрещину, еще съ бо̀льшимъ воплемъ отскакиваетъ.

— Ахъ ты, Аника воинъ! Связываться только съ хмѣльнымъ человѣкомъ не стоитъ, а то бы показать ему кузькину мать, чтобъ не бахвалился! говоритъ народъ, и вдоволь натѣшившись, расходится, такъ-какъ солдатъ уже пересталъ играть, взялъ шапку и пошелъ собирать съ слушателей деньги.

Вонъ въ одномъ углу играютъ въ орлянку. Высоко летятъ мѣдныя деньги, жадно смотрятъ за ихъ полетомъ игроки, и со всѣхъ ногъ бросаются взглянуть на упавшую монету, какой стороной она упала: орломъ или рѣшоткою, то-есть надписью. Пятаки, трешники и семитки такъ и переходятъ изъ кармана въ карманъ. Кто-то проигравшійся до послѣдней копейки предлагаетъ поставить гармонику въ двухъ двугривенныхъ; какого-то мастероваго успѣли уже поймать въ мошенничествѣ и „накласть въ шею“. Мастеровой, получивъ должное, ругается и, гремя мѣдными деньгами, отходитъ въ сторону. Его начинаютъ подозрѣвать въ шпіонствѣ.

— Смотрите, ребята, чтобы онъ со злобы сюда городоваго не привелъ, слышится у играющихъ. — Такъ играть нельзя... Нужно безпремѣнно къ воротамъ караульнаго поставить.

— Давайте по пятаку съ рыла, сейчасъ на караулъ стану! вызывается предлагавшій пустить въ игру вмѣсто денегъ гармонику.

Игроки предлагаютъ по семиткѣ. Начинается торгъ.

Подъ другимъ деревомъ, такъ же, какъ и солдатъ съ шарманкой, приткнулся продавецъ пряниковъ, пастилы, отзывающей-

ся сѣрымъ мыломъ, и копеечныхъ конфектъ съ портретами какихъ-то полногрудыхъ дѣвицъ съ трехъугольными ртами и носатыхъ, подбоченившихся генераловъ. У лотка продавца идетъ ломанье пряниковъ. Ухарь фабричный побился объ закладъ на двугривенный, что ребромъ ладони съ одного удара переломитъ десять пряниковъ.

Двое взяли пряники за концы.

— Эй, молодецъ, не обмишурься! говоритъ кто-то изъ зрителей.

— Не хочешь ли свой двугривенный приставить, предлагаетъ въ отвѣтъ на это фабричный, засучиваетъ рукавъ, взмахиваетъ и въ мелкіе куски ломаетъ пряники.

— Лихо! здорово попалъ! Силенка есть, одобряютъ зрители.

Фабричный начинаетъ хвастаться.

— Это еще что! Это ничего... говоритъ онъ. — Теперь я отъ работы поослабъ, а когда я при своемъ тятинькѣ въ нашемъ мѣстѣ состоялъ, такъ я подковы лошадиныя разгибалъ, двухпудовою гирею крестился! Ну, у кого еще двугривенный лишній завалялся—выставляй!

Но охотниковъ не находится. Фабричный сбираетъ въ платокъ поломанные пряники и направляется къ сидящимъ на бревнахъ дѣвушкамъ и изъ всей силы, совсѣмъ на особый, какой-то заунывный ладъ горлаящихъ извѣстную пѣсню „Хуторокъ“.

— Эй, красныя! Съ выигрыша пряниками угощаю! Повеличайте меня! кричитъ онъ.

— Вишь какой выискался: повеличайте... Видали мы и не такіе пряники! отвѣчаетъ бойкая, черноглазая извощичья матка.

— Ну, ты, шустрая, молчи: ты, можетъ, и кромѣ пряниковъ штуки видала!

Проходящіе смѣются.

— А коли ты хочешь здѣсь охальничать, такъ поворачивай отселева оглобли, говорятъ дѣвушки.

— Ну, ну, въ серьгахъ не балуйте,—опасно!.. зубоскалитъ фабричный.—Вамъ бы съ купеческимъ сыномъ хотѣлось поиграть? Я за него. Мы тоже не лаптемъ щи хлебаемъ, а хозяина на лѣвую ногу обдѣлаемъ, такъ и сами въ купцы запишемся. Раздайся грязь, навозъ ползетъ! Румяныя, раздвиньтесь-ка, позвольте на бревнышко присѣсть. Я вѣдь самъ до пѣсенъ-то лихъ—подтяну.

— Садиться—садись, только не охальничай и рукамъ воли не давай, предлагаютъ дѣвушки условіе, раздвигаются, пускаютъ парня сѣсть въ середину и снова затягиваютъ заунывный „Хуторокъ“, но не надолго, такъ-какъ сосѣдки парня съ визгомъ вскакиваютъ съ мѣста.

— Что, Катя?

— Да нѣтъ, нельзя..! Онъ хватается.

— Я хватаюсь? Я? И въ мысляхъ не имѣлъ. Даже побожусь, ежели хотите, говоритъ фабричный.—Вотъ-те ель-бокомъ—пальцемъ никого не тронулъ.

— Ты намъ зубы-то не заговаривай! Вишь какой выискался!

— Ну, коли трогалъ, такъ обыщи меня... На̀! Что найдешь—все твое!

— А мы вотъ попросимъ другихъ парней, чтобъ тебя въ зашеи спровадили...

— Какъ бы не такъ! Нѣтъ, умницы, не родились еще такіе парни-то! Пусть-ка кто сунется, я ему загривокъ-то наколочу!

— Да уйди ты, безбожникъ, коли тебя дѣвки честью просятъ, вмѣшивается въ разговоръ баба постарше.

— А! Теперь честью... Такъ, давно бы такъ... Ну, про-

щенья просимъ! и высыпавъ въ подолъ первой попавшей на глаза дѣвушкѣ пряники, фабричный отходитъ и снова направляется къ прянишнику, разсчитывая, нельзя ли еще кого нибудь обыграть на двугривенный.

Тузы-аристократы возстали уже отъ послѣ-обѣденнаго сна. Проснулся, отзвонивъ свои законные два часика, и купецъ Тугоносовъ. Вонъ онъ въ зеленомъ, шолковомъ халатѣ, подаренномъ ему женою въ имянины, уже минутъ десять стоитъ у открытаго окна, потираетъ руками отлежавшіеся члены и безсознательно смотритъ на находящійся по ту сторону улицы заборъ, на мужика, остановившагося у забора, и на расписныя вывѣски кабака. Докучливая муха, три раза сѣвшая къ нему то на носъ, то въ ноздрю, выводитъ его, наконецъ, изъ безсознательнаго состоянія.

— Анисья! кричитъ онъ.

Является дородная горничная въ розовомъ платьѣ.

— Подай бутылку квасу, да ставь самоваръ.

— Самоваръ ужъ готовъ-съ. Хозяйка въ спальну велѣла подавать, говоритъ горничная.—У нихъ гостья-съ: странница Анфиса.

— Ну, ладно. Подай квасу.

Яявляется квасъ. Тугоносовъ залпомъ выпиваетъ два стакана и начинаетъ разсматривать висящіе на стѣнѣ портреты митрополитовъ въ бѣлыхъ клобукахъ и свой собственный портретъ. на которомъ онъ изображенъ съ атрибутомъ своего ремесла, со счетами въ рукахъ.

„Господи, какая скука! хоть бы какая собака забѣжала въ шашки поиграть, что ли...“ думаетъ онъ, и зѣвая, снова подходитъ къ окну созерцать заборъ и кабацкія вывѣски.

Но вотъ по тротуару на противоположной сторонѣ плетется сгорбленная приземистая личность съ краснымъ сафьяннымъ ли-

цомъ, одѣтая въ сѣрый коломенковый сюртучокъ и такіе же брюки.

Тугоносовъ замѣчаетъ личность и начинаетъ улыбаться.

— Эка рожа! Эка каверзная рожа! Словно торжковская голенища! шепчетъ онъ, и наконецъ кричитъ: — эй, Киркинъ! Кляуза!

Сафьянное лицо останавливается, начинаетъ озираться по сторонамъ и, наконецъ, увидавъ стоящаго у окна Тугоносова, срываетъ съ головы своей засаленную фуражку съ кокардой и раза три кланяется въ поясъ.

— Что тамъ-то торчишь? Подойди сюда! кричитъ Тугоносовъ.

Сафьянное лицо переходитъ улицу и останавливается подъ окномъ.

— Откуда треплешь? Поди, все по кабакамъ?...

— Никакъ нѣтъ-съ, Федосѣй Иванычъ. Грѣшнымъ дѣломъ зашелъ разочикъ, но только истинно для праздника. У купца Лыкина былъ. Я ихнимъ молодцамъ адресные билеты выправляю.

— Что, братъ, по кляузнымъ дѣламъ нынче плохо, такъ за адресные взялся. Вишь ты, въ новомъ пальтишкѣ! Гдѣ эдакую кургузку досталъ?

— Трактирщика Шихарева изволите знать? Они подарили.

— Ну, ври... Поди, гдѣ нибудь слимонилъ. Заходи съ грязнаго крыльца... Дѣло есть... Да смотри, такъ не лѣзь въ горницу, а прежде лапы-то въ кухнѣ оботри. Ну, маршъ!

— Сію минуту-съ, шепчетъ скороговоркой сафьянное лицо, еще разъ отвѣшиваетъ низменный поклонъ и исчезаетъ въ воротахъ.

Тугоносовъ также отходитъ отъ окна.

— Чортъ его дери, хоть съ нимъ въ шашки сыграть, что ли... думаетъ онъ и направляется въ спальню.

Въ спальнѣ за самоваромъ сидитъ супруга Тугоносова. Около нея помѣщается странница Анфиса, женщина лѣтъ сорока. Она въ черномъ ситцевомъ платьѣ бѣлыми мушками и такомъ же платкѣ, которымъ окутана голова. При входѣ Тугоносова она встаетъ и кланяется.

— А, живая душа на костыляхъ! Откуда, съ Афонскихъ горъ, что ли? спрашиваетъ Тугоносовъ, смѣясь.

— Нѣтъ, батюшка. Гдѣ намъ грѣшнымъ и неимущимъ! А пришла я теперь отъ святыхъ угодниковъ новгородскіихъ, отвѣчаетъ странница.

— Федосѣй Иванычъ, вотъ мать Анфиса говоритъ, что не годится въ горницу собаку пускать, потому, гдѣ въ горницахъ пёсъ или психа бываетъ, тамъ молитва недѣйствительна, благодати нѣтъ... Я вотъ теперь все думаю: напрасно мы нашу Арапку въ кухнѣ кормимъ... говоритъ супруга, но супругъ обрываетъ.

— Ну вотъ, сморозь еще что-нибудь! Вретъ она, а ты слушаешь.

Водворяется молчаніе. Въ дверяхъ показывается сафьянное лицо Киркина.

— Войди, войди, не бойся, говоритъ Тугоносовъ.

Киркинъ входитъ и раскланивается.

— Садись. Что словно верста торчишь!

Киркинъ садится. Тугоносовъ опускается въ кресло подлѣ него и начинаетъ потирать свои колѣни.

— Ну, мать Анфиса, какъ тебѣ этотъ человѣкъ нравится?

— Всѣ подъ Богомъ, Федосѣй Иванычъ; всѣ подъ своей планидой рождены, отвѣчаетъ со вздохомъ Анфиса.

— Такъ, дѣйствительно. Ну, а хочешь, я тебѣ его посватаю? Человѣкъ хорошій: завсегда въ недѣлю два дня трезвый бываетъ. Одно вотъ только: рожа у него немного красна. Ну,

да это, видишь, потому, что она изъ одного мяса безъ покрышки—кожи въ запасномъ магазинѣ не хватило.

— Не стыдно это тебѣ, Федосѣй Иванычъ, надъ бѣдными людьми такъ ахальничать! вмѣшивается супруга.

— Оставьте, матушка, оставьте: не вѣдаетъ бо что творитъ! шепчетъ странница.

Водворяется снова молчаніе. Всѣ пьютъ чай. Наконецъ Тугоносовъ говоритъ:

— Кляуза, не сыграть ли намъ съ тобой въ шашки? Я проиграю—гривенникъ твой; ты проиграешь — аспида и василиска изображай.

— Можно-съ, соглашается Киркинъ.

— Ну такъ тащи изъ залы шашешницу. Да смотри, не стяни тамъ чего...

Является шашешница, начинается игра. Киркинъ проигрываетъ. Тугоносовъ торжествуетъ.

— А, попался, стой! Изображай аспида и василиска, восклицаетъ онъ.

Съ ужимками и гримасами Киркинъ встаетъ съ мѣста, удаляется въ уголъ, сгорбливается, оскаливаетъ зубы и, ставъ на четвереньки, съ рычаніемъ подходитъ къ хозяину дома, который такъ и покатывается со смѣху.

— Пиль ее, усь ее! кричитъ онъ, указывая на Анфису.

Киркинъ лѣзетъ на странницу и приводитъ его еще въ большій восторгъ.

Василискъ изображенъ. Начинается изображеніе аспида, заключающееся въ безобразномъ ползаньи и катаньи по полу.

— Довольно, довольно, говоритъ досмѣявшійся до слезъ Тугоносовъ.—Ну тебя къ лѣшему! Вотъ тебѣ за потѣху два двугривенныхъ. Садись, сейчасъ водку подадутъ.

— Что это, матушка, юродивый, что ли? спрашиваетъ хозяйку Анфиса.

Хозяйка хочетъ что-то сказать, но Тугоносовъ перебиваетъ:

— Слышишь, кляуза, тебя за юродиваго приняли. Да, да, юродивый. Въ судѣ юродствовалъ, да его оттуда за юродство, то по шеямъ спровадили.

На столъ подаютъ водку и закуску. Хозяинъ и гость выпиваютъ.

— Ну, а коли ты юродивый, говоритъ Тугоносовъ, прожевывая кусокъ:—такъ вздумай, что мнѣ сегодня вечеромъ дѣлать, чтобъ тоску разогнать.

— Богатому человѣку можно все сдѣлать, Федосѣй Иванычъ, отвѣчаетъ Киркинъ. — Созвать гостей, затѣять угощеніе, картишки...

— Картишки? Это, братъ, я самъ знаю... А берешься ли ты мнѣ гостей созвать?

— Можно-съ.

Тугоносовъ задумывается.

— Ну, такъ вотъ что, говоритъ онъ. — Убирайся же ты вонъ и бѣги къ Федору Ивановичу Бирюкову да къ Галкину и скажи, что я прошу ихъ на горку. Дескать, запросто. Ну, понялъ? Дыши! А за другими я самъ пошлю. Да забѣги сказать отвѣтъ.

Киркинъ уходитъ и въ домѣ Тугоносова начинается сумятоха. Хозяйка не хочетъ ударить себя въ грязь лицомъ передъ гостями и затѣваетъ стряпню велію.

— Ахъ, нравъ какой, ахъ, какой нравъ странный у Федосѣя Иваныча, жалуется она кухаркѣ, вытаскивая изъ кладовой банки съ вареньемъ и прочими яствами. — Вдругъ ни съ того ни съ сего, взялъ да и назвалъ гостей!

— Ужъ не говорите, говоритъ кухарка и машетъ рукой.

Девять часовъ. Надъ Ямскою, по выраженію здѣшнихъ галантерейныхъ личностей, уже сонный ангелъ летать началъ, а къ Тугоносову только еще сбираются гости.

— Что за пиръ сегодня у Федосѣя Иваныча!? дивятся сосѣди, завидя во всѣхъ окнахъ свѣтъ, и стараются узнать причину у кучера, дворника и прислуги.

Улягутся обитатели Ямской на покой, проспятъ они первый, второй и третій сонъ, а у Тугоносова все еще будетъ свѣтъ, все еще будетъ продолжаться игра и будутъ переходить синія, красныя и лиловыя бумажки изъ кармана одного игрока къ другому. Поздно или лучше рано поутру разойдутся хмѣльные гости, наглотавшіеся кто съ проигрышу, кто съ выигрышу разной хмѣльной дряни, и разойдутся по пустымъ улицамъ, натыкаясь на кой гдѣ бодрствующихъ городовыхъ, да на мирно спящихъ у воротъ дворниковъ, завернувшихся въ теплые нагольные тулупы.

КРЕСТИНЫ ВЪ ЯМСКОЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ,

Что Шкворниха родила,—объ этомъ знала вся Глазовская улица. Знали даже, что и роды были трудные, такъ что пришлось посылать къ коновалу Кулаку за наговореннымъ поясомъ, но и поясъ не помогъ и родильница разрѣшилась только тогда, когда бабка-повитуха навязала ей на лѣвую щиколку кожу, содранную съ угря, да работникъ Иванъ убилъ галку и приколотилъ ее за крылья къ подворотнѣ дома. Повитуха получила за это золотой, а работникъ Иванъ рубль серебромъ и могъ безнаказанно пьянствовать четыре дня, не боясь вычета изъ жалованья, такъ что даже пропилъ зашитые въ шапку пять рублей, которые уже недѣли двѣ собирался послать въ деревню.

Семенъ Харитонычъ Шкворневъ, мужъ Шкворнихи, содержатель постоялаго двора, кузницы и извощичьихъ каретъ, помѣщавшихся въ его собственномъ каменномъ домѣ, былъ очень радъ рожденію сына, купилъ на его счастье пяти-процентный билетъ съ выигрышами и задумалъ устроить крестины съ приличной вечеринкой; вслѣдствіе чего, наканунѣ крестинъ тотъ же работникъ Иванъ ходилъ по хозяйскимъ знакомымъ и повторялъ слѣдующую фразу; „Семенъ Харитонычъ и Фелисата Ивановна приказали кланяться и просить къ себѣ завтра на чашку чаю. Крестины будутъ-съ. Просили пораньше: къ шести часамъ.“

— Кланяйся и благодари, безпремѣнно будемъ, говорили приглашенные и выносили Ивану стаканъ водки и закуску.

Въ день, назначенный для крестинъ, весь домъ Шкворнева принялъ какой-то праздничный видъ. На окнахъ висѣли только что вымытыя занавѣски, старая краснаго дерева мебель была вымазана деревяннымъ масломъ, стеариновыя свѣчи въ позолоченныхъ стѣнникахъ, обыкновенно всегда загаженныя мухами, были вымыты, образа вычищены и передъ ними теплились лампады.

Кухонный штатъ увеличился двумя стряпухами, какими-то дальними хозяйскими родственницами, которыя мѣсили тѣсто, щипали куръ, гусей и то и дѣло бѣгали черезъ дворъ въ погребъ или чуланъ, переругиваясь при этомъ съ работниками. Бабка-повитуха Карповна, явившаяся съ утра, возилась съ ребенкомъ. Его то и дѣло, что мыли, мазали деревяннымъ масломъ и совали въ ротъ соску. Мытье происходило не безъ особенныхъ церемоній. Во время обливанія водой, бабка приговаривала: „какъ съ гуся вода, такъ съ нашего молодца худоба!“ и при этомъ лизала ему крестообразно спину и сплевывала.

Пять часовъ. За священникомъ и дьячкомъ послана уже карета, постоянно стоящая на дворѣ, такъ какъ на извощичьей биржѣ ее уже давно перестали нанимать по причинѣ ободраннаго и вымазаннаго дегтемъ нутра, заколоченной гвоздями правой дверцы и отсутствіемъ стеколъ. По чистой комнатѣ ходитъ взадъ и впередъ самъ Шкворневъ и ждетъ гостей. Голова и борода его достаточно вымазаны помадой. Его дутые сапоги такъ и скрипятъ, прилипая къ вымытому квасомъ полу. Отъ нечего дѣлать онъ мурлыкаетъ себѣ что-то подъ носъ и разматриваетъ висящія на стѣнѣ картины съ такимъ вниманіемъ, какъ будто ихъ первый разъ видитъ.

— Фелисата Ивановна, говоритъ онъ, наконецъ, заглядывая

въ спальню:— ты бы распорядилась закусочку накрыть. Вѣдь ужъ сейчасъ собираться начнутъ. А то придутъ, — и ничего нѣтъ...

— Господи, такъ неужто вы будете до святаго крещенія нахлестываться? въ удивленіи восклицаетъ супруга.

— Не нахлестываться, а такъ... можетъ кто по рюмочкѣ.

— Слѣдуетъ, родная, слѣдуетъ: во всѣхъ домахъ накрываютъ, вмѣшивается бабка Карповна.—Вонъ у Воробьевыхъ крестили, такъ и у тѣхъ съ утра. Ставь, родной, столъ-то, а я сейчасъ распоряжусь въ кухнѣ, обращается она къ Шкворневу.

Черезъ четверть часа столъ накрытъ. Шкворневъ откупориваетъ бутылки и съ любовію разставляетъ ихъ на столѣ въ симметрическомъ порядкѣ. Бабка суетится также. Она обдергиваетъ скатерть и шепчетъ Шкворневу:

— Вотъ что, родной: какъ будутъ крестить и удалишься ты въ другую комнату,—не забудь творить молитву Кузьмѣ и Демьяну, черезъ это дитя послушное будетъ.

Но вотъ звякнулъ разбитый звонокъ. Бабка бросилась отворять двери. Шкворневъ обдернулся передъ зеркаломъ, поплевалъ на руку и пригладилъ виски. Въ прихожей раздался чей-то кашель и потомъ возгласъ:

— А, Карповна! живая душа на костыляхъ!

Это былъ погребщикъ, сосѣдъ Шкворнева. Сзади его стоялъ мальчишка и держалъ корзинку, изъ которой выглядывала солома.

— Ивану Иванычу! раскланялся хозяинъ, протягигая гостю руку, но гость ткнулъ его въ грудь и проговорилъ:

— Черезъ порогъ не слѣдуетъ; вошелъ въ залу и троекратно облобызался съ нимъ со щеки на щеку. — Съ новорожденнымъ!.. А вотъ ему и на зубокъ. Хмѣльное. Пусть съ измалѣтства привыкаетъ... Ну, ставь корзинку-то! Что суетишься, словно слѣпая въ банѣ! крикнулъ онъ на мальчишку.

— Э, Иванъ Иванычъ, напрасно безпокоишься. Ну, къ чему это? говорилъ Шкворневъ, принимая корзинку.

— Что за безпокойство! Свое, — не покупное!

— Такъ-то такъ, а все-таки... Садись.—Фелисата Ивановна! крикнулъ онъ.

Изъ спальной выплыла супруга. Она была въ синемъ шелковомъ платьѣ, въ ковровомъ платкѣ и двуличневой косынкѣ на головѣ. Начались цѣлованія.

— Мучались, я слышалъ? спросилъ погребщикъ.

— Маненько, отвѣчала она.

— Ну это завсегда-съ первымъ ребенкомъ, а потомъ пообойдетесь, такъ живымъ манеромъ. У меня жена вотъ точно также...

Фелисата Ивановна потупилась и закрыла лицо носовымъ платкомъ.

— Чего стыдишься-то? Вѣдь не дѣвушка, замѣтилъ мужъ.— Ну ужъ, ступай себѣ: поди, ребенокъ-то груди хочетъ.

Жена встала и поплелась въ спальню.

— Удивительно, что это такъ долго гости не собираются, да и отца Тимофея нѣтъ, проговорилъ Шкворневъ.

— Соберутся, отвѣтилъ гость, вздохнулъ, взглянулъ на окорокъ ветчины, стоящей на столѣ, и спросилъ: „почемъ покупали“?

Вскорѣ однако гости начали собираться. Пріѣхалъ „въ телѣжкѣ на дорогомъ рысакѣ Родіоновъ, хлѣбный торговецъ „съ берегу“ —будущій отецъ крестный новорожденнаго. Съ нимъ былъ долговязый сынишка Ванюшка, въ синемъ сюртукѣ ниже колѣнъ и свѣтлыхъ брюкахъ разводами. Черезъ шею у него висѣла золотая массивная цѣпь съ брилліантовою задвижкою, и на головѣ была фуражка съ заломомъ, какую обыкновенно носятъ подмосковные фабричные. Поздоровавшись съ хозяиномъ, Ванюшка тотчасъ убѣжалъ на голубятню, устроенную на сѣновалѣ Шкворневскими работниками, навязалъ на палку платокъ и началъ имъ

махать, гоняя голубей. Прибыло семейство Кольманова, подрядчика-извощика. Съ нимъ были двѣ дочери „невѣсты“, жена и подростокъ сынъ, охотникъ до пѣнія на клиросѣ у Іоанна Предтечи. Пріѣхала сестра Шкворнева, — будущая кума съ мужемъ апраксинцомъ. Пришли: коновалъ, славившійся леченіемъ отъ запоя, зубной боли и грыжи, овошенникъ Ключевъ съ женою и головою сахару на зубокъ новорожденному, и вскорѣ загремѣла, въѣзжая на дворъ, карета съ заколоченной правой дверцей, въ которой сидѣли священникъ и дьячокъ.

— Отецъ Тимофей пріѣхалъ! Отецъ Тимофей! заговорили гости, завидя въ окна карету, и повскакали съ мѣстъ.

— Кошку-то вынесите, неприлично... замѣтилъ кто-то, указывая подъ диванъ.

Въ прихожую вошелъ священникъ. Три стряпухи опрометью бросились къ нему и отъ усердія чуть не сорвали съ него верхнюю рясу. Онъ расчесалъ волосы и, крестясь, направился въ чистую комнату. Сзади его, въ почтительномъ отдаленіи, слѣдовалъ дьячокъ съ ризою подъ мышкой, раскланивался по сторонамъ и по временамъ кашлялъ въ руку. Дьячокъ былъ гладко выбритъ и горло его было до такой степени перетянуто какою-то черною тряпицею, исполнявшею роль галстука, что лицо налилось кровью и даже выпучились глаза. Къ священнику подходили подъ благословеніе, и наконецъ посадили его на диванъ между почетными лицами.

Гости какъ то робѣли начинать разговоръ. Говорили только хозяинъ и Родіоновъ и говорили о томъ, кто изъ священниковъ получилъ камилавку, кто скуфью, кто набедренникъ. Между тѣмъ церковный сторожъ съ работникомъ втащили купель и поставили въ углу. Дьячокъ развернулъ узелъ съ ризой. Священникъ покосился въ уголъ и взглянулъ на образъ.

— Древняя икона. Теперь древнія и богатыя иконы только

въ купечествѣ и встрѣтишь, проговорилъ онъ и, поднявшись съ мѣста, спросилъ: — прикажете начинать?

Начался обрядъ. Кумъ и кума встали за священникомъ. Бабка съ ребенкомъ на рукахъ помѣстилась въ серединѣ. Отецъ скрылся въ другую комнату. Жена овошенника Ключова также удалилась куда-то: она была „по вѣрѣ", то-есть раскольница и не хотѣла присутствовать при крещеніи. Самъ Ключовъ былъ менѣе ревностенъ и остался въ комнатѣ, но стоялъ поодаль, у печки, около стола съ закуской, и не крестился. Послѣ обряда кумъ поднесъ ребенка къ матери и отцу. За нимъ послѣдовала и кума.

— Ну, растите на радость, проговорилъ кумъ, передавая ребенка и отдарилъ родильницу „ризками"—шелковою матеріею на платье и полдюжиною серебряныхъ ложекъ. Кума подарила также ризки и серебряную солонку.

Черезъ пять минутъ бабы уже колотырили.

— Ну ужь, нашла что подарить! Солонку! Тоненькая претоненькая, словно изъ бумаги. Сквалыга!

— Не она... Она бы и душою рада, да мужъ у ней аспидъ, увѣряли нѣкоторыя.

— Ну ужь, и сама тоже ягода! Мнѣ прачка-то Прасковья сказывала. Она и у нихъ, и у насъ стираетъ. Развѣ не видѣли, какову рубашку-то крестильную принесла? Дерюга дерюгой; только и виду, что лентами украшена.

Въ залѣ между тѣмъ бабка Карповна ходила съ бутылкой донскаго и двумя бокалами на подносѣ. Она подносила гостямъ вино и кланялась. Гости пили и клали на подносъ, кто рубль, кто полтинникъ. Кумъ отвалилъ зелененькую. Какой-то кудрявый гость въ сизой сибиркѣ, какія обыкновенно носятъ приказщики-лабазники, чтобы не даватъ денегъ бабкѣ, выскочилъ на это время на дворъ подъ видомъ того, чтобы посмотрѣть, не на-

пились ли кучера, но бабка выслѣдила-таки его, и только что онъ показался въ дверяхъ, какъ уже она стояла передъ нимъ съ бокаломъ.

— Я ужъ пилъ, проговорилъ-было онъ.

— Когда же? помилуйте... Пожелайте счастія, настаивала она.

Всѣ гости обратили на него вниманіе. Онъ покраснѣлъ, схватилъ бокалъ, глотнулъ, закашлялся и съ сожалѣніемъ выложилъ на подносъ два двугривенныхъ.

Отъ дани уберегся только Ванюшка Родіоновъ и то потому, что просидѣлъ на голубятнѣ.

Тотчасъ же послѣ крестинъ женская половина отдѣлилась отъ мужской и ушла къ хозяйкѣ въ спальную. Бабка сосчитала собранныя деньги, завязала ихъ въ кончикъ носоваго платка и начала возиться около ребенка. Гости просили показать ребенка.

— Смотрѣть смотрите, родныя, говорила бабка:—только не ахайте и ежели хвалить будете,—то оплюйтесь; потому, не въ обиду будь сказано, глазъ нынче почти у всѣхъ ядовитъ.

— Что ты?

— Какъ передъ Богомъ. На прошлой недѣлѣ крестили у Дыбовыхъ. Дѣвочку сама родила. Я принимала. Начали вотъ эдакъ тоже послѣ крестинъ приходить да смотрѣть, — ну, извѣстно, ахали. На другой день стала я ее пеленать, глядь,—а ножка-то у ней вывернута.

— Ай, скажи на милость! Жалость какая, говорили гости и лѣзли стотрѣть ребенка.

Поспоривъ между собою, на кого онъ похожъ, на отца или на мать, онѣ чинно разсѣлись на диванѣ и на стульяхъ. Хозяйка поставила передъ ними на столъ варенье, пастилу и пряники.

— А то вотъ въ вѣдомостяхъ было писано, что въ какой-то землѣ одна женщина камень родила, говорила, полная въ брил-

ліантовыхъ серьгахъ гостья. Это тоже, надо статься, отъ глазу или отъ порчи.

— Отъ порчи, прибавила другая: — отъ порчи ужасъ что бываетъ. Когда мы съ мужемъ ѣздили въ Тихвинъ на богомолье, такъ тамъ тоже про одну порченную разсказывали: та три года родить не могла и все мучилась.

Въ чистой комнатѣ мужчины уже подходили къ закускѣ. Первый подошелъ священникъ. Онъ выпилъ рюмку водки, сморщился, ткнулъ вилкой въ селедку и проговорилъ:

— Я все насчетъ вашей иконы; древняя, очень древняя.

— Да-съ, это еще покойника женнина отца, отозвался хозяинъ.—Иванъ Иванычъ, Меркулъ Степанычъ, пожалуйте...

— Выпьемъ, выпьемъ... Да только, чтобъ первый-то пылъ прошелъ, говорили приглашенные.

Священникъ между тѣмъ отеръ губы, погладилъ бороду и началъ глазами кого-то искать.

— Гавриловъ! проговорилъ онъ наконецъ.

Сидѣвшій въ углу дьячокъ поспѣшно кашлянулъ и всталъ съ мѣста.

— Ты ступай домой, да на дорогѣ зайди къ попадьѣ и скажи, что я чай пить остался.

— Слушаю-съ, проговорилъ дьячокъ и началъ-было уходить, но хозяинъ остановилъ его, сунулъ ему что-то въ руку и подвелъ къ закускѣ. Тотъ покосился на священника, налилъ рюмку водки и самымъ искуснымъ образомъ вылилъ ее въ горло.

— Закусить-то...

— Покорнѣйше благодарю, я хлѣбцемъ-съ... проговорилъ дьячокъ и вышелъ изъ комнаты, но домой не пошелъ.

Въ столовой его остановили гости. Они о чемъ-то спорили.

— Иванъ Андреичъ, Иванъ Андреичъ, поди сюда.

Дьячокъ подошелъ.

— Скажи, пожалуста, есть такіе голоса свирѣпые, что вотъ возьметъ рюмку, крикнетъ въ нее и рюмка пополамъ?

— Есть-съ, то есть такіе есть-съ, что уму непостижимо, отвѣчалъ дьячокъ.

— Ну, а можетъ человѣкъ черезъ пѣніе животъ надорвать?

— Можетъ-съ, особливо ежели съ непривычки и на воздухѣ... Однако прощайте, пора...

— Куда? Погоди. Мы выпьемъ.

— Да нельзя-съ, домой надо: — отецъ протоіерей просилъ къ попадьѣ зайти.

— Ну вотъ! Успѣешь! Садись!

Дьячокъ сѣлъ. Въ столовой также поставили закуску и водку. Гости подходили, пили и развеселились. Кто-то затянулъ: „Тебе на водахъ“.

— Не на тотъ гласъ пѣть изволите, проговорилъ дьячокъ и поправилъ.—Охъ ужь, какъ мы эти гласы знали! Бывало, ночью разбуди, спроси — знаемъ. Ужь и учили же. Регентъ у насъ былъ Ферапонтовъ. Голосу своего не имѣлъ, потому къ вину малодушество чувствовалъ, но за то учить — бѣда! Насъ мальчишекъ, бывало, поминутно камертономъ въ голову. Вѣрите ли, у нѣкоторыхъ даже плѣши образовались. Однако пора-съ ..

— Господи, да что съ одного: пора да пора!

— Неловко-съ. Отецъ Тимофей заглянуть могутъ, а я здѣсь.

— Ну такъ пойдемте, братцы, къ работникамъ въ артельную, подалъ совѣтъ воротившійся съ голубятни Ванюшка: — тамъ и попоемъ, и за виномъ пошлемъ.

Совѣтъ былъ принятъ и человѣкъ шесть отправилось въ артельную.

Въ чистой комнатѣ уже раздвинули столы и сѣли играть въ карты,—въ трынку и стуколку. Графины и бутылки были уже на половину отпиты и гости отирали обильный потъ, катившійся

съ ихъ лбовъ. Священникъ не игралъ, сидѣлъ поодаль съ хозяиномъ и пилъ пуншъ.

Въ углу, на единственномъ свободномъ трехъ-саженномъ пространствѣ, шныряли, взявшись подъ руки, три дѣвицы и шушукались.

— Нынче передъ майскимъ парадомъ у насъ постоя не будетъ. Папинька откупился, говорила одна дѣвица.

— А у насъ такъ будетъ, шептала другая. — Для офицеровъ ужь и комната назначена. Прошлый годъ двое стояли, такъ все меня апельсинами угощали. Разъ что же, взяли да къ апельсину любовную записку булавкой и пришпилили. Когда они уѣхали, такъ въ комнатѣ на дверяхъ, на стѣнахъ, вездѣ было имя мое написано: Маша, ангелъ, Марія, душка и стихи:

Лишь только солнце закатится,
Какъ я пойду въ рѣку топиться.
Она мила, какъ дѣва рая,
Скажу объ ней я, умирая.

Если эти опять придутъ, такъ вотъ стыдъ-то будетъ!

— Маша, Маша, ты насъ тогда къ себѣ гостить пригласи, пристаютъ къ ней подруги.

Въ спальной гости также оживились. На окнѣ уже стояли двѣ порожнія бутылки изъ-подъ кіевской наливки и разговоры такъ и лилились рѣкой. Тутъ, какъ говорится, перемывали кости чуть ли не всей Ямской. Было сообщено, что Дымиха на шею прикащику вѣшается, что Хлыновъ старшаго сына за пьянство высѣкъ, что у Химкиныхъ изъ-за серебрянаго подноса свадьба разстроилась и женихъ въ отместку прилѣпилъ на ворота невѣстина дома какое-то пакостное объявленіе и прочее.

У мужчинъ игра дошла до почтенныхъ размѣровъ. Летѣли синенькія и красненькія бумажки.

— Экъ тебя червями-то несетъ,—удержись! говорилъ кто-то.

— А мы вотъ казачьимъ тузомъ пройдемъ.

Погребщикъ Иванъ Иванычъ выигрывалъ, острилъ и каждой картѣ давалъ свои названія: короля звалъ водовозомъ, даму—свахой, валета—халуемъ, а козырнаго туза почему-то долговымъ отдѣленіемъ.

— Нате-ка вамъ долговое отдѣленіе, говорилъ онъ, ходя съ туза.—Вались, король и дама, комаръ и муха! Вотъ такъ, кто-то ремизъ!

Извощикъ-подрядчикъ Колымановъ проигрался, переругалъ всѣхъ, вышелъ изъ-за стола и съ горя напился.

— Семенъ Харитонычъ! Семенъ Харитонычъ! приставалъ онъ къ Шкворневу.—У тебя теперь сынъ есть, такъ какъ подростетъ, учи его, учи непремѣнно, чтобъ оболтусомъ не былъ.

— Да ужь выучимъ, выучимъ.

— А какъ ты его учить-то будешь? Знаешь ли, какъ учить-то надо? А?

— Да ужь знаю...

— Нѣтъ, не знаешь! А какъ? Ты у меня спроси: я двухъ выростилъ. Вотъ какъ учить нужно: когда онъ подростетъ и будетъ мальчонка лѣтъ пяти, возьми сходи ты въ баню, принеси вѣниковъ, выдерни изъ него прута два и постегай легонько да и заткни гдѣ нибудь эти розги на видномъ мѣстѣ, хотя, напримѣръ, за зеркаломъ. Понялъ? И каждый день води мальчонку и указывай ему на нихъ.

— Эхъ, Иванъ Иванычъ, да ты лучше выпей. Ну, пойдемъ вмѣстѣ выпьемъ, тащилъ его къ столу хозяинъ, чтобъ хоть какъ нибудь отвязаться.

Колымановъ выпилъ, набилъ закуской ротъ и продолжалъ:

— А какъ девять лѣтъ исполнится, начинай его просѣкать. Понялъ? Начинай просѣкать.

— Да ужь выучимъ, выучимъ, говорилъ хозяинъ и сталъ прощаться съ священникомъ, который уже уходилъ.

— Проповѣдь завтра нужно писать... Коммиссія... говорилъ священникъ, отыскивая шляпу, перекрестился и пошелъ въ прихожую. Двое гостей бросились свѣтить и надѣвать ему рясу. Пьяный Колымановъ подошелъ къ нему подъ благословеніе, приложился къ рукѣ и долго цѣловалъ ее.

Священникъ насилу вырвалъ руку.

Часовъ въ двѣнадцать у воротъ происходила слѣдующая сцена: Ванюшка Родіоновъ и еще нѣкоторые гости сажали дьячка на извощичью линейку. Онъ былъ пьянъ и еле сидѣлъ.

— Иванъ Андреичъ, доѣдешь ли? спрашивали его.

— Доѣду, мычалъ онъ.

— Ну, трогай!

Извощикъ хлеснулъ лошадь. Дьячокъ свалился съ дрожекъ.

— Ахъ, Боже мой, не доѣдетъ! Нѣтъ, надо проводить, говорили гости, поднимая его. — Сходите кто нибудь за работникомъ.

Явился работникъ. Онъ обнялъ дьячка и повезъ его.

— Узелъ-то, узелъ-то не потеряйте, кричали имъ вслѣдъ.

Въ два часа стряпухи засуетились и накрыли столъ для ужина. Колымановъ напился еще горше и говорилъ, что ежели война будетъ, онъ непремѣнно пойдетъ охотою въ солдаты. Жена вслѣдствіе этого плакала и говорила:

— Ну, какой ты солдатъ! Взгляни на себя. Кто тебя возьметъ?

— Возьмутъ, потому я охотой, а не по сдачѣ. Упаду въ ноги самому генералу и скажу: — ваше превосходительство, готовъ грудь... и все такое...

Гости смѣялись.

— Тебя, братъ, прямо въ калегварды... проговорилъ кто-то.

— Ахъ, Господи! да уймите его! просила жена.—Ну, что онъ на посмѣшище людямъ завирается.

Дочери успокоивали мать и говорили:

— Маменька, кушайте скорѣе и уйдемте; это самое лучшее. Тятеньку потомъ привезутъ.

— Не пойду я одна, потому онъ навѣрно гдѣ нибудь застрянетъ!

Послѣ ужина гости начали расходиться. Передъ уходомъ Колымановъ крѣпко облобызалъ хозяина и поклонился ему въ ноги.

— Можетъ быть, больше не увидимся, потому я въ солдаты... бормоталъ онъ.—А сынишку, какъ подростетъ, просѣкай!

Его повели подъ руки Шкворневскіе работники.

— Такъ просѣкай-же! крикнулъ онъ еще разъ въ дверяхъ.

— Ладно, ладно, говорилъ хозяинъ.

Гости ушли, но не всѣ. Самые ярые остались играть въ карты. Хозяйка заперлась въ спальной и легла спать. Шкворневъ, какъ неиграющій въ карты, дремалъ на диванѣ и наконецъ подъ шумокъ заснулъ. Въ шесть часовъ его толкали и требовали водки.

— Да нѣтъ, братцы, вышла вся, говорилъ онъ, потягиваясь и протирая глаза.

— Пошарь, можетъ, и найдешь!

— Гдѣ-жь шарить-то?

— Да ну...

Онъ ушелъ въ спальню, вынесъ оттуда четвертную бутыль, въ которой водки еще оставалось съ полуштофъ, и поставилъ на столъ. Гости набросились на нее какъ мухи на патоку и снова принялись играть. Разошлись они только къ восьми часамъ.

— Еще рано, мелочныя лавочки отворены. Куда торопиться-то? острилъ кто-то, надѣвая пальто.

Погребщикъ былъ порядочно нагрузившись и звалъ гостей къ себѣ въ погребъ, на перепутье, опохмѣлиться.

— Да чтожъ, пойдемъ къ нему, ребята, крикнулъ одинъ изъ гостей и затянулъ пѣсню: „загуляла ты, ершова голова“.

— Вахрутинъ! Тише! жена спитъ! унималъ его хозяинъ.

— Ну, прощенія просимъ!

Компанія дѣйствительно повалила въ погребъ и, должно быть, тамъ и застряла, потому что въ девять часовъ къ Шкворневымъ являлись кухарки и работники, присланные горюющими дома женами, справиться: куда дѣвались ихъ злосчастные сожители?

ПОХОРОНЫ.

СЦЕНЫ.

I.

Купецъ Сидоръ Сидоровичъ Тяпкинъ пришелъ изъ лавки часовъ въ десять вечера, по обыкновенію поругалъ домашнихъ, надѣлъ халатъ и сѣлъ ужинать; послѣ ужина расположился въ залѣ на диванѣ почитать святцы, перелистовалъ нѣсколько страницъ, три раза икнулъ, упалъ и ужъ болѣе не вставалъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ. Въ домѣ поднялась суматоха. Домашніе побѣжали—кто за докторомъ, кто за фельдшеромъ, кто за священникомъ. Тяпкину пустили кровь, старались привести его въ чувство, — но тщетно, ночью онъ померъ.

На другой день поутру у крыльца съ навѣсомъ, около ушата съ помоями, на поверхности которыхъ плавали обглоданныя лимонныя корки, уголья, вытрясенные изъ самовара, и яичная скорлупа,—стояли двѣ женщины: кухарка Тяпкина и сосѣдская прачка.

— Вотъ она жизнь-то человѣческая, Анисьюшка, слезливо и приложа руку къ щекѣ говорила прачка:—все былъ живъ, а пришла смерть—и померъ. Грѣхи наши тяжкіе, Господи прости! Сама-то поди у васъ плачетъ?

— Плачетъ... Страсти Божіи какъ убивается; да вѣдь какъ же и не плакать, отвѣчала кухарка, сморкаясь въ передникъ.

— Знаю, знаю, что говорить!.. А дѣтки-то плачутъ?

— Махонькой-то извѣстно ангельская душенька, гдѣ ему...

— Такъ, такъ... А старшій-то?

— Плачетъ. Вотъ покойничекъ-то его все женить собирался. По зимѣ въ трехъ домахъ невѣстъ смотрѣли.

— Ахъ болѣзные, ахъ сиротинки! Обмытъ у васъ покойничекъ-то?

— Около раннихъ обѣденъ все справили и на столъ положили. Читальщики ужь пришли, читаютъ.

— Вотъ, Анисьюшка, не сказали вы мнѣ: ужь больно я люблю покойничковъ-то обмывать. Вѣдь за это и на томъ свѣтѣ хорошо будетъ... Кто мылъ-то?

— Да тутъ за двумя старушками посылали; странненькія онѣ.

— Жалко, жалко. Съ покойничка-то имъ все отдали?

— Все до ниточки, даже халатъ сама велѣла отдать. Совсѣмъ новый халатъ, только объ Рождествѣ сшитъ.

— Да вотъ, чувствовалъ ли, голубчикъ. Посмотрѣть-то можно?

— Поди посмотри. А я такъ, дѣвушка, страсть какъ покойниковъ боюсь. Теперь, кажется, мнѣ ни въ жизнь одной въ комнатѣ не уснуть!

— А ты за заслонку подержись да въ печку посмотри, и пройдетъ.

— Смотрѣла, да все какъ-то...

— А-то землицы горсточку или песочку ему подъ столъ подложи. Онъ и перестанетъ пугать.

— И то развѣ положить, а то ужасти какъ страшно.

— Пойду посмотрю... Царство ему небесное! проговорила прачка, перекрестилась и пошла въ комнаты.

Въ залѣ было душно и жарко. Сторы были спущены, зеркала и картины завѣшены простынями. На столѣ подъ образами, у которыхъ горѣли лампады, лежалъ Сидоръ Сидорычь Тяпкинъ.

Читальщикъ въ длиннополомъ коричневомъ сюртукѣ читалъ псалтырь, по временамъ вынималъ табакерку и нюхалъ табакъ. Другой читальщикъ сидѣлъ на окнѣ и ѣлъ соленую рыбу. Около него стоялъ графинъ съ водкой и рюмка.

— „Хранитъ Господь вся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ не сокрушится,“ читаетъ читальщикъ, останавливается и шепчетъ товарищу: — Семенъ Семенычъ, ты оставь мнѣ; тамъ ужь и то на донышкѣ... „Смерть грѣшниковъ люта есть...“

— Ну вотъ, мало будетъ, такъ еще спросимъ, отвѣчаетъ товарищъ, забивая въ ротъ кусокъ рыбы.

— „...и не прегрѣшатъ вси уповающіе на него-о-о!..“ Ты чтоль будешь читать-то? я кончилъ...

— Прочти еще два псаломчика, — дай рыбу доѣсть.

— Ну ладно. А водки-то оставь...

Читальщикъ высморкался въ руку, съ шумомъ понюхалъ табаку и началъ читать новый псаломъ.

Въ прихожей стоялъ сынъ Тяпкина, парень лѣтъ двадцати двухъ, передъ нимъ въ почтительномъ отдаленіи, заложа руки за спину, помѣщался гробовщикъ.

— Мы двадцать лѣтъ этимъ ремесломъ занимаемся, и все больше по купечеству, говорилъ гробовщикъ. — Останетесь довольны. Товаръ первый сортъ: скобы густой позолоты поставимъ, газы положимъ широкіе, не линючіе.

— Да ужь заказалъ я. Приходили сегогодня, отвѣчалъ Тяпкинъ.

— Теперича мы и вашего дѣдушку, дай Богъ царство небесное, хоронили и вашихъ сродственниковъ...

— Экъ что сморозилъ! дѣдушка мой въ деревнѣ померъ.

— Такъ-съ... А то у васъ старичокъ какой-то въ прошломъ году преставился... Или не у васъ?.. Эка память! Это у тѣхъ... какъ ихъ... Ну да все равно... Теперича вотъ у Бабу-

лина купца, извольте справиться, жена померла,—все мы. У Голохватовыхъ насчетъ большихъ Богъ миловалъ, а младенцевъ мы хоронили...

— Да уже заказали мы, заказали!..

— Такъ-съ. Позвольте, не обидьтесь, кому заказать изволили?

— Габзунову...

— Это что на Разъѣзжей?—знаемъ-съ. Нести ихъ будутъ?

— Да, понесутъ.

Гробовщикъ презрительно улыбнулся.

— Носильщики у него пьяница на пьяницѣ. Еще уронятъ, чего оброни Боже. Теперича у него ни людей, ни лошадей... На той недѣлѣ генеральшу Скунцову хоронили, такъ еще до выноса, и фонарей не зажигали, ужь трое факельщиковъ пьянѣе вина были; лошади—одры, до Растанной дошли, а тамъ хоть ты зарѣжь,—нейдутъ. Траурныя одежды лохмотъ на лохмотѣ.

— Какъ бы тамъ ни было, а дѣлать нечего, заказали.

— Конечно, Иванъ Сидорычъ, мнѣ все равно... Такъ, кажется, изволите прозываться?.. а только острамитъ онъ васъ, этотъ Габзуновъ, ей Богу, острамитъ.

— Да что же дѣлать-то?

— Да вѣдь это дѣло такое,—закажите намъ, а ему дайте пять рублей отступнаго, онъ и будетъ доволенъ. Копейки не возьму, ежели что не по нраву придется. Прикажите мѣрочку снять!

Гробовщикъ даже вытащилъ изъ задняго кармана мѣрку и началъ ее крутить въ рукахъ.

— Нѣтъ, ужь это не подходитъ.

— А мы бы супротивъ его цѣны десять рублей уступили и все бы въ лучшемъ видѣ сдѣлали.

Тяпкинъ началъ выходить изъ себя.

— Не нужно, говорю, что не нужно! Самому мнѣ въ вашъ гробъ лечь, что-ли?! крикнулъ онъ и вышелъ изъ прихожей,

хлопнувъ дверью. Гробовщикъ притворилъ дверь и высунулъ голову.

— Покаетесь, ей Богу покаетесь! Прикажите хоть печальный путь ельничкомъ усыпать. Два воза самаго лучшаго поставимъ!

Тяпкинъ не отвѣчалъ ни слова и не оборачивался.

Въ спальной сидѣло нѣсколько женщинъ. Тутъ были и старыя, и молодыя; онѣ дошивали покойнику саванъ. На диванѣ сидѣла вдова Тяпкина. Голова у ней была укутана платкомъ, зубы подвязаны. Передъ ней стоялъ молодецъ и разбиралъ лежащую на столѣ траурную матерію.

— Отрѣжь, Кузьма, байки-то пятнадцать аршинъ, говорила молодцу Тяпкина.—Анна Власьевна, вамъ люстрину на платье-то? обратилась она къ одной изъ женщинъ.

— Люстринчику... Куда съ байкой-то... Люстриновое-то и потомъ таскать можно. Чтожъ такое, мужчины вонъ и все въ черномъ ходятъ... Богъ милостивъ...

— Такъ пятнадцать аршинъ байки, да четырнадцать люстрину... Ой какъ зубы ноютъ!

— Съ перепугу это; вчера перепугались. Водкой пополоскайте или чернильный орѣшекъ положите...

— Къ сторожу бы вотъ въ нашъ приходъ послать; тоже воскъ наговоренный даетъ. Какъ рукой сниметъ!

Молодецъ смѣрялъ матерію.

— Байки семнадцать аршинъ имѣется, все не возьмете ли? Пригодится вѣдь.

— Ну вотъ, каркай, пророчь тутъ! Экой у тебя, Кузьма, языкъ ядовитый!

— Настасья Ивановна, помилуйте, смѣю-ли я подумать!.. Я собственно для того, что кудажъ намъ въ лавкѣ съ остатками-то? Вѣдь ихъ не приткнешь. Пошире платьице сдѣлаете.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ ты меня не тревожь. Рѣжь пятнадцать. Говорятъ, послѣ покойника ничего оставлять не слѣдуетъ. Вы, Анна Васильевна, обрѣзки-то отъ савана соберите, да въ гробъ положите, а то такъ сжечь. Охъ Сидоръ Сидорычъ! Господи, вспомнить объ немъ не могу. Гдѣ-то его теперь душенька летаетъ?

Настасья Ивановна прослезилась и полѣзла въ карманъ за платкомъ.

— Куда я платокъ-то свой дѣвала? Таня, принеси мнѣ носовой платокъ.

— Они теперь тамъ-съ, идѣже нѣсть болѣзней и воздыханій. Тамъ, въ горнихъ селеніяхъ! проговорилъ молодецъ и указалъ на потолокъ.

— Говорятъ, душа-то все слышитъ, пока еще тѣло не похоронено, говорила повязанная чернымъ платкомъ женщина.— Тоже вотъ, когда человѣкъ умираетъ, такъ стаканъ или какой нибудь сосудъ съ водою въ комнату ставятъ. Тогда и душѣ изъ тѣла легче выходить. Обмоется она.

— Вотъ грѣхъ какой, а мы этого и не сдѣлали. Голова кругомъ пошла. У меня руки и ноги подкосились. Все былъ здоровъ онъ и передъ смертью-то кушалъ таково хорошо за ужиномъ. Вышли мы изъ-за ужина, а онъ голубчикъ и говоритъ: вишни, говорятъ, теперь дешевы, завтра куплю, такъ водку бы настоять.

— Мы такъ страсти какъ перепугались, началъ опять молодецъ.—Сидимъ мы это за ужиномъ и хлебаемъ щи, вдругъ Анисья вбѣгаетъ. Полно вамъ жрать-то, говоритъ, безбожники,— хозяинъ помираетъ. Да какъ бросится на столъ чашку съ кашей! Мы и не вѣримъ. Я еще ее, грѣшный человѣкъ, словомъ обозвалъ. Только ужъ слышимъ, шумъ въ залѣ: выбѣжали,— и видимъ... Платковъ-то три возьмете?

— Три, отвѣчала Настасья Ивановна и зарыдала.

Женщины начали ее утѣшать.

Въ прихожей раздался звонокъ.

— Маменька, попы пришли панихиду служить, проговорилъ вбѣжавшій въ комнату Иванъ Сидорычъ. — Кузьма, сбѣгай на кухню, спроси, есть ли уголья для кадила, а то къ сосѣдямъ послать. Да чтобъ самоваръ поставить, чайкомъ что ли поповъ-то попотчивать?

— Да, да.... водочки тамъ, грибковъ, да солененькаго, сквозь слезы говорила Настасья Ивановна.

Въ залѣ послышались шаги и басовой кашель дьякона. Читальщикъ пересталъ читать.

Въ тотъ же вечеръ въ молодцовой на раскрытомъ ломберномъ столѣ горѣли два сальныхъ огарка. У стола сидѣли два молодца и надписывали фамиліи на похоронныхъ пригласительныхъ билетахъ. Молодцы были въ нанковыхъ халатахъ и въ туфляхъ на босу ногу. На кровати лежалъ старшій молодецъ, курилъ папиросу и тихонько пѣлъ: „Бога человѣкомъ невозможно видѣти, на него же лицы ангельстіи не смѣютъ взирати“.

— Шесть перемѣнъ обѣдъ-то будетъ, говоритъ молодецъ.— Вина что, — страсти! Давеча я носилъ къ погребщику записку, Иванъ Сидорычъ посылалъ, такъ поднесъ онъ мнѣ коньяшки стакашекъ. Такъ по жилкамъ и разошлось... Круповъ... чиновникъ это въ комисаріатѣ... Какъ ему писать-то — его благородію или высокородію? Съ виду-то онъ такой важный. Какъ онъ меня разъ выругалъ, такъ я и въ жизнь не забуду. Ей Богу... Тихонъ Семенычъ, обратился онъ къ старшему молодцу: — какъ Крупову-то писать? Это что пузо-то толстое, съ бородавкой около глаза.

— Пиши — высокоблагородію... Или валяй превосходительству — человѣкъ нужный...

— Съ супругою?

— Да развѣ у него есть? Это у него съ боку припека... Пиши такъ...

— А обидится?

— Ну такъ катай съ семействомъ!

— Вотъ кому забыли: надзирателю и помощнику. Изъ ума вонъ!

— Вотъ все такъ у васъ, наставительнымъ тономъ замѣтилъ Тихонъ Семенычъ и запѣлъ: — „Житейское море...“ А этому Эдуарду Крейцу написалл? спросилъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ... А какъ его звать-то? Эдуардъ... Какъ по отчеству-то?

— Какой Эдуардъ, нешто эдакіе святые есть?.. Иванъ Адамычъ онъ...

— Какъ же это, братцы, когда нѣмецъ родится, два ему имя даютъ, что ли? въ раздумьи спрашивалъ молодецъ. — Русское и нѣмецкое надо статься...

— Извѣстно два...

— А вотъ также есть и русскіе съ двумя именами. Отъ порчи это. Настоящее-то имя его никто не знаетъ. Примѣрно онъ Андрей, а зовется Иваномъ. Злой человѣкъ ежели, или колдунъ, такъ его ни испортить не можетъ, ни болѣзнь напустить. Станетъ заговаривать на Ивана, — ну ему и не чувствительно, потому что онъ Андрей.

Молодцы кончили писать билеты за полночь. Огарки догорѣли.

— Спать пора... проговорилъ кто-то.

— Кухарку бы теперь попугать: надѣть простыню, да и зарычать на нее...

— Ну ее, не стόитъ! Заоретъ какъ свинья ошпаренная.

Тихонъ Семенычъ давно уже храпѣлъ. Изъ залы слышался гнусливый голосъ читальщика, въ столовой стучалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, да на дворѣ кричали кошки.

Молодцы начали раздѣваться.

На утро мальчишки Тяпкина, какъ гончія собаки, бѣгали по городу и разносили пригласительные билеты.

II.

Въ день похоронъ въ домѣ Тяпкина поднялись всѣ ранѣе обыкновеннаго. Кухарка варила на таганѣ кутью. Мальчишка раздувалъ самоваръ.

— Вишь дыму-то напустилъ! говорила кухарка.—Радъ, что не бьютъ! Ужь будь самъ живъ, онъ бы тебѣ треуховъ-то надавалъ!

Изъ комнаты въ кухню заглянулъ мололецъ.

— Ванюшка! Ты что тутъ, каналья, дѣлаешь? крикнулъ онъ мальчику.—Поди прибери у насъ комнату. Ужо съѣзжаться начнутъ, такъ къ намъ курить будутъ забѣгать... Ну живо, а то за виски!..

— Ты съ дуру-то не вымети тамъ, замѣтила кухарка.

— А что?

— Не мети. Послѣ выноса и выметемъ, и вымоемъ. Ужь такъ старые люди дѣлаютъ. Нехорошо. Подмахни къ углу да и дѣлу конецъ!

— Ладно.

Въ девять часовъ у крыльца, съ котораго должны были выносить тѣло, толпился народъ. Тутъ были сосѣдскіе дворники, кухарки, водовозы, горничныя.

— Кого это хоронятъ? спрашиваетъ проходящая мимо женщина.

— Покойника, отвѣчаетъ дворникъ.

— Знаю, что не живаго. Фамилію спрашиваю. Какъ зовутъ?

— Зовутъ зовуткой, а прозываютъ дудкой. Кузьму Федора Иваныча.

— Тяпкина, купца... Оставьте его, матушка; онъ ужь завсегда такой озорникъ, отвѣчала стоящая около дворника кухарка, въ черной суконной кацавейкѣ, накинутой на голову.

— Жалью, жалко... Молодой или старый? Дѣточки остались?

И начались разспросы.

Къ подъѣзду начали подъѣзжать экипажи. Изъ экипажей выходили приглашенные на похороны. Толпа разступалась и пропускала ихъ на крыльцо.

— Вонъ купецъ Галдыревъ съ сыночкомъ ѣдетъ. Богатѣйшій... Прошлый годъ у насъ въ приходѣ куполъ на свой счетъ вызолотилъ, говорили въ толпѣ.—Такому-то человѣку и на томъ свѣтѣ будетъ хорошо. И сыночекъ съ нимъ... Почтительный... Куда отецъ,—туда и сынъ,—ни на шагъ... Отецъ въ церковь, и сынъ сзади, отецъ по дѣламъ, и сынъ съ нимъ. Такъ гуськомъ и идутъ.

— Голубчики!

— Священники ѣдутъ! крикнулъ кто-то.

Толпа разступилась шире. Къ подъѣзду подъѣхала карета. Дьячокъ соскочилъ съ козелъ и началъ отворять дверцы.

— Отецъ Никита... Бородка-то какая у него у батюшки бѣленькая! Старшій онъ нынче у насъ... По зимѣ съ нимъ несчастіе случилось: шапку бобровую изъ ризничей украли. Купецъ Теркинъ узналъ объ этомъ и сейчасъ же ему новую подарилъ, разсказывала какая-то женщина и бросилась подъ благословеніе къ отцу Никитѣ

Комната, гдѣ стоялъ покойникъ, была полна приглашенными. Панихиды еще не начинали. Поджидали кого-то. На креслахъ сидѣли священники и разговаривали съ стоящими около нихъ мужчинами.

Въ прихожей помѣщались пѣвчіе. Басы и тенора останавливали горничную и спрашивали: „гдѣ-бы водочки испить“, „гдѣ-бы покурить“. Она ихъ посылала на черную лѣстницу. Дишканты и альты щипали и пихали другъ друга.

— Я вотъ васъ уйму! Тише! крикнулъ регентъ и схватилъ одного мальчишку за вихоръ. Тотъ завизжалъ.

Въ молодцовой на стульяхъ, на диванѣ и даже на столѣ сидѣли курильщики. Окна были отворены, изъ нихъ такъ и валилъ дымъ. Тутъ былъ и дьяконъ. Онъ сидѣлъ на кровати. Противъ него сидѣлъ молодецъ Тяпкина и говорилъ:

— Противъ васъ теперича ни одинъ дьяконъ не устоитъ. Какъ-то я былъ у обѣдни, такъ вы послѣ полебна многолѣтіе провозглашали; у меня даже такъ вотъ мурашки по тѣлу. Ужасно громко. Страсти какая сила!

Дьяконъ самодовольно улыбался.

— Скажите, въ тѣ поры вы ничего эдакъ не чувствуете? Когда вы кончаете „на многая лѣта-а“, подъ сердцемъ не больно?

— Нѣтъ, вѣдь ужъ это привычка.

— А то вотъ когда я въ деревню ѣздилъ, такъ у насъ тамъ одинъ мужикъ стоялъ на берегу это и перекрикивался съ другимъ черезъ рѣку. Такъ крикнулъ, что у него колотье подъ сердце и голосъ пропалъ. Вотъ у насъ молодецъ Петра тоже октавой поетъ. Верха у него ни капельки, все низъ. Петра!

— А?

— Спусти-ко октаву, вотъ отецъ дьяконъ послушаетъ.

Въ комнату вбѣжалъ молой Тяпкинъ.

— Отецъ дьяконъ, пожалуйте начинать, всѣ съѣхались!

Изъ молодцовой начали выходить.

Во время панихиды молодцы и нѣкоторые любители пѣнія сгруппировались съ пѣвчими и пѣли вмѣстѣ съ ними. Женщины

плакали и сморкались, нѣкоторые даже рыдали. Мужчины были серьозны. Въ залу вбѣжала кошка. Ее стали гнать вонъ.

— Оставьте ее, говорилъ кто-то: — кошка ничего, собака ежели, такъ та нехорошо, а кошка ничего; кошку и въ церкви держутъ.

— У собаки шерсть поганая, а у кошки ротъ поганый.

Покойника начали выносить,—женщины зарыдали еще громче. На улицѣ гробовщикъ принялъ гробъ и привязалъ его къ носилкамъ, перекрестился и крикнулъ:

— Ну трогайте! съ Богомъ.

Процессія тронулась. Впереди шли пѣвчіе, за пѣвчими священники. Потомъ несли гробъ, за гробомъ шли знакомые и родственники. Проходящіе мимо останавливались и спрашивали — „кого хоронятъ?" Имъ говорили.

— Вы до самаго кладбища пѣшкомъ пойдете?

— Нѣтъ, до половины дороги... А тяжелъ онъ... Я въ головахъ несъ, такъ всю руку оттянуло. И то сказать, вѣдь не болѣлъ...

— Хочу одну штуку попробовать. Говорятъ, хорошо. Послѣ отпѣванья отъ свѣчки воску отломить и спрятать. Говорятъ, въ картахъ это хорошо, выигрывать будешь. Попробую...

— Что вы это! страшно... Скоро его скрутило. Въ понедѣльникъ еще у меня былъ, въ горку играли. Проигралъ онъ и ругался: ни за что, говоритъ, въ эту проклятую горку играть не буду, трынка лучше. А вчера вдругъ похоронный билетъ.

— Да, всѣ мы смертны... Вѣдь еще до обѣда-то долго, зайти-бы намъ да выпить; послѣ догонимъ.

— Пожалуй, позовемте только Родивона Иваныча.

Трое шли и говорили:

— Ты, Федоръ Ивановъ и я. Въ первомъ погребкѣ я плачу, во второмъ ты, въ третьемъ онъ.

— Ладно!

— Сынка-то его только жалко, старшаго-то, Ванюшку, разговаривали ѣхавшія въ каретѣ женщины.—Оболтается. Гдѣ теперь Настасьѣ Ивановнѣ съ нимъ справиться. Не успѣлъ при жизни устроить, такъ теперь его и не женишь.

— Да, маленькіе-то лучше. А съ большими что? Вотъ у Фуфыркина пять дней сынъ пропадалъ. Весь домъ съ ногъ сбился искавши. Молодцы каждый день по десяти рублей на извощикахъ проѣзжали, его искавши. Нашли въ трактирѣ потомъ. Сталъ считать отецъ кассу,—тысячи и нѣтъ. А отъ чего? Отъ того, что до двадцати шести лѣтъ холостымъ пустили бѣгать.

Ближе къ кладбищу въ нѣкоторыхъ провожающихъ была уже замѣтна веселость.

— Назаходились... Одурѣли... говорили про мужей жены.

Обѣдня была уже начата, когда въ церковь внесли гробъ. На паперти толпились нищіе. Они справились о имени покойника и на распѣвъ причитали:

„Помяни Господи раба твоего Исидора! Царство небесное!“

— Послѣ обѣдни подавать буду, послѣ обѣдни! говорилъ старшій молодецъ Тяпкина.

Въ рукахъ у него былъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами.

Въ церкви стояла толька половина провожающихъ. Остальные бродили по кладбищу, курили, читали надписи на памятникахъ.

— Сеня! кричалъ купеческій сынокъ-франтъ другому купеческому сынку:—пойдемъ въ трактиръ, что здѣсь-то болтаться! Тутъ близко есть.

— Ходитъ! А отпѣванье?

— Успѣемъ. Теперь только „пріидите поклонимся“. Почтенный, пожалуйте сюда! крикнулъ онъ какому-то нищему.—

Нищій подошелъ.

— Вотъ вамъ пятіалтынный серебра. Мы пойдемъ на уголъ въ трактиръ, а вы, какъ обѣдня кончится, прибѣгите къ намъ и скажите. Рюмку водки поднесемъ.

— А не придешь, такъ взлупцуемъ въ лучшемъ видѣ! Наши идутъ! Вася! Ганя! откуда?

— А я вотъ тутъ Ганѣ показывалъ мѣстечко. Прошлый годъ въ гулянье я тутъ съ одной штучкой познакомился. Вы куда?

— Мы въ трактиръ.

— Такъ пойдемте вмѣстѣ. На узелки бутылку хересу выпьемъ.

III.

Отпѣванье кончилось. Гробъ вынесли изъ церкви и понесли къ могилѣ. Настасья Ивановна такъ и заливалась плачемъ. Женщины вторили ей. Дѣти ревѣли на рукахъ у нянекъ.

— Не плачьте, Настасья Ивановна, не плачьте, матушка. Никто какъ Богъ, утѣшала ее какая-то женщина.—А вы лучше вотъ что сдѣлайте; землицы съ могилки возьмите послѣ того, какъ его зароютъ. Это помогаетъ. Тогда и скучать меньше будете.

Сзади всѣхъ шелъ старшій молодецъ, вынималъ изъ мѣшка мѣдныя деньги и подавалъ нищимъ.

— Ваше боголюбіе! ваше степенство! Господинъ купецъ, насъ-то сирыхъ не одѣлите, говорили нищіе.

По окончаніи похоронъ всѣ бросились къ экипажамъ. Каретъ уже не разбирали: кто въ какую попалъ, въ той и ѣхалъ. Въ нѣкоторыхъ сидѣло по шести человѣкъ и седьмой на козлахъ. Всѣ спѣшили на поминовеніе души на обѣдъ къ кухмистеру.

— Не поѣду, ни за что не поѣду обѣдать, говорила мужу какая-то купчиха въ длинныхъ серьгахъ и ковровомъ платкѣ.—

Всѣхъ онъ звалъ помянуть, въ двухъ шагахъ отъ меня Анна Дмитріевна стояла, и ту звалъ, а мнѣ хоть бы плюнулъ.

Мужъ упрашивалъ ее ѣхать.

— Гдѣжъ ему всѣхъ упомнить, ему не до того... Сама посуди, — отецъ померъ.

— Берегись! Раздвинься грязь, навозъ ползетъ! кричалъ совсѣмъ уже пьяный гость, во всю прыть летя на линейкѣ, и у кухмистерскаго подъѣзда соскочилъ съ дрожекъ. — Вотъ тебѣ рубль цѣлковый, заѣшь имъ и поминай за здравіе Ивана Федорова, проговорилъ онъ, давая извощику деньги, и началъ взбираться по лѣстницѣ.

У кухмистера были накрыты обѣденные столы. Въ двухъ углахъ на маленькихъ столикахъ стояла закуска и водка. Гости чинно ходили изъ угла въ уголъ, разговаривали въ полголоса и уговаривались садиться рядомъ. Было тихо, изрѣдка лишь возвышалъ голосъ какой нибудь гость, до обѣдни и во время обѣдни перехватившій малую толику, да въ женской уборной покрикивалъ чей-то грудной ребенокъ. Нѣкоторые бродили около стола съ закуской и умильно посматривали на графины, но подойти къ столу не рѣшались. Ждали, пока начнутъ священники. Наконецъ священники начали. Гости послѣдовали ихъ примѣру и началось чоканье. Пропѣли передобѣденную молитву и начался обѣдъ. На первомъ мѣстѣ у образовъ сидѣли священники, далѣе почетные гости, женщины, и наконецъ, второстепенные гости, молодцы, пѣвчіе и дьячки. Сначала было тихо; гости передавали другъ другу чашку съ кутьей и глотали по ложкѣ, разговаривали въ полголоса, а въ половинѣ обѣда ужъ кто-то кричалъ:

— Ежели ты меня любишь, то выпей три рюмки залпомъ, а то ты будешь скотина! Сейчасъ околѣть!

— Тише, не кричи! останавливали его.

— Вѣдь вотъ, Анна Дмитревна, какъ послѣ этого не вѣрить

снамъ-то, говорила одна женщина другой. — А какой я страшный сонъ про Сидора Сидорыча видѣла. Дня за два передъ тѣмъ, какъ ему умереть, вижу я, что сижу будто въ саду въ какомъ-то и чай пью. Вдругъ изъ кустовъ выходитъ Сидоръ Сидорычъ, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: дай мнѣ, говоритъ, сапоги и рубашку, да чтобъ чистая была. Взглянула я это ему на ноги-то, а онъ какъ есть босой. Смотри, говоритъ. Распахнулъ сертукъ, а подъ сертукомъ-то голое тѣло, и рубашки нѣтъ. Я такъ и обмерла! Дай-же, говоритъ: сына женить буду, приданое за невѣстой возьму, такъ сочтемся. Я молчу; а онъ какъ захохочетъ эдакъ дико, да побѣжитъ... Вотъ оно что сны-то!..

— Чтожъ, вѣдь это и вамъ нехорошо... Сонъ не къ добру.

Разсказчица замахала руками.

— И что вы, Христосъ съ вами! Не пугайте меня...

— Какъ же, голое тѣло.. рубашка...

— Анна Дмитривна, Бога ради оставьте, я и то такая пугливая.

Къ послѣднему блюду, къ киселю, сдѣлалось очень шумно. Говорили всѣ. На заднемъ столѣ одинъ гость лѣзъ черезъ столъ цаловаться; другой схватилъ его за шиворотъ и посадилъ на мѣсто. Официанты понесли кисель. Всѣ стали съ мѣста. Дьяконъ началъ „во блаженномъ успеніи“. Запѣли „вѣчную память“. Пѣли всѣ. Выходила разладица.

— Вотъ послѣ обѣда я тебѣ покажу, какой у меня басъ, говорилъ пѣвчій молодцу: — крикну въ рюмку верха, — и рюмка въ дребезги!

— Врешь?

— Идетъ на полдюжины пива?

Обѣдъ кончился. Вышли изъ-за стола. Стали подавать кофей. Любители пѣнія и пѣвчіе собрались вмѣстѣ и начали пѣть сна-

чала духовное, провозглашали вѣчную память, потомъ многая лѣта сыну Тяпкина.

— Пѣвчіе, а пѣвчіе! Христомъ Богомъ прошу, спойте „Помощникъ и покровитель“, упрашивалъ одинъ пьяный. — Ужъ больно я это пѣніе люблю... Такъ вотъ въ душу. Слезы... И все эдакое...

— Что все божественное да божественное,— веселую какую нибудь лучше, подалъ совѣтъ кто-то.

— Да не хорошо. Обижаться будутъ.

— Ничего! Валяй! и запѣлъ:

„Солнце на закатѣ, время на утратѣ“.

Остальные подхватили. Пьяный, просившій прежде спѣть, хотѣлъ было плясать поднялся съ мѣста и тотчасъ же упалъ.

— Яко мертвъ и бездыхаленъ, говорили гости. — Уши-бы потереть, или скипидаромъ...

Долго угощались гости и выпили все вино. Послали на свои. Пробило шесть часовъ. Кухмистеръ просилъ гостей расходиться.

— У меня черезъ часъ свадьба должна быть, говорилъ онъ:—не хорошо-съ. Вѣдь у меня только для похороннаго обѣда комнаты нанимали.

Гости стали расходиться. Нѣкоторыхъ выводили подъ руки. Четверо изъ гостей не удовольствовались и этимъ угощеніемъ, вышли на подъѣздъ и кричали:

— Извощикъ! На Крестовскій! Къ русскому трактиру?

СИВАЯ БОРОДА ЗА ГАЛСТУХОМЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Егоръ Пантелеичъ Ратахановъ былъ купецъ, онъ торговалъ въ рынкѣ. Какъ всѣ купцы стараго закала, Егоръ Пантелеичъ ходилъ въ баню по субботамъ, въ великій постъ пилъ чай съ медомъ или изюмомъ, держалъ своихъ молодцовъ, какъ говорится, „въ ежовыхъ рукавицахъ,“ и лишь одно—при своемъ сорокалѣтнемъ возрастѣ, не былъ женатъ, хотя неоднократно и имѣлъ на это поползновеніе, но все какъ-то разстраивалось дѣло.

Въ настоящее время онъ имѣетъ въ виду выгодную партію. Невѣста дѣвица, хотя уже и не первой молодости, но за то полна, здорова и съ порядочнымъ прилагательнымъ. Сваха то и дѣло шныряла къ нему то въ лавку, то на квартиру.

Въ одну изъ субботъ Егоръ Пантелеичъ пришолъ изъ лавки домой, связалъ въ узелокъ чистое бѣлье и отправился въ баню. Вошедши въ сторожку, онъ со звономъ кинулъ на выручку жестяной билетъ и отдалъ сторожу шубу. Сторожъ поздравилъ его съ субботкой. Въ углу стоялъ парильщикъ Иванъ, постоянно моющій Ратаханова. Онъ курилъ окурокъ папироски. Костюмъ его только тѣмъ отличался отъ костюма перваго человѣка, что на головѣ его была надѣта веревочная шапка.

— Паръ сегодня важный, Егоръ Пантелеичъ: даве татара

парились, такъ страсть какъ насдавали! проговорилъ онъ, поклонившись, и тряхнулъ мокрыми волосами.

— Много сегодня народу?

— Гостей-то? поправилъ его парильщикъ:—да, таки на порядкѣ понабралось... Будете париться, такъ я теперь пойду вѣничекъ пораспарю? спросилъ онъ немного погодя.

— Обнаковенно, отвѣтилъ Ратахановъ, и началъ раздѣваться.

— Подстригаться не будете? спросилъ его цырульникъ.

— Пожалуй, подстриги маленько.

Раздѣвшись, Егоръ Пантелеичъ сѣлъ на табуретъ. Ножницы цырульника защелкали, зазвенѣли и черезъ пять минутъ сдѣлали свое дѣло.

— Ты отдай ему пять копѣекъ! сказалъ Ратахановъ сторожу и пошолъ въ передбанникъ.

Въ передбанникѣ, какъ и обыкновенно въ день субботній, народу было много. Какая-то почтенная личность съ чиновническими бакенбардами и лысиной намывала голову своему маленькому сынишкѣ; тотъ неизвѣстно отчего ревѣлъ на весь передбанникъ. Двое парильщиковъ бранились изъ-за мочалки.

— Все одно, кричалъ одинъ:—подавись ею, восемь копѣекъ деньги не велики, я новую куплю, а ты продай мою мочалку, деньги тебѣ на гробъ пригодятся.

— Сволочь!

— Ожгу, поберегитесь! кричитъ кто-то, проходя съ шайкой горячей воды.

Дверь изъ сторожки поминутно отворяется; въ нее входятъ и выходятъ, причемъ невыносимо визжитъ блокъ и хлопаетъ кирпичъ, завязанный въ тряпицу и замѣняющій собою гирю.

Въ передбанникѣ Ратаханова встрѣтилъ парильщикъ Иванъ, вылилъ на него тазъ воды, надѣлъ ему на голову свою веревочную шапку и повелъ въ жаркую баню.

— Вчера у насъ свадьба парилась, разсказывалъ Ратаханову парильщикъ, настегивая и натирая его на полкѣ вѣникомъ:— женихъ съ пріятелями. Насъ двоихъ брали. И пили, и на каменку виномъ поддавали. Весь вечеръ они у насъ съ четырехъ часовъ прохороводились, сами перепились и насъ перепоили. Двое гостей такъ-таки въ передбанникѣ и ночевали, только сегодня поутру ушли.

Егоръ Пантелеичъ кряхтѣлъ, внималъ ему и думалъ: „скоро и я такой же пиръ задамъ, дай только срокъ дѣло уладить.“

Операція кончилась. Довольный самимъ собою, Ратахановъ вышелъ въ передбанникъ и началъ мыться. Все шло хорошо, ежели бы не случилось маленькое обстоятельство. Въ то самое время, когда парильщикъ намылилъ ему голову, онъ услыхалъ, что кто-то помянулъ его фамилію. Онъ сталъ прислушиваться. Разговаривали двое.

— Слышалъ, какъ нашихъ-то отщелкали? Такую мораль на купечество пустили, что ой-ой! говорилъ одинъ.

— Какъ отщелкали? спросилъ другой, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да такъ, значитъ, взяли, да и отщелкали въ вѣдомостяхъ; всѣ дѣйствія на свѣжую воду вывели!

— Въ какихъ вѣдомостяхъ?

— Въ Задорѣ.

— Врешь?!

— Провалиться на этомъ мѣстѣ, коли вру, самъ читалъ сегодня въ трактирѣ!

— Кого же отщелкали-то?

— Да Ничкина Петра Иванова, Будырева, Галдатина, Ратаханова, да еще человѣкъ пять.

Услыхавъ свою фамилію, Егоръ Пантелеичъ даже привскакнулъ на скамьѣ.

— Что, горячо? нѣтъ, я холодненькой прибавлю, проговорилъ парильщикъ, думая, что онъ его обжогъ горячей водой.

— Нѣтъ, нечего, братъ, только окачивай скорѣй!

— А вотъ только еще разокъ намылю.

Ратаханову очень хотѣлось взглянуть на разговаривающихъ, но этого нельзя было сдѣлать. Мыло съ головы текло по его лицу.

— Какъ же, такъ и сказано, что Ратахановъ? снова спрашивалъ второй.

— Нѣтъ, первая буква измѣнена: Катахановъ сказано; только сейчасъ догадаться можно, потому что имя его какъ есть прописано.

Егора Пантелеича какъ-то покоробило. Разсказчикъ продолжалъ;

— Сидитъ, вишь ты, онъ съ своимъ пріятелемъ Епифаномъ Бубыревымъ въ трактирѣ и водку пьютъ, тотъ Кубыревымъ названъ, и разсказываетъ ему про Галдатина, какъ тотъ сдѣлку дѣлалъ, да про Ничкина, какъ тотъ съ хозяиномъ темную съигралъ (*).

— Вишь ты какія вещи нонѣ пишутъ! Что-же про самого-то Ратаханова пропечатано?

Разсказчикъ захохоталъ.

— Про него-то ужь больно забавно пропечатано, продолжалъ онъ:—что будто у него сивая борода и что онъ ее за гастукъ прячетъ. Какъ онъ про свою невѣсту этому Бубыреву разсказываетъ: „въ апетитѣ, говоритъ, только маненько глаза разбѣгаются, когда говорить начнетъ, а впрочимъ, говоритъ, ничего, за ней десять тысячъ!“

Ратахановъ не вытерпѣлъ болѣе, онъ вскочилъ со скамейки

(*) Т. е. обокралъ хозяина.

и не смотря на то, что съ головы еще не было смыто мыло, раскрылъ глаза; мыло попало въ нихъ и начало кусать.

— Что вы, сударь, позвольте, еще не все, говорилъ парильщикъ.

— Врешь, сколько времени копаешься, окачивай скорѣй! закричалъ Ратахановъ на всю баню такъ, что даже моющіеся начали смотрѣть на него.

Окатившись, онъ протеръ глаза и подошелъ къ разговаривающимъ.

— А, Егорша, вотъ онъ на поминѣ-то легокъ, проговорилъ разсказывавшій о морали, напущенной на купечество.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ охотниковъ до бани, которымъ она замѣняетъ клубъ.

— А это ты, Федоръ Иванычъ! Гдѣ ты читалъ все это, что сейчасъ разсказывалъ? сердито спросилъ Ратахановъ.

— Ха, ха, ха... разразился хохотомъ Федоръ Иванычъ:— какъ будто и не знаетъ! Извѣстно гдѣ, въ Задорѣ. Покажи-ка, покажи-ка, какъ у тебя борода-то, сивая аль нѣтъ? Неужто, слышь, ты ее за галстукъ прячешь? Ей-Богу, я этого не зналъ, и онъ протянулъ къ ней руку.

— Полно Федоръ Иванычъ, что насмѣшки-то творить, ты говори толкомъ!

— Да какъ же не смѣяться-то? Сивая борода! Только все таки, Егорша, нешто можно такъ въ трактирѣ про людей во все горло разсказывать; вотъ нашлась бестія и пропечатала васъ. А что невѣста-то твоя скажетъ? Ося! обратился онъ къ своему товарищу:—смотри, женится, а намъ сосѣдамъ ни единаго слова не сказалъ, хоть бы плюнулъ!

— Да гдѣ же я женюсь, развѣ это дѣло рѣшоное!

Ратахановъ задумался и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— А вѣдь и то яманъ-дѣло *) выходитъ!

— Да ужъ яманъ не яманъ, а табакъ дѣло... Сивая борода! крикнулъ Федоръ Иванычъ и покатился со смѣху.

— Да ну, оставь, заладилъ одно!.. А вѣдь и то мы были какъ-то въ трактирѣ, такъ говорили объ этомъ; только вовсе не я разсказывалъ про Ничкина и Галдатина, а Бубыревъ. Еще говорилъ я ему старому чорту, не ори молъ ты, дьяволъ эдакій, а у него манера во всю глотку!

— Сивая борода! снова захохоталъ Федоръ Иванычъ, указывая пальцемъ на Ратаханова.

Тотъ вышелъ изъ терпѣнія и началъ ругаться.

— Чортъ эдакій, еще хохочетъ! Смотри, сивая ли она? Вамъ и горя нѣтъ до чужаго несчастія. Чѣмъ бы помочь своему брату торговцу, посовѣтывать что дѣлать, а онъ горло деретъ! Я, братъ, этого дѣла такъ не оставлю, я на эту бестію, кто на меня критику написалъ, жаловаться буду! Добьюсь таки того, что его за эту мораль упекутъ куда нибудь!

Во все время этого разговора Иванъ парильщикъ стоялъ поодаль.

— Егоръ Пантелеичъ, пожалуйте же домываться-то, проговорилъ онъ наконецъ.

— Сейчасъ.

Ратахановъ отправился на скамейку.

— Сивая борода! крикнулъ ему вслѣдъ Федоръ Иванычъ и захохоталъ на всю баню.

— Чортъ эдакій, далось дураку одно!.. Домывай скорѣе, Иванъ, что сегодня копаешься.

— Живымъ манеромъ докончу!

Черезъ пять минутъ парильщикъ вымылъ его и началъ окачивать.

(*) Дрянь-дѣло.

— Довольно. Поди выпей на мой счетъ, сказалъ ему Ратахановъ.

— Позвольте, Егоръ Пантелеичъ, еще тазикъ, четвертый. Безъ четырехъ угловъ домъ не строится!

— Ну спасибо!

— Не на чемъ-съ, напредки милости просимъ. Пожалуйте!

Парильщикъ забѣжалъ впередъ, отворилъ дверь въ сторожку, пропустилъ туда Ратаханова и крикнулъ:

— Вѣничекъ!

II.

Егоръ Пантелеичъ пришолъ домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Неизвѣсто за что далъ подзатыльникъ мальчику, отворившему ему двери, изругалъ молодцовъ за то, что сидѣли въ молодцовой съ двумя свѣчами.

— ...Барствовать, вамъ чужаго не жаль, закончилъ онъ и вошолъ въ свою комнату, гдѣ уже на столѣ кипѣлъ самоваръ.

Тамъ его дожидался Галдатинъ. Егора Пантелеича какъ-то покоробило; онъ предчувствовалъ что-то недоброе.

— А, Никита Семенычъ, какимъ вѣтромъ занесло? здравствуй!

— Здравствуй, здравствуй, не вѣтромъ занесло, а самъ пришолъ поблагодарить за то, что ты пріятелей по трактирамъ, да при народѣ чернишь, говорилъ Галдатинъ, прохаживаясь по комнатѣ и пощипывая бородку. Спасибо, спасибо, кажется, еще самъ недавно изъ хозяйскихъ лапъ выскочилъ.

— Да ты что... слушай... перебилъ его Ратахановъ, растерявшись.

— Нечего мнѣ слушать, оконфузилъ, на весь рынокъ, оконфузилъ.

— Да молчи ты пожалуста, дай мнѣ разсказать...

— Разсказывать-то мнѣ нечего!..

— Эхъ, да что... съ тобой говорить нельзя. Слушай, я не читалъ этой статьи, а вотъ только сейчасъ объ ней въ банѣ услыхалъ, вѣришь, какъ передъ истиннымъ, пятьдесятъ рублевъ бы далъ, чтобъ ее не было! Не я это разсказывалъ, навралъ этотъ писака, а Бубыревъ, тотъ старый песъ!

— Да тамъ пропечатано, что ты говорилъ.

Егоръ Пантелеичъ махнулъ рукой.

— Да коли я тебѣ говорю, что не я, сейчасъ умереть—не я!

— Сейчасъ встрѣтилъ Граблина, вы тамъ и про него говорили. „Пускай, говоритъ, теперь придетъ за товаромъ, поломаюсь я надъ нимъ, попляшетъ онъ у меня. Мы, говоритъ, еще посмотримъ, какъ онъ вексель заплатитъ; будетъ отсрочки просить, такъ отскочитъ съ носомъ."

— Ахъ, Господи, можетъ же случиться эдакая напасть! воскликнулъ Ратахановъ и зашагалъ по комнатѣ.

Галдатинъ злобно слѣдилъ за нимъ глазами.

— Кто же это писалъ-то?

— Да я-то почемъ же знаю! Ежели бы зналъ, такъ завтра же бы ему всѣ бока обломалъ. Кому писать, кто же изъ нашихъ станетъ писать, у насъ такихъ нѣтъ.

— А я, братъ, знаю, кто писалъ, хотя статья и неподписана, то есть даю голову на отсѣченіе, что это Яхмурицынъ, онъ по всѣмъ судамъ на всѣхъ кляузы строчитъ, это его рукъ дѣло!

— И то онъ, проговорилъ воодушевляясь Ратахановъ:—вотъ бестія-то! вотъ подлецъ-то! Клеветать на людей! Вотъ мерзавецъ-то человѣкъ!..

И ругательства полились рѣкою на предполагаемаго писателя.

— А вѣдь все-таки, Егоръ Пантелеичъ, и тебѣ эта штука жутко придется. Какъ ты тамъ про свою невѣсту-то говорилъ?

— Да съ чего вы взяли, братцы, что я женюсь? я и въ смѣкалѣ не держу объ этомъ! Ахъ ты Господи, можетъ же эдакая бѣда стрястись!.. Ты читалъ?

— Читалъ, отвѣтилъ Галдатинъ.

Ратаханова бросило въ жаръ. Его и безъ того отъ бани красноватое лицо сдѣлалось пунцовымъ.

— Надо будетъ достать эти вѣдомости, проговорилъ онъ:— я сейчасъ дошлю мальчишку въ нашъ трактиръ, пусть принесетъ. Антошка!

Вошолъ мальчикъ въ тиковомъ халатѣ и остановился у дверей.

— Что стоишь, что рожу-то выпачкалъ?

— Я сапоги чищу-съ, это въ ваксѣ-съ...

— Молчи, не дыши! Бѣги сейчасъ въ Фениксъ и спроси у буфетчика вѣдомости Задоръ. Пантелеичъ молъ проситъ до завтра.

— Хорошо-съ.

Мальчикъ ушолъ.

— Вѣдь вотъ, чай нужно пить, ужинать, а у меня кажется никакой кусокъ въ горло не пойдетъ... Никита Семенычъ, ты не сердись, вѣрь слову, что я тутъ нисколько не виноватъ.

— Мнѣ, братъ, черезъ это скверно придется, да и тебѣ не лучше; ты, братъ, тамъ тоже оконфуженъ. Я на тебя не сержусь, только вѣришь, какъ обидно!

Егоръ Пантелеичъ развелъ руками, хлопнулъ себя по колѣнкамъ и началъ заваривать чай.

— Будешь пить? Выпей стакашекъ, предложилъ онъ Галдатину.

— Какое тутъ питье, и въ горло не пойдетъ. Прощай!

Уходя, онъ улыбнулся.

— Вѣдь и зло, ехидно написано, а вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно: Сивая борода!

— Чортъ, дьяволъ, молчи! закричалъ Ратахановъ.

— Чего же ты ругаешься? проговорилъ тотъ, обернувшись.

— А ты что дразнишь!

— Ну, ну, прощай!

По уходѣ Галдатина, Ратахановъ позвалъ старшаго прикащика и началъ съ нимъ ужинать. Другіе прикащики ужинали отдѣльно, въ молодцовой.

Мальчикъ, посланный за „Задоромъ", вернулся и вошолъ въ комнату.

— Ну что? спросилъ его хозяинъ.

Буфетчикъ сказалъ, что у нихъ теперь нѣтъ, завтра будетъ; гости взяли до завтрашняго утра. Тамъ, говоритъ, забавно про торговцевъ написано.

У Ратаханова и ложка выпала изъ рукъ.

— Пошолъ вонъ! закричалъ онъ.

Мальчикъ въ недоумѣніи юркнулъ въ дверь.

— Что это вы такъ безпокоитесь, Егоръ Пантелеичъ? спросилъ прикащикъ.

— Молчи, не говори, Кузьма, проговорилъ онъ, отодвигая отъ себя тарелку.—Ѣсть не могу,—вотъ какъ злоба душитъ!

Онъ въ краткихъ словахъ передалъ прикащику, въ чемъ дѣло.

— Эдакое безбожіе! Вѣдь есть же, Егоръ Пантелеичъ, эдакіе подлецы! проговорилъ тотъ, покачивая головою.

— Видно есть... Руки бы обломалъ объ него, если бы зналъ, кто!

— Да и стóитъ-съ...

Въ прихожей послышался шумъ, кто-то кричалъ: „пустите".

— Что тамъ за шумъ, поди узнай, Кузьма!

Прикащилъ вышелъ и черезъ нѣсколько времени возвратился.

— Что тамъ? спросилъ его хозяинъ.

— Да это Ловкинъ-съ, что въ шкапчикѣ насупротивъ насъ

торгуетъ. Пьяный, страсть какъ накеравшись, къ вамъ лѣзитъ, словами васъ обзываетъ; все потому же дѣлу. Говоритъ, будто въ вѣдомостяхъ написано, что вы про него говорили, что онъ сосѣда обокралъ.

Съ несчастнаго Ратаханова потъ лилъ градомъ.

— Ну что мнѣ теперь дѣлать, Кузьма? спросилъ онъ, откидываясь на спинку стула.

— Не извольте безпокоиться, Егоръ Пантелеичъ, молодцы выпихали его за двери.

— Слышишь Кузьма, я хочу сейчасъ прочитать эту газету, иначе я и глазъ сегодня не сомкну. Говорятъ, ихъ по номеру покупать можно. Пошли молодца въ книжную лавку.

— Это все можно сдѣлать, Егоръ Пантелеичъ, только сами вы видите, ужь одиннадцатый часъ, всѣ лавки заперты.

— Пошли, говорю, пускай стучится,—отворятъ!

Молодецъ былъ посланъ.

— Я этого такъ не оставлю, ни за что не оставлю, и судомъ до него дойду! Денегъ потрачу, все сдѣлаю!

— Это точно, это такъ оставить нельзя, поддакивалъ прикащикъ.

— Ну, скажи, Кузьма, что мнѣ дѣлать? Дѣлать больше нечего!

— Конечно-съ... Я думаю, Егоръ Пантелеичъ, самое лучшее, въ полицію объявить.

Черезъ полчаса явился молодецъ, но безъ номера „Задора“. Всѣ лавки были заперты, и ему нигдѣ не отворили. Ратахановъ изругалъ его и прогналъ въ молодцовую.

Часовъ до трехъ не спалъ бѣдный Ратахановъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, щипалъ бороду, останавливался и чесалъ у себя въ затылкѣ.

„За что это такая невзгода на меня напала? думалъ онъ.

Дернуло меня въ самомъ дѣлѣ объ моей невѣстѣ говорить! Ну, какъ Семенъ Панкратьичъ прочтетъ да разсердится и не отдастъ за меня дочери... И вѣдь чѣмъ меня уязвить вздумали; сивая борода! Кто это пронюхалъ, что я ее за галстукъ прячу! Ну чѣмъ она сивая?“

Онъ взялъ свѣчу, подошолъ къ зеркалу и началъ разсматривать бороду.

„Пригрезилось этому писателю, просто пригрезилось“.

III.

На другой день, въ Воскресенье, Егоръ Пантелеичъ не пошолъ даже въ церковь.

„Встрѣтятся знакомые, думалъ онъ, и всѣ будутъ смѣяться“.

Пообѣдавъ дома, онъ часу во второмъ вышелъ въ лавку. Посмотрѣлъ въ выручку: только мѣдь, да мелочь на сдачу, да синенькая бумажка. Только, значитъ, на пять рублей и торговали. Пожурилъ молодцовъ, да вѣдь отъ этого выручка не прибудетъ. Егоръ Пантелеичъ пасмурный вышелъ на порогъ лавки. Къ нему подошолъ сосѣдъ его по лавкѣ, Верходеровъ.

— Здравствуй, Егоръ Пантелеичъ, съ праздникомъ!

— Спасибо, и тебя также!

На губахъ Верходерова играла какая-то таинственная улыбка.

— Покажи-ка, покажи-ка, проговорилъ онъ немного помолчавъ:—какая у тебя борода-то, сивая аль нѣтъ? Для чего ты ее за галстукъ прячешь? спросилъ онъ и засмѣялся.

Это была искра, брошенная въ порохъ. Ратахановъ вскипѣлъ и началъ ругаться; а извѣстно, кто больше сердится и ругается въ этихъ случаяхъ, того больше и дразнятъ. Верходеровъ позвалъ другаго сосѣда и вдвоемъ они начали допекать Ратаханова. Тотъ скрылся отъ нихъ въ заднюю лавку.

Молодцы тоже узнали, что про хозяина „пропечатано“ и какъ-то странно съ полускрытой улыбкой на него посматривали. Положеніе его было стѣснительное. Онъ бѣсился.

— Я пойду въ трактиръ, сказалъ онъ молодцамъ и вышелъ изъ лавки. Ему даже показалось, что кто-то фыркнулъ ему вслѣдъ.

Между прочимъ, молва о статьѣ, напечатанной въ „Задорѣ,“ въ которой „напущена мораль на нашихъ,“ распространялась по рынку. Кто могъ, всѣ шли въ трактиръ прочитать статейку, а кто покупалъ и самый номеръ журнала. „Слышали, какъ нашихъ-то отщелкали?“ спрашивали встрѣчая другъ друга рыночники. —Нѣтъ, не слыхалъ. Въ чемъ? Въ Задорѣ. Нужно прочитать! И всѣ искали номеръ журнала.

Ратахановъ вошолъ въ трактиръ.

— Собери чайку, да подай Задоръ! сказалъ онъ встрѣтившему его служителю.

— Задоръ читаютъ-съ, отвѣчалъ тотъ:—какъ прочтутъ-съ, такъ подамъ-съ.

Егоръ Пантелеичъ вздохнулъ. „Вездѣ читаютъ“, подумалъ онъ и вошолъ въ залу. У круглаго стола сидѣло человѣкъ десять рыночниковъ; одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ номеръ „Задора,“ остальные слушали и по временамъ хохотали. Даже и органъ не игралъ: гости хотя и любили музыку, но не велѣли его заводить, такъ интересовала ихъ статья.

— А, вотъ и онъ идетъ! закричалъ одинъ изъ нихъ, завидя вошедшаго Ратаханова.—Важно, братъ, тебя пропечатали!

Егоръ Пантелеичъ уже не ругался болѣе, ему было горько, обидно, онъ готовъ былъ плакать.

— Братцы, нешто хорошо надъ несчастіемъ ближняго смѣяться! Эхъ вы, а еще христіане!

Читающую публику проняли эти слова; она замолчала. Ратахановъ прошолъ въ другую комнату. Тамъ сидѣлъ Бубыревъ.

Онъ былъ выпивши. Передъ нимъ стоялъ графинчикъ водки и рюмка. Ратахановъ подошолъ къ нему.

— Что ты сдѣлалъ, старый песъ!..

— Самъ ты всему дѣлу виноватъ, самъ ты болталъ... отвѣчалъ Бубыревъ.

— Говорилъ я тебѣ: молчи, такъ нѣтъ, ты, старый песъ, во всю глотку оралъ!

— Молчи, не говори, молчи! Просто душой скорблю.

— А мнѣ-то каково! Слышишь, я еще не читалъ... Какъ бы прочесть?

— И не стóитъ! Садись лучше и выпей!

— Не стану я здѣсь ни пить, ни говорить ни о чемъ; еще опять, пожалуй, пропечатаютъ! Пойдемъ въ отдѣльную комнату.

Ратахановъ пошолъ въ отдѣльную коморку. Бубыревъ, захвативъ графинъ и рюмку, отправился за нимъ.

Чай былъ поданъ.

— Кто писалъ, ты знаешь? спросилъ Егоръ Пантелеичъ.

— Знаю: одинъ писака, а писакѣ про всѣхъ насъ передалъ Ефимъ Дуткинъ. Онъ на насъ злится. Вѣдь онъ съ нами въ то время въ одной комнатѣ сидѣлъ.

— Ахъ онъ подлецъ эдакой!

— Слышишь, Егорша, вѣдь мы съ тобой и не говорили о Граблинѣ и о другихъ; болѣе половины для краснаго словца прибавлено...

— Такъ за что же мы напраслину-то терпимъ? спросилъ Ратахановъ.

Бубыревъ ничего не отвѣтилъ, а налилъ рюмку водки и залпомъ выпилъ.

— Ты сдѣлай это... выпей... проговорилъ онъ, указывая на рюмку:—отляжетъ отъ сердца. Вонъ Ничкинъ запилъ съ горя. „Пропечатали, говоритъ, меня, такъ не могу не пить.“ За-

перъ вчера въ три часа лавку и теперь пьетъ. Сегодня и не отворялся...

— Знаю: онъ вчера ко мнѣ на квартиру приходилъ пьяный, ругаться хотѣлъ; только его молодцы не впустили, по шеямъ спровадили! Здѣсь мало водки, я велю подать еще графинчикъ.

Онъ постучалъ ложкой о блюдечко. Вошолъ служитель.

— Долей графинчикъ-то... аль жалѣешь?

Служитель принесъ графинчикъ водки и номеръ „Задора".

— Вотъ извольте-съ. Тамъ прочитали.

Ратахановъ принялся читать статью. Съ каждой строчкой его все болѣе и болѣе коробило. Дѣйствительно, всѣ дѣла и плутни торговцевъ были обличены вѣрно, но къ несчастію, Ратахановъ былъ выставленъ лицомъ, которое разсказываетъ объ этихъ плутняхъ, но въ сущности обо всѣхъ онъ никогда и не говорилъ.

— Вѣрно про всѣхъ написано, сказалъ онъ, прочитавъ:—дѣла всѣ вѣрно наружу выведены, только мы съ тобой объ этомъ не говорили, это на насъ напраслина. Меня только и попуталъ тогда бѣсъ говорить о моей невѣстѣ, да ты о Галдатинѣ и Ничкинѣ разсказывалъ.

Графинъ былъ конченъ.

— Пора и въ лавку, сказалъ Ратахановъ, надѣвая шубу.

Онъ взялъ номеръ „Задора" и запихалъ его подъ диванъ.

— Пускай теперь ищутъ, все-таки меньше народу прочитаетъ!

Онъ пошолъ по коридору. Ему не хотѣлось входить въ общія комнаты. Проходя мимо залы, онъ слѣшалъ, что кто-то требовалъ собрать чайку на двоихъ и подать номеръ „Задора".

Ратахановъ пришелъ, въ лавку когда уже начало смеркаться.

— Семенъ Панкратьичъ съ часъ тому назадъ заходили,

васъ спрашивали, рапортовалъ ему старшій прикащикъ:—просили васъ ужо вечеромъ къ нимъ зайти. Они васъ ждать будутъ... Ничкинъ заходилъ-съ, ругался...

— Ну, ужъ молчи, проговорилъ Ратахановъ и началъ считать выручку.

Передъ самымъ „запоромъ“ въ его лавку ввалились Бубыревъ и Галдатинъ. Съ ними была какая-то оборванная и небритая личность звѣрскаго вида, отъ которой на аршинъ несло водкой. Личность эта была одѣта въ холодное пальто, по выраженію рыночниковъ, подбитое собачьимъ лаемъ, и въ выѣденную молью котиковую фуражку.

— Это вотъ писака, началъ Галдатинъ.—Ты на него не смотри, что онъ такой; онъ, братъ, на писаньи собаку съѣлъ... Какъ тебя звать-то?

— Переметниковъ, отвѣтилъ тотъ хриплымъ голосомъ.—Въ семинаріяхъ реторику и грамматику прошолъ, но убояхся...

— Ну молчи! перебилъ его Галдатинъ.—Можешь ты кого слѣдуетъ обругать, то есть пропечатать? спросилъ онъ.

— Могу-съ, останитесь довольны. Знакомство со всѣми нашими лучезарными свѣтильниками литературы имѣю. Дозвольте даже стихи собственнаго сочиненія прочесть, высокоименитые меценаты!

И онъ было уже всталъ въ трагическую позу.

— Ненужно, ненужно, молчи и слушай!.. перебилъ его Бубыревъ.—Нужно изругать нѣкоего Дуткина. Назови его мошенникомъ или какъ тамъ хочешь, только какъ можно хуже; скажи, что онъ пьяница.

— Это, высокоименитые меценаты, не порокъ.

— Молчи и слушай! Что его жена дома бьетъ, что онъ разъ у сосѣда полуимперіалъ съ выручки стянулъ...

— Да и не одного его, а и Яхмурицына нужно пропеча-

тать, перебилъ его Галдатинъ:—скажи, что онъ латышская рожа, въ коробу съ курицами изъ деревни въ Питеръ привезенъ и все эдакое... что онъ десять разъ сдѣлку съ кредиторами дѣлалъ, одно слово: изругай ихъ обоихъ, прибавь отъ себя, что нужно для краснаго словца и пропечатай. Одно слово: ругательски изругай!

— Да развѣ они оба наущали того писаку? спросилъ Ратахановъ.

— Оба, оба, ужъ я знаю, это вѣрно!...

— Слышишь, вотъ что еще. Они меня назвали сивою бородою, назови ты ихъ паршивыми харями!

— Да ты можешь это сдѣлать? Говори прямо, ежели не можешь, приступилъ къ Переметникову Галдатинъ.

— Могу-съ, наиругательски изругаю. Позвольте образецъ собственныхъ сочиненій прочесть...

— Ненужно, сказано разъ: ненужно, такъ и молчи!

— Никита Семенычъ, сказалъ Бубыревъ Галдатину:—напиши ты ему фамиліи-то, да какъ изругать-то, а то онъ забудетъ.

Галдатинъ написалъ на лоскуткѣ бумаги имена жертвъ мести и далъ Переметникову.

— Ну, много ли ты за это возьмешь?

— Пятнадцать рублей, потому что какъ реторикъ и грамматикъ...

— Хоть ты тамъ и распрориторикъ, а тебѣ этого много. Десять рублей тебѣ будетъ, за глаза довольно. Какого пса тебѣ еще нужно! Братцы, вотъ дадимте ему десять рублей!

— Ладно!

— Такъ бери, какъ тебя тамъ...

— Маленько-съ, но птицы небесныя по зернышку клюютъ, такъ и азъ многогрѣшный послѣдую имъ. Извольте-съ.

— Ну, и строчи!

— А задаточку... высовоуважаемые меценаты. Здѣсь потратиться придется, а у насъ свищетъ!

Онъ ударилъ себя по карману.

— Вотъ тебѣ три рубля, проговорилъ Ратахановъ, доставая изъ бумажника зелененькую бумажку.

— Вотъ и отъ меня, сказáлъ Бубыревъ, и подалъ цѣлковый.

— Никита Семенычъ, раскошеливайся и ты.

— Ладно. Вотъ тебѣ рубль, только изругай, смотри, что ни-на-есть хуже изругай!

— Довольны останетесь, скажете: великъ талантъ въ семъ человѣкѣ! продекламировалъ Переметниковъ.

— Ну проваливай! Да слышишь, какъ напишешь, такъ принеси прочитать, а потомъ и въ печать пойдетъ. Да не запей!

— Для воображенія и чтобъ рука ходила—подобаетъ!

Онъ по военному приложился къ козырьку своей котиковой фуражки и вышелъ изъ лавки.

— Откуда это вы его взяли? спросилъ Ратахановъ.

— Въ трактирѣ нашли. Лындинъ книжникъ намъ его показалъ. Онъ Лындину, прежде, какъ не пилъ, разныя книжки писалъ.

— Ну ладно, пусть изругаетъ. Вотъ-то они посердятся!

Ратахановъ заперъ лавку. Горе какъ-то отлегло у него отъ сердца; можетъ быть и отъ того, что онъ надѣялся достойно отомстить своимъ врагамъ. Онъ отправился къ Семену Панкратьевичу, отцу невѣсты, и всю дорогу обдумывалъ, какъ бы лучше оправдаться отъ тѣхъ обвиненій, которыя будутъ взводить на него, и рѣшилъ явиться съ повинной головой.

IV.

Въ квартирѣ Семена Панкратьевича Лычкина происходила слѣдующая сцена. Въ спальной поперекъ супружескаго ложа Семена Панкратьевича и Настасьи Матвѣевны лежала внизъ лицомъ единородная дщерь ихъ Матрешенька, невѣста Егора Пантелеича, и рыдала на всю комнату. Около нея стояла мать ея, невысокаго роста женщина и бабушка, сморщенная старушка.

— Уймись, Матрешенька, уймись матка, полно тебѣ выть-то, вѣдь нравился же онъ тебѣ прежде, говорила мать.

— То прежде, а то теперь: какой же онъ женихъ, ежели онъ свою невѣсту при народѣ конфузитъ, отвѣчала дочь, всхлипывая.

— Чѣмъ же конфузитъ-то? Что онъ сказалъ, что ты въ апетитѣ, такъ это значитъ, что ты ему нравишься.

— Да онъ и не одно это говорилъ. Онъ говорилъ, что у меня глаза разбѣгаются. Что мнѣ за пріятность съ такимъ мужемъ жить, про котораго даже въ газетахъ пропечатано, что у него сивая борода!

— Мало ли что въ газетахъ пропечатано, можетъ это кто изъ злобы на него сдѣлалъ. Развѣ мало злыхъ-то людей есть!

— Не пойду я, не пойду я ни за что за сивую бороду. Чтобъ послѣ надо мной же всѣ смѣялись!

— Вѣдь подите-жь вы, вотъ стряслась какая оказія, обратилась Настасья Матвѣевна къ бабушкѣ:—вѣдь не замѣчала же она прежде, что у него сивая борода, а какъ прочитала, такъ только одно и твердитъ сивая да сивая. Дура, право дура! и чадолюбивая мать плюнула.—Поговорите ей, бабушка, авось она хоть васъ послушаетъ!..

— Полно, Матрешенька, полно, голубка! Встань, утри сле-

зынки-то, увѣщевала старуха.—Онъ человѣкъ хорошій, а что надъ нимъ такое несчастіе стряслось, такъ развѣ онъ виноватъ?.. Отчего же за него не выдти-то, чѣмъ онъ не женихъ, долго ль тебѣ въ дѣвкахъ-то сидѣть? Тебѣ ужь двадцать третій годокъ пошелъ. Я по пятнадцатому вышла, по семнадцатому дѣти пошли...

— Оставьте, бабушка, оставьте меня, развѣ я вамъ мѣшаю, отвѣчала Матрешенька и зарыдала еще громче прежняго.

Въ комнату заглянулъ Семенъ Панкратьичъ.

— Что, она еще все не унимается, все еще воетъ? проговорилъ онъ.

— Да что же мнѣ съ нею дѣлать-то?.. ужь пыталась я ее уговаривать, отвѣчала супруга.

— Слышь, Матрена, уймись, я тебѣ говорю, а то какъ самъ за тебя примусь, то плохо будетъ!

Матрешенька начала плакать тише. Семенъ Панкратьичъ вышелъ изъ спальни и началъ ходить по комнатѣ. Къ нему подошла Настасья Матвѣевна.

— Семенъ Панкратьичъ, проговорила она:—что жь ее приневоливать-то выходить за Егора Пантелеича, можетъ и другой какой навернется. Вѣдь въ вѣдомостяхъ-то сказано, что онъ не на ней женится, а что ему десять тысячъ? ея приданаго нужно.

Семенъ Панкратьичъ остановился.

— Ну что ты смыслишь, что ты знаешь? ужь лучше молчи! Кто онъ? Вѣдь онъ купецъ?

— Купецъ-съ... отвѣтила оробѣвъ супруга.

— Такъ онъ такъ и женится. Каждый купецъ женится по своему званію! Нешто купцу слѣдуетъ брать невѣсту безприданницу? Каждый купецъ долженъ соблюдать свое званіе. Ступай, и уйми Матрену,—нѣтъ я самъ приду и стащу ее съ постели!

Настасья Матвѣевна ушла въ спальную. Семенъ Панкратьичъ продолжалъ ходить по комнатѣ.

„Одно славно въ этихъ вѣдомостяхъ, подумалъ онъ, усмѣхнувшись:—про эту бестiю про Галдатина пропечатано, по двугривенному за рубль меня шельма нагрѣлъ?“

Раздался звонокъ. Въ комнату вошолъ Ратахановъ. Они поздоровались.

— Судите, какъ хотите, клевета и ложь на меня возведена, проговорилъ Ратахановъ.—Нарочно говорю прямо, вѣрно ужь читали „Задоръ“?

— Читалъ, съ усмѣшкой отвѣтилъ Лычкинъ и протянулъ руку къ бородѣ Ратаханова.—Покажи-ка!

— Семенъ Панкратьичъ, вѣдь смѣяться можно, только и грѣшно, проговорилъ тотъ, пятясь назадъ.

— Ну ужь молчи! Одно, за Галдатина спасибо. Хвалю писаку. Только, Егоръ Пантелеичъ, дернуло тебя это въ трактирѣ во все горло разсказывать!

— Не я-съ, вѣрьте слову, не я-съ. Напраслина!

— Ну, все равно, садись!

Они сѣли.

— Скорблю душой! проговорилъ Ратахановъ.

— Вотъ, что я тебѣ скажу: съ дочерью я сообразить не могу. Не хочетъ за тебя замужъ идти; говоритъ: „не пойду я за сивую бороду.“

— Семенъ Панкратьичъ, чѣмъ же она сивая-то?.. вы поглядите.

— Чтожъ мнѣ съ ней-то дѣлать? Вонъ погляди, валяется на кровати да реветъ какъ корова.

„Ну, подумалъ Ратахановъ:—видно ужь не судьба мнѣ жениться! шестая ужь эта ускользаетъ, а вѣдь выгодная невѣста-то“.

Онъ вздохнулъ.

— Чтожъ, проговорилъ онъ:—на то вы отецъ, чтобъ власть надъ своею дочерью имѣть! Можно пострапцать.

— Можно-то можно... И тебя, братъ, дернуло при всемъ народѣ водку по трактирамъ пить! Нешто нѣтъ отдѣльныхъ комнатъ?.. Оженишь тебя, а послѣ и будутъ говорить: вотъ дескать Лычкинъ дочь свою за пьяницу выдалъ. Да и тебѣ, братъ, плохо: сколько теперь на тебя народу озлобилось! Граблинъ вѣдь кредиторъ твой; теперь пожалуй и вѣрить не будетъ.

— Все это я знаю, да что же мнѣ дѣлать-то? Развѣ въ кварталъ объявить, что ли?

— Толку никакого не будетъ. Ну что, чѣмъ же мы кончимъ-то?

— Я готовъ хоть сейчасъ-съ. Я Матрену Семеновну люблю и уважаю. Похлопочите, Семенъ Панкратьичъ, нельзя ли какъ нибудь дѣло уладить. Я, вы думаете, изъ-за денегъ? Ей-Богу нѣтъ!

„А что, подумалъ онъ: развѣ скинуть ему пятьсотъ рубликовъ, авось дѣло-то и уладится“.

— Я, Семенъ Панкратьичъ, рѣшительно не изъ корысти, я, ежели хотите, пятьсотъ рубликовъ даже скинуть могу.

— Да что, неужто она тебѣ такъ нравится? спросилъ его Лычкинъ.

— Да какъ же можетъ такая обходительная дѣвица не нравиться-съ!

Ратахановъ осклабился и умилился. Это умиленіе совсѣмъ не шло къ его фигурѣ.

— Ну, погоди здѣсь, я посмотрю, что тамъ дѣлается.

Лычкинъ ушолъ въ спальную. Ратахановъ остался одинъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Господи, ежели бы это уладилось! проговорилъ онъ взглянувъ на образъ, висѣвшій въ углу и фуляромъ отеръ со лба своего крупныя капли пота.

Изъ спальной доносилось всхлипыванье Матрешеньки и голосъ Семена Панкратьича. Минутъ черезъ десять Ратаханова позвали туда.

Онъ вошолъ. Матрешенька сидѣла на стулѣ; отецъ стащилъ ее съ кровати. При входѣ Ратаханова она закрыла лицо платкомъ.

— Ну погляди ты на него, дура, погляди, сивая ли у него борода, говорилъ Семенъ Панкратьичъ дочери.

При словѣ „сивая,“ Егора Пантелеича покоробило. Онъ не могъ даже слышать этого слова, такъ казалось оно ему противно. „Вѣдь можно же придумать эдакое язвительное слово,“ подумалъ онъ.

— Далось ей одно: сивая борода, да что ты ее за галстукъ прячешь. Покажи ты ей, пусть она сама на твою бороду посмотритъ.

Семенъ Панкратьичъ взялъ Егора Пантелеича за руку; тотъ попятился.

— Чего же ты боишься-то?.. Подойди къ ней.

— Зачѣмъ же?.. Онѣ и такъ видятъ.

— Вѣрно не видитъ, коли говоритъ, что сивая. Подойди!

Ратахановъ подошелъ.

— Ну смотри-ка него, Матрешенька, увѣрься сама! проговорила мать.

Матрешенька все еще держала платокъ у лица.

— Матрена! крикнулъ на нее отецъ.

Она взглянула на него однимъ глазомъ. Ратахановъ покраснѣлъ и отошолъ. Онъ съ Лычкинымъ вышелъ въ другую комнату.

— Такъ ужь я въ надеждѣ, Семенъ Панкратьичъ.

— Сказано, что ладно, такъ ужь ладно!

— Ну, такъ прощайте, тятинька!

— Куда ты, посиди!

— Домой-съ. Молодцовъ надо поглядѣть, а то того и гляди, что разбредутся.

— Ну ступай!

Они поцѣловались.

„Уладимъ дѣло! думалъ идучи домой Ратахановъ. А все-таки эта статейка мнѣ въ пятьсотъ рублевъ стала... Не будь ея, такъ сполна бы десять тысячъ получилъ“.

Недѣли черезъ двѣ рыночники стали забывать о статейкѣ, которая напустила на нихъ мораль; черезъ мѣсяцъ женился Ратахановъ на Матрешенькѣ и теперь преспокойно гуляетъ съ ней по воскресеньямъ по Невскому. Но не забылась „сивая борода“. Этимъ наименованіемъ и до сихъ поръ дразнятъ Ратаханова. Довольно сказать ему эти слова и онъ начнетъ ругаться, злиться и, пожалуй, драться.

Ничкинъ послѣ обличеніи пилъ цѣлую недѣлю и наконецъ остепенился. Переметниковъ такъ и пропалъ са задаткомъ; Галдатинъ какъ-то встрѣтилъ его въ погребкѣ, но тотъ, завидя его, со всѣхъ ногъ бросился вонъ и скрылся. Съ тѣхъ поръ его уже болѣе не видали.

ТЕАТРОМАНІЯ.

(РАЗСКАЗЪ).

Федоръ Кузьмичъ Лущовъ былъ купецъ, имѣлъ домъ гдѣ-то близъ Ямской и въ описываемую эпоху вступалъ уже въ сорокъ третій годъ своего земнаго существованія. Человѣкъ онъ былъ патріархальный, ходилъ по субботамъ въ баню, въ воскресные дни ѣздилъ въ Невскій монастырь къ обѣднѣ слушать пѣвчихъ. Какъ водится, любилъ басистыхъ дьяконовъ, передъ обѣдомъ пилъ какую-то, по его увѣренію, лекарственную водку, настоенную впрочемъ только на трехъ апельсинныхъ коркахъ, и послѣ обѣда заваливался всхрапнуть на четверть часика, но спалъ часа два, даже три, и проснувшись, приходилъ въ изумленіе, какъ это онъ могъ проспать столько времени. Скажемъ мимоходомъ, что по поводу своего сна Федоръ Кузьмичъ изумлялся уже ровно десять лѣтъ. Отъ прочихъ купцовъ средней руки онъ отличался развѣ тѣмъ, что брилъ бороду, гладко стригся, кое что въ своей жизни читалъ, зналъ наизусть монологи грибоѣдовскаго „Горя отъ ума" и имѣлъ страсть къ театральнымъ книгамъ. Театръ онъ тоже любилъ и въ Александринскомъ театрѣ бывалъ каждую недѣлю раза два. Тамъ Федоръ Кузьмичъ былъ свой человѣкъ; капельдинеры, снимая съ него шубу, раскланивались съ нимъ самымъ ласковымъ образомъ и вѣшали ее на гвоздь безъ номера, приговаривая: „Безъ номерочка, Федоръ Кузьмичъ, повѣсимъ, не извольте безпокоиться, не пропадетъ", за что и получали вмѣсто

гривенника пятіалтынный. Даже и буфетчики знали Федора Кузьмича, и когда онъ съ кѣмъ нибудь подходилъ въ буфету, то не спрашивали, чего наливать, а прямо нацѣживали въ большія рюмки очищенную водку. Федоръ Кузьмичъ былъ знакомъ съ кассиромъ и двумя третьестепенными актерами, которыхъ и угощалъ въ буфетѣ водкой, послѣ того, какъ они, окончивъ свои немудрыя роли, приползали въ залу потереться въ проходѣ или засѣсть въ какое нибудь незанятое кресло. Отъ нихъ онъ узнавалъ разныя закулисныя сплетни и на другой день, вышедши въ лавку, разсказывалъ ихъ знакомымъ, прибавляя, что слышалъ онъ ихъ отъ такого и такого актера, который ему пріятель. Чтобы покончить съ театромъ, прибавимъ, что Федоръ Кузьмичъ предпочиталъ комиковъ трагикамъ, съ остервененіемъ хлопалъ Васильеву, Марковецкому, Алексѣеву, и, глядя на ихъ гриммировку, всегда удивлялся, „какъ это можно такъ рожу измѣнить, что она изъ обыкновенной рожи дѣлается такой чудной, что хоть святыхъ вонъ выноси.“

Манія же къ театральнымъ книгамъ развилась въ немъ еще въ дни его цвѣтущей молодости, Какъ это случилось,—неизвѣстно, только Федоръ Кузьмичъ началъ ихъ скупать вездѣ, гдѣ только могъ, и въ лавкахъ на Апраксиномъ, и у проходящихъ букинистовъ и даже у лакеевъ, стянувшихъ изъ барскихъ библіотекъ и тащившихъ ихъ въ книжныя лавки обмѣнить на божественную книжку, на какой нибудь оракулъ или „новѣйшій пѣсенникъ“. Всѣ пріобрѣтенныя театральныя книги, будь то какой нибудь водевиль, комедія Островскаго или трагедія Шекспира, переплетались въ хорошіе переплеты съ надписью внизу на корешкѣ „изъ книгъ купца Лущова“. Книги эти пріобрѣтались впрочемъ только для коллекціи, но читались купцомъ Лущовымъ очень рѣдко, развѣ лежа, передъ послѣобѣденнымъ сномъ, при чемъ никогда не прочитывалось больше одной страницы; послѣ

чего книга выпадала изъ рукъ на полъ и изъ горла купца Лущова раздавался храпъ, сначала тихій, но потомъ crescendo переходящій въ грозное фортиссимо.

Обыкновенно Федоръ Кузьмичъ проводилъ свои будничные дни слѣдующимъ образомъ. Каждый день, по заведенному порядку, ходилъ онъ въ лавку, въ четыре часа приходилъ домой обѣдать, за обѣдомъ спорилъ съ женой по поводу какого нибудь плохо приготовленнаго кушанья или о томъ, которую рюмку водки онъ глотаетъ. Жена утверждала, что пятую, но Федоръ Кузьмичъ имѣлъ способность забывать проглоченную влагу и увѣрялъ, что только вторую и то не полную. Послѣ послѣобѣденнаго сна, если Федоръ Кузьмичъ не шелъ въ театръ или въ гости, то надѣвалъ халатъ, туфли и садился въ залѣ на диванъ, при чемъ семнадцатилѣтняя дочь его Катенька услаждала его слухъ наигрываніемъ на фортепіано русскихъ пѣсенъ или полекъ и кадрилей. Послѣ сего слѣдовалъ чай, легкое брянцаніе на счетахъ, двѣ три строчки записывались въ торговую книгу—ужинъ и потомъ сонъ до радостнаго утра. Обычная жизнь выходила изъ своей колеи очень рѣдко: раза четыре въ годъ, и именно: въ имянины Федора Кузьмича, жены, дочери и на святкахъ. Въ дни эти въ квартиру его официанты втаскивали столы, корзины съ съѣстнымъ, съ посудой и домъ наполнялся гостями. Весь вечеръ и всю ночь брянчало фортепіано, шла игра въ горку, въ стуколку, женщины передавали другъ другу сплетни, почерпнутыя по церквамъ и банямъ, графины съ водкой и бутылки съ виномъ перемѣнялись несчетное число разъ и гости бражничали до бѣлаго утра, часовъ до восьми, до девяти.

Въ такомъ порядкѣ прозябалъ Федоръ Кузьмичъ много лѣтъ. Жилъ онъ, какъ видѣлъ читатель, мирно и тихо, безъ особыхъ тревогъ и треволненій, но на сорокъ третьемъ году его земнаго

существованія случилось одно обстоятельство, которое перебударажило всю его жизнь, словно, какъ говорится, ему чортъ ногу подставилъ. Федоръ Кузьмичъ возмечталъ, что у него есть драматическій талантъ, и задумалъ сдѣлаться актеромъ. Какъ это случилось, читатель сейчасъ узнаетъ.

Въ одинъ прекрасный день, часовъ въ двѣнадцать, въ то самое время, когда Федоръ Кузьмичъ сидѣлъ у себя въ верхней лавкѣ, носящей названіе кладовой, пилъ чай изъ граненаго стакана и перелистывалъ при этомъ какой-то, только что пріобрѣтенный водевиль, на лѣстницѣ послышались чьи-то шаги и въ кладовую вбѣжалъ племянникъ его, служащій гдѣ-то на акціонерной конторѣ.

— А, Вася! Живая душа! Какими судьбами Богъ занесъ? проговорилъ Федоръ Кузьмичъ, увидя племянника, и отеръ губы рукавомъ шубы.—Изъ должности, что-ли? Садись.

— Нѣтъ, дяденька, я ужъ теперь два дня въ должность не хожу. Я, дяденька, устраиваю спектакль любителей въ пользу бѣдныхъ и самъ буду участвовать въ немъ въ роли Фиша въ водевилѣ Азъ и Фертъ, отвѣчалъ племянникъ, садясь.

— То есть какъ это? Начальство приказало, что ли? спросилъ Федоръ Кузьмичъ.

— Нѣтъ, что вы, какое начальство! Такъ сами... Просто собрался кружокъ любителей... Вотъ по этому-то случаю я и пришелъ къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою.

— А, ну? ну?

— Поддержите коммерцію: возьмите ложу да раздайте билетиковъ по сосѣдямъ.

— Можно, можно, отчего не поддержать. Давай, проговорилъ Федоръ Кузьмичъ:—только тебѣ Фиша не сыграть.

— Отчего же не сыграть?

— Насчетъ рожи не сыграешь. Вѣдь тутъ нужно, чтобы

была самая чудная, паскудная рожа. Какъ есть несчастный нѣмецъ.

— Сыграю, дяденька. Вѣдь у насъ и парикмахеръ, и портной, всѣ будутъ изъ Александринскаго театра. Такъ разрисуютъ, что мать родная не узнаетъ! Вотъ увидите! Я уже игралъ однажды старика пьянаго лакея и хорошо вышло.

— Такъ, такъ... говорилъ Федоръ Кузьмичъ, перебирая билеты, которые уже успѣлъ всучить ему племянникъ, и спросилъ, кто будетъ играть за Марковецкаго роль отца.

— Одинъ человѣкъ, дяденька. Тыквинъ. Такой комикъ, что просто чудо. Рожа глупая, преглупая, курносый и на лѣвую ногу прихрамываетъ. Ежели бы вы видѣли, дяденька, какъ онъ пьяныхъ нѣмцевъ представляетъ, такъ просто умора!

Потолковавъ еще минутъ пять, они распростились. Племянникъ хотѣлъ уже было сходить съ лѣстницы, но вдругъ остановился.

— Дяденька, да не хотите-ли вы маленькую рольку сыграть? У насъ одна есть свободная,—старика-лакея. Такъ васъ раскрасимъ, что ни одинъ знакомый не узнаетъ. А?

— Что ты, что ты! Окрестись лучиной, какой я актеръ! замахалъ руками Федоръ Кузьмичъ.

— Ну такъ приходите завтра вечеромъ на генеральную репетицію въ театръ пассажа и деньги приносите. Деньги-то намъ нужны. Туда-сюда, сами знаете... вездѣ расходы. Придете?

— Ладно.

Племянникъ ушелъ.

Казалось бы, какимъ образомъ подобное обстоятельство, какъ приглашеніе сыграть роль лакея, могло взбударажить мирную жизнь Федора Кузьмича? А между тѣмъ, оно-то именно и взбударажило.

По уходѣ племянника, Федоръ Кузьмичъ долго еще ходилъ

по лавкѣ, улыбался и говорилъ про себя: „Ишь ты, мнѣ роль сыграть! Скажи на милость!“ Черезъ нѣсколько времени онъ думалъ: „а что, вѣдь сыгралъ бы пожалуй. Только бы парикъ нужно посмѣшнѣе надѣть, да лицо расписать... Ей Богу, сыгралъ бы.“ Ему уже стало жалко, что онъ отказался отъ роли. „Да я и не такую роль сыгралъ бы, а отца въ Азѣ и Фертѣ сварганилъ бы... Халатикъ драный у меня есть, туфли рваныя тоже есть. Носъ можно поднять кверху ниточкой—акуратъ курносый, Умора! А попробовать развѣ, какова у меня будетъ рожа, если я носъ подниму на ниточку?“ задалъ онъ себѣ вопросъ. „Стой, попробую“. Федоръ Кузьмичъ началъ искать нитку, но нитки не нашлось. „Можно такъ, пальцемъ“, проговорилъ онъ, подошелъ къ висѣвшему на стѣнѣ зеркалу, сгорбился, зашевелилъ губами и поднялъ пальцемъ носъ. Рожа вышла дѣйствительно смѣшная, такъ что Федоръ Кузьмичъ слегка захохоталъ. „Ежели еще морщины пробкой навести, да брови подчернить, такъ вотъ чудной-то буду!“ Онъ отыскалъ пробку, пожегъ ее на зажженной спичкѣ и началъ разрисовывать себѣ лицо, всевозможнымъ маннеромъ кривляясь передъ зеркаломъ: то дѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, прихрамывая, то выпучивалъ глаза, то кривилъ ротъ. Ему даже жарко стало. Онъ снялъ шубу и мало по малу пришолъ въ такой экстазъ, что уже вслухъ началъ бормотать слова изъ разныхъ пьесъ, видѣнныхъ имъ на сценѣ. Все это длилось вплоть до обѣденнаго времени, до тѣхъ поръ, пока желудокъ не напомнилъ ему о своемъ порожнемъ состояніи; вслѣдствіе чего, Федоръ Кузьмичъ самымъ аппетитнымъ образомъ плюнулъ въ свой фуляровый платокъ и началъ имъ стирать съ лица сажу, послѣ чего тотчасъ же отправился домой.

Въ этотъ достопамятный день онъ, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, спалъ послѣ обѣда, вмѣсто обычныхъ двухъ часовъ, полчаса; проснувшись, тотчасъ же засадилъ дочь за фортепіа-

но играть венеціанскій карнавалъ и битый часъ пѣлъ подъ эту музыку куплеты изъ водевиля „Андрей Степанычъ Бука“.

У него началась болѣзнь, называемая „театроманіею“, и вскорѣ приняла хроническій неизлечимый характеръ.—Федоръ Кузьмичъ попалъ на репетицію спектакля, устраиваемаго его племянникомъ и даже, мало того, сыгралъ заключающуюся въ нѣскольких словахъ роль старика лакея.

На другой день послѣ этого событія, часа въ два въ квартирѣ Федора Кузьмича раздался сильный звонокъ. Супруга Федора Кузьмича Глафира Ивановна и дочь Катенька, отъ нечего дѣлать гадавшія въ спальной на картахъ, вскочили съ дивана и опрометью бросились въ прихожую, но отворять дверей не рѣшились. Звонокъ повторился и еще съ большею силою. Наконецъ прибѣжавшая горничная отворила двери, при чемъ Глафира Ивановна и Катенька изъ приличія попятились въ залу.

— Дома хозяйка? послышался за дверью чей-то принужденно хриплый голосъ.

— Дома, пожалуйте-съ, проговорила горничная, отступая назадъ и отирая лицо передникомъ и наконецъ вскрикнула:— Батюшки! Федоръ Кузьмичъ! Господи! Что это такое съ вами?

Въ прихожую вошелъ Федоръ Кузьмичъ. Въ рукахъ его была коробка. Онъ снялъ шляпу и поклонился женѣ и дочери. На головѣ его былъ надѣтъ плѣшивый парикъ, на щекахъ налѣплены сѣдыя рваныя бакенбарды и лицо загриммировано самымъ уродливымъ образомъ.

— Папенька! вскрикнула дочь.

Глафира Ивановна сначала попятилась, а потомъ прослезилась.

— Федоръ Кузьмичъ, ну какъ тебѣ не стыдно дурачить себя на старости лѣтъ? говорила она сквозь слезы.

— Ни слова, ни полслова! Я такъ хочу! воскрикнулъ тѣмъ же хриплымъ голосомъ Федоръ Кузьмичъ.

Слова эти были цитированы изъ водевиля „Азъ и Фертъ".

— Бери! обратился онъ къ горничной, подалъ ей коробку и, сбросивъ съ себя на полъ шубу, направился въ залу тѣмъ пѣтушинымъ шагомъ, какимъ обыкновенно ходятъ комики Александринскаго театра, играющіе водевильныхъ отцовъ.

— Гдѣ это ты такъ разукрасился? спросила его жена.

— Извѣстно гдѣ: у парикмахера, отвѣчалъ Федоръ Кузьмичъ.—Теперь отъ нечего дѣлать по вечерамъ я буду разучивать разныя роли, а послѣ, Богъ дастъ, и при публикѣ сыграю. Я чувствую, что у меня есть дарованіе, не скажу—талантъ, а дарованіе есть. На первый случай я купилъ себѣ у парикмахера четыре паричка, коробочку красокъ, волосиковъ для бакенбардъ и баночку клею. И вѣдь какъ дешево далъ! За все двадцать пять цѣлковыхъ. Вотъ я вамъ ихъ сейчасъ покажу.

Онъ началъ вынимать изъ коробки парики.

— Вотъ этотъ, что у меня на головѣ—преимущественно для Аза и Ферта, а эти туда-сюда... для другихъ водевилей. Впрочемъ завтра придетъ парикмахеръ, такъ я ему еще одинъ паричокъ закажу. У меня есть идейка. Такой чудной закажу, что актеру Алексѣеву и во снѣ не снился.

Глафира Ивановна ничего на это не возражала. Она молча глядѣла на мужа и дивилась его безобразію.

— Папенька, а вдругъ у васъ навсегда такъ лицо останется? замѣтила дочь.

— Гмъ, вотъ дура! Останется! Никогда не останется! Теперь только стоитъ его вымазать помадой и обтереть полотенцемъ, такъ еще чище твоего будетъ, проговорилъ Федоръ Кузьмичъ.—Я и тебѣ, Катя, дамъ выучить нѣсколько ролекъ; тогда мы съ тобой можемъ нѣкоторые водевильчики разыгрывать.

— Папенька, да я не умѣю...

— Выучу. Даже и мать можетъ.

Молчавшая до сего времени Глафира Ивановна вспыхнула.

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю! Ты можешь себя хоть въ медвѣжью шкуру зашить, а я себя дурачить не позволю, заговорила она.—Спасибо, Федоръ Кузьмичъ! Лучшаго я отъ тебя ничего не дождалась въ двадцать лѣтъ замужества. Спасибо!

— Да ты не понимаешь, потому такъ и говоришь, а вотъ какъ завтра принесетъ тебѣ парикмахеръ паричокъ, надѣнешь его, да загримирую я тебя, такъ ты и сама рада будешь.

— Нѣтъ, извините, я скорѣй позволю себѣ въ лицо наплевать, а ужь пачкать себя не дамъ.

— А дашь!

— Не дамъ!

— Я тебѣ говорю—дашь! крикнулъ Федоръ Кузьмичъ и топнулъ ногой.

Глафира Ивановна взвизгнула, зарыдавъ, поплелась въ спальную и легла поперекъ кровати.

А Федоръ Кузьмичъ все еще ходилъ по залѣ пѣтушинымъ шагомъ, останавливался передъ зеркаломъ и гримасничалъ. На сцену эту изъ прихожей изъ-за угла, еле удерживаясь отъ смѣха, смотрѣли: горничная и кухарка. Онѣ были совершенно убѣждены, что хозяинъ допился до чертей.

Наконецъ приблизилось время обѣда. Заплаканная Глафира Ивановна поднялась съ постели и велѣла подавать на столъ кушанье. Федоръ Кузьмичъ все еще не снималъ парика.

— Снимешь-ли ты хоть за обѣдомъ-то твой поганый черепъ? проговорила супруга.

— Зачѣмъ же снимать? возразилъ Федоръ Кузьмичъ:—такъ лучше. Покрайности привыкаешь. Съ парикомъ, матушка, обращаться нужно привычку да и привычку.

Глафира Ивановна вспыхнула.

— Чортъ ты эдакій! Да какъ же ты передъ обѣдомъ молиться-то будешь въ парикѣ? воскликнула она.

Федоръ Кузьмичъ дѣйствительно этого не сообразилъ; подумалъ, снялъ парикъ, стеръ съ лица краску и, вымывшись, сѣлъ за столъ.

Ложась послѣ обѣда всхрапнуть, онъ сказалъ женѣ:

— Глаша, напомни мнѣ послѣ послать за портнымъ, что прикащикамъ платье починиваетъ. Я ему отдамъ изъ моего стараго сюртука сдѣлать комическій фракъ.

Супруга только руками всплеснула.

Весь вечеръ былъ употребленъ на гриммировку, примѣриваніе париковъ, разучиваніе роли и пѣніе куплетовъ.

Обыденная жизнь Федора Кузьмича перевернулась вся къ верху ногами и потекла совершенно особымъ образомъ. Закомые два актера: Сѣкировъ и Бравинъ являлись къ нему чуть-ли не каждый день и передъ ними разыгрывались водевили и сцены изъ комедій. Катенька чуть не со слезами на глазахъ играла также. Въ ходъ пускались даже прикащики. Только одна Глафира Ивановна съумѣла отбиться отъ мужа и ни разу не дала загримировать себя. Сцены эти разыгрывались среди великаго бражничанья. Даже прикащикамъ дозволялось напиваться, лишь бы учили роли. Каждый вечеръ съ восьми часовъ, въ углу ставилась закуска, водка и вина. Нерѣдко и актеры, подпивъ, надѣвали на себя парики и лицедѣйствовали. Сѣкировъ притащилъ даже разъ комическій фракъ и спѣлъ куплеты:

„Купецъ лавку отворяетъ,“

съ воодушевленіемъ разсказывая, какой фуроръ производилъ онъ этими куплетами и вообще комическими ролями въ провинціи; Бравинъ же вспоминалъ какое-то старое время, когда онъ игралъ Гамлета. Катенька уже ничего больше не разучивала на фортепіано, какъ акомпанименты къ водевильнымъ куплетамъ. Па-

рикмахеръ являлся тоже очень часто, потому что у Федора Кузьмича то и дѣло являлась „идейка" насчетъ какого нибудь паричка.

— Сдѣлай ты мнѣ, братецъ, такой парикъ, говорилъ Федоръ Кузьмичъ:—чтобъ голова была вся голая и волосы были-бы только съ боку... Эдакая длинная прядь... И чтобъ она зачесывалась на темя, только такъ, чтобъ самое темя сквозило. Понимаешь?

— Ужь будьте покойны: такой парикъ сдѣлаю, что животики надорвутъ смѣявшись, увѣрялъ парикмахеръ, и точно, приносилъ такой парикъ, который походилъ на что угодно, только ужъ отнюдь не на человѣческій черепъ, покрытый волосами.

Федоръ Кузьмичъ заказалъ даже декораціи и вотъ изъ залы была вынесена мебель и три четверти комнаты занято сценою, на которой разъ въ недѣлю разыгрывались уже цѣлые водевили. Зрителями были однако немногіе, только избранные знакомые. Большинство же знакомыхъ и родные Федора Кузьмича положительно рѣшили, что онъ съ ума сошелъ, и даже начали избѣгать съ нимъ встрѣчи.

— Теперь бы мнѣ только двухъ-трехъ актрисъ добыть и тогда-бы я былъ спокоенъ, говорилъ Федоръ Кузьмичъ Сѣкирову и Бравину. Тѣ, было, обѣщали привести, по ихъ увѣренію, двухъ отличныхъ актрисъ, но Глафира Ивановна напрямки объявила, что какъ только актрисы покажутся, то она имъ тотчасъ же выцарапаетъ глаза. Во избѣжаніе скандала, актрисы приведены не были и Федоръ Кузьмичъ принужденъ былъ ограничиться дочерью и какою-то бѣдною родственницею, которую нарочно для этого взялъ въ домъ и въ награду за актерство обѣщался выдать замужъ.

Но и этого было мало Федору Кузьмичу. Первый публичный дебютъ въ роли старика лакея не выходилъ у него изъ головы. Закулисная суматоха, бѣготня и послѣспектакльное пиршество до

того засѣли къ нему въ голову и такъ понравились, что онъ задумалъ самъ устроить публичный спектакль любителей и сыграть въ немъ роль отца въ водевилѣ „Азъ и Фертъ“, который онъ считалъ перломъ водевильнаго искусства.

Мысль эту Федоръ Кузьмичъ объявилъ Сѣкирову и Бравину; тѣ сказали, что можно, и что даже берутъ на себя половину хлопотъ. Сѣкировъ прибавилъ, что на это потребуется порядочно денегъ, потому что любительскіе спектакли рѣдко покрываютъ издержки, на что Федоръ Кузьмичъ сказалъ, что за деньгами дѣло не станетъ. Печальную вѣсть объ устройствѣ спектакля семейство его узнало въ тотъ же день за ужиномъ, а на другой день начались приготовленія къ спектаклю.

Спектакль былъ назначенъ въ Кронштадтѣ. Пьесы были выбраны: комедія Карьера и водевиль Азъ и Фертъ, въ которомъ и долженъ былъ отличиться Федоръ Кузьмичъ. Главными воротилами были актеры Сѣкировъ и Бравинъ, которые и взяли на себя первыя роли въ комедіи, набравъ на остальныя роли исполнителей откуда пришлось, какъ говорится, кого съ бугорковъ, кого съ горокъ. Въ актеры попали даже прикащикъ и мальчикъ Федора Кузьмича, выказавшіе, по мнѣнію Сѣкирова, достаточныя искры таланта. И вотъ дней за шесть до спектакля, домъ Федора Кузьмича каждый вечеръ сталъ наполняться гостями,—начались репетиціи, послѣ которыхъ обыкновенно слѣдовалъ ужинъ съ достаточнымъ возліяніемъ. Люди сбились съ ногъ, стряпня была велія, вслѣдствіе чего у Глафиры Ивановны съ кухаркой вышла баталія; послѣдняя просила или рубль въ мѣсяцъ прибавки жалованья, или грозила отойти отъ мѣста. Сама Глафира Ивановна была какъ въ чаду, и рѣдкій день когда не всплакивала. Она видѣла, чего это стоитъ ея мужу. Не говоря уже о каждодневномъ бражничаньѣ и устройствѣ спектакля, что стоило порядочныхъ денегъ, даже самыя дѣйствующія лица то и

дѣло занимали у него подъ благовиднымъ предлогомъ по нѣскольку рублей.

— И вѣдь какая все шушера набрана у него эти актеры, говорила Глафира Ивановна: — Господи! Мать Пресвятая Богородица, кажется, ежели-бы отъ него что отвратило эту театральщину, такъ свѣчку-бы въ рубль поставила, пелену-бы вышила, на богомолье-бы сходила. И съ чего это, съ чего это напала на него дурь эдакая?!

На Федора Кузьмича дѣйствительно напала дурь. Онъ даже дѣломъ не занимался и пересталъ ходить въ лавку; ею завѣдывали прикащики. Ежели же когда онъ приходилъ въ нее, то приносилъ съ собою и парики, которые отъ нечего дѣлать и примѣривалъ въ верхней лавкѣ. Старшій прикащикъ разъ даже жаловался Глафирѣ Ивановнѣ.

— Ужь вы ихъ лучше не пускайте въ лавку, говорилъ онъ про Федора Кузьмича: — потому они покупателей пугаютъ и тѣмъ торговлю портятъ. Какъ же, теперича, надѣнутъ это въ верхней лавкѣ парикъ, вымажутъ себѣ лицо, да и начнутъ въ двери въ нижнюю лавку выглядывать да рожи корчить. Хорошо, которые покупатели только смѣются, а вѣдь другіе обидѣться могутъ, примутъ за насмѣшку. Даже мало того-съ, они себя по сосѣдямъ срамятъ, потому что въ парикѣ и въ этомъ самомъ испачканомъ видѣ по линіи ходятъ. На что саячники, разнощики—и тѣ пальцемъ указываютъ да смѣются.

Глафира Ивановна только руками разводила и говорила, что она душевно-бы рада его не пускать, да вѣдь что же съ нимъ подѣлаешь?

Наконецъ, насталъ самый день спектакля. Поутру актеры собрались у Федора Кузьмича и, закусивъ „на дорожку", отправились въ Кронштадтъ на тройкахъ. Съ собой, какъ водится, была взята корзина вина для услажденія себя во время пути.

Парикмахеръ, портной и нѣкоторые актеры обѣщались пріѣхать по желѣзной дорогѣ черезъ Ораніенбаумъ. Глафира Ивановна и Катенька также поѣхали—первая въ качествѣ зрительницы, вторая, какъ дѣйствующее лицо.

Все актерство прибыло на мѣсто значительно навеселѣ и расположилось въ театрѣ. Сѣкировъ сдѣлалъ перекличку дѣйствующимъ лицамъ. Троихъ не оказалось на лицо, и именно тѣхъ, которые обѣщались пріѣхать по желѣзной дорогѣ. Подождали часа полтора, но актеры все-таки не являлись, а между тѣмъ нужно было начинать репетицію. Мужчины начинали ругаться, женщины—капризничать. Федоръ Кузьмичъ просто бѣсился.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! Просто хоть околѣвай, говорилъ онъ, ходя по сценѣ.—А все ты Сѣкировъ.

— Да чѣмъ же я-то виноватъ? Ну, разсуди самъ.

— А тѣмъ же, что нужно было ихъ везти на тройкѣ. Какая тутъ желѣзная дорога! Они съ первой репетиціи начали отлынивать.

— Конечно, вмѣшался какой-то мрачный актеръ:—они и на репетицію-то ходили только изъ-за угощенія. А вѣдь сюда-то все одно, что семь верстъ киселя ѣсть.

— Ну, ужь ты не лай, не лай, пожалуста. Чортъ ихъ дери, и безъ нихъ устроимъ дѣло, проговорилъ Сѣкировъ.—Мнѣ не первый разъ здѣсь спектакли устраивать. Прошлое лѣто я здѣсь ставилъ „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“, такъ такой же точно былъ случай. Ѣхали на пароходѣ. Сталъ считать,—одного актера на роль офицера нѣтъ какъ нѣтъ. Какъ быть? Я сейчасъ началъ осматривать физіономіи пассажировъ и нашелъ одного подходящаго. Разговорился съ нимъ, объявилъ, зачѣмъ ѣдемъ, что вотъ, молъ, такое и такое несчастіе, одного актера нѣтъ, да прямо и бухнулъ ему: не хотите ли сыграть роль офицера, я по лицу вижу, что у васъ есть талантъ. Сначала онъ

было и руками и ногами, а потомъ я его такъ обошелъ, что онъ и согласился. И вѣдь сыгралъ. Тутъ же на пароходѣ и роль училъ.

— Ну, да вѣдь то было дѣло случая и на пароходѣ, опять замѣтилъ мрачный актеръ:—а теперь какъ?

— И теперь найду, увѣренно сказалъ Сѣкировъ. — Федоръ Кузьмичъ, идемъ со мной въ трактиръ „Черные Лебеди“. Мы тамъ найдемъ человѣка, а двѣ остальныя роли сыграетъ кто нибудь изъ нашихъ.

Но въ трактиръ идти не пришлось. Ожидаемый актеръ явился и объявилъ, что остальные двое не пріѣдутъ: у одного жена родила, а другой послѣ вчерашней попойки „захлебалъ, не приведи Богъ какъ, пришелъ въ девять часовъ утра домой и лежитъ пластъ-пластомъ. Пробовали отливать,—не помогло“.

— А все отъ того, что ты далъ ему пять цѣлковыхъ, замѣтилъ Сѣкировъ Федору Кузьмичу.

— Господи, да вѣдь какъ же ему было не дать, коли онъ просилъ на дѣло?! всплеснулъ руками Федоръ Кузьмичъ.—Вѣдь онъ просилъ на то, чтобы купить въ Пассажѣ наклейной носъ.

— Ну, чортъ его дери и съ носомъ, давайте начинать репетицію?

Но вотъ и шесть часовъ вечера. Черезъ часъ начинать спектакль. Голова Сѣкирова виднѣется въ окнѣ кассы, куда также то и дѣло выбѣгаетъ Бравинъ и что-то очень косо на него поглядываетъ.

— Вы ему, Бога ради, не довѣряйте насчетъ денегъ. Онъ на этотъ счетъ ходокъ... Понимаете? шепчетъ Бравинъ чуть-ли не въ десятый разъ Федору Кузьмичу

Въ уборныхъ тѣснота и давка. Въ женской слышенъ пискъ и визгъ и поминутно требуютъ парикмахера, въ мужской—чуть не дерутся изъ-за ватной толщины, вырывая ее у портнаго. На столѣ, какъ водится, водка и бутылка коньяку.

— Федя, ты не усиливай очень, ужъ лучше послѣ спектакля... слышится гдѣ-то.

— Ахъ, Господи, вицъ-мундиръ-то мнѣ и забыли привезти! раздается возгласъ.

— Не извольте безпокоиться, изъ вашего фрака сдѣлаемъ. Пуговицы золотой бумагой обернемъ, утѣшаетъ портной.

— У меня сзади брюки разорваны, такъ какъ ты думаешь, не будетъ видно изъ-подъ жакетки? спрашиваетъ кто-то.

— Можно этотъ прыщъ бѣлилами замазать? пристаетъ къ парикмахеру первый любовникъ.

Вообще всѣ говорятъ и никто никого не слушаетъ. Единственная привезенная съ собою горничная, проклиная свою судьбу, какъ угорѣлая мечется по корридору, таская надъ головою, какъ колокола, туго накрахмаленныя юбки.

Всѣхъ лучше ведетъ себя Федоръ Кузьмичъ. Онъ уже замѣтно „хлебнувши“ и, хотя играетъ въ послѣдней пьесѣ, а уже съ пяти часовъ въ парикѣ, загримированъ, въ халатѣ и туфляхъ ходитъ по сценѣ и зубритъ роль, поминутно увертываясь отъ рабочихъ, тащущихъ или мебель, или декорацію.

Время начинать. Въ театрѣ уже набралась публика. Музыканты въ оркестрѣ начали „строиться“. Сѣкирова, играющаго въ началѣ, только за десять минутъ до поднятія занавѣса могли вызвать изъ любезной ему кассы. Съ сожалѣніемъ сдалъ онъ ее прикащику Федора Кузьмича и явился въ уборную.

— Ну какъ сборъ? спросилъ его Федоръ Кузьмичъ.

— Плохъ... мрачно произнесъ онъ.

— А я, братъ, робѣю; какъ музыканты заиграли, такъ у меня даже поджилки начали дрожать. Я думаю, не выпить-ли для бодрости?

— Можно и даже должно. Выпьемъ вмѣстѣ коньячку.

Они выпили по рюмкѣ.

Федора Кузьмича уже на порядкахъ-таки ошеломило, когда начался спектакль, но ему казалось все еще мало и онъ подбавлялъ. Жена начала-было читать ему наставленія, но онъ забурлилъ и пришлось оставить. Представленіе первой пьесы, между тѣмъ, двигалось. Актеры вели себя добропорядочно, публика также, такъ что даже не замѣтила, какъ въ одномъ дѣйствіи третье и четвертое явленія были пропущены вовсе, а седьмое исполнено послѣ девятаго. Однимъ словомъ, все шло хорошо, ежели-бы не одно обстоятельство. Когда кончилась первая пьеса и нужно было начинать водевиль, главное дѣйствующее лицо въ водевилѣ Федоръ Кузьмичъ пропалъ. Глафира Ивановна, услыхавъ объ этомъ, ударилась въ слезы, Катенька также. Ихъ начали успокоивать, принялись искать Федора Кузьмича и вскорѣ нашли его спящаго за задними кулисами на диванѣ въ самомъ жалкомъ видѣ. Около него валялась роль. Парикъ съ головы былъ сдвинутъ, одна бакенбарда сорвана и краски на лицѣ слились. Его начали будить. Онъ не вставалъ, не открывалъ глазъ и что-то мычалъ. Наконецъ его растолкали.

— А! Играть? Иду... готовъ... говорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ и забормоталъ монологъ изъ роли.

Онъ былъ пьянъ совершенно и даже не могъ стоять на ногахъ. Скандалъ сдѣлался всеобщій. Всѣ выбѣжали изъ уборныхъ и окружили его. Начались „ахи“, „охи“, пошли всевозможные разговоры: кто говорилъ, что онъ играть не можетъ, кто — можетъ, только стоитъ вылить на голову банку одеколону. Какой-то рабочій предлагалъ даже водой отлить.

— Это онъ все съ Винтилкинымъ накачивался, говорилъ кто-то.—Гдѣ ужь ему до Винтилкина! Въ того, какъ въ бочку бездонную...

Во время всѣхъ этихъ разговоровъ Федоръ Кузьмичъ сидѣлъ на диванѣ, бормоталъ слова изъ роли и только изрѣдка гово-

рилъ: „сыграю, съ любовію сыграю“. А между тѣмъ публика уже нетерпѣливо хлопала и требовала представленія.

— Что дѣлать? Что теперь дѣлать? спрашивали другъ у друга дѣйствующія лица.

Хотѣли объявить, что „за болѣзнію“ дескать, и проч., и тѣмъ покончить спектакль, но Сѣкировъ нашелся.

— Фракъ комическій давайте, я спою куплеты: „Купецъ лавку отворяетъ“, вызвался онъ и бросился въ уборную переодѣваться.

Фрака комическаго не нашлось, но онъ и здѣсь не задумался: схватилъ въ уборной чью-то красную фуфайку, напялилъ ее на себя и въ эдакомъ видѣ выбѣжалъ на сцену.

Пока Сѣкировъ пѣлъ куплеты, за кулисами произошла слѣдующая сцена, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой была Глафира Ивановна. Живо собрала она всѣхъ домашнихъ отъ дочери и до горничной и приказала одѣваться и собираться домой. На Федора Кузьмича была накинута шуба, нахлобучена шапка, одѣты сапоги и прикащикъ съ горничной повели его въ сани. Во время одѣванія Федора Кузьмича, Глафира Ивановна не утерпѣла-таки, съ какимъ-то злорадствомъ сорвала съ головы его столь ненавистный ей парикъ и далеко откинула въ сторону.

Все это сдѣлалось въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, такъ-что когда спектакль кончился, Федора Кузьмича уже не было въ Кронштадтѣ; бойкіе кони несли его по направленію къ Петербургу.

На утро съ Федоромъ Кузьмичомъ сдѣлался жаръ и бредъ, а къ вечеру призванный докторъ объявилъ, что у него горячка.

Чѣмъ бредилъ онъ во время болѣзни, — неизвѣстно. Сѣкировъ и Бравинъ два раза было приходили попавѣдаться о его здоровьѣ, но Глафира Ивановна ихъ не приняла. Федоръ Кузьмичъ прохворалъ мѣсяцъ. Первымъ дѣломъ его было, послѣ того,

какъ онъ пришелъ въ себя и немного оправился, спросить о парикахъ, но уже не для того, чтобы надѣвать ихъ. Когда парики были принесены, онъ положилъ ихъ всѣ въ коробку, сунулъ туда же и краски и велѣлъ все это вынести на чердакъ.

Теперь Федоръ Кузьмичъ, совершенно излеченный отъ театроманіи, живетъ снова тихо и мирно, но все-таки не такъ, какъ-бы хотѣлось Глафирѣ Ивановнѣ. Человѣкъ долженъ что нибудь любить; театръ былъ хлопнутъ по боку и Федоръ Кузьмичъ ударился изъ одной крайности въ другую: онъ сошелся съ странниками, съ пѣвчими, съ басистыми дьяконами, которые по временамъ и наполняютъ его домъ.

КРИТИКА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ одинъ прекрасный день, въ то самое время, когда Пантелей Егорычъ Лукошкинъ сидѣлъ въ своей лавкѣ и пропускалъ въ себя пятый стаканъ чаю, молодецъ подалъ ему запечатанный конвертъ.

— Отъ Ивана Герасимовича,—молодецъ ихнiй принесъ, проговорилъ онъ и отошелъ въ сторону.

Лукошкинъ распечаталъ конвертъ. Въ конвертѣ была записка и нумеръ журнала съ карикатурами. Въ запискѣ стояло слѣдующее:

„Милый и любезный другъ Пантелей Егорычъ, наше вамъ! Поздравляю! Вотъ и тебя процыганили, а то заважничалъ больно,—носъ задралъ и рукой не достанешь. Посмотри картинки въ этихъ вѣдомостяхъ, такъ увидишь, какую на тебя критику напустили. Твой портретъ, какъ есть съ сынишкой твоимъ, на поруганiе выставленъ. Авось теперь спѣси-то поменьше будетъ. Отпереться трудно, на картинкѣ и номеръ твоей лавки выставленъ. Земляки тебѣ кланяются и спрашиваютъ, много ли за рисованiе портрета заплатилъ. Товаромъ далъ, али деньгами?“

Лукошкинъ прочиталъ записку и покраснѣлъ, заглянулъ въ журналъ и его ударило въ потъ. Въ журналѣ онъ былъ изобра-

женъ, самъ своею личною особою, и таскалъ своего сына Гаврилу за волосы. Таска производилась въ дверяхъ лавки. Внизу была подпись: „вотъ какъ отцы-купцы своихъ дѣтей торговать учатъ“. Обстоятельство это жестоко оскорбило Лукошкина. Долго смотрѣлъ онъ на карикатуру и разъ десять прочиталъ подпись. Безсильная злоба душила его, языкъ шепталъ ругательства, хотѣлось мстить, сорвать на комъ-нибудь сердце, а сорвать было не на комъ. Онъ скомкалъ записку и нумеръ журнала и запихалъ ихъ въ боковой карманъ своего сюртука. Старшій прикащикъ, стоявшій недалеко отъ хозяина, осмѣлился было спросить хозяина о содержаніи записки, но хозяинъ такъ закричалъ на него, что тотъ даже попятился. Лукошкинъ не допилъ даже и стакана чаю, въ волненіи ходилъ по лавкѣ, пыхтѣлъ и то и дѣло запахивалъ и распахивалъ шубу. Черезъ полчаса онъ придрался изъ-за чего-то къ молодцамъ, переругалъ ихъ всѣхъ, отправился въ трактиръ и запилъ.

Въ тотъ же день, около пяти часовъ, въ квартирѣ Лукошкина раздался такой сильный звонокъ, что перепугалъ всѣхъ домашнихъ. Семнадцатилѣтняя дочь Пантелея Егорыча Катенька, занимавшаяся въ это время разыгрываніемъ въ залѣ на фортепіано какой-то польки, вскочила изъ-за фортепіано и побѣжала въ спальную къ маменькѣ. Спавшая въ это время маменька, какъ говорится, горохомъ скатилась съ пуховой перины, и въ какомъ-то испугѣ стояла у кровати, протирала себѣ глаза и крестилась. Черезъ нѣсколько времени въ залѣ послышался стукъ каблуковъ и въ спальню вошелъ Гаврило.

— Ганя, что это ты такъ рано? Неужто ужь заперлись? Охъ, Господи, ужь не случилось ли чего? съ испугомъ спросила его мать.

— Несчастіе-съ... сейчасъ скажу-съ... Здравствуйте! запыхавшись, отвѣчалъ Гаврило и поцѣловался съ матерью.

— Ой Господи! Не мучь ты меня, говори скорѣе, застонала она, схватилась за грудь и опустилась въ близъ стоящее кресло.

— Тятенька запили. Ушли въ трактиръ и запили...

— Ну, такъ я и знала, чуяло мое сердце!

— Батюшки, опять! вскрикнула стоявшая въ дверяхъ горничная. Видите, Анна Степановна, сонъ-то въ руку, проговорила она хозяйкѣ.

— Въ руку, въ руку... Нагишомъ себя видѣть, это всегда или къ болѣзни, или къ чему нибудь эдакому.

Гаврила ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ и мялъ въ рукахъ фуражку.

— И вѣдь давно съ нимъ этого не случалось, говорила горничная.

— Съ самаго Покрова не случалось. Какъ сейчасъ помню, отпилъ онъ тогда, сходилъ къ обѣднѣ и пересталъ. Пришолъ домой, стали мы обѣдать. Поставила я передъ нимъ на столъ водку, а онъ и говоритъ мнѣ: убери, говоритъ, не буду больше пить. Третій мѣсяцъ вотъ къ концу подходилъ... и вдругъ... Съ чего же это онъ, Ганюшка? Люди его подвели, что ли?

— Сами-съ. Въ вѣдомостяхъ на нихъ критику напустили, а они озлились и запили.

— Ну такъ что жь, вѣдь ему за это ничего не будетъ?

— Чему же быть, кромѣ посрамленія передъ своими.

— Да какую критику-то? я все въ толкъ взять не могу.

— Извѣстно, какую критику, въ вѣдомостяхъ портретъ ихъ пропечатали. Стоятъ это они посреди лавки и меня за волосы таскаютъ. Я самъ тутъ, маменька, страдаю; за что же я-то напраслину терплю? Когда же меня тятенька въ лавкѣ за волосы таскали? Спросите молодцовъ, они скажутъ. Вѣдь уже этого дѣла не скроешь. Дома случалось, а въ лавкѣ, какъ передъ

Истиннымъ, этого не было. Ругать ругали; такъ вѣдь ужь тятенька всѣхъ ругаютъ, вы ихъ знаете...

— Ахъ они безбожники! Да кто же это смѣлъ-то?

— Мало ли въ городѣ-то есть охальниковъ. Теперь мнѣ въ люди стыдно показаться. Сосѣди ужь всѣ эту критику видали. Давеча я задами прошелъ, такъ и то покою не даютъ. Кто ни встрѣтитъ,—снимаетъ шапку да поздравляетъ.

— Съ чѣмъ поздравляютъ-то?

— Извѣстно съ чѣмъ,—съ безобразіемъ. Вѣдь они рады. Я сегодня такъ и не обѣдалъ. Хотѣлъ къ саешнику поѣсть идти, а тамъ цѣлая орда народу стоитъ и эти вѣдомости разсматриваютъ.

— Такъ поѣшь здѣсь: я тебѣ дамъ сейчасъ.

— Не могу я ѣсть. Какая тутъ ѣда! мнѣ и кусокъ-то въ горло нейдетъ, проговорилъ Гаврила и еще шибче началъ ходить по комнатѣ.

Нѣсколько времени длилось молчаніе. Анна Степановна вздыхала и слѣдила глазами за сыномъ. Горничная по прежнему стояла въ дверяхъ и потирала рукой дверной косякъ.

— Да приткнись ты, что такъ маешься!—Сядь на стулъ, да и разскажи, въ чемъ дѣло, проговорила Анна Степановна, обращаясь къ сыну.

Гаврила остановился передъ матерью.

— Да что разсказывать-то! тутъ и разсказывать нечего. Одно, такъ бы это дѣло и потухло, да Иванъ Герасимовичъ вывелъ.

— Какой такой? Что я не припомню такого?

— Да такой плюгавый. Онъ еще у насъ въ ваши имянины былъ, игралъ въ горку, завздорилъ и денегъ не отдалъ. Диво бы—человѣкъ былъ, а такъ, прощалыга. Онъ на тятеньку ужь давно зубы точитъ, за то что тятенька ему вексель не от-

срочили. Вотъ онъ и пакоститъ теперь! Взялъ, да и прислалъ имъ въ лавку вѣдомости и записку. Въ запискѣ смѣется надъ ними. Прочитали они, разсердились страсти какъ, переругали всѣхъ молодцовъ, меня обругали, ушли въ трактиръ и запили. Мы думали сначала, что они такъ ушли. Ждемъ часъ, ждемъ другой,—нейдетъ. Покупатели городскіе пришли, ихъ спрашиваютъ, мы и послали за ними въ трактиръ мальчишку. Тотъ приходитъ и разсказываетъ, что они сильно выпивши. Я испугался, послалъ Вавилу,—тятенька и его обругали и вонъ выгнали. Пошелъ я, и меня тоже самое... Ужь теперь дѣло плохо: они связались съ этимъ стряпчимъ, съ Епифаномъ Спиридоновичемъ. Это ужь не на одинъ день, тотъ пропоица извѣстный.

Гаврила отчаянно махнулъ рукой и снова заходилъ по комнатѣ.

— Ахъ, грѣхъ какой, вотъ бѣда-то! всплеснула руками Анна Степановна.—Денегъ нѣтъ ли у него, не обобрали бы его...

— Денегъ при нихъ, надо статься, рублей триста есть. Только ужь насчетъ этого не безпокойтесь; ихъ не оберутъ. Не такой человѣкъ тятенька. Развѣ что сами дадутъ. Одно, кавардака бы какого они не сдѣлали, не побили бы кого.

— Что же намъ теперь дѣлать-то, Гаврюшенька?

— Что дѣлать,—ѣхать надо. Велите лошадь закладывать, поѣду попытаюсь, нельзя ли ихъ домой привезти. Пусть ужь лучше дома пьютъ. Съ Епифаномъ Спиридонычемъ-то только не сообразишь. Надо и его пригласить домой.

— Да ужь приглашай и его. Только бы ужь они дома-то пили, да въ народѣ не безобразничали... Марья, вели Степану закладывать лошадь въ крытую линейку, обратилась Анна Степановна къ горничной.

Черезъ нѣсколько времени на грязное крыльцо, выходящее на дворъ, выбѣжала горничная Марья и изъ всѣхъ силъ крича-

ла кучера: „Степанъ! а Степанъ! Степанъ!“ раздавалось по двору.

— Ау! Ну вы, балуй! Черти! послышалось въ конюшнѣ и въ дверяхъ показался кучеръ въ накинутомъ на одно плечо тулупѣ.

— Что стряслось? Чего орешь? Горимъ, чтоль?

— А тебѣ бы только дрыхнуть. Оглохъ, что ли? Иззябла совсѣмъ, кричавши.

— Небось, не замерзнешь.

— Молчи, безстыжіе твои глаза! хозяйка велѣла запрягать лошадь въ крытую линейку. Запрягай!

— Ахъ! чтобъ ее... проговорилъ кучеръ, почесывая подъ тулупомъ спину. — Куда это ее несетъ!

— Гаврилу Пантелеича повезешь. За самимъ поѣдетъ. Самъ запилъ.

— Ну, съ жиру, значитъ! Давно грозы не было! Ахъ ты жизнь ты распроклятая! проговорилъ онъ и полѣзъ въ карманъ за ключами отъ сарая. — Черти вы и съ хозяиномъ-то всѣ, вотъ что!

По двору изъ погреба шла сосѣдская кухарка. Въ рукахъ у ней былъ фонарь и чашка съ солеными огурцами.

— Степанида, это ты? окликнула ее Марья.

— Я.

— А у насъ бѣда, дѣвушка, самъ запилъ!

— Ой, батюшки! Сама-то, поди, испугалась? начала кухарка, остановилась и поставила фонарь на землю.

— Страсти Божіи какъ! Лица нѣтъ! Сынъ пріѣхалъ сказать, а она спала. Ну, извѣстно, со сна...

— И долго онъ у васъ эдакъ чертитъ?

— Прошлый разъ полторы недѣли пилъ, а повзапрошлый и всѣ три.

— Знаю, знаю... Вотъ у меня мужъ покойникъ, такъ тоже...

ахъ, какъ пилъ! Съ себя, бывало, все спуститъ. Изъ дому таскать началъ. Полечить бы вамъ его. Вотъ лѣтось я у серебренника жила, такъ мастеровой у него одинъ пилъ. Вылечили. Солдатъ вылечилъ. Къ водкѣ что-то примѣшивалъ. И потомъ это его тошнить, тошнить начало, и бросилъ. Ты скажи хозяйкѣ, что жъ, вѣдь это дѣло такое.

— Ладно, скажу. Прощай, дѣвушка! Иззябла совсѣмъ, проговорила горничная и побѣжала по лѣстницѣ.

Гаврила хоть и говорилъ, что ему въ горло кусокъ не пойдетъ, однако сидѣлъ въ столовой и въ лучшую ѣлъ пирогъ съ сигомъ и вязигой.

— Этотъ Иванъ Герасимовичъ—вотъ какой человѣкъ. Такихъ въ свѣтѣ мало, разсказывалъ онъ матери.— Разъ приходитъ онъ къ тятенькѣ въ лавку и говоритъ имъ. „Мнѣ, говоритъ, изъ Нижняго въ подарокъ балыка прислали, да много таково, хочешь, я тебѣ, говоритъ, пришлю". А тятенька ему и говоритъ: „спасибо, присылай". Прислалъ на другой день. Въ дощечкахъ уложенъ и въ бумагу таково хорошо увязанъ. Хотѣли тятенька этого балыка попробовать, развязали, глядь, а тамъ большая ледяная сосулька. Иванъ Герасимовичъ оторвалъ отъ крыши и прислалъ въ насмѣшку. Тятенька такъ разсвирѣпѣли, что чуть не побили его. Да и стоило бы!

— Ахъ онъ мерзавецъ! Ахъ онъ песъ! негодовала Анна Степановна.

Гаврила поѣлъ и отправился за отцомъ.

II.

Ночью, часу въ четвертомъ, во дворъ дома, гдѣ жилъ Лукошкинъ, въѣхала двумѣстная карета и крытая линейка. Въ линейкѣ сидѣлъ Гаврила, въ каретѣ помѣщались Пан-

телей Егорычъ и Епифанъ Спиридонычъ. Экипажи остановились у подъѣзда. Гаврила выскочилъ изъ линейки, подбѣжалъ къ каретѣ и отворилъ дверцы. Изъ кареты вылѣзъ Епифанъ Спиридонычъ. Онъ покачивался.

— Ну что? спросилъ его Гаврила.

— Спитъ, пьянымъ голосомъ отвѣчалъ Епифанъ Спиридонычъ.

— Такъ какъ же быть-то? Перенести его, что-ли? Я пожалуй молодцовъ кликну.

— Нельзя, разсердится и обратно уѣдетъ; надо обманомъ.

На крыльцо выбѣжала горничная со свѣчою.

Епифанъ Спиридонычъ заглянулъ въ карету и началъ толкать Лукошкина.

— Пантелей Егорычъ! Проснись! Вставай! Пріѣхали!

— Пріѣхали? Куда? Не хочу! говоритъ Лукошкинъ сквозь сонъ.

— Какъ не хочу? Вѣдь самъ же ты къ цыганкамъ велѣлъ ѣхать. Ну, выходи, чортъ!

— Къ цыганкамъ? Идетъ! Выводи меня! закричалъ очнувшійся Лукошкинъ.

Епифанъ Спиридонычъ хотѣлъ было его выводить, но покачнулся самъ и чуть не упалъ. Его удержалъ Гаврила.

— Позвольте, гдѣ ужъ вамъ, вы сами мыслете пишете. Я введу его. Подсобляй! крикнулъ онъ кучеру, и взялъ отца подъ руку.

— Шапку, шапку потерялъ... мычалъ Лукошкинъ.

— Вотъ она въ каретѣ-съ, проговорилъ кучеръ и отдалъ шапку горничной.

— Подсобляй же, Степанъ! повторилъ Гаврила кучеру еще разъ.

— Да боязно-съ, отвѣчалъ кучеръ, переминаясь съ ноги на

ногу.—Вишь, какъ они руками машутъ; того и гляди, что фонарь подъ глазъ подставятъ. Нравъ — удивленье, все наровятъ въ ухо. Давеча мнѣ ужъ и то попало.

— Ну ничего, берись смѣлѣе!

Кучеръ подошелъ и изловчился взять хозяина подъ руку. Сначала Лукошкинъ упирался идти, но потомъ смирился и пошелъ на лѣстницу. Процессія тянулась слѣдующимъ порядкомъ. Впереди шла горничная со свѣчою и шапкою въ рукахъ, потомъ Лукошкинъ, ведомый сыномъ и кучеромъ, сзади, придерживаясь за перилы, брелъ Епифанъ Спиридонычъ и наконецъ извощикъ; онъ несъ двѣ бутылки хересу и закуску, завязанную въ салфеткѣ.

— Сокрушу! Ребра и чресла! Обидѣли! У! ревѣлъ Лукошкинъ, но между тѣмъ взбирался по лѣстницѣ.

У дверей ихъ встрѣтилъ проснувшійся старшій молодецъ и свѣтилъ имъ. Онъ былъ въ халатѣ, босикомъ и съ всклоченными волосами.

— Господи! Пантелей Егорычъ, что вы это? проговорилъ онъ.

— Ну, ну, ну! мычалъ въ отвѣтъ хозяинъ, но уже тише.

Лукошкина ввели въ гостиную и посадили на диванъ. Епифанъ Спиридонычъ помѣстился съ нимъ рядомъ. Подали свѣчи. Замѣтилъ или не замѣтилъ Лукошкинъ, что онъ пріѣхалъ домой, но смирился и замолчалъ. Крикнулъ: „водки!“ Гаврила поставилъ передъ нимъ два стакана и бутылку хересу. Лукошкинъ налилъ, отхлебнулъ полстакана, началъ икать и заснулъ.

— Епифанъ Спиридонычъ, ужь вы останьтесь у насъ сегодня ночевать, мы вамъ здѣсь постелемъ, упрашивалъ Гаврила.

— Ладно, ладно! бормоталъ Епифанъ Спиридонычъ.

Въ гостиную вошла, до сего времени скрывавшаяся, Анна Степановна, взглянула на лежащаго на диванѣ мужа, всплеснула руками и заплакала.

— Епифанъ Спиридонычъ, голубчикъ, ужь ты останься у

насъ, обратилась она къ стряпчему.—Попей съ нимъ и завтра. Я къ утру все приготовлю, закусочку, водочки. Ужь больно ты съ нимъ орудовать-то можешь. Я тебя за это красненькой поблагодарю. Главное, изъ дому-то его не пускай. Ну, что за радость въ народѣ безобразничать! Пейте здѣсь.

Вмѣсто отвѣта, Епифанъ Спиридонычъ взялъ ея руку и хлопнулъ по ней своей рукой.

Съ Пантелея Егорыча стащили сюртукъ, сняли сапоги, и подложили подъ голову двѣ подушки. На полу въ углу постлали постель для Епифана Спиридоныча и заперли двери въ гостиную. Черезъ десять минутъ изъ гостиной послышался храпъ на два голоса, а Гаврила сидѣлъ въ спальной и разговаривалъ съ матерью.

— Ну, маменька, ужъ и смучился же я съ ними, ей Богу, говорилъ онъ матери.—Пріѣхалъ я въ трактиръ, такъ тятенька еще тамъ были. Вхожу въ комнату отдѣльную, тятенька надѣваютъ шубу и сбираются на Крестовскій ѣхать. Я ихъ просить, чтобъ домой ѣхали,—не соглашаются. Послали служителя за каретой, вышли, сѣли въ нее и поѣхали. Я на нашей лошади за ними. На половинѣ дороги думалъ—не образумятся ли они, велѣлъ каретѣ остановиться и подошелъ къ окну. Тятенька, говорю, поѣдемте домой, лучше дома пить будете... Епифанъ Спиридонычъ тоже началъ просить. Тятенька высунулись изъ кареты, сбили съ меня шапку и схватили за вихоръ. Я вывернулся. Срамъ! Народъ проходитъ, а они кричатъ извощику. „Пошолъ! Дуй въ хвостъ и въ гриву!“ Заѣхали въ погребокъ, вина купили, потомъ закуску взяли. По дорогѣ заѣзжали на Петровскій, и потомъ на Крестовскій пріѣхали. Хорошо еще, что хоть народу знакомаго не было, а то вѣдь они кричатъ, безобразничаютъ, ко всѣмъ придираются. Арфисткамъ десять рублей дали, сами подъ музыку плясать начали. Я ихъ останавливать началъ,—они еще хуже. Лакеевъ всѣхъ перепоили, взяли гра-

финъ водки и пошли на подъѣздъ, извощиковъ и кучеровъ угощать. Цѣлуются съ ними. Только обманомъ и домой привезли! Я далъ пять рублей Епифану Спиридонычу и упросилъ его, чтобы онъ уговорилъ тятеньку домой ѣхать. Епифанъ Спиридонычъ уговорилъ тятеньку къ какимъ-то знакомымъ цыганкамъ ѣхать, да и повезъ его домой. Только его одного и слушаются.

Во все время этого разсказа Анна Степановна всхлипывала, охала и говорила:

— О Господи! Мать пресвятая! за грѣхи наши! На недѣлю теперь, а нѣтъ, такъ и на двѣ пошло.

Часовъ въ пять улегся Гаврила и усталый, измученный, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день поутру Лукошкинъ и Епифанъ Спиридонычъ еще спали, а ужь въ гостиной былъ накрытъ красной салфеткой столъ и на столѣ стоялъ подносъ, на которомъ помѣщались: графинъ водки, бутылка хересу, рюмки и закуска—соленье. Гаврила съ молодцами ушелъ въ лавку. Въ домѣ всѣ ходили на цыпочкахъ, только бы не разбудить хозяина. Епифанъ Спиридонычъ проснулся первый и вышелъ изъ гостиной.

— Ну что? спросила его Анна Степановна.

Она уже ждала его выхода.

— Ничего, спитъ, отвѣчалъ онъ, и спросилъ квасу.

— Сейчасъ велю графинъ подать. Только ужь ступай туда, сиди ты тамъ...

Черезъ нѣсколько времени проснулся и Лукошкинъ. Сѣлъ на диванъ, почесался и безсмысленно началъ смотрѣть на Епифана Спиридоныча.

— Ну что, трещитъ башка-то? съ добрымъ утромъ! Экъ мы съ тобой-то! проговорилъ Епифанъ Спиридонычъ.

Лукошкинъ что-то промычалъ и продолжалъ сидѣть.

— Выпей-ка, дѣло-то лучше будетъ!

— Квасу дай! проговорилъ наконецъ Лукошкинъ.

Епифанъ Спиридонычъ подалъ ему квасу. Онъ выпилъ два стакана залпомъ.

— Выпей водки-то, Пантелей Егорычъ, ей Богу хорошо. Ужъ теперь дѣло по боку. Какіе мы съ тобой работники? Похмѣляться надо. Не бѣжать же изъ дому.

— Давай!

Пріятели выпили.

— Халатъ и туфли! крикнулъ Лукошкинъ.

— Сейчасъ! послышалось за дверью и черезъ нѣсколько времени Анна Степановна внесла въ гостиную халатъ и туфли.

— Здравствуй, Пантелей Егорычъ. Что это ты, Господь съ тобой...

— Меня оскорбили, поругали, уничтожили. Пить буду, доколѣ врагъ мой не сыщется... растягивая слова и слезливо говорилъ Лукошкинъ.

— Пей, Пантелей Егорычъ, пей, Христосъ съ тобой! поддакивала ему жена.

— Ветчины подай да огурцовъ. Не могу я эту дрянь ѣсть.

Онъ указалъ на закуску.

— Какая ветчина, вѣдь нынче середа, постный день.

— Да, я забылъ. Епифаша, сыщи ты мнѣ моего врага, задушу!..

— Умыться бы тебѣ, Пантелей Егорычъ...

— П—шла! Иди! Вонъ! напиралъ онъ на жену.

Епифанъ Спиридонычъ замахалъ ей рукой, чтобъ она удалилась. Анна Степановна робко вышла изъ гостиной.

И началось пьянство въ домѣ Лукошкина. Лукошкинъ и Епифанъ Спиридонычъ даже и не выходили изъ гостиной; развѣ на пять минутъ. Епифанъ Спиридонычъ игралъ съ нимъ въ шашки и разсказывалъ судебные случаи изъ своей практики.

Онъ служилъ прежде при полиціи, почему-то не ужился, былъ отставленъ отъ должности и занялся частными дѣлами. Писалъ купцамъ разныя прошенія, хлопоталъ по опечнымъ дѣламъ, взыскивалъ съ должниковъ деньги или упрятывалъ ихъ, какъ онъ выражался, на казенную квартиру. Лукошкинъ слушалъ его и послѣ какой нибудь мошеннической выходки какого нибудь лица судорожно запахивалъ халатъ и восклицалъ:

— Вотъ бестія, вотъ воръ, собака! Чтожь ты-то, Епифашка, смотрѣлъ, вѣдь ты свинья послѣ этого! Подлецъ!

— Ну вотъ ужь и свинья, и подлецъ! оскорблялся Епифанъ Спиридонычъ.

— Ну, въ обиду вломился! Важное кушанье! Выпьемъ!

Послѣ чего обида у Епифана Спиридоныча проходила, пріятели подходили къ столу, совершали процессъ опрокидыванія рюмки водки въ горло и закусывали какимъ нибудь микроскопическимъ кусочкомъ селедки или икры.

Во время игры въ шашки, ежели Лукошкинъ проигрывалъ, то сбивалъ шашки, вскакивалъ съ мѣста и ругалъ Епифана Спиридоныча. Епифанъ Спиридонычъ оскорблялся, какъ водится, и ругалъ Лукошкина.

— Скотъ ты безчувственный, вотъ что!.. Не чувствуешь ты всѣхъ дѣлъ моихъ... Я здѣсь для тебя сижу, пью, дѣло свое опускаю, а ты меня ругаешь!

Лукошкинъ опомнивался, сознавалъ свой поступокъ и цѣловалъ Епифана Спиридоныча. Слѣдовало восклицаніе „выпьемъ“ и звонъ рюмокъ.

Такъ пили они уже пять дней. Начинали съ утра и кончали тогда, когда вечеромъ засыпали. Кто на какомъ мѣстѣ лежалъ или сидѣлъ, на томъ и засыпалъ. Закуска и водка уже не убирались со стола. Графинъ уносился для того, чтобы снова налить его водкой. Анна Степановна пробовала было про-

сить мужа, чтобы тотъ бросилъ пить, но тотъ на отрѣзъ отказалъ.

— Покуда врагъ мой не найдется, все пить буду. Умру, сдохну, околѣю, но пить буду.

— Опомнись, Пантелей Егорычъ, что ты говоришь? Вѣдь не ровенъ часъ, на грѣхъ мастера нѣтъ, замѣчала ему Анна Степановна, но Лукошкинъ, молча, указывалъ ей на дверь и она удалялась, зная заранѣе, что ежели этого не сдѣлаетъ, то поднимется буря.

Пробовала она также, по совѣту сосѣдней кухарки, позвать солдата, который лечилъ отъ запою. Солдата сыскали, привели; онъ былъ введенъ къ Лукошкину въ гостиную, поговорилъ съ нимъ, выпилъ съ графинъ водки и повздорилъ. Лукошкинъ обругалъ его, выгналъ вонъ и чуть не побилъ. Солдатъ ушелъ пьяный, содралъ съ Анны Степановны два рубля за визитъ, обѣщался придти еще, и не пришелъ. На всѣхъ домашнихъ напало какое-то уныніе, какъ будто въ домѣ былъ покойникъ или безнадежно больной, смерти котораго ждали ежедневно. А Лукошкинъ все пилъ да пилъ.

III.

Однажды вечеромъ, часу въ осьмомъ, въ седьмой день своего пьянства Лукошкинъ спалъ въ гостиной на диванѣ. Спалъ онъ, какъ и всѣ пьянствующіе, чутко. Епифана Спиридоныча не было. Онъ отлучился куда-то и съ божбою увѣрилъ своего пьянаго собрата, что воротится ночевать. Изъ залы въ гостиную скрипнула дверь и чья-то голова заглянула въ комнату.

— Кто тутъ? вскрикнулъ проснувшійся Лукошкинъ и сѣлъ на диванъ.

— Ничего-съ, не извольте пугаться. Пантелей Егорычъ, это я-съ. По дѣлу-съ, проговорилъ голосъ.

— А! Это ты, Вавило?

Въ комнату вошелъ старшій прикащикъ Лукошкина. Онъ погладилъ бороду, провелъ рукой по волосамъ, прговорилъ „желаю здравствовать“ и въ почтительной позѣ остановился передъ столомъ.

— Ну что, какъ тамъ у насъ по лавкѣ? Тутъ, кажись, сроки векселей вышли. Платили? спросилъ Лукошкинъ.

Онъ первый разъ во время своего запоя спросилъ о дѣлахъ.

— Ничего-съ, все обстоитъ благополучно. По векселямъ Гаврилы Пантелеича уплатили, также и долговъ получили довольно. Торгуемъ такъ себѣ, ни шибко и ни валко. Я, собственно, Пантелей Егорычъ, не о томъ-съ.

— Ну?

— На счетъ критики, которая на васъ въ вѣдомостяхъ напечатана.

— Ну? еще оживленнѣе нукнулъ Лукошкинъ.

— Сомнѣніе меня беретъ, думаю, не изъ нашихъ ли кто понапакостилъ.

— Врешь?!

— Вѣдь это конечно, дѣло такое, одна догадка, а все таки Панкратка, парнишка нашъ, этимъ рисованіемъ-то занимается. Ужь не онъ ли, грѣхомъ?

— Ахъ онъ шельмецъ, ахъ онъ скотина! да я его!.. зарычалъ Лукошкинъ и вскочилъ съ мѣста.—Почти пять лѣтъ поилъ, кормилъ, торговать обучалъ, о Пасхѣ десять рублей жалованья хотѣлъ дать, а онъ вдругъ кляузы!.. Гдѣ онъ? Давай его сюда!

— Повремените маленько. Вдругъ нельзя, унималъ его прикащикъ:—обыскъ нужно сдѣлать, сундукъ его осмотрѣть. Ежели

найдемъ какое рисованіе, такъ значитъ онъ, потому — больше не кому. Позвольте, перво-на-перво услать его куда нибудь надо. Повремените немного, я сейчасъ.

Прикащикъ ушелъ услать Панкратку. Лукошкинъ остался одинъ. Въ это время пришелъ Епифанъ Спиридонычъ.

Епифаша, вѣдь мошенника-то нашли, встрѣтилъ его Лукошкинъ.—Повѣришь-ли — свой человѣкъ. Пригрѣлъ я его, анафему, а онъ змѣя...

— Да кто, кто?

— Мой же собственный парнишка, Панкратка. Знаешь, боль шенькій такой. Семнадцать лѣтъ каналье. Только пять лѣтъ у меня въ наукѣ живетъ, а ужь я ему, каналье, жалованье о Пасхѣ положить хотѣлъ. Вотъ они люди-то, вотъ христіане-то! вопіялъ Лукошкинъ.—Епифаша, выпьемъ!

— Выпить-то мы выпьемъ, только ты не вѣрь этому. Статочное ли дѣло, чтобъ мальчишкѣ это въ голову пришло.

— Что! и ты противъ меня, и ты! Нѣтъ, братъ, не заговоришь зубы! Вотъ теперь только осмотръ въ сундукѣ сдѣлаю, и ужь ежели что найду, такъ задамъ я ему!

— Да тебѣ только сердце сорвать нужно. Что-жь, сорви!

— И сорву, не послушаю тебя.

Въ гостиную опять вошелъ Вавило.

— Пожалуйте-съ, услалъ... проговорилъ онъ и повелъ Лукошкина въ молодцовую.

Епифанъ Спиридонычъ только махнулъ рукой, остался въ гостиной и подошелъ къ столу съ закуской.

При входѣ хозяина въ молодцовую, молодцы повскакали съ мѣстъ и поклонились ему.

— Вишь у него рожа-то какъ разбухла, что твоя тыква, съострилъ одинъ молодецъ и толкнулъ другаго подъ бокъ. Тотъ фыркнулъ и зажалъ рукой носъ. Вавило злобно оглянулся.

— Наверхъ пожалуете, на антресоли, или внизъ стащить прикажете?

— Не нужно...

— Посвѣтите вы, черти! крикнулъ Вавило молодцамъ.

Одинъ изъ молодцовъ схватилъ свѣчку и пошелъ впередъ по лѣстницѣ. Вавило поддерживалъ хозяина подъ руку.

На антресоляхъ сажени въ двѣ длины и въ сажень ширины помѣщались двѣ кровати, составленныя вмѣстѣ. На кроватяхъ былъ положенъ войлокъ, изъ-подъ котораго торчало какое-то тряпье, на войлокѣ лежали двѣ засаленныя подушки. Изъ-подъ кровати выглядывали сапоги, грязное бѣлье и сапожныя колодки. Это было ложе трехъ мальчиковъ, служащихъ и Лукошкина. На стѣнѣ были прилѣплены товарные ярлыки мало-мальски претендующіе на картинки, и извѣстная лубочная картина „разговоръ большаго носа съ морозомъ“. Обои были мѣстами оборваны, и изъ оборванныхъ мѣстъ и изъ-за прилѣпленныхъ картинъ выглядывали клопы. Стѣна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была обожжена свѣчкой и затерта сѣрымъ мыломъ. Въ углу висѣла кой-какая одежда, нагольный тулупъ, распространяющій вонь, стоялъ сундукъ и лежали два пестрядинные мѣшка, чѣмъ-то наполненные. Воздухъ былъ удушливый и жаркій.

— Вотъ это евонный сундукъ и есть, замѣтилъ Вавило, когда они забрались на антресоли, и открылъ сундукъ.

Внутри на крышкѣ были также налѣплены товарные ярлыки и конфектныя картины, Богъ вѣсть откуда пріобрѣтенныя. Въ сундукѣ было нѣсколько бѣлья, нѣсколько паръ бабокъ, стеариновый огарокъ, полуразбитая чайная чашка съ десяткомъ кусковъ съэкономленнаго сахару и двугривенный. Внизу, на днѣ сундука помѣщалась тетрадка бумаги, карандашъ, карманный пѣсенникъ и какая-то книжка безъ начала и безъ конца.

— Стой! крикнулъ Лукошкинъ. — Давай сюда! Смотри!

— Видите, какое баловство. На что мальчишкѣ карандашъ и бумага? подживалъ Вавило.

Стали разсматривать бумагу. Въ тетрадкѣ дѣйствительно находились лоскутки, на которыхъ были нарисованы: кошка, лошадь, домъ, пѣтухъ, мужчина съ тросточкой, но хоть чьего нибудь портрета не оказалось. Все это было нарисовано безъ всякаго правила, безъ всякой тушовки. Лукошкинъ, какъ увидалъ эти рисунки, такъ и закричалъ:

— Онъ, онъ! Ахъ онъ бестія, ахъ онъ мерзавецъ! И лоскутки бумаги разорвались въ мелкіе кусочки. Ругаясь, сошелъ онъ внизъ, пнулъ ногой попавшійся на дорогѣ стулъ и вышелъ въ кухню; въ кухнѣ кухарка, злившаяся за что-то на Панкратку, обратилась къ хозяину:

— Вы это насчетъ Панкраткина писанья? А вы сходите-ка на чердакъ, такъ всѣ стѣны, всѣ балки углемъ исписаны. Просто мальчишку на чердакъ послать нельзя. И ругатель же онъ...

— Идемъ! Идемъ на чердакъ! крикнулъ Лукошкинъ, но прикащикъ удержалъ его.

— Чего же, Пантелей Егорычъ, вамъ по лѣстницамъ ходить, теперь ночь. Еще поскользнетесь, чего оборони Боже. Вѣдь улики и такъ есть.

Лукошкинъ не пошелъ на чердакъ, а направился въ гостиную.

— Какъ только Панкратка придетъ, сейчасъ прислать его ко мнѣ въ гостиную, сказалъ онъ Вавилѣ.

Въ гостиной Епифанъ Спиридонычъ началъ уговаривать Лукошкина успокоиться, но тотъ и слушать не хотѣлъ. Пробовалъ было и сынъ заступиться за мальчика, но отецъ прогналъ его.

Другой мальчикъ, слыша и видя всю эту кутерьму, захотѣлъ предупредить Панкратку, сбѣжалъ на крыльцо и сталъ его дожидаться.

— Ну, Панкратка, бѣда! проговорилъ онъ, когда тотъ во-

ротился.—Хозяинъ у тебя сундукъ обыскивалъ. Вавило наклязничалъ, что, будто, ты съ хозяина портретъ списалъ и въ вѣдомости послалъ.

Панкратка остолбенѣлъ.

— Бѣда тебѣ будетъ! хозяинъ такъ сердитъ, что и въ жизнь такъ не былъ...

— Чтожь дѣлать-то? развѣ бѣжать куда? въ раздумьи говорилъ Панкратка.

— Бѣги, не бѣги, а ужь бѣды не миновать...

— Да я не приду совсѣмъ...

— Гдѣ жь ты будешь жрать-то? Все твое рисованье изъ сундука вытащилъ и изорвалъ.

Панкратка уже по опыту зналъ, что такое гнѣвъ хозяина; онъ ничего на это не отвѣтилъ, а опрометью бросился съ крыльца и выбѣжалъ за ворота. Съ часъ бродилъ онъ по улицѣ; останавливался у освѣщенныхъ оконъ магазиновъ и соображалъ, что дѣлать. Бѣжать — но куда? Сыщутъ и тогда еще вдвое достанется. Онъ рѣшился идти домой. Пришелъ на дворъ, но еще не вдругъ вошелъ въ квартиру, а засѣлъ въ дровяной чуланъ и съ полчаса просидѣлъ тамъ.

Между тѣмъ Лукошкинъ то и дѣло спрашивалъ — не пришелъ ли Панкратка. Наконецъ Вавило ввелъ въ гостиную Панкратку. Какъ увидалъ Лукошкинъ мальчика, такъ и бросился на него.

— Ага! знаетъ кошка, чье мясо съѣла! заревѣлъ онъ и схватилъ его за волосы. — Я тѣ дамъ рисованьемъ заниматься, я тѣ дамъ хозяйскіе патреты писать! приговаривалъ онъ и таскалъ его за волосы.

Напрасно Панкратка клялся, божился, Лукошкинъ все таскалъ его за волосы. Большихъ трудовъ стоило Епифану Спири-

донычу освободить изъ хозяйскихъ рукъ мальчика. Расходившiйся Лукошкинъ чуть не побилъ и его самого.

— Гдѣ мнѣ, хозяинъ, этимъ дѣломъ заниматься... землю съѣмъ... образъ со стѣны сниму!.. клялся стоящiй на колѣняхъ Панкратка.

А между тѣмъ уставшiй хозяинъ сидѣлъ въ креслѣ, называлъ его скотомъ безчувственнымъ, воромъ, змѣей, и корилъ хлѣбомъ-солью. Припомнились тутъ и куски сахару, и двугривенный, найденные въ сундукѣ.

— Вонъ изъ дому моего! Чтобъ и духу твоего здѣсь не было! Сейчасъ же вонъ, а то въ шею велю вытолкать! закончилъ онъ.

Зарыдалъ Панкратка пуще прежняго, поднялся съ колѣнъ и вышелъ изъ гостиной. Въ кухнѣ ему встрѣтилась Анна Степановна.

— Не плачь, Панкратка, не плачь, голубчикъ, полно! утѣшала она его.—Поди къ кучеру въ конюшню, ночуй у него, а завтра мы уговоримъ Пантелея Егорыча, можетъ, онъ тебя и оставитъ. Дай ему отрезвиться...

Панкратка такъ и сдѣлалъ. Собралъ свои пожитки и ушелъ ночевать къ кучеру.

Прошло два дня. Панкратка жилъ съ кучеромъ въ конюшнѣ и украдкой приходилъ въ кухню, гдѣ Анна Степановна и кормила его. Поступить на другое мѣсто было ему трудно, даже, пока все это не забылось,—немыслимо, потому что хозяинъ, къ которому бы онъ попросился на мѣсто, сдѣлаетъ объ немъ опросъ у Лукошкина, а Лукошкинъ навѣрное опозоритъ его. Думалъ, думалъ онъ и рѣшилъ ѣхать въ деревню къ роднымъ. Молодцы сложились и дали ему три рубля, Анна Степановна купила ему валенки, дала тоже три рубля и снабдила съѣстнымъ на дорогу. Съ этими средствами Панкратка и отправился въ деревню.

А между тѣмъ Лукошкинъ по немногу переставалъ пить, и наконецъ, въ одну изъ субботъ, сходилъ въ баню, вымылся, выпарился и бросилъ пить совсѣмъ.

— А гдѣ Панкратка теперь? спросилъ онъ разъ у жены, ложась спать.

— Въ деревню уѣхалъ.

— Выписать бы его. Парнишка-то онъ для торговли былъ подходящій. Гдѣ деревня-то? Адресъ его знаютъ?

— А вотъ надо у молодцовъ спросить...

Но и молодцы не знали адреса Панкратки.

Спустя мѣсяца два послѣ запоя Пантелея Егоровича, Гаврила, видя разъ, что отецъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и пѣлъ почему-то пасхальные ирмосы, заговорилъ съ нимъ.

— А знаете, тятенька, кто на насъ критику-то напустилъ? — Иванъ Герасимовичъ. Вѣдь вы еще, когда съ нимъ въ дружбѣ были, подарили ему свою фотографическую карточку. Попросилъ онъ у меня мою, и я ему съ дуру-то дай. Онъ взялъ, написалъ номеръ лавки, попросилъ, чтобъ изобразили, что вы меня за волосы таскаете, да и послалъ въ вѣдомости. Мнѣ Семенъ Семенычъ сказывалъ, а Иванъ Герасимовичъ, бывши въ трактирѣ, въ пьяномъ видѣ, Семену Семенычу проговорился.

— Ну молчи, Гаврило, дѣле прошлое, отвѣчалъ отецъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

ДРУЖЕСТВЕННАЯ ЛОТТЕРЕЯ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Купецъ Егоръ Семенычъ Дохинъ дѣлалъ дружественную лоттерею. Въ воскресенье, въ день розыгрыша, онъ возсталъ отъ сна ранѣе обыкновеннаго, облекся въ халатъ и вышелъ въ кухню. Въ кухнѣ кухарка мѣсила въ горшкѣ тѣсто для пирога, одинъ мальчикъ, ученикъ коммерціи, босой, въ грязномъ тиковомъ халатѣ, чистилъ хозяйскіе сапоги, а другой сидѣлъ недалеко отъ него на стулѣ. Первое, что бросилось Егору Семеновичу въ глаза, это бездѣйствіе и праздность сидѣвшаго мальчишки.

— Что, сложа руки-то, сидишь, да буркалами хлопаешь? обратился онъ къ нему.—Нѣтъ, чтобъ дѣломъ заняться! Бьютъ васъ мало, вотъ отчего!

Мальчикъ вскочилъ со стула и засовался. Онъ совершенно не зналъ, за какое дѣло ему приняться.

— Ну, заметался, какъ слѣпая въ банѣ!

— Андрюша! нащепай лучины, вонъ у меня тамъ на шесткѣ лучина сушится! крикнула мальчику кухарка.

— Вотъ и дѣло есть, а онъ буркалами хлопаетъ. Пошолъ! и ловко данный подзатыльникъ пихнулъ Андрюшку къ печкѣ.

Андрюшка полѣзъ за полѣномъ, въ глазахъ его зарябили слезы, но онъ старался ихъ удерживать.

— Только руки объ васъ, бестій, оббиваешь, проговорилъ

хозяинъ:—драть васъ надо; давно я васъ не升 дралъ. Погодите, я доберусь до васъ!

Видя эту сцену, другой мальчикъ уткнулся носомъ въ сапогъ и еще усерднѣе началъ его начищать щеткой. Онъ зналъ по опыту, что гроза разразится и надъ нимъ, хозяинъ навѣрно придерется и къ нему.

— А ты что рыло-то ваксой вымазалъ? Не было время раньше сапоги-то вычистить? Лѣнтяй!.. и рука хозяина невольно дала ему подзатыльникъ.

Мальчикъ еще болѣе наклонился къ сапогу.

— Вотъ тебѣ деньги, какъ вычистишь сапоги, такъ бѣги возьми четвертную водки да два фунта колбасы. Бутыль тамъ въ горницѣ возьмешь, да не разбей смотри, а то я тебя и въ живыхъ не оставлю!

Трудно было житье служащимъ у Егора Семеныча, еще прикащикамъ ничего, а ужь мальчикамъ—такъ истинная каторга. Однажды онъ за наказаніе отдалъ своего мальчика дворнику на весь день складывать дрова и взялъ за это 30 к.

Сегодня Егоръ Семенычъ былъ особенно не въ духѣ; причина тому была слѣдующая: сегодня розыгрышъ лоттереи, а билеты еще не всѣ проданы, осталось двѣнадцать билетовъ.

Вошедши въ комнату, онъ сѣлъ за столъ и началъ пить чай. Выпивъ одинъ стаканъ, онъ подошелъ къ другому столу, вынулъ изъ него листъ бумаги и началъ въ него смотрѣть. На листѣ было написано:

ДРУЖЕСТВЕННАЯ ЛОТТЕРЕЯ СЪ УГОЩЕНІЕМЪ.

РАЗЫГРЫВАЮТСЯ:

1. Органъ краснаго дерева, наигрывающій русскія пѣсни 20 р. с.
2. Золотой перстень съ французскими бриліантами 14 „ „

3. Серебряные часы на восьми камняхъ . . . 12 р. с.
4. Двѣ пары опойковыхъ сапоговъ 10 „ „
5. Подзорная театральная трубка жженой кости . 8 „ „
6. Модный самоваръ тульской работы 7 „ „

Цѣна билету 50 к. с.

Всѣхъ билетовъ 140.

Далѣе слѣдовали нумера билетовъ и около нихъ въ графахъ фамиліи взявшихъ билеты. Фамиліи были написаны такими буквами, что и самъ ученый Шампольонъ младшій, разобравшій древнія египетскія надписи, не понялъ бы тутъ ровно ничего.

Егоръ Семенычъ захватилъ этотъ листъ съ собою и отправился въ молодцовскую. Молодцы въ это время сбирались идти въ лавку. У окна одинъ молодецъ начиналъ брить другаго молодца, онъ плевалъ на кусокъ мыла и натиралъ имъ подбородокъ товарища. Хозяинъ вошелъ. Молодцы встрепенулись: сидящіе повскакали съ мѣстъ, брадобрѣй спряталъ кусокъ мыла за себя, а молодецъ, котораго брили, рукавомъ рубахи началъ стирать съ бороды мыло.

— Что это, ужь вы въ лавку собираетесь? Некуда торопиться, нынче воскресенье... Дѣло-то не завалило!..

Молодцы удивились этимъ словамъ: они первый еще разъ слышали это. Обыкновенно хозяинъ всегда понукалъ ихъ идти въ лавку. Но у Егора Семеныча была своя цѣль: ему нужно было задобрить молодцовъ.

— Сегодня у меня розыгрышъ лоттереи, проговорилъ онъ: — а осталось еще 12 билетовъ. Не хочетъ ли кто изъ васъ взять? Вещи, сами знаете, все хорошія разыгрываются: органъ, часы, перстень....

Молодцы переминались съ ноги на ногу; одинъ началъ чесать спину, а другой кусать усы.

— Это точно-съ—Егоръ Семенычъ, проговорилъ одинъ молодецъ: только значитъ-съ.... Онъ замялся.

— Ну что? На какую нибудь пакость деньги бросить такъ ничего, не жалко, а здѣсь порядочную вещь выиграть можно, такъ жмешься!..

— Это точно-съ, Егоръ Семенычъ, только вѣдь теперича мы въ деньгахъ не много поослабши...

— Да вѣдь не съ кѣмъ инымъ дѣло имѣешь, не съ жидомъ, а съ хозяиномъ. Изъ-за рубля глотку не переѣмъ! Послѣ тамъ изъ жалованья вычту.

— Это такъ-съ....

— Такъ берете, что-ли? Вотъ на четверыхъ всѣ двѣнадцать билетовъ и берите; по полтора рубля съ носу. Можетъ кто и органъ выиграетъ — продать можно; за него, кому не нужно, двадцать рублей дастъ.

Молодцы переглянулись между собой.

— Чтожь, возьмемте, братцы? сказалъ одинъ.

— Ладно... отвѣтилъ другой.

Хозяинъ подалъ имъ бумагу. Молодцы росписались.

— Ахъ, чортъ его дери! Вотъ собачій сынъ, такъ собачій!

— Выжига окаянная!

— Чтобъ тебѣ подавиться нашими деньгами.

Такъ напутствовали хозяина молодцы, когда онъ скрылся за дверью.

Въ два часа у Егора Семенычa былъ розыгрышъ лоттереи. Собралось человѣкъ пятнадцать, взявшихъ билеты. Передъ розыгрышемъ выпили рюмки по двѣ водки и закусили. Водка развязала гостямъ языки. Начались разсказы о случаяхъ при лоттереяхъ.

— У насъ въ рынкѣ была исторія, говорилъ одинъ гость.— Шигарева молодецъ розыгрывалъ часы, собралъ деньги, да и уѣхалъ въ деревню. Послѣ пріѣхалъ, стали спрашивать: когда розыгрышъ? такъ отпирается: „какой розыгрышъ, я, говоритъ, ничего не знаю.“ Послѣ наши его бить хотѣли.

Другой разсказывалъ, какъ какой-то Афанасій Ивановъ, „котораго еще скипидаромъ дразнять,“ выигралъ попугая, но этого попугая пришлось бросить; попугай этотъ прежде былъ у какого-то молодца и научился ругаться самымъ площаднымъ образомъ.

— Ну, такъ что-жь, и пусть бы ругался, замѣтилъ кто-то:—покрайности веселая птица,—посмѣяться можно....

— Да вѣдь ему все равно, что женщина, что дѣвушка, онъ и при нихъ и при гостяхъ ругается. Да разъ что-же сдѣлалъ: къ Афанасію Иванычу по какому-то дѣлу пришелъ чиновникъ, подошелъ полюбоваться на этого попугая, а попугай и ну его ругать.

Гости захохотали.

— Да ты слушай! Чиновникъ-то въ обиду вошелъ. Афанасій Иванычъ насилу успокоилъ его.

Гости снова захохотали.

Начался розыгрышъ. Одному гостю достался перстень съ французскими брилліантами, а другому самоваръ, молодцы же, какъ на зло, не выиграли ни на одинъ билетъ. Выигравшихъ начали поздравлять, и черезъ полчаса четверть купленную по утру осушили до дна. Гости требовали еще водки.

— Вытекла.... проговорилъ хозяинъ и въ доказательство принесъ пустую бутыль.

— Ну, теперь вы, кто выигралъ, ставьте! кричали подпившіе гости.

У выигравшаго перстень оказалось денегъ всего пятіалтын-

ный. Гости не вѣрили и ругали его, въ доказательство онъ вытряхалъ всѣ карманы и даже хотѣлъ снимать сапоги, но ему дали взаймы, и за водкой было послано.

Часовъ до пяти длилось угощеніе. Перепились всѣ. Гость, выигравшій самоваръ, напился до того, что не могъ взять съ собою и выигрыша, и еле держась на ногахъ, ушелъ домой, а за другимъ гостемъ такъ жена, зная его безобразіе на всѣхъ пирушкахъ, прислала молодца, который и повезъ его домой пьянаго, какъ говорится, „до положенія ризъ.“

На Невскомъ упала лошадь. Ее схватилъ чемеръ. Кругомъ собралась толпа народа. Въ толпѣ былъ и Андрюшка Егора Семеныча. Онъ несъ самоваръ упившемуся вчера гостю. Извощикъ суетился около лошади: дергалъ за хвостъ, стегалъ кнутомъ, билъ ее въ брюхо сапогами, но лошадь не вставала.

— Какъ ты смѣешь бить лошадь, негодяй! кричалъ извощику какой-то господинъ въ очкахъ. — Самого тебя въ полиціи выдрать слѣдуетъ.

— Разуздай ее! совѣтовалъ кто-то.

— Какое разуздать, ее распречь нужно! горячился какой-то кучеръ:—вишь, у ней чемеръ! и бросился ее распрягать.

— Не трожь ее, остсрожнѣе! Вотъ тебя черти на томъ свѣтѣ каленымъ желѣзомъ припекать будутъ!

Всѣ давали совѣты: кто совѣтовалъ тереть брюхо лошади дугою, кто пустить кровь, разрѣзать ухо. Какой-то мастеровой побѣжалъ въ мелочную лавочку, вынесъ оттуда ножницы и началъ рѣзать у лошади ухо.

Показалась кровь.

— Кто тебя просилъ соваться! закричалъ кучеръ, терщій

изъ всѣхъ силъ брюхо лошади. Онъ подошелъ къ мастеровому и ударилъ его по шеѣ. Толпа захохотала.

Въ это время къ толпѣ подошелъ городовой.

— Что здѣсь смотрѣть, господа? Нечего смотрѣть! Расходитесь! командовалъ онъ.

Любопытные попятились. Андрюшку въ это время кто-то толкнулъ. Онъ упалъ, самоваръ попалъ прямо подъ него. Андрюшка всталъ, взглянулъ на самоваръ и заплакалъ: кранъ былъ совершенно вдавленъ внутро. Кругъ него начала было собираться толпа, но городовой разогналъ ее.

Андрюшка все еще плакалъ. Что было дѣлать ему, бѣдному, безпомощному, не имѣвшему ни знакомыхъ, ни родныхъ въ Петербургѣ. Отдать самоваръ въ починку, — денегъ нѣтъ, заплатить не чѣмъ, признаться хозяину и просить прощенія—не проститъ и отдеретъ розгами. Въ головѣ его мелькнула мысль отдать самоваръ въ починку, а деньги украсть изъ лавки, ежели же хозяинъ спроситъ, отнесъ ли онъ, то сказать, что отнесъ.

Глотая слезы, отправился онъ къ мѣднику.

Андрюшка пришелъ въ лавку и сталъ на порогѣ.

— Отнесъ? спросилъ его хозяинъ.

— Отнесъ... отвѣчалъ Андрюшка и отвернулся.

— Что рыло-то воротишь, гляди на хозяина, коли онъ тебя спрашиваетъ! Болванъ!

Прошелъ день. Мрачный и разсѣянный ходилъ Андрюшка. Не разъ уже досталось ему за разсѣянность. Онъ успѣлъ украсть всего только сорокъ копѣекъ, а за починку самовара нужно было отдать рубль. Онъ даже думалъ украсть что нибудь дома и продать на толкучкѣ, но не удавалось.

Прошелъ еще день. Вечеромъ, когда нужно было ложиться спать, Андрюшка упалъ на свой войлокъ и зарыдалъ, уткнувшись въ подушку.

— Что ты, Андрюшка, чего ты ревешь? спросилъ его другой мальчикъ, жившій съ нимъ вмѣстѣ.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

На другой день вечеромъ, хозяинъ только что пришелъ домой, тотчасъ же отправился въ кухню.

— Ты куда дѣлъ самоваръ, каналья? спросилъ онъ, увидя Андрюшку.

Мальчикъ бросился ему въ ноги и признался во всемъ.

— Ахъ, ты, собачій сынъ! заревѣлъ хозяинъ и поднялъ Андрюшку съ полу за волосы.

Ругательства и подзатыльники посыпались на бѣднаго мальчика.

— Теперь поздно и метелъ не найдешь, а завтра я тебя отдеру, проговорилъ хозиинъ и ушелъ.

Андрюшка даже и плакать пересталъ. Его горе и страхъ быть высѣченнымъ были больше слезъ.

Часовъ въ десять нужно было идти за дровами. Эту должность исполняли мальчики. Они отправились.

— Федя, сбѣгай за ключемъ, я ключъ отъ сарая забылъ, сказалъ Андрюшка своему товарищу, когда они шли по двору.

— Да вѣдь ты говорилъ, что взялъ ключъ.

— Нѣтъ, я забылъ.

Федя отправился за ключемъ. Андрюшка отворилъ сарай, сдѣдалъ изъ веревки, которая предназначалась для дровъ, петлю, прикрѣпилъ ее къ вбитому въ стѣнѣ гвоздю и повѣсился....

Когда Федя пришелъ въ сарай, Андрюшка былъ уже трупомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Въ Книжномъ Магазинѣ

К. Н. ПЛОТНИКОВА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ:

Политическія движенія русскаго народа. Гайдамачина. Историческая монографія Д. Мордовцева, изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.

Смѣшныя пѣсни А Волгина. Спб. 1869 г. Ц. 75 к.

Свой хлѣбъ, романъ въ двухъ частяхъ Ѳ. Рѣшетникова, изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1870 г. Ц. 2р.50к

Всѣ мы жаждемъ любви!! Фарсъ-оперета, передѣланная съ французскаго М. Ѳедоровымъ. Спб. 1869 г. Ц. 60 к.

Современные типы. Очерки, повѣсти и разсказы Н. В. Смирнова. 2 т. Спб. 1870. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Пушкарева стихотворенія Спб. Ц. 1 р.

Начало ученія. Азбука, содержащая въ себѣ необходимыя молитвы съ русскимъ переводомъ и книгу для чтенія съ картинами, въ красивой папкѣ. Спб. 1869 г. Ц. 75 коп.

За Байкаломъ и на Амурѣ, путевыя картины Д. И. Стахѣева. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 50 к.

Новая Америка, сочиненіе Вильяма Диксона, съ картою средней полосы Сѣверной Америки. Перев. съ Англійскаго В. Бутузова. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.

Руководство къ изученію часоваго мастерства, составлено часовымъ мастеромъ И. М. Гусевымъ. Н. Н. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жизнь и дѣятельность основателя церковныхъ братствъ на Руси въ новѣйшее время, священника А. В. Гумилевскаго. Съ приложеніемъ портрета покойнаго пастыря, рѣчей и слова, посвященныхъ памяти его. Спб. 1870 года. Ц. 50 к.

Собраніе анекдотовъ о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, съ біографическими свѣдѣніями о немъ и историческими примѣчаніями, составленными С. Н. Шубинскимъ. 2-е изд. Спб. 1869 г. Ц. 75 к.

Популярная гигіена. Книга о разумномъ образѣ жизни для сохраненія въ народѣ здоровья и рабочей силы. Сочиненіе Карла Реклама, профессора медицины въ Лейпцигѣ, переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. С. Кутейникова съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1871г. Ц. 2 р.

Давидъ Копперфильдъ (младшій) изъ дома Грачи, что въ Бландерстонѣ; его личная исторія, приключенія, опыты и наблюденія, которыхъ онъ ни подъ какимъ видомъ не намѣренъ былъ издать въ свѣтъ. Романъ Чарльза Диккенса, переводъ И. Введенскаго. Изданіе К. Н. Плотникова. 3 т. Спб. 1871 года. Ц. 4 р.

Ѳ. Рѣшетникова сочиненія, изд. К. Н. Плотникова. 2 большіе тома (55 печ. листовъ). Спб. 1869 года. Ц. 3 р. 50 коп.

Разсказы о великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ съ картинами, въ красивой папкѣ. Спб. 1871 года. Ц. 1 р. 25 к.

Историческіе очерки и разсказы С. Н. Шубинскаго 2-ое дополненное изданіе. Спб. 1871. Ц. 1 р.50 к.

Въ средѣ богомольцевъ Путевыя наблюденія и замѣтки свѣтскаго человѣка. Н. А. Благовѣщенскаго 1) Афонъ. 2) Путь отъ Константинополя до Яффы. 3) Іерусалимъ. 4) Ѳестфалія. Спб. 1871. Ц. 2 р.

Матери соперницы. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ съ эпилогомъ изъ временъ Великаго Князя Іоанна Васильевича III-го, сочин. И. Лажечникова. Спб. Ц. 50 к.

Японія, сочиненіе В. Диксона, переводъ съ англійскаго Н. С. Кутейникова, изд. К. Н. Плотникова. Спб. 1871 года. Ц. 2 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена въ переводѣ Петра Вейнберга и Марка Вовчка, изданіе К. Н. Плотникова. Спб. 1871 года, съ множествомъ картинъ. 2 т. Ц. въ красивой папкѣ 3 р.

2007084329